

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА. VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Том 23 № 2. 2026. Валовый номер: 104.

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам

Целью научного журнала является освещение результатов научных исследований преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и соискателей ученых степеней доктора и кандидата наук, российских и зарубежных ученых в области биологических, физических и филологических наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677013, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 27

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Северо-Восточный федеральный университет

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс Округ» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Северо-Восточный федеральный университет, оформление макета, 2026

© Печатается в авторской редакции

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Заместитель главного редактора: *Т. Н. Пермякова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Ответственный секретарь: *М. В. Куличкина*, СВФУ, Якутск, Россия.

Члены редакционной коллегии:

Филологические науки:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан;
А. Н. Варламов, д. филол. н., ИГИИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Л. С. Дампилова*, д. филол. н., ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия; *Е. Н. Дмитриева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия;
Н. И. Иванова, д. филол. н., ИГИИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Е. А. Иванышина*, д. филол. н., Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия; *В. В. Красных*, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. В. Малышева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Ю. Михальченко*, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., ИЯЛИ Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия;
Мнош Кизитус Н., PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. А. Петров*, д. филол. н., РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., НИИ Кулаковского, СВФУ, Якутск, Россия; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Е. Э. Хабунцова*, д. филол. н., ИКФВ, КалмГУ, Элиста, Россия; *Л. М. Хусаинова*, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия.

Физические науки:

С. В. Алексеев, д. ф.-м. н., Институт теплофизики СО РАН, Новосибирск, Россия; *С. В. Дмитриев*, д. ф.-м. н., Уфимский ФИЦ РАН, Уфа, Россия; *Д. Г. Квашин*, д. ф.-м. н., Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия; *Кол Гай Р.*, PhD, Университет Бэртау, Республика Камерун; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Л. Т. Ксенофонов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *А. А. Лагутин*, д. ф.-м. н., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *С. Н. Мамаева*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. В. Мишин*, д. ф.-м. н., ИСЗФ СО РАН, Иркутск, Россия; *Н. Г. Мусакаев*, д. ф.-м. н., Тюменский филиал ИТПМ СО РАН, Тюмень, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Д. В. Николаев*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Д. А. Рогаткин*, д. т. н., ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, Москва, Россия; *И. И. Рожин*, д. т. н., ИПНГ СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. А. Саввинова*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *А. С. Самардак*, д. ф.-м. н., Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия; *А. С. Семенов*, д. ф.-м. н., СВФУ, Мирный, Россия; *А. Е. Степанов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Д. А. Таюрский*, д. ф.-м. н., Казанский федеральный университет, Казань, Россия; *Ай. М. Тимофеев*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Ан. М. Тимофеев*, д. т. н., ИФТПС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

Биологические науки:

А. И. Ануфриев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. В. Артемьев*, д. б. н., Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия; *Л. Г. Вартапетов*, д. б. н., ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск, Россия; *В. В. Величенко*, д. б. н., НИИПЭС, СВФУ, Якутск, Россия; *Бу Сок Хванг*, PhD, Фонд биотехнологических исследований Soaam, Южная Корея; *Н. И. Гермогенов*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Н. С. Данилова*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Т. В. Денисова*, д. б. н., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; *Э. Н. Елаев*, д. б. н., ГБМТ, Москва, Россия; *А. Н. Журавская*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Ал. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *М. М. Ишмуратова*, д. б. н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; *В. Е. Колодезников*, к. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Г. В. Максимов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Миссон Алан Д.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *И. И. Мордосов*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Е. Г. Николин*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Санг-Бу Ким*, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Тозе Флавиан А.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; *М. М. Черосов*, д. б. н., ЯНИИСХ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия.

VESTNIK
OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Vol. 23 No. 2. 2026. Gross number: 104.

Academic periodical

Published since 2004

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies

The aim of the scientific journal is to highlight the results of scientific research of university professors, employees, doctoral students, post-graduate students, undergraduates and applicants for doctoral and Ph.D. degrees, as well as Russian and foreign scientists in the fields of biological, physical, philological sciences.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC)

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 27 Oyunsky str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677013

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Subscription index in the “Ural-Press Okrug” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, layout design, 2026

© Published in the author’s original version

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Dr. Sci. (Biology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Deputy Chief Editor: *T. N. Permyakova*, Cand. Sci. (Philology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Executive Editor: *M. V. Kulichkina*, NEFU, Yakutsk, Russia.

Philological sciences:

A. E. Agmanova, Dr. S. in Philol., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *A. N. Varlamov*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. S. Dampilova*, Dr. S. in Philol., IMBTS SB RAS, Ulan-Ude, Russia; *E. N. Dmitrieva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *N. I. Ivanova*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *E. A. Ivanshina*, Dr. S. in Philol., Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia; *V. V. Krasnykh*, Dr. S. in Philol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. V. Malysheva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. Yu. Mikhhalchenko*, Dr. S. in Philol., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia; *L. Kh. Mukhametzyanova*, Dr. S. in Philol., ILLA of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; *K. N. Mpoche*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. A. Petrov*, Dr. S. in Philol., Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia; *L. D. Radnaeva*, Dr. S. in Philol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. S. in Philol., Institute of A. E. Kulakovskiy, NEFU, Yakutsk, Russia; *G. G. Philippov*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *E. E. Khabunova*, Dr. S. in Philol., Institute of Kalmyk Philology and Eastern Studies B.B. Gorodovikov KSU, Elista, Russia; *L. M. Khusainova*, Dr. S. in Philol., M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia.

Physical sciences:

S.V. Alekseenko, Dr. S. in Phys. & Math., IT SB RAS, Novosibirsk, Russia; *S.V. Dmitriev*, Dr. S. in Phys. & Math., UFRS RAS, Ufa, Russia; *D.G. Kvashnin*, Dr. S. in Phys. & Math., N.M. Emanuel IBCP RAS, Moscow, Russia; *G. R. Kol*, PhD, University of Bertoua, Bertoua, Cameroon; *G. F. Krymskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. T. Ksenofontov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. A. Lagutin*, Dr. S. in Phys. & Math., Altai State University, Barnaul, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *S. N. Mamaeva*, Cand. Sc. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. V. Mishin*, Dr. S. in Phys. & Math., ISTP SB RAS, Irkutsk, Russia; *N. G. Musakaev*, Dr. S. in Phys. & Math., TumD of ITAM SB RAS, Tumen, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *D. V. Nikolaev*, Cand. S. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *D. A. Rogatkin*, Dr. S. in Tech., M.F. Vladimirovskiy MRRCI, Moscow, Russia; *I. I. Rozhin*, Dr. S. in Tech., IOGP SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. A. Savvinova*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *A. S. Samardak*, Dr. S. in Phys. & Math., Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia; *A. S. Semenov*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Mirny, Russia; *A. E. Stepanov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *D. A. Taiurskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., Kazan Federal University, Kazan, Russia; *Ai. M. Timofeev*, Dr. S. in Phys. & Math., IPT NEFU, Yakutsk, Russia; *An. M. Timofeev*, Dr. S. in Tech., IPTPN SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

Biological sciences:

A. I. Anufriev, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. V. Artemyev*, Dr. S. in Biol., KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia; *L. G. Vartapetov*, Dr. S. in Biol., ISEA SB RAS, Novosibirsk, Russia; *V. V. Velichenko*, Dr. S. in Biol., IAEN, NEFU, Yakutsk, Russia; *Woo-Suk Hwang*, PhD, SOOAM Biotech Research Foundation, Seoul, Republic of Korea; *N. I. Germogenov*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *N. S. Danilova*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *T. V. Denisova*, Dr. S. in Biol., SFU, Rostov-on-Don, Russia; *E. N. Elaev*, Dr. S. in Biol., K.A. Timiryazev State Biological Museum, Moscow, Russia; *A. N. Zhuravskaya*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Al. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Ark. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *M. M. Ishmuratova*, Dr. S. in Biol., Bashkir State University, Ufa, Russia; *V. E. Kolodeznikov*, Cand. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *G. V. Maksimov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *A. D. Missoup*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *I. I. Mordosov*, Dr. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *E. G. Nikolin*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, Busan, Republic of Korea; *A. N. Tikhonov*, Cand. S. in Biol., Zoological Institute of the RAS, Saint-Petersburg, Russia; *F. A. Toze*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *M. M. Cherosov*, Dr. S. in Biol., YSRIA YSC SB RAS, Yakutsk, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Николин Е. Г., Гладышева М. Ю. Кормовые растения северной пищухи (*Ochotona hyperborea* Pallas, Ochotonidae) на северном пределе распространения, в системе Хараулахского хребта (Арктическая Якутия)..... 7

Поклонов В. А., Остроумов С. А. Сравнение токсичности диметилформамида и диметилсульфоксида для пресноводных растений: новая информация о токсичности и толерантности..... 20

Порядина Л. Н. Находки новых, редких, охраняемых видов лишайников в Якутии..... 31

Сосина Н. К., Николин Е. Г., Софронов Р. Р. Новые местонахождения видов сосудистых растений в Якутии при мониторинге сети Интернет..... 39

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тимофеев А. М., Егорова Г. Н. Влияние пространственно-зависимого альbedo однократного рассеяния на перенос излучения..... 50

Фираго В. А., Лебедевский А. В., Слодинская В. М., Славинский С. Г., Кубарко А. И., Левкович Н. В., Карпов В. Н., Рогаткин Д. А. Проявления взаимодействия артериальной и венозной гемодинамики при измерении артериального давления осциллометрическим методом..... 59

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреева В. В. Концепт ПУТЬ в лиро-эпических произведениях Саргыланы Гольдеровой–Саргы Куо..... 78

Габдреева Н. В., Давлатова М. М., Хао Лисяо. Лакунарная лексика и ее влияние на понимание иноязычного текста..... 93

Губанов С. А. Температурные прилагательные горячего спектра в поэзии М. Цветаевой..... 107

Колмакова О. А. Мотив потусторонней реальности в современной русской прозе..... 116

Libba E. A. Practices for interpreting the models of discourse interactions (transdiscursivity) as revealed through discursive strategies..... 128

Назынчан Т. Х. Этнопоэтика образа Горы в поэзии основоположников тувинской литературы..... 136

Нестерова Е. В. Функционирование антонимов в эпосе эвенов..... 148

Нуриева Т. Р., Тарасова Ф. Х. Лексико-грамматические свойства глагольных фразеологических сочетаний английского и русского языков..... 156

Окорокова В. Б., Попова М. П. Роль русской литературы в становлении якутского писателя Н. Д. Неустроева..... 163

Оломская Н. Н., Агаджанян С. Ф. Библейские аллюзии и реминисценции как инструмент смыслового расширения сюжета художественного произведения..... 174

Сундуева Е. В., Содномпилова М. М. Сфера телесных отправлений в монгольских языках..... 187

Сюй Манлинь, Ван Чжэнжунь. Диалектика «правды» и «вымысла» в китайской и русской биографии: сопоставительный анализ концепций Ян Чжэнжуна и А. А. Холикова..... 199

Чжан Синьвэй. Рецепция русской лагерной прозы в современном китайском литературоведении..... 209

Яковлева Л. А. Поэтика катастрофы в ранней лирике Анны Ахматовой..... 225

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

Михайлова Е. И. Р. Е. Тимофеева – педагог, ученый и коллега..... 234

Степанова Т. И. Раиса Егоровна Тимофеева – личность, гражданин, патриот..... 240

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

<i>Nikolin E. G., Gladysheva M. Yu.</i> Forage plants of the Northern pika (<i>Ochotona hyperborea</i> Pallas, Ochotonidae) at the northern limit of distribution in the system of the Kharaulakh Ridge (Arctic Yakutia).....	7
<i>Poklonov V. A., Ostroumov S. A.</i> Comparison of the toxicity of dimethylformamide and dimethyl sulfoxide to freshwater plants: new information on toxicity and tolerance.....	20
<i>Poryadina L. N.</i> Finds of new, rare, protected lichen species in Yakutia.....	31
<i>Sosina N. K., Nikolin E. G., Sofronov R. R.</i> New locations of vascular plant species in Yakutia discovered through Internet monitoring.....	39

PHYSICAL SCIENCES

<i>Timofeev A. M., Egorova G. N.</i> Effect of space-dependent single scattering albedo on radiative transfer.....	50
<i>Firago V. A., Lebedevskiy A. V., Slodzinskaya V. M., Slavinskiy S. G., Kubarko A. I., Levkovich N. V., Karpov V. N., Rogatkin D. A.</i> Manifestations of the interaction of arterial and venous hemodynamics when measuring blood pressure using the oscillometric technique.....	59

PHILOLOGICAL STUDIES

<i>Andreeva V. V.</i> The concept “PATH” in the lyrico-epic writings of Sargylana Goldereva-Sargy Kuo.....	78
<i>Gabdreeva N. V., Davlatova M. M., Hao Lisiao.</i> Lacunary vocabulary and its impact on understanding a foreign language text.....	93
<i>Gubanov S. A.</i> Temperature adjectives of the hot spectrum in Marina Tsvetayeva’s poetry.....	107
<i>Kolmakova O. A.</i> The otherworldly reality motif in contemporary Russian prose.....	116
<i>Либба Е. А.</i> Методы интерпретации дискурсивных взаимодействий (явлений трансдискурсивности), выявляемых посредством дискурсивных стратегий.....	128
<i>Nazynchap T. Kh.</i> Ethnopoetics of the Mountain’s image in the poetry of the founders of Tuvan literature..	136
<i>Nesterova E. V.</i> The functioning of antonyms in the Even epic.....	148
<i>Nurieva T. R., Tarasova F. Kh.</i> Lexical and grammatical properties of verbal phraseological combinations in English and Russian.....	156
<i>Okorokova V. B., Popova M. P.</i> The role of Russian literature in the formation of Yakut writer N.D. Neustroev.....	163
<i>Olomskaya N. N., Agazhanyan S. F.</i> Biblical allusions and reminiscences as a tool for semantic expansion of the plot of a literary work.....	174
<i>Sundueva E. V., Sodnompilova M. M.</i> The sphere of bodily functions in the Mongolic languages.....	187
<i>Xu Manlin, Wang Zhengkun.</i> The dialectic of “Truth” and “Fiction” in Chinese and Russian biographical studies: a comparative analysis of the concepts of Yang Zhengrun and A. A. Kholikov.....	199
<i>Zhang Xinwei.</i> The reception of Russian camp prose in contemporary Chinese literary studies.....	209
<i>Yakovleva L. A.</i> The poetics of catastrophe in Anna Akhmatova’s early poetry.....	225

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

<i>Mikhailova E. I.</i> Raisa Yegorovna Timofeeva: educator, scholar, and colleague.....	234
<i>Stepanova T. I.</i> Raisa Yegorovna Timofeeva: person, citizen, patriot.....	240

УДК 581.6;599;633.26/.29

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-7-19>

Оригинальная научная статья

Кормовые растения северной пищухи (*Ochotona hyperborea* Pallas, Ochotonidae) на северном пределе распространения, в системе Хараулахского хребта (Арктическая Якутия)

Е. Г. Николин¹ , М. Ю. Гладышева²

¹Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

²Государственный природный заповедник «Усть-Ленский»,

пос. Тикси, Российская Федерация

 enikolin@yandex.ru

Аннотация

Северная пищуха (*Ochotona hyperborea*) – мелкое растительноядное животное из семейства пищуховые (Ochotonidae), широко распространенное в горах Северо-Восточной Азии и, в частности, в системе Верхоянского хребта. Это важный компонент горных экосистем. Широтный диапазон обитания данного зверька преимущественно связан с распространением лесной растительности. Актуальность исследования обусловлена тем, что встречаемость северной пищухи в тундровой зоне существенно ограничена и кормовая избирательность этого животного исследована мало. До недавнего времени сведения об обитании северной пищухи на территории Усть-Ленского заповедника имели самый обобщенный характер, а информация о потребляемых им растениях отсутствовала. Целью исследования было наблюдение за кормовой избирательностью северной пищухи, определение структуры ее зимних запасов в местах ее обитания в Усть-Ленском заповеднике. В процессе работы на южной границе заповедника, в пределах горного участка «Сокол», нам довелось встретить популяцию северной пищухи, зафиксировать три участка ее обитания, несколько разнесенных в пространстве стадий, и пронаблюдать кормовую избирательность растений в ее заготовках. За период полевых работ в 2023 и 2024 гг. всего нами были обследованы и проанализированы структуры 70 стожков. В заготовках пищухи выявлен относительно небольшой ассортимент – 35 видов сосудистых растений и 1 вид мха. Значительную долю в заготовках растений занимают бобовые: *Astragalus umbellatus*, *Hedysarum arcticum* и *Oxytropis adamsiana*; из разнотравья – *Pedicularis alopecuroides*, *P. amoena*, *P. oederi*; и, как особенность кормовой избирательности, – семена дриады (*Dryas incisa* и *D. punctata*). В данной местности кормовой рацион северной пищухи пополнен такими видами сосудистых растений, как *Koeleria asiatica*, *Carex rupestris*, *Acomastylis glacialis*, *Luzula tundricola*, *Pedicularis alopecuroides*, *P. sudetica*, *P. tristis*, *Potentilla uniflora*, *Silene chamarensis* subsp. *paucifolia*, *Dryas incisa*, *Salix recurvigemma* и мха – *Rhytidium rugosum*. Кроме того, были отмечены некоторые поведенческие осо-

бенности пищух, которые заключались в повышенной скрытности зверьков, отсутствии характерного звукового обмена информацией (посвистов), частом использовании нор в задернованной тундре.

Ключевые слова: Кормовые растения диких животных, северная пищуха, *Ochotona hyperborea*, кормовой рацион северной пищухи, экотоп, северный предел распространения, Усть-Ленский заповедник, Хараулахский хребет, Якутия, тундра

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки России по проектам «Закономерности природной и антропогенной трансформации растительных сообществ наземных и водных экосистем восточного сектора криолитозоны (на примере Якутии)» (FWRS-2026-0017), «Изучение и развитие биологических (биоресурсных) коллекций как основа сохранения биоразнообразия Северо-Востока Азии» (125102712105-7), с применением 3D сканера ObjectScan 1600 S MICROTEK ЦКП ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»

Благодарности. Благодарим коллектив Усть-Ленского заповедника за содействие в проведении работ, лично директора заповедника А.Н. Дьячковского, его заместителей И.А. Адриан и В.В. Дормидонтова

Для цитирования: Николин Е. Г., Гладышева М. Ю. Кормовые растения северной пищухи (*Ochotona hyperborea* Pallas, Ochotonidae) на северном пределе распространения, в системе Хараулахского хребта (Арктическая Якутия). *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):7–19. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-7-19>

Original article

Forage plants of the Northern pika (*Ochotona hyperborea* Pallas, Ochotonidae) at the northern limit of distribution in the system of the Kharaulakh Ridge (Arctic Yakutia)

Evgeniy G. Nikolin¹ , Mira Yu. Gladysheva²

¹Institute for Biological Problems of Cryolithozone Siberian Branch of RAS,
Yakutsk, Russian Federation

²State Nature Reserve Ust-Lensky, vil. Tiksi, Russian Federation
 enikolin@yandex.ru

Abstract

The *Ochotona hyperborea* Pallas is a small herbivorous animal from the family of Ochotonidae, widespread in the mountains of Northeast Asia and, in particular, in the Verkhoyansk Ridge system. It is an important component of mountain ecosystems. The latitude range of this animal's habitat is mainly associated with the spread of forest vegetation. The relevance of the study is due to the fact that the occurrence of the northern pika in the tundra zone is significantly limited, and the food selectivity of this animal has been little studied here. Until recently, information about the habitat of the northern pika on the territory of the Ust-Lena Nature Reserve was very generalized, and there was no information about the plants consumed by it. The purpose of the study was to monitor the feeding selectivity of the northern pika, to determine the structure of its winter stocks in its habitats in the Ust-Lena Nature Reserve. During the work on the southern border of the reserve, within the limits of the “Sokol” mountain area, we happened to meet a population of the *Ochotona hyperborea* there, record three areas of its habitat, somewhat spaced out in the space of stations, and observe the forage selectivity of plants in its blanks. During the period of field work in 2023 and 2024, we studied the structure of 70 stacks in total. A relatively small assortment has been identified in the blanks – 35 species of vascular plants and 1 species of moss. Legumes account for a significant share of plant

harvesting – *Astragalus umbellatus*, *Hedysarum arcticum* and *Oxytropis adamsiana*; species of *Pedicularis* – *P. alopecuroides*, *P. amoena*, *P. oederi*; and, as a feature of forage selectivity, seeds of *Dryas incisa* and *D. punctata*. In this area, the feed ration of *Ochotona hyperborea* is replenished with vascular plant species such as *Koeleria asiatica*, *Carex rupestris*, *Acomastylis glacialis*, *Luzula tundricola*, *Pedicularis alopecuroides*, *P. sudetica*, *P. tristis*, *Potentilla uniflora*, *Silene chamarensis* subsp. *paucifolia*, *Dryas incisa*, *Salix recurvigemma* and moss – *Rhytidium rugosum*. In addition, some behavioral features of the pikas were noted, which consisted in the increased secrecy of the animals, the absence of the characteristic sound exchange of information (whistles), and the frequent use of burrows in the blackened tundra.

Keywords: Forage plants of wild animals, northern pika, food ration of the northern pika, ecotope, *Ochotona hyperborea*, northern limit of distribution, Nature Reserve Ust-Lensky, Kharaulakh ridge, Yakutia, tundra

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the projects "Patterns of natural and anthropogenic transformation of plant communities of terrestrial and aquatic ecosystems of the eastern sector of the cryolithozone (on the example of Yakutia)" (FWRS-2026-0017), "Study and development of biological (bioresource) collections as a basis for preserving the biodiversity of Northeast Asia" (125102712105-7) and using ObjectScan 1600 S MICROTEK 3D scanner CCP FRC "YSC SB RAS"

Acknowledgments: Authors of this publication appreciates the cooperation provided from the staff of Ust-Lensky Nature Reserve, personally the director of the reserve A. N. Dyachkovsky, and his deputies I. A. Adrian and V. V. Dormidontov

For citation: Nikolin E. G., Gladysheva M. Yu. Forage plants of the Northern pika (*Ochotona hyperborea* Pallas, Ochotonidae) at the northern limit of distribution in the system of the Kharaulakh Ridge (Arctic Yakutia). *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):7–19. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-7-19>

Введение

Северная пищуха (*Ochotona hyperborea* Pallas) – мелкое млекопитающее из отряда зайцеобразных (Lagomorpha), семейства пищуховых (Ochotonidae), обитающее в Восточно-Азиатском секторе России [1]. В пределах Северо-Восточной Якутии северная пищуха массово расселена в горных системах [2] и является обычным животным Верхоянского хребта, где преимущественно использует каменистые местообитания – курумы. Пищуха «при относительно мелких размерах играет заметную ценотическую роль, так как перерабатывает значительную массу растительности и служит объектом питания промысловых зверей ...» [1, с. 264]. Пучки заготовленных пищухой растений иногда используются в питании снежного барана [3]. В тридцатые годы прошлого столетия пищуха имела промысловое значение. Заготовка ее шкурок достигала 5–6 тыс. штук в год [4].

Глубокий обзор экологии северной пищухи, ее таксономического положения, биотопического распределения, размножения, популяционной структуры и питания приводится Ю. В. Ревиным и Г. Г. Боесковым по результатам исследований в Южной Якутии [4]. Упущенная нами ранее из обзора питания пищухи эта работа, не вошедшая в публикацию в журнале *Vavilovia* [5], приводит сведения о 9 видах сосудистых растений, из которых *Sorbaria sorbifolia* (L.) A. Br. и *Sorbus sibirica* Hedl. были пропущены в наших списках. Важно отметить, что, по данным анализа содержимого желудков этих зверьков, авторами выявлялось потребление мхов (до 6,6 % содержимого желудка – в июне), лишайников (до 11–12 % – весной) и грибов (до 3 % – в июле и 7 % – в сентябре).

По распространению пищухи на горном участке «Сокол» Усть-Ленского заповедника имеются лишь самые общие сведения. Ю. В. Ревин и В. И. Перфильев, как и В. Г. Кривошеев, со ссылкой на публикацию А. А. Романова [6] о распространении здесь этого вида неопределенно указывают: «...выше о. Тит-Ары на Лене ...» [2, с. 118; 7, с. 113].

Ранее применительно к данной местности мы отмечали заготовленные пищухой растения в скальной расщелине ниже впадения правого притока р. Лена – Соболь-Юряге, в пункте с координатами 72°09'12,8" с. ш. 126°58'35,6" в. д. [8]. Это ок. 13 км ниже о. Тит-Ары. Пока это самый северный известный пункт распространения данного вида.

Летом 2023 г. при проведении работ на участке «Сокол» Усть-Ленского заповедника близ его южной границы, в правобережной приустьевой части р. Бэдэр была отмечена небольшая популяция северной пищухи. Данная местность находится около 1 км южнее и 4–5 км восточнее о. Тит-Ары. Следы жизнедеятельности пищухи находились в пределах невысокого (до 100–120 м н. ур. м.) горного массива, преимущественно на склонах южной экспозиции. Здесь в одном пункте животное было фиксировано фотоловушкой. На других были обнаружены стожки растений, заготовленные пищухой. В 2024 г. наши наблюдения были дополнены и расширены. Было выявлено еще 2 участка выше по течению р. Бэдэр, несколько разнесенных в пространстве.

Кормовой рацион северной пищухи в пределах ее ареала детально рассматривался нами в предшествующей публикации [8]. В данном случае приводятся сведения об избирательности кормовых растений пищухой на северном пределе ее обитания в низовье р. Лена.

Отметим также некоторые поведенческие особенности пищухи на данной территории. Они отличаются повышенной скрытностью зверьков и их «молчаливостью». Если южнее они, хотя и остерегаются человека, но на удалении занимаются своей деятельностью довольно свободно, и при этом бывают хорошо заметны, а при опасном приближении, прежде чем скрыться, характерно посвистывают. То здесь визуально мы их ни разу не отмечали (фиксировали только фото-ловушками), хотя шел сезон заготовки кормов, и зверьки должны были бы проявлять активность и быть при этом видимыми. Так же никогда не был слышен их посвист. Возможно, это связано с энергетическим дефицитом животных, оказавшихся в экстремальных климатических условиях или с опасностью со стороны обычных здесь хищных птиц – зимняка или белой совы. Еще одной особенностью являются ограниченное использование открытых курумников, к слову, мало развитых в данной местности, и значительное предпочтение заросших тундрой каменных россыпей с норками, аналогичными лемминговым. Такое биотопическое распределение, как редкое явление, наблюдалось и в Южной Якутии [4]. В последнем случае стожки укладываются у входа в норку, в умеренно влажную (мезофитную) тундру, отчего значительная часть заготовленных растений плохо сохнет, быстрее утрачивает естественную окраску и приближается к облику ветоши. Их кормовые качества снижаются. Тем не менее здесь встречались и неиспользованные пищухой заготовки прошлых лет.

Материалы и методы

Полевые работы проводились в приустьевой части р. Бэдэр, на удалении от р. Лена ок. 4–6 км. В 2023 г. базовый лагерь был организован на левом берегу р. Бэдэр, в пункте с координатами 71°55'23.3" с. ш. 127°26'58.6" в. д., близ впадения в Бэдэр левого притока р. Бёрёлёх. В 2024 г. базовый лагерь находился ок. 2 км севернее, на левом берегу р. Бэдэр, в пункте с координатами 71°56'27.4" с. ш. 127°28'01.7" в. д., близ впадения в Бэдэр левого притока р. Хос-Бэдэр. Заезд

на эти участки осуществлялся внедорожным транспортом (вездеходами «Кречет», «Трэкол», «Сивер»). Форсирование реки этой техникой у базовых лагерей возможно связано с повышенным риском. Кроме того, правобережье реки входит в заповедную зону ООПТ. Для меньшего ущерба природе было принято решение базироваться в левобережье реки, в пределах охранной зоны заповедника. При высоких уровнях воды для переправы через р. Бэдэр в этих местах могут потребоваться плавсредства, а при более обычном низком уровне переправа может осуществляться вброд на перекатах, с использованием болотных сапог.

Колония пищух была выявлена в процессе работ по изучению биоразнообразия данного участка Усть-Ленского заповедника. Первые стожки были отмечены 23 июля 2023 г. в правобережье р. Бэдэр на удалении от базового лагеря 0.4–1.0 км в северо-западном направлении (участок 1). В дальнейшем до 29 июля велись наблюдения за этими животными. Были установлены фото-ловушки и расширен охват территории. По мере удаления от базового лагеря были пронумерованы 3 станции со следами жизнедеятельности пищух. Стация 1 – южный склон распадка горы, на высоте ок. 60–80 м н. ур. м.; обширный курумник, вытянутый с запада на восток вдоль верхней части склона с понижением. Камни покрыты эпилитными лишайниками с небольшими фрагментами тундры среди каменной россыпи и языками тундр, заходящими в курумник по периферии. Координаты его средней части: 71°55'36.6" с. ш., 127°26'38.9" в. д. (рис. 1). Здесь стожки найдены в нескольких местах (всего 15 стожков, соответственно их номера 1–15.2023). Стация 2 незначительно обособлена от первой. Она находится на том же склоне, немного западнее и выше (на выс. ок. 123 м н. ур. м.). Это ограниченный по площади курумник (не более 40–50 м²), частично заросший тундрой (рис. 2). В его нижней части, в пункте с координатами 71°55'38.1" с. ш., 127°26'05.8" в. д., под камнями было найдено 6 стожков (стожки 16–21.2023). Стация 3 расположена в полукилометре от первых двух, на склоне южной экспозиции по левому борту долины безымянного ручья (координаты: 71°55'51.7" с. ш., 127°26'41.5" в. д.; рис. 3). Здесь среди каменистой тундры были обнаружены норки, подобные лемминговым, в которых находились отложенные пищухой растения (стожок 22.2023).

Рис. 1. Фрагмент курумника с заготовками северной пищухи (участок 1, станция 1)

Fig. 1. The fragments of block train with Northern pika's preparations (site 1, station 1)

Рис. 2. Экоотоп пищухи на заросшем курумнике (участок 1, станция 2)
Fig. 2. Pika's habitat on the plant-filled block train (site 1, station 2)

Рис. 3. Норки пищухи в тундре (участок 1, станция 3)
Fig. 3. Pika's habitat hole in tundra (site 1, station 3)

В 2024 году повторно посещался участок 1, где были замечены свежие запасы пищухи (2 стожка и один, вероятно, прошлогодний). Наши работы в 2024 году начинались с 21 июля. Запасание травы пищухой стало замечаться на маршрутах только с 25 июля и после этого количество встреченных стожков стало увеличиваться. Исходя из этого, можно считать, что запасание кормов пищухой здесь начинается приблизительно с 23–25 июля. В 2024 году места обитания пищухи были выявлены еще в пределах двух горных массивов, по правобережью р. Бэдэр. Одно из них напротив базового лагеря (участок 2), в высотном интервале 55–105 м н. ур. м. На склонах, преимущественно тяготеющих к югу, было отмечено 4 станции, несколько разделенные в пространстве и, предположительно, принадлежащие разным семьям. Эти станции находились в интервале координат 71°56'23.0"–71°56'11.2" с. ш., 127°26'43.0"–127°26'07.4" в. д. По мере нашего

продвижения в гору, при выполнении маршрута № 4 27 июля, первое обнаружение стожков пищухи произошло у подножья восточного горного выступа «Трех братьев» (название условное). На склоне восточной экспозиции, среди небольшой по площади каменной россыпи, на высоте около 55 м н. ур. м. (станция 1). В пределах этой станции было выявлено 7 стожков. Несколько выше этого курумника, близ восточной вершины горного выступа «Трех братьев», на склоне северо-восточной экспозиции, в норке, среди разнотравно-кустарничковой каменистой тундры, на высоте около 85 м н. ур. м., был найден одиночный стожок (станция 2). Станция 3 находилась у подножья западного горного выступа «Трех братьев», на склоне юго-восточной экспозиции среди зарастающей каменной россыпи, с фрагментами скальных обнажений на высоте 91 (+ - - 10) м н. ур. м. Здесь обнаружилось 12 стожков. Станция 4 выявлена на седловине между западным горным выступом «Трех братьев» и главной вершиной массива. Это небольшая каменная высыпка среди разнотравно-дриадово-лишайниковой тундры, расположенная на высоте 105 м н. ур. м. Здесь было отмечено 8 стожков.

Всего на участке 2 было обнаружено 28 стожков. Выше по склонам тоже встречались поеди растений, но явных стожков замечено не было, поэтому, возможно, эти поеди были сделаны черношапочными сурками, которые обитают в этом же пространстве.

Другой участок (3) был выявлен выше по течению р. Бэдэр, в распадке безымянного ручья (условное название: Второго ручья или ручья Пищухи). В пределах распадка (в интервале координат 71°56'59.8"–71°57'16.8" с. ш., 127°26'07.0"–127°26'34.8" в. д.), по его левому и правому бортов, и в прирусловой части ручья, среди каменистой тундры было отмечено 17 стожков.

Всего нами было обследовано 22 стожка в 2023 г. и 48 стожков в 2024 г. (в общей сложности 70 стожков). Стожки извлекались, рассматривались, фотографировались, определялся их структурный состав, после этого возвращались на место складирования пищухой.

Результаты и обсуждение

Всего в заготовках пищухи выявлен относительно небольшой ассортимент сосудистых растений – 35 видов и 1 вид мха (табл.). Кроме того, близ мест расположения стожков были замечены поеди растений, не найденных в заготовках. Это *Cystopteris dickieana* R. Sim. (участок 1, станция 1) – верхушки вай, *Eutrema edwardsii* R. Br. – там же одиночное растение – средняя часть стебля и его верхушка; *Poa arctica* R. Br. (участок 2, станция 3) – побеги, *Luzula nivalis* (Laest.) Spreng., там же генеративные побеги. Также были замечены погрызы облиственных ветвей *Salix recurvigemma*. Кроме того, были замечены небольшие погрызы шляпок грибов подберезовиков, которые предположительно сделаны пищухой. Другие мхи и лишайники иногда присутствовали в стожках как примесь, но явно заготовленные пищухой, как кормовой компонент, не отмечались.

Судя по частоте встречаемости в стожках, северная пищуха в данной местности отдает предпочтение бобовым растениям и семенам дриад. Здесь 2 вида дриад – *Dryas incisa* и *D. punctata* в близком соотношении чередуются в пространстве. В горной части преобладает последняя, поэтому и встречаемость ее в стожках выше. Для пищух это значения не имеет, поэтому суммарную встречаемость семян дриад в стожках можно оценить в 39,2 %. Возможно, растительные жиры, входящие в состав семян побуждают пищух к их заготовке. Однако сама фитомасса этого вида корма не так велика и уступает по объему другим категориям зеленых кормов. Тем не менее довольно стабильная заготовка семян дриад пищух специфична для исследуемой местности. Довольно стабильно и в значительном

количестве в запасах встречаются *Astragalus umbellatus* (на всех участках, в 22 стожках – 30,8 % встреч), *Hedysarum arcticum* (все участки, 18 стожков – 25,2 %) и *Oxytropis adamsiana* (два участка, 13 стожков – 18,2 %). Все эти виды рассеянно произрастают вокруг мест обитания пищухи. *Astragalus alpinus*, обычный в заготовках пищух на других территориях близ выявленных нами мест обитания пищух, встречается не так часто. Он более характерен для долинной растительности ручьев, относительно удаленной от экотопов пищух. Поэтому и в заготовку животных попадал относительно редко (3 стожка – 4,2 %). *Oxytropis sordida* subsp. *arctolenensis* (встречен в 4 стожках – 5,6 %) встречается местами обильно, но участки ее произрастания обычно фрагментарны и близ мест обитания пищух встречается не часто. *Oxytropis nigrescens* (встречен в 4 стожках – 5,6 %), – вполне обычное у станций пищухи, низкорослое, распластанное растение, привлекающее пищух в основном довольно крупными бобами, из которых преимущественно поедаются семена. Злаки и осоковые, как и мхи, пищухой собираются не стабильно и в небольшом количестве.

Разнотравье играет существенную роль в питании животного. Всего в низовье р. Бэдэр в стожках пищухи отмечено 17 видов из этой категории. Из них обращает внимание значительная заготовка верхушек побегов с соцветиями *Saussurea tilesii*. Это довольно значительный по фитомассе кормовой компонент. В станции 1 участка 2 данное растение было отмечено в 7 стожках, в количестве более 11 облиственных генеративных побегов и еще несколько пучков соцветий. Всего же *S. tilesii* было отмечено в 11 стожках (15,4 % встреч). Довольно стабильно заготавливалось не такое уж обычное в другой местности растение – *Saxifraga spinulosa*. Генеративные побеги с плодами *S. spinulosa* были отмечены на двух участках в 8 стожках (11,2 % встреч). Шесть видов мытника, особенно *Pedicularis alopecuroides*, *P. amoena*, *P. oederi* и *P. verticillata*, по мере произрастания близ станций пищухи нередко (до 3–4 случаев каждый) попадают в заготовку зимнего корма. Суммарно мытники встречены в 16 стожках (27,6 %), и фитомасса их значительна. Два вида лапчаток – *Potentilla nivea* и *P. uniflora* попадают в запасы кормов в не большом количестве по мере произрастания близ мест обитания пищух. Их суммарная встречаемость в 7 стожках (9,8 %). Другие представители разнотравья отмечены в стожках 1–2 раза. С некоторым сомнением один образец генеративного побега с соцветиями нами был отнесен к *Petasites frigidus*. Это определение мы не можем считать достоверным.

Кустарнички, кроме дриад, о которых сказано выше, используются не стабильно. В их число, кроме видов *Dryas* и *Rhododendron adamsii* входит 5 видов *Salix*, из которых листья *Salix polaris* (3 стожка – 4,2 %) и сережки *Salix recurvigemma* (2 стожка – 2,8 %) используются чаще других.

Лишь однажды в стожках был замечен пучок побегов листостебельного мха *Rhytidium rugosum*, который явно был внесен в заготовку пищухой.

Не отмечены в заготовках такие обычные вокруг исследованных участков виды растений, как *Hierochloe alpina* (Sw.) Roem. et Schult., *Poa bryophila* Trin., *Tofieldia coccinea* Richards., *Salix reticulata* L., *Betula nana* L., *Bistorta plumosa* (Small) D. Love, *Rhodiola rosea* L., *Cassiope tetragona* (L.) D. Don., *Ledum palustre* L., *Vaccinium uliginosum* L., *Packera heterophylla* (Fisch.) E. Wiebe, *Artemisia furcata* Bieb., хотя некоторые из этих видов и родов фигурируют в списках кормов северной пищухи.

Таблица

Кормовые растения северной пищухи в приустьевой части
р. Бэдэр (участок «Сокол» Усть-Ленского заповедника)

Table

Forage plants of the Northern pika in the estuary part of the Beder
River (“Sokol” area of the Ust-Lensky Nature Reserve)

№ №	Кормовые категории и виды растений	Части растений	Встречаемость		
			Номера стожков	Общее количество стожков	%%
I.	Злаки – Gramineae				
1.	<i>Festuca rubra</i> L. subsp. <i>arctica</i> (Hackel) Govor. – Овсяница арктическая	прошлогодний генеративный побег, листья	У.1 (2023), ст. 10	1	1,4
2.	<i>Koeleria asiatica</i> Domin – Тонконог азиатский	генеративный побег с соцветием	У.1 (2023), ст. 12	1	1,4
II.	Осоки – Cyperaceae				
3.	<i>Carex bigelowii</i> Torr. ex Schwein. subsp. <i>ensifolia</i> (Turcz. ex Gorodk.) Holub – Осока мечелистная	облиственный вегетативный побег	У.2, ст. 9	1	1,4
4.	<i>C. rupestris</i> All. – О. скальная	облиственный вегетативный побег	У.1 (2023), ст. 13 У.3, ст. 1	2	2,8
III.	Бобовые – Leguminosae				
5.	<i>Astragalus alpinus</i> L. – Астрагал альпийский	облиственные побеги с соцветиями (цветками) и молодыми бобами	У.1 (2023), ст. 11, 15 У.2, ст. 3	3	4,2
6.	<i>A. umbellatus</i> Bunge – А. зонтичный	облиственные верхушки побегов с цветками и бобами, листья	У.1 (2023), ст. 2, 3, 6, 7, 8, 11, 12, 13, 15, 22 У.2, ст. 3, 5, 7, 8 У.3, ст. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13	22	30,8
7.	<i>Hedysarum arcticum</i> B. Fedtsch. – Копеечник арктический	облиственные верхушки побегов с цветками и бобами	У.1 (2023), ст. 1, 4, 7, 10, 14, 16-21 У.1 (2024), ст. 1-3 У.3, ст. 10, 12, 14, 15	18	25,2
8.	<i>Oxytropis adamsiana</i> (Trautv.) Jurtz. – Остролодка (остролодочник) Адамса	верхушка соцветия с цветками, бобы	У.1 (2023), ст. 2, 3, 5, 9, 10, 12, 13, 15, 16 У.3, ст. 1, 12, 16, 17	13	18,2
9.	<i>O. nigrescens</i> (Pall.) Fisch. – О. чернеющая	бобы	У.1 (2024), ст. 2 У.2, ст. 5 У.3, ст. 11, 13	4	5,6

10.	<i>O. sordida</i> (Willd.) Pers. subsp. <i>arctolenensis</i> Jurtz. – О. арктоленская	генеративные побеги с плодами или соцветия с цветками	У.1 (2023), ст. 13 У.2, ст. 1, 2, 6	4	5,6
IV.	Разнотравье – Motley grass				
11.	<i>Acomastylis glacialis</i> (Adams) Khokhr. – Акомас- тилис ледниковый	верхушки соцвет- тий с плодами	У.1 (2023), ст. 22 У.2, ст. 4 У.3, ст. 14	3	4,2
12.	<i>Bistorta vivipara</i> (L.) Delabre – Змеевик живородящий	ось прошлогоднего соцветия	У.1 (2023), ст. 12	1	1,4
13.	<i>Luzula tundricola</i> Gorodk. ex V. Vassil. – Ожика тундровая	генеративные побеги (иногда – прошлогодние)	У.1 (2023), ст. 10, 14	2	2,8
14.	<i>Pedicularis alopecuroides</i> Steven ex Spreng. – Мытник лисохвостый	верхушки генеративных побегов с плодами, прошлогодние ге- неративные побеги	У.1 (2023), ст. 15 У.2, ст. 5, У.3, ст. 1, 12	4	5,6
15.	<i>P. amoena</i> Adams ex Stev. – М. приятный	верхушки побегов с соцветием и мо- лодыми плодами	У.1 (2023), ст. 5, 13, 15, 16	4	5,6
16.	<i>P. oederi</i> Vahl – М. Эдера	листья, верхушки генеративных побегов с соцвети- ями или молодыми плодами	У.1 (2023), ст. 12, 13 У.3, ст. 14	3	4,2
17.	<i>P. sudetica</i> Willd. s.l. – М. судетский	верхушки генера- тивных побегов с соцветиями	У.3, ст. 14	1	1,4
18.	<i>P. tristis</i> L. – М. печальный	верхушка побега с молодыми плодами	У.1 (2023), ст. 22	1	1,4
19.	<i>P. verticillata</i> L. – М. мутовчатый	верхушки генеративных побегов с плодами и листьями	У.1 (2023), ст. 22 У.2, ст. 5 У.3, ст. 6	3	4,2
20.	<i>Petasites frigidus</i> (L.) Fries – Белокопытник холодный (?)	молодой генера- тивный побег с погрызенными бутонами	У.3, ст. 11	1	1,4
21.	<i>Potentilla nivea</i> L. – Лапчатка снежная	пучок генератив- ных побегов	У.1 (2024), ст. 2 У.2, ст. 18 У.3, ст. 12, 17	4	5,6
22.	<i>P. uniflora</i> Ledeb. – Л. одноцветковая	верхушка генеративного побега с чашечкой и плодами	У.2, ст. 28 У.3, ст. 1, 13	3	4,2
23.	<i>Saxifraga nelsoniana</i> D. Don – Камнеломка Нельсона	верхушка гене- ративного побега с коробочками	У.3, ст. 4, 6	2	2,8
24.	<i>S. spinulosa</i> Adams – К. колючая	верхушки генера- тивных побегов с соцветиями или плодами	У.2, ст. 2, 10, 11, 14, 19, 20 У.3, ст. 1, 17	8	11,2

25.	<i>Saussurea tilesii</i> (Ledeb.) Ledeb. – Соссюрея (горькуша) Тилезиуса	верхушки обли- ственных генера- тивных побегов с соцветиями, редко – листья	У.1 (2023), ст. 11 У.2, ст. 13, 17, 22-28 У.3, ст. 16	11	15,4
26.	<i>Silene chamarensis</i> Turcz. subsp. <i>paucifolia</i> (Ledeb.) Kuvaev – Смолевка малолистная	генеративные по- беги с раскрывши- мися коробочками	У.3, ст. 11, 17	2	2,8
27.	<i>Stellaria ciliatosepala</i> Trautv. – Звездчатка реснитчаточашечковая	облиственные ге- неративные побеги	У.2, ст. 13	1	1,4
V.	Кустарнички – Shrubs				
28.	<i>Dryas incisa</i> Juz. – Дри- ада вырезная	верхушки генера- тивных побегов с семенами; пучки семян с летучками	У.1 (2023), ст. 9, 10 У.2, ст. 2, 3, 5, 9, 12, 13, 16, 17, 19, 21 У.3, ст. 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13	22	30,8
29.	<i>D. punctata</i> Juz. – Д. точечная	верхушки генера- тивных побегов с семенами; пучки семян с летучками, реже – листья	У.1 (2023), ст. 6, 15, 22 У.2, ст. 11, 25 У.3, ст. 2	6	8,4
30.	<i>Rhododendron adamsii</i> Rehder – Рододендрон Адамса	облиственная верхушка побега	У.1 (2023), ст. 3	1	1,4
31.	<i>Salix glauca</i> L. – Ива сизая	ветвь с листом	У.1 (2023), ст. 22	1	1,4
32.	<i>S. polaris</i> Wahlenb. – И. полярная	листья	У.2, ст. 12, 13, 15	3	4,2
33.	<i>S. recurvigemmis</i> A.K. Skvortsov – И. крючковатопочечная	сережка, листья	У.1 (2023), ст. 12, У.3, ст. 12	2	2,8
34.	<i>S. saxatilis</i> Turcz. ex Ledeb. – И. скальная	сережки с плодами	У.1 (2023), ст. 13,	1	1,4
35.	<i>S. sphenophylla</i> A.K. Skvortsov (?) – И. клиновидная	сережки с раскрывшимися коробочками	У.3, ст. 14	1	1,4
	Мхи – Bryophyta				
36.	<i>Rhytidium rugosum</i> (Hedw.) Kindb. – Ритидий морщинистый	пучок побегов	У.2, ст. 17	1	1,4

Примечание. Принятые сокращения: У. – участок, ст. – стожок, (?) – вид определен под вопросом

По сравнению с ранее опубликованным нами сводным списком кормовых растений пищеухи [8], в дополнение к нему на обследованных участках в низовье р. Бэдэр отмечены: *Koeleria asiatica*, *Carex rupestris*, *Acomastylis glacialis* (акомастилис ледниковый), *Luzula tundricola* (ожика тундровая), *Pedicularis alopecuroides* (мытник лисохвостый), *P. sudetica* s.l. (м. судетский), *P. tristis* (м. печальный), *Potentilla uniflora* (лапчатка одноцветковая), *Silene chamarensis* subsp. *paucifolia* (смолевка малолистная), *Dryas incisa* (дриада выемчатая), *Salix*

recurvigemmis (ива крючковатопочечная) и мох – *Rhytidium rugosum* (ритидий морщинистый). Заготовка этих видов растений придает специфичность условиям выживания пищухи на северном пределе ее распространения.

Заключение

На северном пределе распространения в системе Хараулахского хребта у северной пищухи (*Ochotona hyperborea* Pallas) замечены некоторые особенности поведения, такие, как повышенная скрытность, не использование звукового обмена информации, частое использование нор.

В кормовых заготовках пищухи выявлен 1 вид мха и 35 видов сосудистых растений. В числе последних 2 вида злаков, 2 вида осок, 6 видов бобовых, 17 видов разнотравья и 8 видов кустарничков. Ключевую роль в заготовках играют бобовые (*Astragalus umbellatus*, *Hedysarum arcticum* и *Oxytropis adamsiana*). Специфику данной местности создает значительная заготовка семян дриад. Существенную роль играют побеги с плодами мытников, особенно *Pedicularis alopecuroides*, *P. amoena*, *P. oederi* и *P. verticillata*. Также местами значительно заготавливается *Saussurea tilesii*.

В дополнение к предыдущим спискам кормовых растений северной пищухи на обследованных участках выявлены: *Koeleria asiatica*, *Carex rupestris*, *Acomastylis glacialis*, *Luzula tundricola*, *Pedicularis alopecuroides*, *P. sudetica* s.l., *P. tristis*, *Potentilla uniflora*, *Silene chamarensis* subsp. *paucifolia*, *Dryas incisa*, *Salix recurvigemmis* и мох – *Rhytidium rugosum*. Эти виды растений также характеризуют особенность условий выживания данных животных на северном пределе распространения в данной местности.

Л и т е р а т у р а / References

1. Андреев А.В., Докучаев Н.Е., Кречмар А.В. и др. Наземные позвоночные Северо-Востока России: аннотированный каталог. Магадан: СВНЦ ДВО РАН; 2006:315.
Andreev AV, Dokuchaev NE, Krechmar AV, et al. *Terrestrial vertebrates of the North-East of Russia*: annotated catalog. Magadan: NEISRI FEB RAS; 2006:315 (in Russ.).
2. Кривошеев В.Г. *Ochotona alpina* Pallas (1773) – алтайская, или северная, пищуха. Млекопитающие Якутии. Москва: Наука; 1971:115-127.
Krivosheev VG. *Ochotona alpina* Pallas (1773) is an Altai or Northern pika. *Mammals of Yakutia*. Moscow: Nauka; 1971:115-127 (in Russ.).
3. Кривошапкин А.А., Яковлев Ф.Г. *Снежный баран Верхоянья*. Якутск: Сахаполиграфиздат; 1999:136.
Krivoshapkin AA, Yakovlev FG. *The bighorn of Verkhoyany*. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat; 1999:136 (in Russ.).
4. Ревин Ю.В., Боескоров Г.Г. Распространение и экология северной пищухи в Южной Якутии. *Бюллетень МОИП Отд. биол.*; 1990;95(1):48-60.
Revin YuV, Boeskorov GG. Distribution and ecology of the Northern pika in South Yakutia. *Bulletin of Moscow Society of Naturalists*; 1990;95(1):48-60 (in Russ.).
5. Николин Е.Г., Мамаев Н.В., Охлопков И. М. Кормовые растения северной пищухи (*Ochotona hyperborea* Pallas) в системе Чуванского хребта (южная Чукотка). *VAVILOVIA*; 2022;5(3):46-64. DOI: 10.30901/2658-3860-2022-3-04.
Nikolin EG, Mamaev NV, Okhlopov IM. Forage plants for the northern pika (*Ochotona hyperborea* Pallas) in the Chuvansky Range System (South Chukotka). *VAVILOVIA*; 2022;5(3):46-64 (in Russ.) DOI: 10.30901/2658-3860-2022-3-04.
6. Романов А.А. Пушные звери Ленско-Хатангского края и их промысел. *Труды НИИ Полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Серия «Промысловое хозяйство»*. Ленинград: Главсевморпути; 1941;(17):140

Romanov AA. Fur-bearing animals of the Lena-Khatanga region and their fishery. *Proceedings of the Research Institute of Polar Agriculture, Animal Husbandry and Commercial Hunting. Series "Commercial Hunting"*. Leningrad: Glavsevmorputi; 1941;(17):140 (in Russ.).

7. Лабутин Ю.В., Перфильева В.И., Ревин Ю.В. *Растительный и животный мир дельты р. Лены*. Якутск: ЯФ СО АН СССР; 1985:144.

Labutin YuV, Perfilieva VI, Revin YuV. *Flora and fauna of the Lena River Delta*. Yakutsk: Yakut Branch of the SB of the USSR Academy of Sciences; 1985:144 (in Russ.).

8. Николин Е.Г., Якшина И.А. Иллюстрированная флора бассейнов рек Чинке и Соболя-Юряге. Новосибирск: Наука; 2022;(3):260.

Nikolin EG, Yakshina IA. Illustrated flora of the Chinke and Sobol-Yuryage river basins. Novosibirsk: Nauka; 2022;(3):260 (in Russ.).

Сведения об авторах

НИКОЛИН Евгений Георгиевич – д. б. н., г. н. с. отдела ботанических исследований, ФГБУН Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0053-6713>, Researcher ID: L-6587-2017 e-mail: enikolin@yandex.ru

ГЛАДЫШЕВА Мира Юрьевна – с. н. с. научного отдела, ФГБУ Государственный природный заповедник «Усть-Ленский», пос. Тикси, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0003-5707-983X>, e-mail: vetiksi887@yandex.ru

About the authors

Evgeniy G. NIKOLIN – Dr. Sci. (Biology), Chief Researcher of Department of Botanical Research at the Institute for Biological Problems of Cryolithozone Siberian Branch of RAS, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0053-6713>, Researcher ID: L-6587-2017, e-mail: enikolin@yandex.ru

Mira Yu. GLADYSHEVA – Senior Researcher of the Scientific Department, State Nature Reserve Ust-Lensky, Tiksi, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-5707-983X>, e-mail: vetiksi887@yandex.ru

Вклад авторов

Николин Е.Г. – полевые работы, наблюдение за заготовкой кормов пищухи, разбор стожков, фотографирование, определение заготовленных видов растений, создание черновика рукописи

Гладышева М.Ю. – полевые работы, наблюдения за поведением пищухи, установка фотоловушек, разбор стожков, фотографирование, редактирование рукописи

Authors' contribution

Evgeniy G. Nikolin – expeditions, observation of the harvesting of pika feeds, analysis of stacks, photographing, identification of harvested plant species, writing - original draft

Mira Yu. Gladysheva – expeditions, observations of the behavior of the pika, the installation of camera traps, the analysis of stacks, photographing, writing - review & editing

Конфликт интересов

Николин Евгений Георгиевич является членом редколлегии журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова».

Conflict of interests

Evgenii G. Nikolin is a member of editorial board of Vestnik of North-Eastern Federal University.

Поступила в редакцию / Submitted 10.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 01.04.2026

Принята к публикации / Accepted 13.04.2026

УДК 574.23;574.632;615.917;574.64;550.47

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-20-30>

Оригинальная научная статья

Сравнение токсичности диметилформамида и диметилсульфоксида для пресноводных растений: новая информация о токсичности и толерантности

В. А. Поклонов¹ , С. А. Остроумов²

¹Международный независимый эколого-политологический университет,
г. Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
 warvir@rambler.ru

Аннотация

Органические растворители диметилформамид (ДМФ) и диметилсульфоксид (ДМСО) широко используются во всем мире в различных областях благодаря своим свойствам. Данные растворители могут заменять друг друга в определенных реакциях. Дана оценка токсичности двух распространенных органических растворителей ДМФ и ДМСО для трех видов пресноводных макрофитов *Ceratophyllum demersum*, *Elodea canadensis*, *Potamogeton natans*. В микрокосмах были созданы концентрации поллютантов по 1,7 (17 мг/л), 5 (50 мг/л) и 10 (100 мг/л) ПДК (предельно допустимая концентрация). Инкубация продолжалась 14 дней. Инкубация происходила в условиях естественной фотопериодичности при температуре воды 3,8–13,2 °С. Экспериментальным путем получена новая информация о том, что макрофит *C. demersum* оказался достаточно высокочувствительным тест-объектом при воздействии ДМФ и ДМСО (гибель при 100 мг/л ДМФ и ДМСО), который можно использовать в целях биоиндикации в определенных условиях. Концентрации 17 мг/л (1,7 ПДК) и 50 мг/л (5 ПДК) ДМФ и ДМСО не оказывали воздействия на эти макрофиты. В условиях эксперимента растворители не оказали ярко выраженного токсического воздействия на *E.canadensis*, поэтому элодею можно рассматривать для использования в целях фиторемедиации. Дана рекомендация по установлению PNEC (прогнозируемая концентрация, не вызывающая эффекта) для пресноводных организмов в паспорте безопасности ДМФ. На основе полученных данных можно временно рекомендовать PNEC для высших водных растений (пресноводных) на уровне 17 мг/л. Для окончательного установления обоснованной величины PNEC могут понадобиться дополнительные исследования: эксперименты с использованием более длительных инкубаций. Полученные данные необходимы для развития фитотехнологий по очистке воды и паспортизации данных веществ. Выявлен ряд условий, при которых эти виды растений могут быть использованы для экотехнологий.

Ключевые слова: диметилформамид, диметилсульфоксид, пресная вода, химическое загрязнение, фитотоксичность, фиторемедиация, водные растения, инкубация, микрокосмы, биоиндикация, сапробность, толерантность, пределы выносливости

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Поклонов В. А., Остроумов С. А. Сравнение токсичности диметилформамида и диметилсульфоксида для пресноводных растений: новая информация о токсичности и толерантности. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):20–30. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-20-30>

Original article

Comparison of the toxicity of dimethylformamide and dimethyl sulfoxide to freshwater plants: new information on toxicity and tolerance

Vladislav A. Poklonov¹ , Sergei A. Ostroumov²

¹International Independent University of Environmental & Political Sciences,
Moscow, Russian Federation

²Moscow State University, Faculty of Biology, Moscow, Russian Federation
 e-mail: warvir@rambler.ru

Abstract

Organic solvents dimethylformamide (DMF) and dimethyl sulfoxide (DMSO) are used worldwide in various fields due to their properties. The toxicity of two types of organic solvents (DMF and DMSO) for three species of freshwater macrophytes *Ceratophyllum demersum*, *Elodea canadensis*, *Potamogeton natans* was assessed. The concentrations of the tested chemicals of 1.7 (17 mg/L), 5 (50 mg/L), and 10 (100 mg/L) MAC (maximum permissible concentration) were created in the microcosms. Incubation lasted 14 days. Incubation was at a water temperature of 3.8-13.2°C. The macrophyte *C. demersum* turned out to be relatively more sensitive to the effects of DMF and DMSO (death at 100 mg/L DMF and DMSO), which can be used for bioindication purposes under certain conditions. Concentrations of 17 mg/L (1.7 MAC) and 50 mg/L (5 MAC) of DMF and DMSO had no effect on the aquatic organisms studied in this work. The solvents had no noticeable toxic effect on *E. canadensis*, so it can be considered for phytoremediation. A recommendation was made to establish a PNEC (predicted no-effect concentration) for freshwater organisms in the DMF safety data sheet. Based on the data obtained, a PNEC of 17 mg/L can be recommended for freshwater higher aquatic plants. The obtained data are necessary for the development of phytotechnologies for water purification and the certification of these substances.

Keywords: dimethylformamide, dimethyl sulfoxide, fresh water, chemical pollution, phytotoxicity, phytoremediation, aquatic plants, incubation, microcosms, bioindication, saprobity, tolerance, tolerance limits

Funding: No funding was received for writing this manuscript

For citation: Poklonov V. A., Ostroumov S. A. Comparison of the toxicity of dimethylformamide and dimethyl sulfoxide to freshwater plants: new information on toxicity and tolerance. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):20–30. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-20-30>

Введение

Диметилформамид (ДМФ) ($\text{CH}_3)_2\text{NC(O)H}$ – широко используемый полярный органический растворитель, обладающий потенциальной гепатотоксичностью и рисками попадания в окружающую среду. ДМФ, являясь важным промышленным растворителем, имеет высокий риск утечки в окружающую среду, особенно в водную среду, где он может оказывать токсическое воздействие на водные организмы [1].

Из-за своей высокой растворимости в воде ДМФ может легко попадать в окружающую среду во время использования и утилизации, тем самым создавая потенциальные риски для окружающей среды и здоровья населения [2]. ДМФ оказывает токсическое воздействие на множество человеческих органов, включая печень, легкие, почки и репродуктивную систему [3].

Помимо угрозы для здоровья человека, все большую обеспокоенность вызывает и экотоксичность ДМФ, при этом сообщалось о неблагоприятных эффектах для широкого спектра водных и наземных организмов [4].

Диметилформамид широко применяется в органическом синтезе, полимерной промышленности и фармацевтическом производстве, заслужив репутацию «суперрастворителя» [5, 6].

Диметилсульфоксид (ДМСО) $(\text{CH}_3)_2\text{SO}$ – соединение, вызвавшее дискуссии в научной литературе. ДМСО является апротонным растворителем. Терапевтические и токсические агенты, нерастворимые в воде, часто растворяются в ДМСО [7]. ДМСО может растворять гидрофобные и гидрофильные соединения как в органических растворителях, так и в воде, благодаря своей полярности (обусловленной сульфоксидной группой) [8].

Обычно предполагается, что ДМСО в концентрации ниже 1% нетоксичен для водных видов. Несмотря на это, для водных организмов есть некоторые доказательства того, что ДМСО может вызывать сублетальную токсичность даже при концентрациях ниже 1% [8, 9].

Диметилформамид и диметилсульфоксид часто используются для экотоксикологических исследований на организмах различного систематического уровня [10–25].

Несмотря на обширное количество исследований, паспорт безопасности ДМФ не содержит информации о PNEC (predicted no-effect concentration; прогнозируемая концентрация, не вызывающая эффекта) для пресноводных организмов, в том числе таких как высшие водные растения [26].

Одной из задач данной работы является рекомендация (для ДМФ) по установлению PNEC для пресноводных организмов. Для ДМСО в паспорте безопасности PNEC разработан для пресноводных организмов и составляет 17 мг/л, соответственно ДМСО может попадать в окружающую среду и нарушать процессы жизнедеятельности водных организмов выше этой концентрации [27].

Цель работы – сравнить токсичность диметилформаида (ДМФ) и диметилсульфоксида (ДМСО) на трех видах высших водных растений (*Ceratophyllum demersum*, *Elodea canadensis*, *Potamogeton natans*), не изученных в этом отношении.

Материал и методы

В качестве тест-объектов использовались: *Ceratophyllum demersum* L. – *Ceratophyllaceae* Gray (Роголистник темно-зеленый, семейство: Роголистниковые); *Elodea canadensis* Michx. – *Hydrocharitaceae* Juss. (Элодея канадская, семейство: Водокрасовые); *Potamogeton natans* L. – *Potamogetonaceae* Bercht. & J. Presl. (Рдест плавающий, семейство: Рдестовые).

До проведения опытов эти виды макрофитов содержались в условиях оранжереи в ботаническом саду Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в больших резервуарах с водой, прошедшей обработку фильтрацией через мембраны.

Все изучаемые в этой работе органические вещества являются одними из самых распространенных растворителей в мире.

Концентрации загрязняющих веществ в микрокосмах были подобраны таким образом, чтобы они были по 1,7 ПДК, 5 ПДК, 10 ПДК (предельно допустимая

Таблица 1

ПДК веществ для водоемов различного назначения

Table 1

**Maximum Permissible Concentrations (MPCs) of substances
for water bodies of different purposes**

Название	Вид ПДК	Класс опасности
Диметилформамид	10 мг/л ПДК химических веществ в воде водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования	4
Диметилсульфоксид	10 мг/л ПДК в воде водоемов рыбохозяйственного значения	4

концентрация) каждое. Использовали ПДК для воды водоемов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования и для воды водоемов рыбохозяйственного значения (табл. 1).

Опыты проводили в пресноводных микрокосмах. Всего было задействовано 36 микрокосмов + 6 контрольных микрокосмов без добавления растворителей, итого 42 экспериментальных системы (табл. 2, 3).

В качестве контроля взяли по одному пресноводному микрокосму на каждый вид растения (1А, 1В, 1С).

Самая маленькая концентрация растворителей (1,7 ПДК) равнялась 17 мг/л для ДМФ и ДМСО (табл. 2, 3). Данная концентрация обусловлена тем, что в паспорте безопасности ДМСО она обозначена как РНЕС для пресноводных организмов. Промежуточная концентрация (5 ПДК) составила 50 мг/л для ДМФ и ДМСО (табл. 2, 3). Самая высокая концентрация (10 ПДК) соответствовала 100 мг/л для ДМФ и ДМСО (табл. 2, 3).

Для ДМСО концентрация 100 мг/л соответствует ЕС50 (эффективная концентрация 50% вызывающая определенные изменения) для микроорганизмов. Для ДМФ 100 мг/л соответствует LC50 (смертельная концентрация для 50% организмов) для рыб.

Таблица 2

Состав микрокосмов с диметилформамидом

Table 2

Composition of microcosms with dimethylformamide

№ микро- косма	Виды макрофитов	Биомасса, сырой вес, граммы	ОВВ (отстоянная водопроводная вода), мл	Добавление диметилформа- мида (ДМФ)
1А (контроль)	<i>Ceratophyllum demersum</i>	15,7	1000	Микрокосмы без добавления растворителей
1В (контроль)	<i>Ceratophyllum demersum</i>	11,8	1000	
1С (контроль)	<i>Elodea canadensis</i>	6,0	1000	
1D	<i>Elodea canadensis</i>	6,0	1000	
1E	<i>Potamogeton natans</i>	5,3	1000	
1F	<i>Potamogeton natans</i>	3,3	1000	
2А	<i>Ceratophyllum demersum</i>	10,5	1000	1,7 ПДК (17 мг/л)
2В	<i>Ceratophyllum demersum</i>	8,5	1000	
2С	<i>Ceratophyllum demersum</i>	12,4	1000	5 ПДК (50 мг/л)
2D	<i>Ceratophyllum demersum</i>	10,9	1000	
2E	<i>Ceratophyllum demersum</i>	4,9	1000	10 ПДК (100 мг/л)
2F	<i>Ceratophyllum demersum</i>	3,9	1000	
3А	<i>Elodea canadensis</i>	7,3	1000	1,7 ПДК (17 мг/л)
3В	<i>Elodea canadensis</i>	8,9	1000	
3С	<i>Elodea canadensis</i>	8,2	1000	5 ПДК (50 мг/л)
3D	<i>Elodea canadensis</i>	6,0	1000	
3E	<i>Elodea canadensis</i>	6,1	1000	10 ПДК (100 мг/л)
3F	<i>Elodea canadensis</i>	6,0	1000	
4А	<i>Potamogeton natans</i>	5,6	1000	1,7 ПДК (17 мг/л)
4В	<i>Potamogeton natans</i>	5,0	1000	
4С	<i>Potamogeton natans</i>	4,9	1000	5 ПДК (50 мг/л)
4D	<i>Potamogeton natans</i>	2,5	1000	
4E	<i>Potamogeton natans</i>	1,7	1000	10 ПДК (100 мг/л)
4F	<i>Potamogeton natans</i>	2,1	1000	

Таблица 3

Состав микрокосмов с диметилсульфоксидом

Table 3

Composition of microcosms with dimethyl sulfoxide

№ микро-косма	Виды макрофитов	Биомасса, сырой вес, граммы	ОВВ (отстоянная водопроводная вода), мл	Добавление диметил-сульфоксида (ДМСО)
5A	<i>Ceratophyllum demersum</i>	12,4	1000	1,7 ПДК (17 мг/л)
5B	<i>Ceratophyllum demersum</i>	12,8	1000	
5C	<i>Ceratophyllum demersum</i>	7,4	1000	5 ПДК (50 мг/л)
5D	<i>Ceratophyllum demersum</i>	8,3	1000	
5E	<i>Ceratophyllum demersum</i>	5,0	1000	10 ПДК (100 мг/л)
5F	<i>Ceratophyllum demersum</i>	6,0	1000	
6A	<i>Elodea canadensis</i>	7,6	1000	1,7 ПДК (17 мг/л)
6B	<i>Elodea canadensis</i>	7,8	1000	
6C	<i>Elodea canadensis</i>	8,6	1000	5 ПДК (50 мг/л)
6D	<i>Elodea canadensis</i>	7,7	1000	
6E	<i>Elodea canadensis</i>	6,1	1000	10 ПДК (100 мг/л)
6F	<i>Elodea canadensis</i>	8,5	1000	
7A	<i>Potamogeton natans</i>	5,3	1000	1,7 ПДК (17 мг/л)
7B	<i>Potamogeton natans</i>	5,0	1000	
7C	<i>Potamogeton natans</i>	5,1	1000	5 ПДК (50 мг/л)
7D	<i>Potamogeton natans</i>	4,5	1000	
7E	<i>Potamogeton natans</i>	2,8	1000	10 ПДК (100 мг/л)
7F	<i>Potamogeton natans</i>	1,8	1000	

После создания микрокосмов их инкубировали в условиях естественной фотопериодичности при температуре воды 3,8–13,2 °С в течение 14 суток (две недели). Динамика температурного режима инкубации соответствовала естественной динамике температуры в природных экосистемах, что придает дополнительную ценность полученным результатам.

Результаты

Спустя две недели наблюдений (14 суток инкубации) не были обнаружены признаки фитотоксичности при концентрациях 17 мг/л и 50 мг/л ДМФ и ДМСО. В концентрациях 100 мг/л (ДМФ и ДМСО) наблюдались признаки неблагополучия для всех видов растений (табл. 4).

Таблица 4

Состояние микрокосмов в концентрациях 100 мг/л ДМФ и ДМСО

Table 4

Condition of microcosms at concentrations of 100 mg/L DMF and DMSO

Время, сутки	Название растения, № микрокосма	Комментарий
Наблюдение спустя 6 суток	<i>Ceratophyllum demersum</i> 2E,2F,5E,5F	Тургор ослаблен; побеги лежат на дне; бледный вид при взаимодействии с ДМФ (микрокосмы 2E,2F); по-видимому, гибель растений от воздействия ДМФ и ДМСО
	<i>Elodea canadensis</i> 3E,3F,6E,6F	Тургор некоторых побегов ослаблен, но растения жизнеспособны
	<i>Potamogeton natans</i> 4E,4F,7E,7F	Тургор отдельных побегов ослаблен, но гидробионты жизнеспособны
Наблюдение спустя 10 суток	<i>Ceratophyllum demersum</i> 2E,2F,5E,5F	Листья отделены от стеблей; фиксируется полная гибель растений от ДМФ и ДМСО
	<i>Elodea canadensis</i> 3E,3F,6E,6F	Побеги занимают нижнюю часть столба воды, но растения жизнеспособны
	<i>Potamogeton natans</i> 4E,4F,7E,7F	Кончики листьев <i>P. natans</i> погружены в воду, но в контроле растения полностью на поверхности
Наблюдение спустя 14 суток	<i>Ceratophyllum demersum</i> 2E,2F,5E,5F	Мертвые побеги превращаются в детрит
	<i>Elodea canadensis</i> 3E (ДМФ),3F (ДМФ), 6E (ДМСО),6F (ДМСО)	Растения жизнеспособны, имеются незначительные токсические повреждения побегов. Процент отмерших побегов: 3E-6%, 3F-7%, 6E-5%, 6F-4%
	<i>Potamogeton natans</i> 4E (ДМФ),4F (ДМФ), 7E (ДМСО),7F (ДМСО)	Растения жизнеспособны, но имеются отмершие побеги. Процент отмерших побегов: 4E-20%, 4F-25%, 7E-15%, 7F-15%

Обсуждение

На протяжении 14 суток инкубации не были обнаружены какие-либо изменения в состоянии микрокосмов при концентрации 17 мг/л для ДМФ и ДМСО. Все виды растений выглядели жизнеспособными и не отличались от контроля даже по расположению в микрокосмах. Все растения занимали весь столб воды полностью, как и в начале инкубации.

При концентрации 50 мг/л макрофиты оставались жизнеспособными спустя 14 суток с ДМФ и ДМСО. Но во всех сосудах с ДМФ изменилось расположение растений по отношению к контролю. Растения двух видов (*C. demersum*, *E. canadensis*) занимали нижнюю половину столба воды, но в начале опыта они занимали весь столб воды как в контроле. Кончики листьев *P. natans* погружены в воду по окончании опыта, в контроле растения полностью на поверхности. Стебли *P. natans* занимают весь столб воды, как в контроле. Возможно, ДМФ повлиял на тургор растений в концентрации 50 мг/л.

Растворитель ДМСО не повлиял на жизнедеятельность растений в концентрации 50 мг/л, отличий от контроля не наблюдалось на протяжении опыта ни по токсичности, ни по расположению побегов.

Наши результаты согласуются с исследованиями, проведенными на видах различного положения в систематике, которые показали, что ДМФ и ДМСО могут нарушать процессы жизнедеятельности водных организмов [1, 8, 14, 16, 18].

Это исследование показывает, что воздействие ДМФ и ДМСО в концентрациях 100 мг/л в течение 14 суток приводит к гибели растений *C. demersum*, что указывает на то, что этот вид служит подходящей моделью для выявления токсичности ДМФ и ДМСО для водной биоты, для обнаружения экотоксикологической опасности окружающей среды. Водный макрофит *C. demersum* играет важную экологическую роль в водных экосистемах, что дополнительно подтверждает его использование в качестве экологического биологического маркера. Учитывая чувствительность *C. demersum* к ДМФ и ДМСО, этот вид можно использовать в качестве достаточно эффективного биоиндикатора экотоксикологической опасности для пресноводных экосистем, изученных в этой статье веществ.

Отсутствие в настоящее время данных о токсических эффектах ДМФ и ДМСО на пресноводные растения представляет существенный пробел в экотоксикологических знаниях. Новые результаты, представленные в настоящей статье, помогают восполнить критический пробел в знаниях и расширить сферу полезной научной информации, полученной в пресноводных экотоксикологических исследованиях с участием этих химических веществ.

Наши исследования продолжают ряд ранее опубликованных работ по изучению токсических эффектов на растения и фиторемедиационного потенциала растений при воздействии на них загрязняющих веществ различного класса опасности и состава [28–36].

Заключение

Опираясь на результаты данной исследовательской работы, сделали следующие выводы:

1. Впервые выявлена токсичность диметилформамида (ДМФ) и диметилсульфоксида (ДМСО) для трех видов высших водных растений (*Ceratophyllum demersum*, *Elodea canadensis*, *Potamogeton natans*) в водной среде спустя четырнадцать суток инкубации.

2. Показано, что ДМФ и ДМСО в концентрации 100 мг/л (10 ПДК) вызывал признаки неблагополучия всех трех видов макрофитов *C. demersum*, *E. canadensis*, *P. natans* спустя 14 суток (две недели). Растворители ДМФ и ДМСО вызывали гибель макрофитов (*C. demersum*) спустя 6 суток инкубации. Другие виды водных растений (*E. canadensis*, *P. natans*) оказались относительно более устойчивыми к воздействию ДМФ и ДМСО в концентрации 100 мг/л, но и у них были обнаружены симптомы токсичности (табл. 4).

3. Элодея (*E. canadensis*) и рдест (*P. natans*) сохранили жизнеспособность (спустя 14 дней инкубации) при загрязнении пресноводной среды ДМФ и ДМСО (начальная концентрация 100 мг/л), что позволяет рассматривать эти виды как перспективные объекты для дальнейшей оценки их фиторемедиационного потенциала (фиторемедиация) по очищению воды от ДМФ и ДМСО.

4. Все три вида растений (*C. demersum*, *E. canadensis*, *P. natans*) оказались устойчивыми к концентрациям 17 мг/л (ДМФ и ДМСО) и 50 мг/л (ДМФ и ДМСО) в пресноводной среде спустя 14 суток инкубации. В паспорте безопасности ДМФ не указана прогнозируемая концентрация, не вызывающая эффекта (ПНЕС) для пресноводных организмов. В связи с полученными данными можно рекомендовать

временное значение PNEC ДМФ в паспорте безопасности для пресноводных организмов (для высших водных растений) на уровне 17 мг/л. Для окончательного установления обоснованной величины PNEC могут понадобиться дополнительные исследования: эксперименты с использованием более длительных инкубаций.

5. Новые данные опытов устанавливают диапазон условий, в рамках которых можно использовать данные виды растений в целях фиторемедиации, и выявляют новую информацию о токсичности ДМФ и ДМСО для гидробионтов в пресноводной среде, что необходимо для дальнейшей паспортизации этих веществ.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Wang J, Weng R, Zhu Y, et al. Toxicity of dimethylformamide at different developmental stages of *Biomphalaria glabrata*: Lethal concentration determination and longitudinal assessment of physiological changes. *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2025; 304: 107511. DOI: 10.1016/j.ecoenv.2025.119131
2. Yang G, Luo Y, Chen X, et al. Identification of key microbial communities and intracellular metabolic pathways to response micro-aerobic environment for enhancing degradation of N, N-dimethylformamide in refractory membrane-making wastewater. *Chemical Engineering Journal*. 2024; 480: 148179. DOI: 10.1016/j.cej.2023.148179
3. Liu H, Li MJ, Zhang XN, et al. N-dimethylformamide-induced acute liver damage is driven by the activation of NLRP3 inflammasome in liver macrophages of mice. *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2022; 238: 113609. DOI: 10.1016/j.ecoenv.2022.113609
4. Zhang XN, Zhang YJ, Wang L, et al. NLRP3 inflammasome activation triggers severe inflammatory liver injury in N, N-dimethylformamide-exposed mice. *Science of The Total Environment*. 2024;929:172653. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2024.172653
5. The potential health risks of N, N-dimethylformamide: An updated review. Hong SJ, Zhang XN, Sun Z, et al. *Journal of Applied Toxicology*. 2024; 44 (11): 1637-1646. DOI: 10.1002/jat.4590
6. Xu L, Zhao Q, Luo J, et al. Integration of proteomics, lipidomics, and metabolomics reveals novel metabolic mechanisms underlying N, N-dimethylformamide induced hepatotoxicity. *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2020; 205: 111166. DOI: 10.1016/j.ecoenv.2020.111166
7. Brayton CF. Dimethyl sulfoxide (DMSO). *The Cornell Veterinarian*. 1986; 76 (1): 61-90.
8. Kumar S, Islam R, O'Connor W, et al. A metabolomic analysis on the toxicological effects of the universal solvent, dimethyl sulfoxide. *Comparative Biochemistry and Physiology Part C: Toxicology & Pharmacology*. 2025; 287: 110073. DOI: 10.1016/j.cbpc.2024.110073
9. Andrade-Vieira L, Bojic C, Alvarenga I, et al. Ecotoxic effects of the vehicle solvent dimethyl sulfoxide on aquatic model. *Research Square*. 2025; 287: 1-17. DOI: 10.21203/rs.3.rs-1069241/v1
10. Olaru II, Olaru OT, Mihai DP, et al. A Dual bioassay for evaluation of embryotoxicity and acute toxicity of common solvents and surfactants in *Artemia salina*. *Toxics*. 2025; 13(6): 442. DOI: 10.3390/toxics13060442
11. Kerns EH, Di L, Carter GT. In vitro solubility assays in drug discovery *Current drug metabolism*. 2008; 9 (9): 879-885. DOI: 10.2174/138920008786485100
12. Galvao J, Davis B, Tilley M, et al. Unexpected low-dose toxicity of the universal solvent DMSO. *The FASEB Journal*. 2014; 28 (3): 1317-1330. DOI: 10.1096/fj.13-235440
13. Kais B, Schneider KE, Keiter S, et al. DMSO modifies the permeability of the zebrafish (*Danio rerio*) chorion-implications for the fish embryo test (FET). *Aquatic toxicology*. 2013; 140: 229-238. DOI: 10.1016/j.aquatox.2013.05.022
14. Olaru II, Mihai DP, Olaru OT, et al. Comparative toxicological evaluation of solubilizers and hydrotropic agents using *Daphnia magna* as a model organism. *Environments*. 2025.12 (5):172. DOI: 10.3390/environments12050172
15. Khalid A, Pytynia M, Cazares S, et al. Behavioral pharmacology and toxicology of dimethyl sulfoxide in *Artemia nauplii*: vehicle or positive control? *Toxicology Mechanisms and Methods*. 2025; 35 (9): 1271-1288. DOI: 10.1080/15376516.2025.2527160
16. Pan X, Kang Y, Lu JF, et al. Using the TOPSIS method to select the best low-toxicity organic cosolvent for rice-based toxicity tests. *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2025; 290: 117733. DOI: 10.1016/j.ecoenv.2025.117733

17. Andrade-Vieira LF, Bojic C, Santana IF, et al. Ecotoxic effects of the vehicle solvent dimethyl sulfoxide on *Raphidocelis subcapitata*, *Daphnia magna* and *Brachionus calyciflorus* *Chemistry and Ecology*. 2022; 38(5): 471-483. DOI: 10.1080/02757540.2022.2076838
18. Kim K, Lee SE. Combined toxicity of dimethyl sulfoxide (DMSO) and vanadium towards zebrafish embryos (*Danio rerio*): Unexpected synergistic effect by DMSO. *Chemosphere*. 2021; 270: 129405. DOI: 10.1016/j.chemosphere.2020.129405
19. Di Mauro V, Kamyab E, Kellermann MY, et al. Ecotoxicological effects of four commonly used organic solvents on the scleractinian coral *Montipora digitata*. *Toxics*. 2023; 11 (4): 367. DOI: 10.3390/toxics11040367
20. Green J, Wheeler JR. The use of carrier solvents in regulatory aquatic toxicology testing: Practical, statistical and regulatory considerations. *Aquatic Toxicology*. 2013; 144: 242-249. DOI: 10.1016/j.aquatox.2013.10.004
21. Hutchinson TH, Shillabeer N, Winter MJ, et al. Acute and chronic effects of carrier solvents in aquatic organisms: a critical review. *Aquatic toxicology*. 2006; 76(1):69-92. DOI: 10.1016/j.aquatox.2005.09.008
22. Okumura Y, Koyama J, Takaku H, et al. Influence of organic solvents on the growth of marine microalgae. *Archives of Environmental Contamination and Toxicology*. 2001; 41(2): 123-128.
23. Bhojani G, Jani S, Saha NK. Facile biodegradation of N, N-dimethylformamide, N, N-dimethylacetamide and N-methyl-2-pyrrolidone by source-derived *Bacillus* strain APS1 for water reclamation and reuse. *Journal of Cleaner Production*. 2022; 334: 130098. DOI: 10.1016/j.jclepro.2021.130098
24. Bigi S, Schlappa K, Anselmi S, et al. Uptake through feeding and/or culture medium of 0.5% dimethyl sulfoxide (DMSO): biological response of *Daphnia magna* and *Ceriodaphnia dubia* in Ecotoxicity tests. *Water*. 2025; 17(2): 191. DOI: 10.3390/w17020191
25. Tkachuk N, Zelena L, Novikov Y, et al. Phytotoxicity of dimethyl sulfoxide in the growth test. *Biota. Human. Technology*. 2024; (3): 51-60.
26. N,N-Dimethylformamide. Safety data sheet. Germany: Karlsruhe. 2025; 21.
27. Dimethyl sulfoxide – DMSO. Safety data sheet. Germany: Karlsruhe. 2024; 12.
28. Poklonov VA, Glebov VV, Askarova DA, et al. Study of the toxicity of synthetic surfactant-containing composite detergents on plant hydrobionts under laboratory conditions. *Russian Journal of General Chemistry*. 2021; 91(13): 2908-16. DOI: 10.1134/S1070363221130193
29. Poklonov VA, Ostroumov SA, Anikina EV, et al. Study of interactions between extreme concentrations of organic solvents and freshwater plants: toxicity and tolerance. *Russian Journal of General Chemistry*. 2024; 94(13): 3661-71. DOI: 10.1134/S1070363224130309
30. Ostroumov SA. Water quality and conditioning in natural ecosystems: biomachinery theory of self-purification of water. *Russian Journal of General Chemistry*. 2017. 87(13):3199-3204. DOI: 10.1134/S107036321713014X
31. Ostroumov SA. Toxicity testing of chemicals without use of animals. *Russian Journal of General Chemistry*. 2016; 86(13): 2933-2941. DOI: 10.1134/S1070363216130028
32. Khompun W, Theerakarunwong CD, Chouychai W. Accumulation and phytotoxicity of cypermethrin and deltamethrin to aquatic plants. *Pertanika Journal of Tropical Agricultural Science*. 2024; 47(1): 77. DOI: 10.47836/pjtas.47.1.06
33. Satya A, Chrismadha T, Susanti E, et al. Phytoremediation, an ecofriendly wastewater treatment technique. *Current Developments in Biotechnology and Bioengineering*. 2025; 41. DOI: 10.1016/B978-0-443-23662-4.00008-1
34. Поклонов В.А. Водные растения как фактор биологической деструкции ацетона в воде. *Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление*. 2025;(6):66-79. DOI: 10.35567/1999-4508-2025-6-66-79.
- Poklonov VA. Aquatic plants as a factor in the biological degradation of acetone in water. *Water management in Russia: problems, technologies, and management*. 2025; (6): 66-79 (in Russ.). DOI: 10.35567/1999-4508-2025-6-66-79

35. Поклонов В.А. Ускорение снижения концентраций бутилгликоля в пресной воде в присутствии макрофитов. *Экобиотех.* 2025;8(4):530-544. DOI: 10.31163/2618-964X/2025-39.

Poklonov VA. Acceleration in the decrease in the concentrations of butyl glycol in freshwater in the presence of aquatic macrophytes. *Ecobiotech-journal.* 2025; 8(4): 530-544 (in Russ.). DOI: 10.31163/2618-964X/2025-39

36. Кашапова Н.Е., Башкирцева Н.Ю., Овчинникова Ю.С. и др. Воздействие гликолей в составе противообледенительных жидкостей на окружающую среду. *Вестник технологического университета.* 2015; 18(5):209.

Kashapova NE, Bashkirtseva NYu, Ovchinnikova YuS, et al. Environmental impact of glycols in de-icing fluids. *Bulletin of the Technological University.* 2015; 18(5):209 (in Russ.).

Сведения об авторах

ПОКЛОНОВ Владислав Александрович – к. б. н., зав. лаб. экологического мониторинга водных объектов АНО ВО «Международный независимый эколого-политологический университет» (МНЭПУ), Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2722-7283>, SPIN-код: 6635-8026, AuthorID: 566054, e-mail: warvir@rambler.ru

ОСТРОУМОВ Сергей Андреевич – д. б. н., в. н. с. лаборатории физико-химии биомембран, биологический факультет, ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-5593-5044>, SPIN-код: 6892-3065, AuthorID: 91983, email: ar55@yandex.ru

About the authors

Vladislav A. POKLONOV – Candidate of Biological Sciences, Head of the Laboratory of Environmental Monitoring of Water Bodies of the IUUEPS/MNEPU, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2722-7283>, SPIN: 6635-8026, AuthorID: 566054, e-mail: warvir@rambler.ru

Sergei A. OSTROUMOV – Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher of the Faculty of Biology of the Moscow State University, <https://orcid.org/0000-0002-5593-5044>, SPIN: 6892-3065, AuthorID: 91983, e-mail: ar55@yandex.ru

Вклад авторов

Поклонов В.А. – проведение исследования, визуализация, создание черновика рукописи, верификация данных, методология, администрирование данных, ресурсное обеспечение исследования, руководство исследованием, разработка концепции, проведение статистического анализа, администрирование проекта, получение финансирования

Остроумов С.А. – проведение исследования, редактирование рукописи

Authors' contribution

Vladislav A. Poklonov – investigation, visualization, writing - original draft, validation, methodology, data curation, resources, supervision, conceptualization, formal analysis, project administration, funding acquisition

Sergei A. Ostroumov – investigation, writing - review & editing

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 04.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.05.2026

Принята к публикации / Accepted 01.06.2026

УДК 582.29;502.753

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-31-38>

Оригинальная научная статья

Находки новых, редких, охраняемых видов лишайников в Якутии

Л. Н. Порядина

Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, г. Якутск, Россия

✉ pln14@rambler.ru

Аннотация

Республика Саха (Якутия) – расположенный на северо-востоке крупнейший по территории субъект Российской Федерации. Якутия находится в зоне распространения многолетней мерзлоты, характеризуется суровым резко континентальным климатом. Разнообразие природных условий обуславливает развитие неоднородного растительного покрова от арктических пустынь до средней тайги. Основная часть территории республики занята горными сооружениями, где выражена высотная поясность, в связи с чем ее флора и микобиота достаточно разнообразны. На сегодняшний день по региону известны 850 видов лишайников. Целью настоящей работы является выявление видов лишайников, редких для региона, ревизия коллекций Гербария ИБПК СО РАН (SASY). Основой данной работы стали сборы автора в комплексных экспедициях ИБПК СО РАН в Томпонском, Оймяконском, Ленском районах, материалы гербария SASY. Виды лишайников определены автором в лаборатории Отдела ботанических исследований ИБПК СО РАН с использованием стандартных методов идентификации лишайников. Лишайники *Brigantiaea fuscolutea*, *Cyphelium pinicola* являются новыми для Республики Саха (Якутия). Для *Parmelia pinnatifida* отмечено второе местонахождение вида в Якутии. Вид *Pertusaria octomela* является новым для Яно-Индигирского флористического района (ФР), *Lobaria linita* – новый для Верхне-Ленского ФР. Редкие виды лишайников *Asahinea scholanderi*, *Masonhalea richardsonii*, *Pyxine soresdiata* занесены в Красные книги РФ и РС (Я); виды *Arctocetraria nigricascens*, *Lobaria isidiosa* включены в Красную книгу РС (Я); лишайник *Cetrelia cetrarioides* внесен в перечень видов как нуждающийся в мониторинге. Для каждого вида указаны новые сведения о нахождении, обобщена информация об образцах этого вида, обнаруженных ранее на территории Якутии. Приводится информация о распространении изученных видов лишайников на сопредельных территориях.

Ключевые слова: лишайники, Республика Саха (Якутия), редкие виды, флористический район, гербарий SASY, Красная книга, распространение, координаты, экотоп, субстрат

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по проекту «Изучение и развитие биологических (биоресурсных) коллекций как основа сохранения биоразнообразия Северо-Востока Азии» (рег. № 125102712105-7), с применением оборудования ЦКП ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»

Для цитирования: Порядина Л. Н. Находки новых, редких, охраняемых видов лишайников в Якутии. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):31–38. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-31-38>

Original article

Finds of new, rare, protected lichen species in Yakutia

Lena N. Poryadina

Institute of biological problems of cryolithozone, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
pln14@rambler.ru

Abstract

The Republic of Sakha (Yakutia) is the largest constituent entity of the Russian Federation located in the northeast. Yakutia is located in the permafrost zone, characterized by a harsh, sharply continental climate. The variety of natural conditions determines the development of heterogeneous vegetation cover in various natural zones — from the Arctic deserts to the middle taiga. The main part of the republic's territory is occupied by mountainous structures, where the altitude zone is pronounced, and therefore its flora and mycobiota are quite diverse. To date, about 850 species of lichens are known for the region. The purpose of this work is to identify lichen species that are rare in the region, and to review the collections of the Herbarium of the IBPC SB RAS (SASY). The basis of this work was the author's collections in complex expeditions of the IBPC SB RAS in the Tomponsky, Oymyakonsky, Lensky districts, materials from the SASY herbarium. Lichen species were identified by the author in the laboratory of the Department of Botanical Research of the IBPC SB RAS using standard lichen identification methods. The lichens *Brigantiaea fuscolutea* and *Cyphelium pinicola* are new to the Republic of Sakha (Yakutia). For *Parmelia pinnatifida*, the second location of the species in Yakutia is noted. The species *Pertusaria octomela* is new to the Yano-Indigirsky floral region (FR), *Lobaria linita* is new to the Verkhne-Lensky region. Rare lichen species *Asahinea scholanderi*, *Masonhalea richardsonii*, *Pyxine sorediata* are listed in the Red Books of the Russian Federation and the RS (Ya); species *Arctocetraria nigricascens*, *Lobaria isidiosa* are included in the Red Book of the RS (Ya); lichen *Cetrelia cetrarioides* is listed as in need of monitoring. New information about the location is provided for each species, and information about specimens of this species previously discovered in Yakutia is summarized. Information is provided on the distribution of these rare lichen species in Yakutia in adjacent territories.

Keywords: lichens, Republic of Sakha (Yakutia), rare species, floral area, SASY herbarium, Red Book, distribution, coordinates, ecotope, substrate

Funding: The research was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the project “Study and development of biological (bioresource) collections as a basis for biodiversity conservation in North-East Asia” (reg. No. 125102712105-7), using the scientific equipment of the Shared Core Facilities of the Federal Research Center “The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”

For citation: Poryadina L. N. Finds of new, rare, protected lichen species in Yakutia. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):31–38. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-31-38>

Введение

Республика Саха (Якутия) – расположенный на северо-востоке России крупнейший субъект Российской Федерации площадью более 3103 тыс. км². Северное расположение региона и антициклоническое состояние атмосферы определяют резко континентальный климат с низкими температурами воздуха

зимой, высокими летом, малым среднегодовым количеством осадков (до 280 мм), выпадающих главным образом в летнее время. Территория Якутии находится в зоне распространения многолетней мерзлоты, которая распределена неравномерно, характеризуется различной мощностью (от 200 м на юге до 500–700 м на севере). Разнообразие природных условий определяет развитие неоднородного растительного покрова от арктических пустынь до средней тайги. Основная часть территории республики занята горными сооружениями, где выражена высотная поясность, в связи с чем флора и микобиота ее достаточно разнообразны и богаты [1].

В настоящее время на территории Республики Саха (Якутия) известно 850 видов лишайников [2]. Наиболее изученной в лихенологическом плане остается арктическая и тундровая зона Якутии. Актуальны исследования лишайников северо-запада и запада республики, горных территорий.

Материалы и методы

Данная работа основана на сборах автора в ходе экспедиций ИБПК СО РАН на территории Республики Саха (Якутия) (Томпонский, Оймяконский районы, 2011 г., 2016 г.; Ленский район, 2004 г.), материалы гербария SASY. Виды лишайников определены автором в лаборатории Отдела ботанических исследований ИБПК СО РАН, использованы стандартные методы идентификации лишайников. Географические координаты зарегистрированы при помощи GPS-навигатора Garmin. Фотографии сделаны с применением бинокля ЛОМО МСП-1, видеоокуляра TourCam (рис.). Изученные образцы лишайников находятся в гербарии SASY.

Результаты и обсуждение

Ревизия коллекций гербария лишайников ИБПК СО РАН (SASY) привела к выявлению ряда видов, новых и редких для региона, а также, занесенных в Красные книги РФ и РС (Я). Виды лишайников *Brigantiaea fuscolutea*, *Cyphelium pinicola* являются новыми для Республики Саха (Якутия). Для лишайника *Parmelia pinnatifida* отмечено второе местонахождение в Якутии.

Вид *Pertusaria octomela* является новым для Яно-Индибирского флористического района (ФР), *Lobaria linata* – новый для Верхне-Ленского ФР.

Редкие виды лишайников *Asahinea scholanderi*, *Masonhalea richardsonii* *Pyxine soledata* занесены в Красную книгу РФ [3] и Красную книгу РС (Я) [4]. Виды *Arctocetraria nigricascens* и *Lobaria isidiosa* включены в Красную книгу РС (Я) как редкие виды; лишайник *Cetrelia cetrarioides* находится в перечне как нуждающийся в мониторинге.

Далее приводится список изученных видов лишайников; указываются сведения о нахождении (координаты, экотоп, субстрат), данные о коллекторе. Обобщены сведения об образцах этого вида, найденных ранее на территории Якутии [2], указан флористический район (ФР). Приводятся данные о распространении вида на близлежащих территориях, граничащих с республикой; в пределах России для редких видов [5–10].

Arctocetraria nigricascens (Nyl.) Kärnefelt et Thell (syn. *Nephromopsis nigricascens* (Nyl.) Divakar, A.Crespo et Lumbsch) – Булунский район (Арктический ФР), о. Столбовой (Новосибирские о-ва), северная оконечность острова, 74°09'21,4" с.ш., 135°27'19,3" в.д., разнотравно-ожиговая лишайниково-моховая луговина, на почве, 07 VIII 2019, собр. Е. И. Троева, опр. Л. Н. Порядина.

В Якутии лишайник известен из Арктического ФР. Занесен в Красную книгу РС (Я) как редкий вид. Сопредельные территории: Красноярский край, Хабаровский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ.

Asahinea scholanderi (Llano) W.L.Culb. et C.F.Culb. – Оймяконский район (Яно-Индибирский ФР), хр. Сунтар-Хаята, правый берег ручья Кнорий (р. Конгор,

бассейн р. Агаякан), 62°33'87.1" с. ш., 141°03'56.4" в. д., 1548 м над ур. м., эпилитно-лишайниковая тундра на глыбах на склоне горы, на камнях, почве, 14 VII 2011, собр. и опр. Л. Н. Порядина.

Вид встречается в тундровых сообществах горных территорий республики. Занесен в Красную книгу РФ, Красную книгу РС (Я) как редкий вид. Распространен на сопредельных территориях.

Brigantiaea fuscolutea (Dicks.) R. Sant. – Булунский район (Арктический ФР), о. Столбовой (Новосибирские о-ва), северная оконечность острова, 74°10'08,4" с.ш., 135°29'15,1" в.д., основная терраса, мелкобугорковая тундра, ожиково-ивково-злаково-лишайниково-моховая тундра, на моховой дернине, 06 VIII 2019, собр. Е. И. Троева, опр. Л. Н. Порядина.

Вид новый для Якутии. Красноярский край, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

Cetrelia cetrarioides (Delise et Duby) W. L. Culb. et C. F. Culb. – Нерюнгринский район (Алданский ФР), хребет Токинский Становик, верховья р. Алгама, левый берег близ устья р. Колбочи, 55°46' с.ш., 129°26' в.д., лиственничный лес кедровостланиковый травяно-брусничный лишайниково-зеленомошный, на коре кедрового стланика, 11 VII 2000, собр. Е. В. Софронова, опр. Л. Н. Порядина.

Вид известен из Алданского ФР; внесен в перечень видов Красной книги РС (Я), нуждающихся в особом внимании к их состоянию в природе и мониторинге. Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Амурская область, Хабаровский край.

Cyphelium pinicola Tibell (syn. *Calicium pinicola* (Tibell) M. Prieto et Wedin) – Усть-Янский район (Яно-Индибирский ФР), поселок Усть-Куйга, остров на озере за Черемушками, 70°00'20,3" с.ш., 135°33'23,8" в.д., бугристо-мочажинный комплекс с лиственничным багульниковым лишайниково-зеленомошным и зеленомошным редколесьем на буграх и морошково-сфагновым и пушицевым болотом в мочажинах, на древесине, 06 VIII 1982, собр. В. И. Перфильева, опр. Л. Н. Порядина.

Новый для Якутии вид. Красноярский край, Республика Бурятия [11]. Россия: север европейской части, Восточная Сибирь, север Дальнего Востока. Вид внесен в Красные книги Бурятии и Камчатского края [11, 12].

Fuscopannaria ahlneri (P.M.Jørg.) P.M.Jørg. – Томпонский район (Яно-Индибирский ФР), хр. Сунтар-Хаята (Верхоянская горная система), правый берег р. Кюрбелях, склон г. Баранья, ресурсный резерват «Сунтар-Хаята», 63°07'00.7" с. ш., 139°03'83.1" в. д., 909 м над ур. м., выходы скал в лиственничной редине, моховая дернина на скалах, 8 VII 2011, собр. и опр. Л. Н. Порядина; Томпонский район, хр. Сунтар-Хаята, правобережье р. Восточная Хандыга, ручей у авто-трассы Якутск-Магадан, скалы у ручья, 63°08'12.9" с. ш., 138°46'43.8" в. д., 785 м над ур. м., ольховниково-тополево-ивовый лес с лиственницей, 17 VII 2016, собр. и опр. Л. Н. Порядина.

Вид отмечен в Юго-Западной (Верхне-Ленский ФР) и Восточной (Яно-Индибирский ФР) Якутии [13]. Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Хабаровский край, Магаданская область [14]. Россия: Южная и Восточная Сибирь, север и юг Дальнего Востока. Вид охраняется и внесен в Красные книги Иркутской области [15], Забайкальского края [16], Магаданской области [17], Камчатского края [12].

Lecidella wulfenii (Нерп) Körb. – Булунский район (Арктический ФР), о. Столбовой (Новосибирские о-ва), северная оконечность острова, 8 км от м. Скалистый, 74°10'01,7" с.ш., 135°29'49,4" в.д., основная терраса, склон оврага, байджарахи, ожиково-ивково-мохово-лишайниковая тундра, на растительных остатках, 06 VIII 2019, собр. Е. И. Троева, опр. Л. Н. Порядина.

В Якутии вид распространен в Арктическом ФР (в том числе Новосибирские о-ва). Красноярский край, Республика Бурятия, Магаданская область, Чукотский автономный округ.

Lobaria isidiosa (Müll.Arg.) Vain. – Ленский район (Верхне-Ленский ФР), в 35 км к югу от поселка Витим, в 4 км от реки Теплая (приток реки Витим), 59°08'18" с.ш., 112°40'52" в.д., смешанный лес (ель-береза-пихта-сосна) по распадку, на моховой дернине, 12 VI 2004, собр. и опр. Л. Н. Порядина.

Якутия: Алданский, Верхне-Ленский ФР. Занесен в Красную книгу РС (Я) как редкий вид. Сопредельные территории: Красноярский край [18], Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край [19], Хабаровский край, Амурская область.

Lobaria linita (Ach.) Rabenh. – Ленский район (Верхне-Ленский ФР), в 35 км к югу от поселка Витим, в 4 км от реки Теплая (приток реки Витим), 59°08'18" с.ш., 112°40'52" в.д., смешанный лес (ель-береза-пихта-сосна) по распадку, на моховой дернине, 12 VI 2004, собр. и опр. Л. Н. Порядина.

Вид известен из Арктического и Алданского ФР; новый для Верхне-Ленского ФР. Красноярский край, Иркутская область, Забайкальский край [19], Амурская область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ.

Masonhalea richardsonii (Hook.) Kärnafelt (syn. *Nephromopsis richardsonii* (Hook.) Divakar, A. Crespo et Lumbsch) – Оймяконский район (Яно-Индиригский ФР), перевал Нельканский, 64°27'26.9" с. ш., 143°20'30.8" в. д., высота 1349 м над ур.м., горная дриадово-лишайниковая тундра, на подушке лишайников, 10 VII 2016, собр. и опр. Л. Н. Порядина.

В Якутии вид распространен в тундровых сообществах (Арктический, Центрально-Якутский, Яно-Индиригский ФР). Занесен в Красную книгу РФ и Красную книгу РС (Я) как редкий вид. Распространен на сопредельных территориях. Россия: Арктика (якутский, чукотский сектора), Сибирь, Дальний Восток.

Parmelia pinnatifida Kurok. – Томпонский район (Яно-Индиригский ФР), хр. Сунтар-Хаята (Верхоянская горная система), правый берег р. Кюрбелях, склон г. Баранья, ресурсный резерват «Сунтар-Хаята», 63°07'00.7" с. ш., 139°03'83.1" в. д., 909 м над ур. м., выходы скал в лиственничной редине, на скалах, 8 VII 2011, собр. и опр. Л. Н. Порядина.

В Якутии имеются сборы данного вида (Яно-Индиригский ФР) — SASY (дублет), Верхоянье, вершина Мать-горы с выходами гранитных скал, 67°25' с. ш., 134°54' в. д., высота 1240 м над ур. м., горная лишайниковая тундра, 31.07.2006, собр., опр. Тейво Ахти, Гербарий Ботанического музея университета г. Хельсинки (Финляндия). Второе местонахождение вида в Якутии. Распространение на сопредельных территориях: Красноярский край.

Pertusaria octomela (Norman) Erichsen – Томпонский район (Яно-Индиригский ФР), хр. Сунтар-Хаята, правобережье р. Восточная Хандыга, ручей у автотрассы Якутск-Магадан, скалы у ручья, 63°08'12.9" 138°46'43.8" 785 м над ур. м., ольховниково-тополево-ивовый лес с лиственницей, на моховой дернине, 17 VII 2016, собр. и опр. Л. Н. Порядина.

Вид имеет распространение в Арктическом ФР; новый вид для Яно-Индиригского ФР. Красноярский край, Иркутская область, Магаданская область.

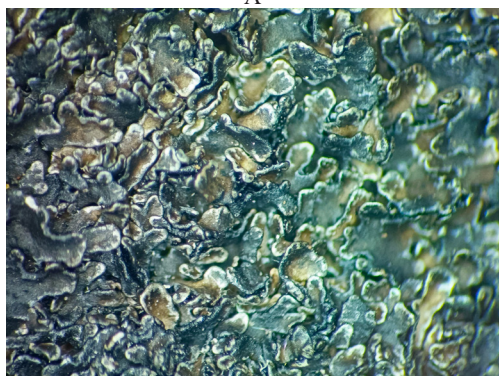
Pyxine soredata (Ach.) Mont. – Якутия, Нерюнгринский район (Алданский ФР), хребет Токинский Становик, верховья р. Алгама, правый берег напротив устья р. Тарыннах, 55°58' с. ш., 129°38' в. д., пойменный чозениево-тополевоый лес с дюшекией, на коре чозении, 19 VII 2000, собр. Е. В. Софронова, опр. Л. Н. Порядина.

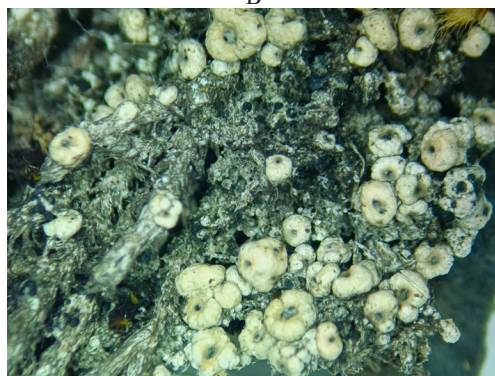
A

B

C

D

Рис. Фотографии видов А. *Brigantiaea fuscolutea* (Dicks.) R. Sant.; В. *Cyphelium pinicola* Tibell. С; *Parmelia pinnatifida* Kurok.; D. *Pertusaria octomela* (Norman) Erichsen
Fig. Pohotography of the plant lichen species А. *Brigantiaea fuscolutea* (Dicks.) R. Sant.; В. *Cyphelium pinicola* Tibell. С; *Parmelia pinnatifida* Kurok.; D. *Pertusaria octomela* (Norman) Erichsen

Известно несколько местообитаний вида в Якутии (Яно-Индибирский, Верхне-Ленский, Алданский ФР). Занесен в Красную книгу РФ и Красную книгу РС (Я) как редкий вид. Сопредельные территории: Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Амурская область, Хабаровский край.

Заключение

Приведенные в статье данные о новых находках редких видов лишайников пополняют сведения о лишенофлоре Якутии. Впервые на территории Якутии найдены лишайники *Brigantiaea fuscolutea* и *Cyphelium pinicola*. Для лишайника *Parmelia pinnatifida* отмечено второе местонахождение вида в Якутии. Вид *Pertusaria octomela* является новым для Яно-Индибирского флористического района (ФР); *Lobaria linita* – новый для Верхне-Ленского ФР. Редкие виды лишайников *Asahinea scholanderi*, *Masonhalea richardsonii*, *Pyxine soredata* занесены в Красную книгу РФ и Красную книгу РС (Я); виды *Arctocetraria nigrascens*, *Lobaria isidiosa* включены в Красную книгу РС (Я), лишайник *Cetrelia cetrarioides* внесен в перечень как нуждающийся в мониторинге. Для каждого образца лишайника указаны новые данные о нахождении (координаты, экотоп, субстрат), обобщены сведения о распространении вида в пределах Якутии, а также на сопредельных территориях.

Л и т е р а т у р а / References

1. Флора Якутии: Географический и экологический аспекты. Новосибирск: Наука; 2010:6-9.
Flora of Yakutia: Geographical and environmental aspects. Novosibirsk: Nauka; 2010: 6-9 (in Russ.).
2. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № RU 2025622248. Лихенобиота Якутии: систематика, экология, распространение. Порядина Л.Н. Правообладатель: ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». Дата гос. регистрации в Реестре баз данных 27.05.2025.
Certificate of state registration of the database No. RU 2025622248. Lichenobiota of Yakutia: systematics, ecology, distribution / Poryadina L.N. copyright holder: Federal Research Centre «The Yakut Scientific Centre of SB RAS». Date of state registration in the Database Registry 27.05.2025 (in Russ.).
3. Красная книга Российской Федерации. Растения и грибы. Москва: ВНИИ «Экология»; 2024:944.
Red Book of the Russian Federation. Plants and fungi. Moscow: VNIИ Ekologiya; 2024: 944 (in Russ.).
4. Красная книга Республики Саха (Якутия). Т.1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов. Москва: Реарт; 2017:331-352.
Red Book of the Republic of Sakha (Yakutia). Vol.1: Rare and endangered species of plants and fungi. Moscow: Reart; 2017:331-352 (in Russ.).
5. Список лишенофлоры России. Санкт-Петербург: Наука; 2010:194.
List of lichenoflora of Russia. St. Petersburg: Nauka; 2010:194 (in Russ.).
6. Современное состояние биологического разнообразия на заповедных территориях России. Лишайники и мохообразные. Москва: МСОП; 2004;(3):5-236.
The current state of biological diversity in the protected areas of Russia. Lichens and mosses. Moscow: IUCN; 2004;(3): 5-236 (in Russ.).
7. Будаева С.Э. Аннотированный список лишайников Республики Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова; 2012:182.
Budaeva SE. *An annotated list of lichens of the Republic of Buryatia*. Ulan-Ude: Publishing house of the B.S.A. named after V.R. Filippov; 2012:182 (in Russ.).
8. Флора лишайников России: семейство Parmeliaceae. Москва; Санкт-Петербург: Товарищество научных изданий КМК; 2022:187 с.
Flora of lichens of Russia: The Parmeliaceae family. Moscow; St. Petersburg: Association of Scientific Publications of the KMC; 2022:187 (in Russ.).
9. Котлов Ю.В. Материалы к лишенофлоре Верхнеколымского нагорья. *Новости систематики низших растений*. 1995; 30 66-72.
Kotlov YuV. Materials on the lichenoflora of the Verkhnekolymsky Upland. *Novosti Sistematiki Nizshikh Rastenii = News of the taxonomy of lower plants*. 1995;30:66-72 (in Russ.).
10. Чабаненко С.И. Конспект флоры лишайников юга российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука; 2002:232.
Chabanenko SI. *Synopsis of lichen flora in the south of the Russian Far East*. Vladivostok: Dalnauka; 2002:232 (in Russ.).
11. Красная книга Республики Бурятия: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов. Белгород: Константа; 2023:342.
Red Book of the Republic of Buryatia: Rare and endangered species of plants and fungi. Belgorod: Constant; 2023: 342 (in Russ.).
12. Красная книга Камчатского края. Растения. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс; 2018;(2):388.
Red Book of the Kamchatka Territory. Plants. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatpress; 2018; 2:388 (in Russ.).

13. Порядина Л.Н. Виды рода *Fuscopannaria* P.M.Jørg. (Lichens) в Республике Саха (Якутия). *Вестник СВФУ*. 2024;21(2):29-36 (DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-2-29-36)

Poryadina LN. Species of the genus *Fuscopannaria* P.M.Jørg. (Lichens) in the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2024; 21(2):29-36 (in Russ.). (DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-2-29-36)

14. Макрый Т.В. *Fuscopannaria cheiroloba* — новый для России вид лишайника. *Turczaninowia*. 2018;21(1):153-159.

Makry TV. *Fuscopannaria cheiroloba* is a new species of lichen in Russia. *Turczaninowia*. 2018;21(1):153-159 (in Russ.).

15. Красная книга Иркутской области. Иркутск-Улан-Удэ: Республиканская типография; 2020:552.

The Red Book of the Irkutsk region. Irkutsk-Ulan-Ude: Republican Printing House; 2020: 552 (in Russ.).

16. Красная книга Забайкальского края. Растения. Новосибирск: Дом мира; 2017:384.

The Red Book of the Trans-Baikal Territory. Plants. Novosibirsk: Dom Mira; 2017: 384 (in Russ.).

17. Красная книга Магаданской области. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов. Магадан: Охотник; 2019:356.

The Red Data Book of Magadan Oblast. Magadan: Okhotnik; 2019:356 (in Russ.).

18. Седельникова Н.В. Видовое разнообразие лишенобиоты Алтае-Саянского экорегиона. *Растительный мир Азиатской России*. 2013;2(12):12-54.

Sedelnikova NB. Species diversity of lichenobiota of the Altai-Sayan ecoregion. *The flora of Asian Russia*. 2013;2(12):12-54 (in Russ.).

19. Чесноков С.В., Конорева Л.А., Андреев М.П. Новые находки редких и охраняемых видов лишайников на хребте Кодар (Каларский район, Забайкальский край). *Turczaninowia*. 2017;20(1):80-98 (DOI: 10.14258/turczaninowia.20.1.7.).

Chesnokov SV, Konoreva LA, Andreev MP. New finds of rare and protected lichen species on the Kodar ridge (Kalarsky district, Zabaikalsky Krai). *Turczaninowia*. 2017;20(1):80–98 (in Russ.). (DOI: 10.14258/turczaninowia.20.1.7.)

Сведения об авторе

ПОРЯДИНА Лена Николаевна – к. б. н., с. н. с., ФГБУН Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-6445-4269>, Author ID: 56202251000, SPIN:8886-7308, e-mail: pln14@rambler.ru

About the author

Lena N. PORYADINA – Doct. Sci. (Biology), Senior Researcher, Institute for Biological Problems of Cryolithozone Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-6445-4269>, Author ID: 56202251000, SPIN:8886-7308, e-mail: pln14@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 04.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 20.05.2026

Принята к публикации / Accepted 15.06.2026

УДК 581

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-39-49>

Оригинальная научная статья

Новые местонахождения видов сосудистых растений в Якутии при мониторинге сети Интернет

Н. К. Сосина ✉, Е. Г. Николин , Р. Р. Софронов

Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

✉ n.k.sosina@yandex.ru

Аннотация

Республика Саха (Якутия) с ее обширной территорией, климатическими условиями, разнообразными ландшафтами, мерзлотными почвами и, соответственно, уникальным растительным покровом привлекает многих специалистов-ботаников. Иногда свои находки и наблюдения ученые оставляют без внимания, не публикуют, и эти данные не попадают в региональные флористические сводки. Чтобы более полно представить флору Якутии, была проведена работа по поиску в различных интернет-ресурсах упоминаний о находках растений вне известных ареалов. В статье приводятся сведения о гербарных образцах из Депозитария живых систем «Ноев ковчег» (гербарий Московского государственного университета, МГУ), электронных гербариев Центрального сибирского ботанического сада СО РАН (NSC), Института биологических проблем Севера ДВО РАН (MAG) и Южно-Сибирского ботанического сада Алтайского государственного университета (ALTU), а также наблюдений из Атласа видов и иллюстрированного онлайн-определителя растений «Плантариум». В этих электронных ресурсах обнаружены сборы и фотофиксации новых точек 46 видов и подвидов сосудистых растений, найденных в Алданском, Верхне-Ленском, Оленекском, Центрально-Якутском, Яно-Индиго-Сирском и Колымском флористических районах. Из них впервые во флоре Якутии отмечено произрастание *Calamagrostis sugawarae*, *Trollius riederianus*, *Fragaria vesca*, *Geranium turczaninowii*, *Phlojodicarpus komarovii*, *Symphytum caucasicum*. У остальных видов выявленные местообитания существенно расширяют их территории распространения в Якутии. Также в работе представлены 8 культурных растений (*Allium obliquum*, *Raphanus raphanistrum*, *Anethum graveolens*, *Phacelia tanacetifolia*, *Mentha × piperita*, *Calendula officinalis*, *Helianthus annuus*, *Lactuca sativa*), которые в центральных и южных районах многие исследователи и местные жители часто отмечают как произрастающие вне посевов и культурных насаждений, преимущественно по сорным местообитаниям. Данная работа направлена на понимание более полной картины распространения растений и является дополнением таксономической основы для будущих флористических исследований, сводок и составления определителя.

Ключевые слова: сосудистые растения, вид, гибрид, адвентивный таксон, гербарий, новые находки, ареал, флористические районы, Якутия, мониторинг, Интернет

Финансирование. Работа проводилась в рамках госзадания Минобрнауки России по проекту «Изучение и развитие биологических (биоресурсных) коллекций как основа сохранения биоразнообразия Северо-Востока Азии» (рег. № 125102712105-7).

Для цитирования: Сосина Н. К., Николин Е. Г., Софронов Р. Р. Новые местонахождения видов сосудистых растений в Якутии при мониторинге сети Интернет. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):39–49. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-39-49>

Original article

New locations of vascular plant species in Yakutia discovered through Internet monitoring

Nadezhda K. Sosina , Evgeniy G. Nikolin , Roman R. Sofronov

Institute for Biological Problems of Cryolithozone,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yakutsk, Russian Federation

 n.k.sosina@yandex.ru

Abstract

The Republic of Sakha (Yakutia), with its vast territories, climatic conditions, diverse landscapes, permafrost soils, and consequently, unique vegetation cover, attracts many botanical specialists. Sometimes, scientists leave their findings and observations unpublished, and these data do not make it into regional floristic summaries. To provide a more comprehensive representation of Yakutia's flora, work has been carried out to search for plant discoveries outside known ranges across various online resources. In this article, we present information on herbarium specimens from the Depository of Living Systems "Noev kovcheg" (Herbarium of Moscow State University, MW), Digital Herbariums of the Central Siberian Botanical Garden SB RAS (NSC), of the Institute of Biological Problems of North FEB RAS (MAG), and the South-Siberian Botanical Garden of Altai State University (ALTB), as well as observations from the Atlas of Species and the illustrated online plant identifier "Plantarium". These electronic resources contain records and photographic documentation of new occurrences for 46 species and subspecies of vascular plants found in the Aldan, Upper-Lena, Olenyok, Central Yakutian, Yano-Indigirka, and Kolyma floristic regions. For the first time in the flora of Yakutia, the presence of *Calamagrostis sugawarae*, *Trollius riederianus*, *Fragaria vesca*, *Geranium turczaninovii*, *Phlojodicarpus komarovii* and *Symphytum caucasicum* has been noted. For the other recorded species, the identified habitats significantly expand their distribution ranges within Yakutia. Additionally, the work presents 8 cultivated plants (*Allium obliquum*, *Raphanus raphanistrum*, *Anethum graveolens*, *Phacelia tanacetifolia*, *Mentha* × *piperita*, *Calendula officinalis*, *Helianthus annuus*, *Lactuca sativa*) that in the central and southern regions are often noted by many researchers, as well as local residents, as growing outside of sown areas and cultivated plantings, predominantly in ruderal habitats. This work aims to provide a more complete picture of plant distribution and serves as an addition to the taxonomic basis for future floristic research, inventories, and the compilation of identification guides.

Keywords: vascular plants, species, hybrid, adventive taxon, herbarium, new discoveries, range, floristic regions, Yakutia, monitoring, Internet

Funding. The work was conducted in the scope of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Study and development of biological (bioresource) collections as a basis for biodiversity conservation in North-East Asia" (reg. №125102712105-7).

For citation: Sosina N. K., Nikolin E. G., Sofronov R. R. New locations of vascular plant species in Yakutia discovered through Internet monitoring. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):39–49. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-39-49>

Введение

Для решения одной из важнейших наукоемких критических задач, а именно разработки «технологии сохранения биологического разнообразия и борьбы с чужеродными (инвазивными) видами животных, растений и микроорганизмов»

[1], необходим учет более полной информации о распространении видов на исследуемой территории. Современные наиболее полные сводки разнообразия сосудистых растений нашей республики представлены в «Определителе высших растений Якутии» [2] и «Чек-листе сосудистых растений Азиатской России» [3]. После выхода регионального определителя опубликовано несколько работ по флористическим исследованиям и новым находкам в различных районах Якутии [4–10]. Однако не все материалы документированы. Часть флористических исследований остается неопубликованной, а интересные и значимые находки могут храниться как в гербариях, так и в виде фотографий растений. С развитием интернет-технологий эти данные становятся общедоступными (через электронные гербарии общего доступа, различные интернет-площадки для специалистов и любителей природы и т. д.), но часто не попадают в региональные сводки из-за затруднений поиска и отбора материалов. Цель данной статьи – выявление в сети Интернет сведений о находках видов сосудистых растений, подтверждение их идентификации, определение новых для флористических районов и Якутии в целом. Данная работа направлена на формирование более полной картины распространения растений и является дополнением таксономической основы для будущих флористических исследований, сводок и составления определителя.

Материалы и методы

Для отбора новых видов сосудистых растений во флористических районах Якутии и на территории республики в целом были просмотрены доступные по состоянию на 2025 г. данные в нескольких интернет-ресурсах. Из них приводим сведения о гербарных образцах из Депозитария живых систем «Ноев Ковчег», в основу которого положены данные большей частью гербария Московского государственного университета (MW) [11], электронных гербариев Центрального сибирского ботанического сада СО РАН (NSC) [12], Института биологических проблем Севера ДВО РАН (MAG) [13] и Южно-сибирского ботанического сада Алтайского государственного университета (ALTB) [14], а также наблюдений из Атласа видов и иллюстрированного online-определителя растений «Плантариум» [15]. Многие из просмотренных данных дублируются в Глобальном информационном центре по биоразнообразию (GBIF) [16]. Всего найдено 54 вида и подвида сосудистых растений, являющихся новыми для флористических районов и Якутии в целом.

Для уточнения видов использованы классические сводки и определители [2, 17–21] и первичные описания видов [22–24]. В тексте флористические районы и их сокращения приведены согласно «Определителю...» [2]: Алд – Алданский, В-Л – Верхне-Ленский, Ц-Я – Центрально-Якутский, Ол – Оленекский, Я-И – Яно-Индигирский, Кол – Колымский, Арк – Арктический; ссылки на гербарии указаны в круглых скобках, где первым указан акроним гербария, затем – номер хранения; данные фотофиксации на сайте Плантариум представлены в виде ID фотографий. Для единообразия все имеющиеся координатные данные в описании места сбора приведены к WGS84 в формате «градусы, минуты, секунды». Список приведен по системе Энглера (роды и виды – в алфавитном порядке).

Результаты и обсуждение

В результате мониторинга электронных ресурсов выявлены новые точки произрастания видов и подвидов, расширяющие ареал на территории Якутии:

Cryptogramma stelleri (S.G. Gmel.) Prantl – «Верхнеколымский р-н, Момский хребет, 120 км от пос. Зырянка, р-он наледи р. Рассоха, листовнично-моховой склон», 15.07.1983, №1511, собрал Н. М. Большаков, определила З. Малышева, 65°12' с.ш. и 149°36' в.д. (NSK0019510) – Кол.

Agrostis diluta Kurczenko – «Оймяконский р-н, вблизи поселка Томтор (левобережье р. Индигирки в ее верхнем течении). Мезопонижение на костровом лугу», 06.08.1960, №94/2, собрал М. Н. Караваев, определила Е. И. Курченко в 2003 г., 63°16' с.ш. и 143°12' в.д. (MW0011193) – Я-И (бассейн р. Индигирки).

Agrostis stolonifera L. – «Нижеколымский р-н, окр. аэропорта в пос. Черский. Лужа на ручье, текущем через дорогу, 68°44'12.41" с.ш. и 161°22'37.49" в.д.», 24.07.2024, собрал и определил А. А. Бобров и О. А. Мочалова (MAG0022160, MAG0022161) – Кол (северное местонахождение), заносное?

Calamagrostis sugawarae Ohwi – «Алданский р-н, крутой (40-45°) солнцепечный склон с многочисленными выходами скал на левом берегу р. Гонам (приток Учюра) в 5 км выше устья р. Эдыс; редкостойный сосняк злаково-разнотравный. 400 м н.у.м., 57°00' с.ш. и 130°18' в.д.», 29.08.1986, № 86-162, собрал Д. А. Петелин, определила Н. С. Пробатова (MW0008579) – Алд.

Elymus sibiricus L. – «Улахан Чистайский хребет (хр. Черского), р. Тирехтях-Момский (правобережье), окр. пос. Индигирский, правобережье р. Индигирки против поселка. Сухой бор», 30.07.1975, собрала П. Г. Жукова, определила П. Г. Жукова 06.1982, 64°50' с.ш. и 145°52' в.д. (MAG0007949) – Я-И (бассейн р. Индигирки).

Setaria viridis (L.) Beauv. – «Томпонский р-н, 10 км ниже пгт. Хандыга по р. Алдан, на берегу Алдана, 62°38'39.98" с.ш. и 135°20'46.32" в.д.», 20.08.1983, собрал и определил А. П. Хохряков (MAG0008470) – Ц-Я.

Allium obliquum L. – «Алданский р-н, северная окраина г. Алдан, 58°36' с.ш. и 125°23' в.д., около огорода», фото Г. В. Чулановой от 13.06.2016, определение Г. А. Лазькова (Plantarium image ID: 605097) – Алд, заносное.

Allium splendens Willd. ex Schult. et Schult. f. – «Верхнеколымский р-н, Момский хр., 120 км ю-з от пос. Зырянка, р-н наледи левого берега р. Рассохи, скала», 14.07.1983, № 1469, собрал Н. М. Большаков, определил Н. В. Фризен, 65°12' с.ш. и 149°36' в.д. (NSK0059738) – Кол.

Epipactis helleborine (L.) Crantz – «Алданский р-н, г. Алдан, 58°36' с.ш. и 125°23' в.д., радиосопка, тайга», фото и определение Г. В. Чулановой от 22.07.2016 (Plantarium image ID: 546693) – Алд;

Spiranthes sinensis (Pers.) Ames (*Spiranthes australis* (R.Br.) Lindl.) – «Томпонский р-н, в 15 км ниже Хандыги по Алдану, моховое болото на берегу озера», 21.08.1983, собрал и определил А. П. Хохряков, 62°37'20" с.ш. и 135°19'02" в.д. (MAG0001845) – Ц-Я, новая точка сбора, редкого вида, занесенного в 3г категория [25: с.159].

Rumex pseudoxylia (Tolm.) A.P. Khokhr. – «Хребет Черского. Долина р. Мэльтех-юрюе. На галечнике в пойме реки выше ручья Салыннах», 4.07.1971, № 112, собрал В. Н. Павлов, определил А. П. Хохряков в 1986 г., 64°45' с.ш. и 146°04' в.д. (MW0160507) – Я-И (бассейн р. Момы).

Gypsophila sambukii Schischk. – «Правый берег Лены, в ~80 км ниже Олекминска; склон сопки в устье р. Хатыстыр», 29.06.1960, собрал В. Р. Филин, определил М. Н. Караваев, 60°33'26" с.ш. и 121°44'04" в.д. (MW0064873) – В-Л.

Aconitum ambiguum Rchb. – «Мегино-Кангаласский улус, п. Нижний Бестях, долина реки Лены, пойменный луг, 62°02'24.0" с.ш. и 129°58'33.6" в.д.», фото от 08.2016 и определение А. Титова (Plantarium image ID: 480836) – Ц-Я.

Aconitum delphinifolium DC. – «Ленский р-н. Осоковое болото в долине р. Иэрэлех», 29.07.1956, собрал А. П. Тыртиков, определил В. Н. Ворошилов в 09.1960 г., 62°30'56" с.ш. и 113°58'17" в.д. (MW0075804). Примечание: в настоящее время р. Иэрэлэх/Иэрэлех/Ирелях (разные транскрипции написания названия реки, написанные в этикетках коллекций Гербария SASY) левого притока р. Оччугуй-Ботубуя бассейна р. Вилюй относится к Мирнинскому р-ну – Ц-Я.

Trollius riederianus Fisch. et C.A. Mey. – «Алданский р-н, северная окр. г. Алдан, 58°36' с.ш. и 125°23' в.д., в лесу», фото Г. В. Чулановой от 11.06.2016, определение М. М. Серебряного (Plantarium image ID: 605089) – Алд.

Raphanus raphanistrum L. – «Мирнинский р-н, п. Айхал, засоренная пустошь», 12.08.1966, собрал А. Тишков, определил А. П. Тыртиков, 65°56' с.ш. и 111°30' в.д. (MW0082051) – Ол, заносное.

Rhodiola rosea subsp. *integrifolia* (Rafin.) Petrovsky (*Rhodiola integrifolia* Raf.) – Момский улус, «хр. Черского. Массив вершины 1841 в междуречье р.р. Правый Джапкачан и Левый Кысыл-Хая (левобережье р. Тирехтях). На каменистом склоне. Высота 1600 м над ур. м.», 2.08.1971, № 361, собрал В. Н. Павлов, определил неизвестный, 64°55' с.ш. и 146°14' в.д. (MW0160967) – Я-И (бассейн р. Момы).

Fragaria vesca L. – Ленский р-н, «долина р. Лены у дер. Пеледуй, телеграфная просека в смешанном лесу», 28.06.1936, №88, собрал Трушковский, определил неизвестный, 59°37' с.ш. и 112°45' в.д. (MW0096285). *Примечание: в отличие от F. mandshurica* Staudt. (*F. orientalis* auct.) образец опушен вверх направленными волосками, а от *F. viridis* Weston – выдающимися над соседними конечными верхушечными зубцами листочков, которые по ширине чуть или почти в 2 раза уступают им – В-Л.

Potentilla jacutica Jus. (*P. macrantha* Ledeb.) – «Ленский р-н. Луг в пойме Лены около пос. Мухтуя», 5.07.1956, собрал А. П. Тыртиков, определил Б. А. Юрцев 5.09.1983, 60°44' с.ш. и 114°57' в.д. (MW0094506). *Примечание: из двух образцов гербарного листа к этому виду относится верхний, второй P. arenosa* (Turcz.) Juz. – В-Л.

Trifolium hybridum L. – «Томпонский р-н, окр. п. Хандыга, правый берег р. Алдан, разнотравный луг в лиственничном лесу», 13.08.1984, собрал Ваняев, определил А. А. Скачко 5.04.2022 г., 62°39' с.ш. и 135°35' в.д. (ALTB1100012424). *Примечание: А. А. Скачко приводит вид под знаком вопроса, хотя по равномерной зубчатости листочков, доходящих до основания, вид не вызывает сомнений. По нашим наблюдениям, по р. Алдан вид изредка встречается до устья р. Тамта. Кроме того, это растение спорадически отмечается и по долине Средней Лены, например, в г. Якутске фотофиксации в Сайсарском р-не (62°01'48.49" с.ш. и 129°38'06.66" в.д.) от 31.08.2025 г. И. В. Яковлева (URL: <https://www.inaturalist.org/observations/310426340>. Дата обращения 22.04.2026) и сборы с Покровского тракта 8 км (61°58'25" с.ш. и 129°39'45" в.д.) от 23.08.2025 г. Е. Г. Николина (SASY0057319), что, возможно, связано с посадкой в 2020-х годах мавританского газона или иных культурных насаждений, проводимых в черте города. Ранее *Trifolium hybridum* в центральной Якутии приводился В. Л. Комаровым [26], но в последующем был исключен из состава флоры данного флористического района – Ц-Я, заносное.*

Oxytropis darpirensis Jurtzev et A.P. Khokhr. – «Томпонский р-н, трасса Хандыга-Магадан, 150 км, 63°02'25.19" с.ш. и 138°00'01.37" в.д.», 27.08.1983, собрал и определил А. П. Хохряков (MAG0013221–MAG0013225) – Я-И (Восточное Верхоянье).

Geranium transbaicalicum subsp. *turczaninovii* (Serg.) Peschkova (*Geranium turczaninovii* (Serg.) Troshkina) – «Олекминский р-н, ЮЗ окраина селения Олекминское (к-з им. Каландарашвили) у дороги среди посевов яровой пшеницы», 23.07.1952, №15, собрал В. Б. Куваев, 60°22'46" с.ш. и 120°09'26" в.д. (MW0155137); «Окрестности гор. Якутска. Сосновый лес близ Дома отдыха учителей», 18.07.1954, собрал Т. Сладков (MW0155141). Оба образца определены В. И. Трошкиной 30.05.2017 г. *Примечание: Дом отдыха «Учитель» находился на месте микрорайона Борисовка-1, 62°02'00" с.ш. и 129°37'25" в.д. – В-Л, Ц-Я, заносное (?).*

Viola selkirkii Pursh ex Goldie – «Мирнинский р-н, окр. пос. Светлый, берег р. Виллюй, 63°04' с.ш. и 113°30' в.д.», фото Г. В. Чулановой от 07.06.2009, определение Н. С. Гамовой (Plantarium image ID: 181535) – Ц-Я (р. Виллюй).

Vupleurum bicaule Helm – «Оймяконское нагорье, южные остепненные склоны по борту долины близ дороги, западнее пос. Томтор, 63°20'31.35" с.ш. и 141°53'52.63" в.д., часто», 2.08.2006, №206, собрал В. В. Якубов (MAG0022226, MAG0023336, MW0950337). Примечание: сбор В. В. Якубова относится к отрезку трассы старого Магаданского тракта между р. Агаякан и с. Ючюгей; кроме этого, имеется сбор 2006 г. Е. Г. Николина из окр. с. Томтор – Я-И.

Phlojodicarpus komarovii Gorovoj – «56°45' с.ш., 128°46' в.д., территория, подчиненная Нерюнгринскому горсовету, верхняя часть склона юго-вост. экспозиции к левому берегу р. Гонам (приток Учюра) между устьями рек Б. и М. Салгын. Сосняк с листовенницей рододендрово-толокнянково-разнотравный; на почвах, формирующихся на карбонатах (доломитах). 900 м н.у.м.», № 86–18, 7.08.1986, собрал Д. А. Петелин, определил М. Г. Пименов, 56°45' с.ш. и 128°46' в.д. (MW0117709). Примечание: *Ph. komarovii* габитуально несколько похож на *Ph. sibiricus* (до 50 см), но от него отличается четыреждыперистыми прикорневыми и более крупными стеблевыми листьями, желтовато-белыми лепестками, густо опушенными короткими курчавыми волосками плодами (2.5–3 мм шир.) и полыми стеблями (40–60 см выс.). Также в отличие от *Ph. sibiricus* предпочитает высокогорные местообитания, встречается по скалам у русла верховьев горных рек и на вершинах хребтов [22]. От *Ph. villosus* выделяется габитуально, последний более низкий (до 40 см), у него прикорневые листья трижды перистые, лепестки белые, плоды более широкие (3–5 мм) с мягким опушением, растет преимущественно в тундрах [2, с. 622]. Также нами и другими исследователями (например, фото от наблюдателя *Salix2* от 25.07.2023, 61°24'39.35" с.ш. и 126°37'16.34" в.д., определение которого подтверждено специалистом по семейству *Apiaceae* – U. Magsar (ResearcherID: B-4709-2015, Монголия) [URL: <https://www.inaturalist.org/observations/191283918>. Дата обращения: 2.02.2026]), отмечено произрастание на скалах р. Синей территории НПП «Ленские Столбы» – Алд, Ц-Я.

Pyrola grandiflora Radius – «Нерюнгринский р-н, окр. перевала Тит, 57°33' с.ш. и 125°11' в.д., задернованный склон», фото Г. В. Чулановой от 26.07.2016, определение М. С. Князева (Plantarium image ID: 546062) – Алд.

Symphytum caucasicum M. Bieb. – «Территория г. Алдан, 58°36' с.ш. и 125°23' в.д.», фото Г. В. Чулановой от 21.06.2012, определение С. Р. Майорова (Plantarium image ID: 140467) – Алд, заносное.

Trigonotis myosotidea (Maxim.) Maxim. – «Олекминский улус, р. Олёкма, р. Енюк, верхнее течение, 57°54' с.ш. и 121°53' в.д., пойменный луг, Н=600 м», 6.07.1998, № 1192, собран П. В. Голяковым, определен этим видом Н. Усеек 11.12.1998. Впоследствии, в 2008 г., был тестирован и переопределен О. Д. Никифоровой как *Myosotis krylovii* Serg. (ALTB1100060760). Примечание: в связи с более глубокой надрезанностью чашечки (на более $\frac{3}{4}$) у образцов на гербарном листе, чем у *M. krylovii* (у которого не более чем на $\frac{1}{4}$), мы придерживаемся первоначального определения вида – В-Л.

Thymus diversifolius Klovov – «Склон ю/в экспозиции, левобережье р. Лены, нижнее окончание притока Тимир-Баппыт», 14.07.1958, собрали Колпаков и Шахова, 66°29'20" с.ш. и 123°29'30" в.д. (MW0128750); «Р. Оленек. Каменистый обрыв к реке», 10.08.1960, собрал Пакин, 71°57' с.ш. и 123°40' в.д. (MW0129054). Оба экземпляра определены В. М. Васюковым 17-18.05.2016. Примечание: несколько позднее, в 1970 г., этот вид был собран еще в низовьях р. Лены в 30 км ниже

п. Сиктях Е. Р. Труфановой, образец хранится в Гербарии Северо-Восточного федерального университета [27] – Арк, Ц-Я.

Thymus karavaevii Doronkin (*Th. pseudoaltaicus* Karav.) – «Тимптонский р-н, левый берег р. Оленчаро на камнях на южном склоне», 29.06.1953, собрала Л. Приземина, определил М. Н. Караваев 05.1968 г. (MW0128874). Примечание: вероятно, место сбора относится к р. Олонгоро/Олонгро/Оленгро (вариации названия реки на картах разных лет выпуска), левого притока р. Горбыллах, впадающего в р. Тимптон, где в настоящее время расположен пгт. Серебряный бор Нерюнгринского р-на, 56°40' с.ш. и 124°50' в.д.; «Левый берег р. Лены в ~25 км выше п. Мухтуя, каменная осыпь», 24.06.1960, собрал В. Р. Филин, определил В. М. Васюков 17.05.2016, 60°36'23" с.ш. и 114°34'48" в.д. (MW0129189). Примечание: п. Мухтуя – ныне г. Ленск – Алд, В-Л.

Thymus probatovae Vasjukov – «Оймяконский р-н, 1000 км трассы Магадан-Хандыга, с. Томтор, 63°15'49.80" с.ш. и 143°11'03.90" в.д.», 10.08.1983, собрали О. А. Хохрякова, П. А. Хохряков и П. Ю. Жмылев, определил В. М. Васюков 11.04.2019 (MAG0019811) – Я-И (бассейн р. Индигирки).

Pedicularis kolymensis Khokhr. – «Нижеколымский р-н, р. Пантелеиха, 3,5 км на ЮВ от пос. Пантелеиха, старично-термокарстовое озеро на внешнем краю долины, 68°35'19.6" с.ш. и 161°45'38.5 в.д.», 20.07.2024, собрали О. А. Мочалова и А. А. Бобров, определила О. А. Мочалова (MAG0019356) – Кол (нижнее течение р. Колымы).

Galium davuricum Turcz. ex Ledeb. – «Нижеколымский р-н, левый берег Колымы напротив пос. Черский, виска Ахмелло, 68°48'41.29" с.ш. и 160°59'21.48" в.д.», 21.07.2024, собрали А. А. Бобров, О. А. Мочалова, опред. А. А. Бобров (MAG 0019367) – Арк.

Achillea acuminata (Ledeb.) Sch. Bip. – «Оймяконский р-н. Левый берег р. Эльги в ее среднем течении по дороге на старый Маршальский. Разнотравно-злаковый луг в долине Эльги», 27.07.1960, №64/12, собрала Е. Р. Труфанова, определила Н. С. Гамова 02.02.2024, 64°23' с.ш. и 141°52' в.д. (MW0144322) – Я-И.

Achillea asiatica Serg. – «Верхоянский р-н, окр. пос. Батагай. 68° с.ш. 134° в.д. по правому берегу р. Яна, вторая надпойменная терраса, заросли ивы и шиповника», 14.08.1988, собрали С. В. Бубнова и Е. Щенникова (MW0144463). Примечание: по гербарному образцу не очень понятно, но вероятно. Кроме того, имеется сомнительный образец в сборах Е. Г. Николина, близкий к этому виду, из Оймяконского улуса, долины р. Куйдусун, окр. пос. Томтор, 63°16' с.ш. и 143°15' в.д. – Я-И.

Ряд заносных растений зафиксирован в заказнике «Плейстоценовый парк», находящемся в низовье р. Колымы, 30 км к югу от пос. Черский. Растения собраны 26.07.2024 у протоки Осетровая (виска Осетровка) на поляне для покосов около озера с выпасами (68°30'25.56" с.ш. и 161°29'31.49" в.д.) О. А. Мочаловой и А. А. Бобровым, определены О. А. Мочаловой. Это *Avena sativa* L. (MAG0022238), *Phleum pratense* L. (MAG0022239), *Oberna behen* (L.) Ikonn. (MAG0022232, MAG0022235), *Stellaria angarae* M. Pop. (MAG0022167), *Capsella bursa-pastoris* (L.) Medik. (MAG0022231), *Geum aleppicum* Jacq. (MAG0022248), *Melilotus albus* Medik. (MAG0022234), *Trifolium pratense* L. (MAG0022247), *Trifolium repens* L. (MAG0022228), *Carum carvi* L. (MAG0023336: “заносные цветы розоватые”), *Heracleum dissectum* Ledeb. (MAG0022233), *Artemisia vulgaris* L. (MAG0022240), *Crepis tectorum* L. (MAG0022242), *Leucanthemum vulgare* Lam. (MAG0022246, MAG0022869) – Кол.

Также по нашим наблюдениям на территории южных и центральных районов на сорных местообитаниях и как сорное в посевах и среди посадок изредка встречаются и культурные растения, такие как: *Anethum graveolens*

Л. (Алд., В-Л, Ц-Я) – укроп пахучий, *Mentha × piperita* L. (Ц-Я) – мята перечная, *Phacelia tanacetifolia* Benth. (В-Л, Ц-Я) – фацелия пижмолистная, *Lactuca sativa* L. (В-Л, Ц-Я) – латук посевной (салат), *Calendula officinalis* L. (Ц-Я) – календула лекарственная, *Helianthus annuus* L. (Ц-Я) – подсолнечник однолетний. Первый вид – укроп – часто сорничает среди посадок картофеля и других культур, редко встречается вдоль тропинок. Однажды посаженная мята, обладая длинным ветвистым корневищем, часто захватывает близлежащие территории. Фацелию недавно стали использовать как сидерат; ранее как однолетнее сорное растение она отмечалась в бассейне Вилюя, сейчас изредка отмечается и по долине Средней Лены на подворьях и близ жилья. Семена хорошо перезимовывают, способствуют ежегодному возобновлению растения. Семена салата, имея летучки, разносятся ветром на относительно дальние расстояния, и растение иногда дичает. Произрастание календулы вне окультуренных земель – явление редкое, чаще она встречается на местах, где когда-то была посеяна (или рядом), т. е. из оставшихся семян в почве, но иногда, возможно, разносится птицами и другими животными. Цветение и плодоношение последнего вида, подсолнечника, в течение нескольких лет наблюдались на Зеленом лугу у г. Якутска на месте несанкционированного кратковременного сброса снега. Его часто обнаруживают и фиксируют и другие исследователи по сорным местообитаниям и лугам в долинах Лены и Вилюя.

Заключение

В результате мониторинга нескольких интернет-ресурсов обнаружены новые точки сбора и фотофиксации для 54 видов и подвидов сосудистых растений. Находки относятся к Алданскому, Верхне-Ленскому, Оленекскому, Центрально-Якутскому, Яно-Индигирскому и Колымскому флористическим районам. Из них впервые во флоре Якутии отмечено произрастание *Calamagrostis sugawarae*, *Trollius riederianus*, *Fragaria vesca*, *Geranium turczaninonii*, *Phlojodicarpus komarovii* и *Symphytum caucasicum*. Данные находки существенно расширяют ареалы рассмотренных видов и расширяют представление об их распространении на территории Якутии. Результаты исследований являются дополнением флористической и таксономической основы для будущих ботанических исследований, флористических сводок и составления определителя.

Литература / References

1. Приоритетные направления научно-технического развития и перечень важнейших наукоемких технологий: Указ Президента Российской Федерации № 529: утв. 18 июня 2024 г. Система Гарант: сайт. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/409213212/> (Дата обращения: 13.04.2026).

Priority areas of scientific and technological development and the list of the most important science-intensive technologies: Decree of the President of the Russian Federation No. 529: approved on June 18, 2024 // Garant System: website. Available at: <https://ivo.garant.ru/#/document/409213212/> [Accessed 13 April 2026] (in Russ.).

2. Афанасьева Е.А., Байков К.С., Бобров А.А. и др. *Определитель высших растений Якутии*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; Новосибирск: Наука, 2020:896.

Afanasieva EA, Baykov KS, Bobrov AA, et al. *Manual-key to higher plants of Sakha (Yakutia) Republic*. Moscow: KMK Scientific Press; Novosibirsk: Nauka; 2020:896 (in Russ.).

3. Chepinoga VV, Barkalov VYu, Ebel AL. et al. Checklist of vascular plants of Asian Russia. *Botanica Pacifica*. 2024;13(Special issue):3–310 DOI: 10.17581/bp.2024.13S01.

4. Николин Е.Г., Якшина И.А. Иллюстрированная флора бассейнов рек Чинке и Соболя-Юряге. «Усть-Ленский» государственный природный заповедник: Биологическое разнообразие; Вып. 3. Новосибирск: Наука; 2022:260.

Nikolin EG, Yakshina IA. Illustrated flora of the Chinke and Sobol-Yuryage river basins ("Sokol" section of the Ust-Lensky Nature Reserve). *Ust-Lensky State Nature Reserve: Biological diversity*. Iss. 3. Novosibirsk: Nauka; 2022:260 (in Russ.).

5. Мочалова О.А., Андриянова Е.А., Хорева М.Г. Водная флора высокогорных озер юго-восточной части хребта Черского в пределах бассейна верхнего течения р. Колыма. *Природные ресурсы Арктики и Субарктики*. 2023;28(2):323-336 DOI 10.31242/2618-9712-2023-28-2-323-336.

Mochalova OA, Andrianova EA, Khoreva MG. Aquatic flora of the high-mountain lakes in the south-eastern part of the Chersky Ridge within the basin of the upper Kolyma River. *Arctic and Subarctic Natural Resources*. 2023;28(2):323-336 (in Russ.). DOI 10.31242/2618-9712-2023-28-2-323-336.

6. Королева Т.М., Гоголева П.А., Хитун О.В. и др. Флора окрестностей Бурулгинского мыса (низовья р. Индигирки, северо-восток Якутии). *Ботанический журнал*. 2024;109(8):729-746 DOI 10.31857/S0006813624080012.

Koroleva TM, Gogoleva PA, Khitun OV, et al. Flora of the Burulgunsky Cape vicinities (Lower reaches of the Indigirka River, North-East Yakutia). *Botanicheskii Zhurnal*. 2024;109(8):729-746 (in Russ.). DOI 10.31857/S0006813624080012

7. Кузнецова Л.В. Флора и растительность наслега. *Биоразнообразие и археологические памятники бассейна реки Уяндины, Яно-Индигирское междуречье*. Новосибирск: СО РАН; 2024:192.

Kuznetsova LV. Flora and vegetation of the Nasleg. *Biodiversity and archaeological monuments of the Uyandina River Basin, Yana-Indigirka interfluve*. Novosibirsk: SB RAS; 2024:192 (in Russ.).

8. Секретарева Н.А. *Сосудистые растения Российской Арктики и сопредельных территорий*. Санкт-Петербург: Кордис; 2024:184.

Sekretareva NA. *Vascular Plants of the Russian Arctic and adjacent territories*. St. Petersburg: Kordis; 2024:184 (in Russ.).

9. Антонова Л.А., Борисова И.Г. Дополнение к флоре Юго-Западной Якутии. *Turczaninowia*. 2025;28(4):151-154 DOI 10.14258/turczaninowia.28.4.18.

Antonova LA, Borisova IG. New additions to the flora of Southwestern Yakutia. *Turczaninowia*. 2025;28(4):151-154 (in Russ.). DOI 10.14258/turczaninowia.28.4.18

10. Николин Е.Г. Дополнение к локальной флоре хребта Тас-Кыстабыт (Северо-Восточная Якутия). *Ботанический журнал*. 2025;110(10):980-987. DOI 10.7868/S2658633925100068.

Nikolin EG. Addition to the local flora of the Tas-Kystabyt Ridge (North-Eastern Yakutia). *Botanicheskii Zhurnal*. 2025;110(10):980-987 (in Russ.). DOI 10.7868/S2658633925100068

11. Серегин А.П. Цифровой гербарий МГУ (MW). URL: <https://plant.depo.msu.ru/> (Дата обращения: 13.04.2026).

Seregin AP. Moscow Digital Herbarium (MW). Available at: <https://plant.depo.msu.ru/> [Accessed 13 April 2026].

12. Цифровой гербарий ЦСБС СО РАН (NSC). URL: <http://herb.csbg.nsc.ru:8081/> (Дата обращения: 10.04.2026).

Digital Herbarium of the Central Siberian Botanical Garden SB RAS (NSC). Available at: <http://herb.csbg.nsc.ru:8081/> [Accessed 10 April 2026].

13. Гербарий Института биологических проблем Севера ДВО РАН (Herbarium MAG). URL: <https://herbarium.ibpn.ru/> (Дата обращения: 3.04.2026).

Digital Herbarium of the Institute of Biological Problems of the North FEB RAS (Herbarium MAG). Available at: <https://herbarium.ibpn.ru/> [Accessed 3 April 2026].

14. Ваганов А.В., Дмитриев Д.А. Виртуальный гербарий ALTB. URL: <http://altb.asu.ru/index.php> (Дата обращения: 6.04.2026).

Vaganov AV, Dmitriev DA. Virtual Herbarium ALTB. Available at: <http://altb.asu.ru/index.php> [Accessed 6 April 2026].

15. Плантариум. Растения и лишайники России и сопредельных стран: открытый онлайн атлас и определитель растений. URL: <https://www.plantarium.ru/> (Дата обращения: 10.04.2026).

Plantarium. Plants and lichens of Russia and neighboring countries: open online galleries and plant identification guide. Available at: <https://www.plantarium.ru/lang/en.html> [Accessed 13 April 2026].

16. Global Biodiversity Information Facility (GBIF). URL: <https://www.gbif.org/> (Дата обращения 30.03.2026).

17. Флора СССР. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; Наука; 1934-1964;1–30.

Flora URSS. Moscow; Leningrad: AS USSR Publishing; Nauka; 1934-1964;1–30 (in Russ.).

18. Арктическая флора СССР. Москва; Ленинград: Наука; 1960-1987;1–10.

Arctic Flora of the USSR. Moscow; Leningrad: Nauka; 1960-1987;1–10 (in Russ.).

19. Сосудистые растения советского Дальнего Востока. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука; 1985-1996;1–8.

Vascular plants of the Soviet Far East. Leningrad; St.-Petersburg: Nauka; 1985-1996;1–8 (in Russ.).

20. Флора Сибири. Новосибирск: Наука; 1987–2003;1–14.

Flora of Siberia. Novosibirsk: Nauka; 1987–2003;1–14 (in Russ.).

21. Цвелёв Н.Н., Пробатова Н.С. *Злаки России*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2019:646.

Tzvelev NN, Probatova NS. *Grasses of Russia*. Moscow: KMK Scientific Press; 2019:646 (in Russ.).

22. Горовой П.Г. Два новых вида из семейства зонтичных. *Новости систематики высших растений*. 1964;1:252-257.

Gorovoi PG. Duae species novae e familia Umbelliferarum. *Novitates Systematicae Plantarum Vascularium*. 1964;1:252-257 (in Russ.).

23. d'Candolle AP. Aconitum delphiniifolium DC. *Regni Vegetabilis Systema Naturale, sive Ordines, Genera et Species Plantarum Secundum Methodi Naturalis Normas Digestarum et Descriptarum*. Parisiis: Sumptibus sociorum Treuttel et Würtz; Argentoratum; Londinum: venitque in eorundem bibliopoliis; 1817;1:380. Available at: <https://bibdigital.rjb.csic.es/viewer/11852/?offset=#page=384&viewer=picture&o=bookmark&n=0&q=>; http://www.efloras.org/florataxon.aspx?flora_id=1&taxon_id=233500017 (Дата обращения: 06.04.2026).

24. Reichenbach H.G.L. Aconitum ambiguum Rchb. *Monographia Generis Aconiti. Iconibus omnium specierum coloratis illustrata latine et germanice elaborate*. Lipsiae: sumtibus Frid. Christ. Guil. Vogelii; 1823;23. Available at: http://www.efloras.org/florataxon.aspx?flora_id=2&taxon_id=200007106 (Дата обращения: 06.04.2026).

25. Красная книга Республика Саха (Якутия). Т. 1: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов. Москва: Реарт; 2017:412.

Red Book of the Republic of Sakha (Yakutia). Vol. 1: Rare and endangered species of plants and fungi. Moscow: Reart; 2017:412 (in Russ.).

26. Комаров В.Л. Введение в изучение растительности Якутии. Ленинград: Изд-во АН СССР; 1926;1:168.

Komarov VL. *Introduction to the Study of the Vegetation of Yakutia*. Leningrad; AS USSR Publishing; 1926;1:168 (in Russ.).

27. Егорова Н.Н., Эверстов М.Я. Род *Thymus* L. (Lamiaceae) в Гербарии Северо-Восточного федерального университета. *Вестник СВФУ*. 2025;22(4):7-13. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-4-7-13.

Egorova NN, Everstov MY. Genus *Thymus* L. (Lamiaceae) in the Herbarium of the North-Eastern Federal University. *Vestnik of NEFU*. 2025;22(4):7-13 (in Russ.). DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-4-7-13

Сведения об авторах

СОСИНА Надежда Константиновна – м. н. с., зав. Гербарием SASY, ФГБУН Институт биологических проблем криолитозоны Сибирского отделения Российской академии наук

(ИБПК СО РАН), г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-5875-939X>, ResearcherID: T-1877-2018, Scopus Author ID: 56195398400, SPIN: 6142-7884, e-mail: n.k.sosina@yandex.ru

НИКОЛИН Евгений Георгиевич – д. б. н., г. н. с., руководитель группы флористики и геоботаники, ФГБУН Институт биологических проблем криолитозоны Сибирского отделения Российской академии наук (ИБПК СО РАН), г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0053-6713>, ResearcherID: L-6587-2017, Scopus Author ID: 55901945200, SPIN: 2942-9961, e-mail: enikolin@yandex.ru

СОФРОНОВ Роман Романович – инженер-исследователь, ФГБУН Институт биологических проблем криолитозоны Сибирского отделения Российской академии наук (ИБПК СО РАН), г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5059-8395>, Scopus Author ID: 55595553900, SPIN: 4362-2924, e-mail: roman14.ru@yandex.ru

About the authors

Nadezhda K. SOSINA – Junior researcher, Head of Herbarium SASY, Institute for Biological Problems of Cryolithozone, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IBPC SB RAS), Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5875-939X>, ResearcherID: T-1877-2018, Scopus Author ID: 56195398400, SPIN: 6142-7884, e-mail: n.k.sosina@yandex.ru

Evgenii G. NIKOLIN – Doct. of Sci. (Biology), Chief researcher, Head of floristics and geobotany group, Institute for Biological Problems of Cryolithozone, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IBPC SB RAS), Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0053-6713>, ResearcherID: L-6587-2017, Author Scopus ID: 55901945200, SPIN: 2942-9961, e-mail: enikolin@yandex.ru

Roman R. SOFRONOV – Research engineer, Institute for Biological Problems of Cryolithozone, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IBPC SB RAS), Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5059-8395>, Researcher ID: PEB-1963-2025, Scopus ID: 55595553900, SPIN: 4362-2924, e-mail: roman14.ru@yandex.ru

Вклад авторов

Сосина Н.К. – разработка концепции, методология, ресурсное обеспечение исследования, верификация данных, проведение исследования, написание статьи

Николин Е.Г. – верификация данных, проведение исследования, визуализация, редактирование рукописи

Софронов Р.Р. – верификация данных, проведение исследования, визуализация, редактирование рукописи

Authors' contribution

Nadezhda K. Sosina – concept development, methodology, research resource support, validation, investigation, article writing

Evgenii G. Nikolin – validation, investigation, visualization, writing – review & editing

Roman R. Sofronov – validation, investigation, visualization, writing – review & editing

Конфликт интересов

Николин Евгений Георгиевич является членом редколлегии журнала Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова

Conflict of interest

Evgenii G. Nikolin is a member of editorial board of Vestnik of North-Eastern Federal University

Поступила в редакцию / Submitted 28.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.05.2026

Принята к публикации / Accepted 18.06.2026

УДК 536.3

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-50-58>

Оригинальная научная статья

Влияние пространственно-зависимого альbedo однократного рассеяния на перенос излучения

А. М. Тимофеев , Г. Н. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

 am.timofeev@s-vfu.ru

Аннотация

Важным параметром для описания переноса излучения в ослабляющей среде является альbedo однократного рассеяния, характеризующее соотношение между процессами рассеяния и поглощения в среде. При рассмотрении радиационного и комбинированного теплообмена альbedo обычно принимается постоянным, что позволяет упростить решение задачи. В то же время оптические свойства могут меняться по глубине среды. В данной работе проведен численный анализ поля излучения в плоском слое поглощающей, рассеивающей, излучающей среды с меняющимся по толщине альbedo однократного рассеяния. Для решения уравнения переноса излучения использован модифицированный метод средних потоков (СП-метод), с помощью которого учитывается широкий круг оптических параметров: зависимость оптических свойств от длины волны падающего излучения, анизотропия рассеяния, отражательная способность на границах слоя. Расчеты выполнены для различных альbedo, описывающих изменение с глубиной соотношения рассеяния и поглощения в ослаблении потока излучения в слое. Полученные результаты свидетельствуют о заметном влиянии профиля альbedo на поле излучения в слое ослабляющей среды и, соответственно, о важности корректного учета данного параметра при решении задач радиационного и комбинированного теплообмена.

Ключевые слова: радиационный теплообмен, поглощающая, рассеивающая, излучающая среда, оптически серая среда, пространственно-зависимое альbedo однократного рассеяния, анизотропное рассеяние, модифицированный метод средних потоков, плоский слой, численное моделирование

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Тимофеев А. М., Егорова Г. Н. Влияние пространственно-зависимого альbedo однократного рассеяния на перенос излучения. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):50–58. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-50-58>

Original article

Effect of space-dependent single scattering albedo on radiative transfer

Ayal M. Timofeev , Gulnara N. Egorova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ am.timofeev@s-vfu.ru

Аннотация

An important parameter for describing radiation transfer in a participating medium is the single scattering albedo, which characterizes the relationship between scattering and absorption processes in the medium. When considering radiation and combined heat transfer, the albedo is usually assumed to be constant, which makes it easier to solve the problem. At the same time, the optical properties can vary with the depth of the medium. In this study, a numerical analysis of the radiation field in a flat layer of absorbing, scattering, and emitting medium with a single scattering albedo varying in thickness is carried out. To solve the radiation transfer equation, a modified average fluxes method (AF- method) was used, which takes into account a wide range of optical parameters: the dependence of optical properties on the wavelength of incident radiation, scattering anisotropy, and reflectivity at layer boundaries. Calculations were performed for various albedos describing the change in the scattering and absorption ratio with depth in attenuation of the radiation flux in the layer. The results obtained indicate a noticeable effect of the albedo profile on the radiation field in the layer of the participating medium and, accordingly, the importance of correct consideration of this parameter when solving problems of radiation and combined heat transfer.

Keywords: radiative heat transfer, absorbing, scattering, emitting medium, optically gray medium, space-dependent single scattering albedo, anisotropic scattering, modified average fluxes method, flat layer, numerical modeling

Funding: No funding was received for writing this manuscript

For citation: Timofeev A. M., Egorova G. N. Effect of space-dependent single scattering albedo on radiative transfer. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):50–58. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-50-58>

Введение

Исследование радиационного и комбинированного теплообмена в полупрозрачной (поглощающей, рассеивающей, излучающей) среде связано с решением интегродифференциального уравнения переноса излучения [1, 2].

$$\gamma \frac{\partial I_v(\tau_v, \mu)}{\partial \tau_v} + I_v(\tau_v, \mu) = (1 - \omega_v) n_v^2 I_{bv}(T) + \frac{\omega_v}{2} \int_{-1}^1 p_v(\mu, \mu') I_v(\tau_v, \mu') d\mu'. \quad (1)$$

Здесь I_v – интенсивность излучения, I_{bv} – интенсивность излучения черного тела (функция Планка), n_v – спектральный показатель преломления, μ и μ' – косинусы углов падающего и рассеянного лучей, $\tau_v = k_v x$ – спектральная оптическая глубина, x – пространственная координата, $p(\mu, \mu')$ – индикатриса рассеяния (фазовая функция),

$$\omega_v = \beta_v / k_v \quad (2)$$

– спектральное альбеда однократного рассеяния (число Шустера), $k_v = \alpha_v + \beta_v$ – спектральный коэффициент ослабления, α_v и β_v – спектральные коэффициенты поглощения и рассеяния, индекс v (частота) обозначает спектральную величину.

Ввиду сложности и трудоемкости решения уравнения переноса принимаются различные упрощенные модели, касающиеся главным образом рассеяния излучения в среде. В частности, рассматривается обычно случай постоянного альbedo однократного рассеяния. Работы, в которых решается уравнение переноса с меняющимся альbedo, малочисленны и посвящены в основном математическим подходам к его решению при различных представлениях $\omega(x)$ [3–5]. В то же время представляет большой интерес анализ поля излучения в полупрозрачной среде с меняющимся по глубине альbedo рассеяния, особенно при рассмотрении задач комбинированного радиационно-кондуктивного и радиационно-конвективного теплообмена, когда излучение существенно влияет на поле температур.

В настоящей работе проведен численный анализ радиационного теплообмена в плоском слое поглощающей, рассеивающей, излучающей среды с меняющимся по толщине альbedo однократного рассеяния. Альbedo однократного рассеяния (2) характеризует соотношение между рассеянием и поглощением в ослаблении падающего излучения и меняется от 0 до 1. Значение $\omega = 0$ относится к случаю поглощающей излучающей среды, значение $\omega = 1$ относится к случаю рассеивающей (консервативной) среды. Изменение оптических свойств ослабляющей среды может происходить по разным причинам, например, из-за изменения температуры. Так, для снежно-ледовой толщи вследствие повышения температуры меняется зернистость среды, что ведет к изменению коэффициента рассеяния, при этом коэффициент поглощения остается практически неизменным [6].

Постановка задачи и метод решения

Рассмотрим радиационный теплообмен в плоском слое поглощающей, рассеивающей, излучающей среды с меняющимся по толщине альbedo однократного рассеяния $\omega(x)$. Границы слоя являются непрозрачными, диффузно излучающими и отражающими. Распределение температуры в слое является линейным по координате x (что близко к решению уравнения теплопроводности для граничных условий первого рода):

$$T/T_0 = 1 - (T_l/T_0) \cdot x/x_0, \quad (3)$$

где T_0 – температура «горячей» границы (определяющая температура), T_l – температура «холодной» границы, x_0 – толщина слоя.

Для решения задачи используется модифицированный метод средних потоков (СП-метод) [7]. Метод является эффективным инструментом для решения задач радиационного и комбинированного теплообмена в средах с простой конфигурацией, позволяющий учитывать широкий круг оптических параметров [8–9]. Он относится к классу прямых дифференциальных методов и в его основе лежит преобразование интегро-дифференциальной задачи (1) в систему двух нелинейных дифференциальных уравнений:

$$\frac{d}{d\tau_v}(\Phi_v^+ - \Phi_v^-) + (1 - \omega_v)(m_v^+ \Phi_v^+ - m_v^- \Phi_v^-) = (1 - \omega_v)n_v^2 \Phi_{0v}, \quad (4)$$

$$\frac{d}{d\tau_v}(m_v^+ \delta_v^+ \Phi_v^+ - m_v^- \delta_v^- \Phi_v^-) + (1 - \omega_v g_v)(\Phi_v^+ - \Phi_v^-) = 0. \quad (5)$$

Система (4)–(5) дополняется граничными условиями, учитывающими различные эффекты: зеркально-диффузное отражение, преломление для полупрозрачных границ и др. Для непрозрачных границ с диффузным отражением граничные условия СП-системы могут быть записаны следующим образом:

$$\tau_v = 0: \quad \Phi_v^- = \varepsilon_{lv} \Phi_{0v} / 4 + r_{lv} \Phi_v^+, \quad (6)$$

$$\tau_v = \tau_{0v} : \quad \Phi_v^- = \varepsilon_{2v} \Phi_{0v} / 4 + r_{2v} \Phi_v^+. \quad (7)$$

Здесь

$$\Phi_v^\pm(\tau_v) = \pm \frac{2\pi \int_{0(-1)}^{1(0)} I_v(\tau_v, \mu) \mu d\mu}{4\sigma T_0^4} \quad (8)$$

– безразмерные плотности спектральных полусферических потоков,

$$m_v^\pm(\tau_v) = \frac{\int_{0(-1)}^{1(0)} I_v(\tau_v, \mu) d\mu}{\int_{0(-1)}^{1(0)} I_v(\tau_v, \mu) \mu d\mu} \quad \text{и} \quad \delta_v^\pm(\tau_v) = \frac{\int_{0(-1)}^{1(0)} I_v(\tau_v, \mu) \mu^2 d\mu}{\int_{0(-1)}^{1(0)} I_v(\tau_v, \mu) d\mu} \quad (9)$$

– коэффициенты переноса, которые определяются в ходе итерационного решения, $\Phi_{0v}(\tau_v) = I_{bv}(T) / (4\sigma T_0^4)$ – безразмерная плотность потока равновесного излучения, $\tau_{0v} = k_v x_0$ – спектральная оптическая толщина слоя, ε_v и r_v – спектральные полусферические диффузная излучательная и отражательная способности границ, связанные между собой соотношением $\varepsilon_v = 1 - r_v$.

$$g_v = \frac{1}{2} \int_{-1}^1 p(\mu_0) \mu_0 d\mu_0 \quad (10)$$

– коэффициент асимметрии (средний косинус угла рассеяния) индикатрисы рассеяния [2], постулируемой в виде:

$$p_v(\mu, \mu') = \sum_{n=0}^N a_n P_n(\mu_0), \quad a_0 = 1, \quad (11)$$

где μ_0 – косинус угла между падающим и рассеянным лучами, P_n – полином Лежандра порядка n .

Из найденных в ходе решения системы (4)–(7) спектральных полусферических потоков (8) определяется плотность интегрального результирующего потока излучения:

$$\Phi = \int_0^\infty (\Phi_v^+ - \Phi_v^-) dv \quad (12)$$

и дивергенция потока излучения:

$$P = \frac{d\Phi}{d(x/x_0)} = \int_0^\infty \tau_{0v} (1 - \omega_v) (\Phi_{0v} - (m_v^+ \Phi_v^+ - m_v^- \Phi_v^-)) dv. \quad (13)$$

Метод решения задачи заключается в следующем. В качестве начального приближения для коэффициентов переноса используются осредненные значения $m^\pm = \pm 2$, $\delta^\pm = 1/3$. Указанные значения коэффициентов переноса получаются из соотношений (9) в предположении изотропного поля излучения в соответствующих полусферах. Далее решается СП-система и коэффициенты переноса уточняются по формулам:

$$m_v^{\pm}(\tau_v) = \frac{S_0^{\pm}(\tau_v)}{S_1^{\pm}(\tau_v)}, \quad \delta_v^{\pm}(\tau_v) = \frac{S_2^{\pm}(\tau_v)}{S_0^{\pm}(\tau_v)}, \quad (14)$$

где обобщенные моменты имеют вид (индекс v для краткости опущен):

$$S_n^+(\tau) = c_1 E_{n+2}(\tau) + \int_0^{\tau} (\psi_1(\tau') E_{n+1}(\tau - \tau') - \psi_2(\tau') E_{n+2}(\tau - \tau') + \psi_3(\tau') E_{n+3}(\tau - \tau')) d\tau, \quad (15)$$

$$S_n^-(\tau) = (-1)^n [c_2 E_{n+2}(\tau) + \int_{\tau}^{\tau_0} (\psi_1(\tau') E_{n+1}(\tau' - \tau) - \psi_2(\tau') E_{n+2}(\tau' - \tau) + \psi_3(\tau') E_{n+3}(\tau' - \tau)) d\tau'], \quad (16)$$

$n = 0, 1, 2$.

Здесь

$$c_1 = \frac{\varepsilon_1 \Phi_0(0)}{2} + 2r_1 \Phi^-(0) = m^+(0) \Phi^+(0), \quad (17)$$

$$c_2 = \frac{\varepsilon_2 \Phi_0(\tau_0)}{2} + 2r_2 \Phi^+(\tau_0) = -m^-(\tau_0) \Phi^-(\tau_0), \quad (18)$$

$$\psi_1(\tau) = \frac{1-\omega}{2} \Phi_0(\tau) + \frac{\omega}{2} (m^+(\tau) \Phi^+(\tau) - m^-(\tau) \Phi^-(\tau)) - \frac{1}{3} \psi_3(\tau), \quad (19)$$

$$\psi_2(\tau) = \frac{1}{2} \omega a_1 (\Phi^+(\tau) - \Phi^-(\tau)), \quad (20)$$

$$\psi_3(\tau) = \frac{3}{8} \omega a_2 \left(3 \cdot (m^+(\tau) \delta^+(\tau) \Phi^+(\tau) - m^-(\tau) \delta^-(\tau) \Phi^-(\tau)) \right) - (m^+(\tau) \Phi^+(\tau) - m^-(\tau) \Phi^-(\tau)), \quad (21)$$

где

$$E_n(\tau) = \int_0^{\tau} e^{-\frac{\tau}{\mu}} \cdot \mu^{n-2} \cdot d\mu \quad (22)$$

– интегрально-экспоненциальная функция.

Соотношения для коэффициентов переноса (14) получаются из формального решения уравнения переноса (1) с указанными граничными условиями при $N=2$ в разложении (11) для индикатрисы рассеяния.

Итерационный процесс повторяется до выполнения критерия конца итераций. На каждом шаге итераций краевая задача (4)–(7) решается методом матричной факторизации или прогонки, а интегралы в (15)–(16) вычисляются с помощью стандартных квадратурных формул. Быстрая сходимость метода (3–4 итерации) позволяет эффективно использовать его для широкого класса задач радиационного и комбинированного теплообмена.

Анализ результатов

В работе рассмотрена задача для следующих типичных значений определяющих параметров: $T_f/T_0 = 0.5$, $\tau_0 = 1$, $r_1 = r_2 = 0.1$. Среда считается оптически серой. Расчеты выполнены для следующих профилей альbedo однократного рассеяния $\omega(x)$ (рис. 1):

- 1 – постоянный: $\omega = 0.55625$;
 2 – линейно возрастающий: $\omega = 0.1625 + (0.95 - 0.1625) x / x_0$;
 3 – линейно убывающий: $\omega = 0.95 - (0.95 - 0.1625) x / x_0$;
 4 – ступенчатый возрастающий:
 $\omega = 0.05$, $0 < x / x_0 < 0.375$;
 $\omega = 0.45 \cos(8\pi x) + 0.5$, $0.375 < x / x_0 < 0.5$;
 $\omega = 0.95$, $0.5 < x / x_0 < 1$;
 5 – ступенчатый убывающий:
 $\omega = 0.95$, $0 < x / x_0 < 0.5$;
 $\omega = 0.45 \cos(8\pi x) + 0.5$, $0.5 < x / x_0 < 0.625$;
 $\omega = 0.05$, $0.625 < x / x_0 < 1$;

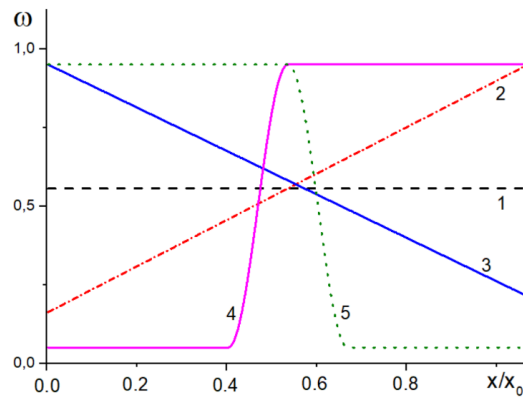

Рис. 1. Профили альbedo однократного рассеяния $\omega(x)$
Fig. 1. Single-scattering albedo profiles $\omega(x)$

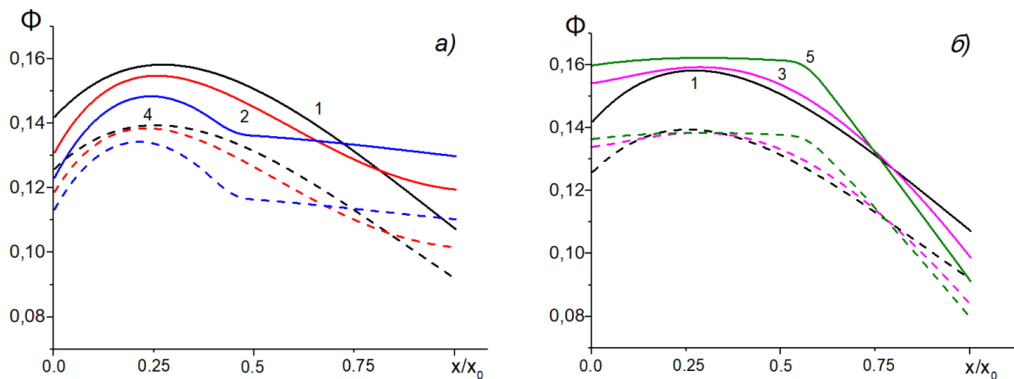

Рис. 2. Влияние альbedo на радиационные потоки.
 Цифры соответствуют профилям альbedo. Сплошные кривые – анизотропное рассеяние ($g=0.57$), штриховые кривые – изотропное рассеяние ($g=0$)
Fig. 2. Effect of albedo on radiation fluxes.
 The numbers correspond to the albedo profiles. Solid curves represent anisotropic scattering ($g=0.57$), dashed curves represent isotropic scattering ($g=0$)

Выбранное значение для постоянного альbedo $\omega = 0.55625$ соответствует среднему значению для профилей альbedo 2–5.

На рис. 2а и рис. 2б приведены результаты расчетов радиационного потока соответственно для профилей альbedo 2, 4 и 3, 5. Видно, что поле излучения

для постоянного осредненного альбеда (кривые 1) заметно отличается от поля излучения в случае меняющегося альбеда (кривые 2–5). Радиационные потоки в ослабляющей среде убывают от горячей границы в сторону холодной. Но в отличие от поглощающей неизлучающей среды, где убывание потока излучения происходит по экспоненциальному закону Бугера, в излучающей среде наблюдается сначала возрастание радиационного потока вблизи горячей границы слоя, вызванное собственным излучением среды. В преимущественно рассеивающей среде (при больших значениях ω) по сравнению с преимущественно поглощающей средой (малые значения ω) ослабление потока излучения происходит меньше. Соответственно уровни радиационного потока выше на участках, где больше ω , и ниже, где альбеда меньше. Иллюстрацией этого, например, является рис. 2б для убывающего по глубине альбеда $\omega(x)$.

В непоглощающей рассеивающей среде поле излучения не взаимодействует с полем температур, и графики радиационных потоков выходят на пологий режим. Это хорошо видно на рис. 2 для кривых 4 и 5 на участках, где значения $\omega = 0.95$.

Рассеяние излучения в неоднородной среде может носить анизотропный характер, при котором интенсивность излучения зависит от направления. В уравнении переноса излучения (1) это явление учитывается индикатрисой рассеяния (фазовой функцией) [1, 2]. Фундаментальным параметром индикатрисы рассеяния является коэффициент асимметрии g , представляющий собой количество излучения, рассеянного в прямом направлении. Например, $g = 1, 0$ и -1 соответствуют полному прямому рассеянию, изотропному рассеянию и полному обратному рассеянию соответственно. По сравнению с изотропным рассеянием (штриховые кривые) сильное анизотропное рассеяние «вперед» приводит к увеличению переноса излучения в сторону холодной границы, уровень которого повышается с увеличением значения параметра асимметрии g (рис. 2).

На рис. 3 показано поведение дивергенции потока излучения, представляющей интерес при решении задач комбинированного теплообмена. Дивергенция потока излучения, взятая с отрицательным знаком, рассматривается как объемный источник тепла в уравнении энергии. При данном распределении температуры излучение приводит к выделению тепла вблизи холодной границы, в то время как у горячей границы формируются стоки тепла из-за поглощения и «высвечивания» в сторону холодной границы. В рассеивающей среде (при значениях ω близких 1) величина дивергенции потока излучения стремится к нулю («консервативная среда»), что хорошо видно из графиков кривых 4 и 5 на соответствующих участках.

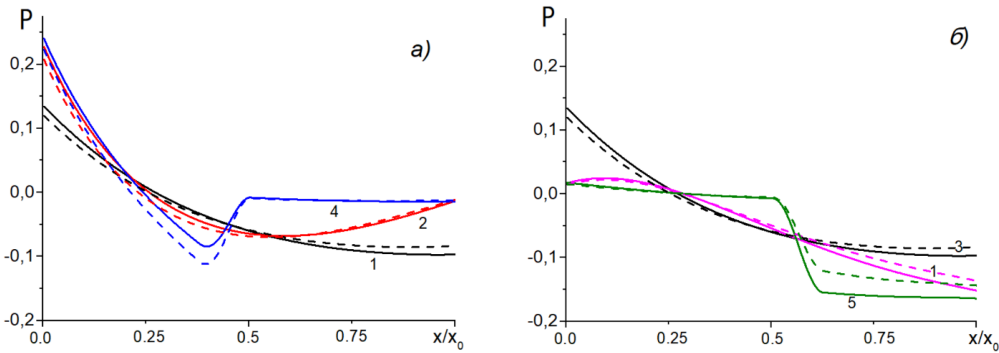

Рис. 3. Влияние альбеда на дивергенцию потока излучения

Обозначения соответствуют рис. 2

Fig. 3. Effect of albedo on radiation flux divergence. The designations are the same as in Fig. 2

Из анализа графиков также следует, что результаты расчетов дивергенции радиационного потока для изотропного и анизотропного рассеяния отличаются незначительно. Слабое влияние анизотропии рассеяния на поведение дивергенции радиационного потока объясняется тем, что последняя, являясь интегралом по сфере, слабо связана с формой индикатрисы рассеяния.

Заключение

Альбе́до однократного рассеяния является ключевым параметром, определяющим распределение радиационного потока в слое поглощающей, рассеивающей, излучающей среды. Его изменение (как по величине, так и по пространственной неоднородности) напрямую влияет на распределение радиационного потока и дивергенции потока излучения внутри слоя.

Для решения уравнения переноса излучения, необходимого для анализа поля излучения для различных альбе́до рассеяния, использован модифицированный метод средних потоков (СП-метод). Метод является эффективным инструментом для решения задач радиационного и комбинированного теплообмена в средах с простой конфигурацией, позволяющим учитывать широкий круг оптических параметров: зависимость оптических свойств от длины волны падающего излучения, анизотропию рассеяния, отражательную способность границ слоя.

Выполненные расчеты свидетельствуют о важной роли профиля альбе́до однократного рассеяния на поле излучения в слое ослабляющей среды. Использование осредненного значения $\omega = \text{const}$ для расчета поля излучения с меняющимся по толщине слоя альбе́до $\omega(x)$ приводит к существенному различию в результатах расчета радиационных потоков.

Таким образом, точный учет альбе́до однократного рассеяния критически важен для корректного моделирования радиационного и комбинированного теплообмена в различных природных и технических системах.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Оцисик М.Н. Сложный теплообмен. Москва: Мир; 1976.
2. Özışık MN. *Radiative Transfer and Interaction with Conduction and Convection*. Moscow: Mir; 1976 (in Russ.).
3. Modest MF. *Radiative Heat Transfer*, Second ed. New York: Acad. Press. 2003
4. Cengel YA, Özışık MN. Radiation transfer in an anisotropically scattering plane-parallel medium with space-dependent albedo $\omega(x)$. *Journal of Quantitative Spectroscopy and Radiative Transfer*. 1985;34(3):263–270.
5. Haggag MH, Machali HM, Madkour M. The solution of radiation transfer problem for a slab with space-dependent albedo and anisotropic scattering. *Astrophys Space Sci*. 1988;147:295–306.
6. Lobato FS, Steffen JrV, Neto AS. Estimation of space-dependent single scattering albedo in a radiative transfer problem using differential evolution. *Inverse Problems in Science and Engineering*. 2012;20(7):1043–1055.
7. Warren SG. Optical properties of snow. *Rev. Geophys. Space Phys*. 1982;20:67–89.
8. Рубцов Н.А., Тимофеев А.М., Саввинова Н.А. *Комбинированный теплообмен в полупрозрачных средах*. Новосибирск: Изд-во СО РАН; 2003.
9. Rubtsov NA, Timofeev AM, Savvinova NA. *Combined Heat Transfer in Semi-Transparent Media*. Novosibirsk: SB RAS Publishing House; 2003 (in Russ.).
10. Тимофеев А.М. Влияние оптических свойств на радиационно-кондуктивный теплообмен в двухслойной полупрозрачной системе. *Теплофизика и аэромеханика*. 2020;27(1):135–142.
11. Timofeev AM. Effect of optical properties on radiative-conductive heat transfer in a system of two semitransparent layers. *Thermophysics and Aeromechanics*. 2020;27(1):135–142 (in Russ.).
12. Слепцов С.Д., Саввинова Н.А. Численное исследование теплового состояния слоя анизотропно рассеивающего излучение льда. *Теплофизика и аэромеханика*. 2021;28(6):957–962.
13. Sleptsov SD, Savvinova NA. Numerical investigation of the thermal state of a layer of anisotropically scattering ice. *Thermophysics and Aeromechanics*. 2021;28(6):957–962.

Сведения об авторах

ТИМОФЕЕВ Айал Михайлович – д. ф.-м. н., профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-5771-937X>, Researcher ID: A-6389-2017, Scopus Author ID: 57198428433, SPIN: 8135-0385, e-mail: am.timofeev@s-vfu.ru

ЕГОРОВА Гульнара Николаевна – аспирант, старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0009-8007-0239>, ResearcherID: AAO-9290-2020, e-mail: fluke_fgn@mail.ru

About the authors

Ayal M. TIMOFEEV – Doct. Sci. (Physics and Mathematics), Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-5771-937X>, Researcher ID: A-6389-2017, Scopus Author ID: 57198428433, SPIN: 8135-0385, e-mail: am.timofeev@s-vfu.ru

Gulnara N. EGOROVA – postgraduate student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0009-8007-0239>, ResearcherID: AAO-9290-2020, e-mail: fluke_fgn@mail.ru

Вклад авторов

Тимофеев А.М. – разработка концепции, руководство исследованием, методология, программное обеспечение

Егорова Г.Н. – проведение исследования, проведение статистического анализа, верификация данных, редактирование рукописи

Authors' contribution

Ayal M. Timofeev – conceptualization, supervision, methodology, software

Gulnara N. Egorova – investigation, проведение статистического анализа, validation, writing - review & editing

Конфликт интересов

Тимофеев Айал Михайлович является членом редколлегии журнала *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова*

Conflict of interests

Ayal M. Timofeev is a member of the editorial board of *Vestnik of North-Eastern Federal University*

Поступила в редакцию / Submitted 09.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2026

УДК 532.5;612.14;615.47

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-59-77>

Оригинальная научная статья

Проявления взаимодействия артериальной и венозной гемодинамики при измерении артериального давления осциллометрическим методом

В. А. Фираго¹ , А. В. Лебедевский¹ , В. М. Слодинская¹, С. Г. Славинский¹,
А. И. Кубарко², Н. В. Левкович¹ , В. Н. Карпов³ , Д. А. Рогаткин³

¹ Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

² Белорусский государственный медицинский университет, г. Минск, Беларусь

³ ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, г. Москва, Российская Федерация

roгаткин@medphyslab.com

Аннотация

Цифровые тонометры для измерения артериального давления (АД) с использованием компрессионной плечевой манжеты, основанные на осциллометрическом методе оценки АД, применяются в клиниках и в домашних условиях более пятидесяти лет. Их принцип работы основан на тестовом окклюзионном воздействии на артерии плеча и оценке их ответной реакции, однако индивидуальные свойства сосудов и многие особенности гемодинамики в руке при окклюзии не учитываются. В данном пилотном исследовании с помощью синхронной регистрации сфигмограмм и сигналов двухволновой отражательной пульсоксиметрии проанализирована динамика взаимодействия артериального и венозного сосудистых бассейнов руки при окклюзии и декомпрессии плечевой артерии в процессе измерения АД стандартным осциллометрическим методом. Формулируется предположение, что существенные выбросы на огибающей пульсовых колебаний при декомпрессии манжеты обусловлены ауторегуляторной реакцией микроциркуляторного русла при затрудненном венозном оттоке. Показано, что регистрируемые изменения временных задержек между фронтами пульсовых сигналов при декомпрессии могут отражать переход между различными гемодинамическими режимами, связанными с восстановлением артериального притока, венозного оттока и скорости распространения пульсовой волны. Полученные результаты указывают на актуальность разработки расширенной трехкамерной модели сосудистой сети руки, а также на создание тонометров с дополнительными выносными датчиками для регистрации параметров периферической гемодинамики с целью повышения диагностических возможностей тонометров.

Ключевые слова: тонометр, артериальное давление, точность, сфигмограмма, фотоплетизмография, пульсоксиметрия, окклюзия, артериальное русло, венозное русло

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Фираго В. А., Лебедевский А. В., Слодинская В. М., Славинский С. Г., Кубарко А. И., Левкович Н. В., Карпов В. Н., Рогаткин Д. А. Проявления взаимодействия артериальной и венозной гемодинамики при измерении артериального давления осциллометрическим методом. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):59–77. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-59-77>

Original article

Manifestations of the interaction of arterial and venous hemodynamics when measuring blood pressure using the oscillometric technique

Vladimir A. Firago¹ , Alexander V. Lebedevskiy¹ , Viktoria M. Slodzinskaya¹,
Sergei G. Slavinskiy¹, Aleksei I. Kubarko², Nickolay V. Levkovich¹ , Vasilii N. Karpov³ ,
Dmitry A. Rogatkin³

¹ Belarusian State University, Minsk, Belarus

² Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

³ Moscow Regional Research and Clinical Institute n.a. M.F.Vladimirsky,

Moscow, Russian Federation

 rogatkin@medphyslab.com

Abstract

Digital devices for measuring blood pressure (BP) using a compression arm cuff, based on the oscillometric method of estimating BP, have been used in clinics and at home for over fifty years. Their operating principle is based on the test occlusion of brachial arteries and the assessment of their response. However, the individual properties of blood vessels and many hemodynamic features of the arm during occlusion are not taken into account. In this pilot study, the dynamics of interaction between the arterial and venous vascular beds of the upper limb during occlusion and decompression of the brachial artery in the course of blood pressure measurement by the standard oscillometric method were analyzed using synchronous recording of sphygmograms and dual-wavelength reflective pulse oximetry signals. It is hypothesized that significant spikes in the pulse oscillation envelope during cuff decompression are due to the autoregulatory response of the microcirculatory system during obstructed venous outflow. It is shown that recorded changes in the time delays between pulse signal fronts during decompression may reflect the transition between different hemodynamic regimes associated with the restoration of arterial inflow, venous outflow, and pulse wave velocity. The obtained results indicate the relevance of developing an expanded three-chamber model of the arm vascular network, as well as the creation of BP-monitors with additional remote sensors for recording peripheral hemodynamic parameters in order to enhance diagnostic capabilities for BP-monitors.

Keywords: BP-monitor, blood pressure, accuracy, sphygmogram, photoplethysmography, pulse oximetry, occlusion, arterial bed, venous bed

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Firago V. A., Lebedevskiy A. V., Slodzinskaya V. M., Slavinskiy S. G., Kubarko A. I., Levkovich N. V., Karpov V. N., Rogatkin D. A. Manifestations of the interaction of arterial and venous hemodynamics when measuring blood pressure using the oscillometric technique. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):59–77. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-59-77>

Введение

Цифровые тонометры, использующие непрямой осциллометрический метод определения артериального давления (АД) с применением компрессионной плечевой манжеты, применяются в клинической практике и системах домашнего контроля более пяти десятилетий. Сейчас они являются наиболее распространенными средствами неинвазивной экспресс-оценки АД. Точный и

воспроизводимый контроль АД имеет ключевое значение для ведения пациентов с артериальной гипертензией, сахарным диабетом и другими заболеваниями, ассоциированными с высоким сердечно-сосудистым риском. Поскольку сердечно-сосудистые заболевания остаются ведущей причиной смертности во всем мире [1], особую актуальность приобретает достоверность измерений, выполняемых манжетными автоматическими тонометрами. Результаты ряда исследований показывают наличие значительных случайных и систематических погрешностей этих тонометров, достигающих ± 30 мм рт. ст., что может приводить к диагностическим ошибкам и снижению эффективности терапии [2, 3]. Также известно о снижении точности осциллометрических измерений у пациентов с сосудистыми патологиями, нарушениями сердечного ритма и другими состояниями, влияющими на регистрируемые сигналы [4, 5].

Анализ формы огибающей пульсовых колебаний давления воздуха в манжете – сфигмограммы (СФГ), которые регистрируются в процессе декомпрессии плечевой артерии, является основным методом, используемым в цифровых тонометрах для оценки АД [6]. Регистрируемая СФГ формируется в результате нелинейного взаимодействия пульсирующего кровотока с деформируемыми стенками сосудов, которые находятся под действием изменяющегося внешнего давления манжеты. Обычно полагают, что форма огибающей СФГ определяется в основном объемом и формой сердечного выброса, состоянием аорты и механическими свойствами артерий плеча, т. е. их комплаентностью (податливостью их стенок), вязкоупругостью и нелинейной зависимостью «давление–диаметр». Они определяют характер передачи пульсовых колебаний в манжету и, следовательно, амплитудно-временную структуру СФГ. Также проявляется воздействие дыхательно-синусовой аритмии (ДСА), возникающей за счет вагусной модуляции синусового узла, и влияние более медленных низкочастотных колебаний сосудистого тонуса [7]. Эти механизмы можно разделить на три группы: локальные (миогенный, эндотелий-зависимый, метаболический), системные (нейрогенный, барорефлекторный) и структурно-механические (комплаентность, вязкоупругость, отраженные волны).

Отметим, что флуктуации огибающей СФГ формируются под воздействием двух принципиально разных регуляторных процессов: быстрых дыхательно-синхронизированных модуляций, обусловленных ДСА, и более медленных колебаний сосудистого тонуса [8], отражающих автономную и барорефлекторную регуляцию. Их суперпозиция приводит к сложной нестационарной форме, огибающей СФГ, что сужает применимость упрощенных стационарных моделей. Кроме того, параметры пульсовой волны (ПВ), такие как скорость ее распространения и вклад отраженных волн вносят дополнительную неопределенность в соответствие между экстремумами огибающей СФГ и истинными значениями систолического (САД) и диастолического (ДАД) давлений крови [9]. Несмотря на это, большинство коммерчески доступных автоматических тонометров используют упрощенные эмпирические модели и унифицированные алгоритмы интерпретации формы СФГ, предполагающие одинаковые свойства артерий у всех пациентов. Игнорирование индивидуальных различий в механике стенок сосудов и гемодинамике приводит к смещениям оценок АД и снижению воспроизводимости измерений, что подтверждается клиническими данными [5].

Проблема влияния флуктуаций огибающей СФГ на рассчитываемые значения САД и ДАД сейчас находится в фокусе внимания исследователей. Наиболее логичное решение для уточнения значения САД – внедрение в схему измерений фотоплетизмографа. В одной из последних публикаций [10] предложена физически обоснованная модель микрогемодинамики в коже пальца руки при артериальной окклюзии и последующей постокклюзионной реактивной

гиперемии. Модель описывает кровоток в артериальном, микроциркуляторном и венозном руслах руки с учетом сосудистого тонуса и упругих свойств стенок сосудов, что позволяет интерпретировать оптические сигналы перфузии в терминах физиологических параметров. Расчетные результаты сопоставлены с экспериментальными данными фотоплетизмографии и оптической флоуметрии и демонстрируют качественное согласие. Подчеркивается ключевая роль динамики сосудистого тонуса в формировании регистрируемых оптических сигналов при функциональных пробах.

На наш взгляд, дальнейшее развитие исследований причин возникновения флуктуаций, огибающих пульсовые колебания давления воздуха в манжете $\Delta P_{bc}(t)$ (нижний индекс от англ. *brachial cuff*) и их влияния на результаты оценки АД, требует, кроме анализа упомянутых выше факторов, изучения еще и процесса взаимодействия артериального и венозного бассейнов сосудистой системы при компрессии и декомпрессии воздуха в манжете. При этом сложное взаимодействие разных бассейнов обусловлено разной комплаентностью их сосудов. Просвет венозных сосудов при возрастании давления в манжете сужается быстрее, чем артериальных. Возникает нарушение венозного оттока и повышение внутритканевого давления при частичном сохранении артериального притока. В фазе декомпрессии остаточное венозное наполнение и медленное восстановление венозного оттока изменяют трансмуральное давление крови в артериях и условия их деформации под манжетой, формируя нелинейную и асимметричную зависимость амплитуды СФГ от давления манжеты. Это взаимодействие радикально отличается от взаимодействия артериального и венозного бассейнов в нормальных условиях, т. е. от вено-артериолярного рефлекса [8].

Цель исследования – поиск путей выявления флуктуаций огибающей СФГ, регистрируемых в процессе декомпрессии плечевой артерии, которые вызываются взаимодействием артериального и венозного бассейнов.

Взаимодействие бассейнов при окклюзии и декомпрессии

Для повышения достоверности получаемых результатов в работе используется комплексный подход: кроме манжетного тонометра применяются двухволновой пульсоксиметр и пьезодатчики для регистрации ПВ давления в лучевой артерии и микроциркуляторном русле кожи указательного пальца руки. В теоретическом плане подход базируется на трехкамерной модели сосудистого русла руки [10], приведенной на рис. 1. Сосудистое русло представляется как совокупность трех податливых отделов с разными упруго-вязкими свойствами. Артериальный приток формируется линейным током крови и ПВ давления, распространяющейся по магистральным артериям, тогда как венозный отток определяется условиями сужения внутреннего поперечного просвета вен при существующем внутрисосудистом давлении и внешнем воздействии манжеты.

Внешнее механическое воздействие на сосудистое русло руки при осциллометрическом измерении АД определяется задаваемой временной зависимостью давления в плечевой манжете $P_{bc}(t)$. Эта зависимость включает стадию быстрого нагнетания воздуха в манжету до возникновения окклюзии сосудов и стадию медленной декомпрессии. На зависимость $P_{bc}(t)$ накладываются пульсовые колебания давления $\Delta P_{bc}(t)$, обусловленные сердечной деятельностью. Их можно выделить при вычитании из $P_{bc}(t)$ текущего среднего $\bar{P}_{bc}(t)$, которое получают при низкочастотной цифровой фильтрации сигнала $P_{bc}(t)$ методом, позволяющим устранить сдвиг фазы:

$$\Delta P_{bc}(t) = P_{bc}(t) - \bar{P}_{bc}(t). \quad (1)$$

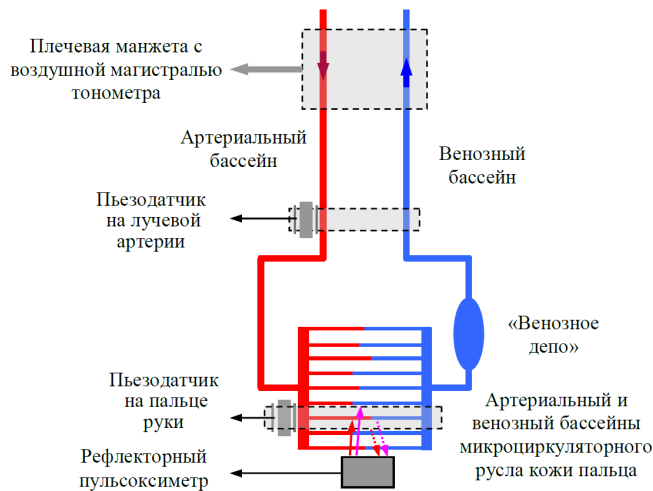

Рис. 1. Трехкамерная модель сосудистого русла руки и схема расположения плечевой манжеты, пьезодатчиков и двухволнового пульсоксиметра

Fig. 1. Three-chamber model of the vascular bed of the arm and arrangement of the brachial cuff, piezoelectric sensors, and two-wavelength pulse oximeter

При нагнетании давления в манжету в первую очередь изменяется состояние венозного сосудистого бассейна. Высокая податливость вен приводит к уменьшению трансмурального давления в них и частичному и потом полному перекрытию венозного оттока уже при умеренных значениях внешнего давления. Это приводит к накоплению крови в микроциркуляторном русле дистальных отделов конечности. В этих условиях пульсовые колебания $\Delta P_{bc}(t)$ должны отражать преимущественно артериальные пульсации, модулированные процессами венозного депонирования крови.

По нашим наблюдениям, даже при полной окклюзии иногда проявляются остаточные пульсовые колебания $\Delta P_{bc}(t)$ давления в манжете, поскольку пульсовые колебания АД в артериальных сосудах, находящихся под верхним участком мембраны плечевой манжеты, вносят небольшой пульсирующий вклад в $P_{bc}(t)$. Поэтому в используемых методах определения систолического ($P_{сАД}$), среднего (P_m) и диастолического ($P_{дАД}$) давлений крови в артерии анализируют форму огибающей размаха $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$ (*pp* от англ. *peak-to-peak*) пульсовых колебаний $\Delta P_{bc}(t)$. Находят максимальное значение $\max \Delta P_{bc}^{pp}$ и, задавая выбранные пороговые значения для участков огибающей $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$, лежащих выше и ниже $\max \Delta P_{bc}^{pp}$, находят $P_{сАД}$ и $P_{дАД}$, соответственно.

При окклюзии полностью перекрывается артериальный приток крови к конечности. Если окклюзия осуществляется быстро, в первые моменты времени давление в артериальном русле остается выше давления крови в венозном русле. Поэтому из артерий кровь должна неизбежно перетекать в венозный бассейн вплоть до выравнивания давлений на участке прекапилляры, капилляры и посткапилляры. В работе [10] приведен перечень наблюдаемого поведения фотоплетизмограмм, которые отражают процессы кровенаполнения в микроциркуляторном русле кожи пальца руки при быстрой окклюзии артерий плеча. В подавляющем большинстве случаев артериальная кровь продолжает проходить через капиллярную сеть в венозное русло, и фракция крови в измерительном объеме кожных покровов пальцев падает с меньшей или большей

постоянной времени, так как снижение давления приводит к уменьшению площади поперечного сечения артериальных сосудов. Примерно в 5–6 % случаев количество крови в измерительном объеме сначала временно растет и только потом падает, что может быть связано с повышенным тонусом мелких артериол и артерио-венозных шунтов и нарушенной нейрогенной регуляцией их просвета, удерживающей в первые моменты времени их тонус повышенным и, соответственно, просвет маленьким, и последующим «включением в работу» эндотелиальных факторов вазодилатации (NO, например), действующих расслабляюще на гладкомышечные клетки сосудов, «изнутри», через эндотелий, по мере их выработки в процессе развития острой ишемии и гипоксии.

На стадии декомпрессии после полной окклюзии должны проявляться механизмы ауторегуляции перфузии, направленные на восстановление адекватного кровоснабжения дистальных отделов конечности. Эти механизмы эффективны на уровне резистивных артерий, артериол и других сосудов микроциркуляторного русла, поскольку имеют как миогенную, так и метаболическую природу. Миогенный компонент обусловлен реакцией гладкомышечных клеток сосудистой стенки на растяжение за счет увеличения трансмурального давления в артериолах и прекапиллярах при декомпрессии. Возникает миогенное сокращение, ограничивающее чрезмерный рост внутреннего просвета сосудов, что препятствует чрезмерному нарастанию кровотока. Это известный механизм, направленный на поддержание стабильной перфузии в микроциркуляторном русле и предотвращение избыточной фильтрации жидкости, возникающей при превышении скорости выхода плазмы крови в межклеточное пространство возможностей ее венозного и лимфатического оттока [11].

Метаболический компонент ауторегуляции формируется в период окклюзии из-за локальной гипоксии и накопления вазоактивных метаболитов, таких как аденозин, углекислый газ, продукты анаэробного метаболизма. После сброса давления в манжете эти факторы при достаточном их накоплении способствуют расширению просвета резистивных сосудов и развитию реактивной гиперемии. В результате кровотока в микроциркуляторном русле может временно превысить исходный уровень, что обеспечивает компенсацию кислородного и метаболического дефицита тканей. При этом затрудненный венозный отток во время декомпрессии должен вносить существенную коррекцию в отмеченные процессы. Артериовенозный градиент давления может нарастать неравномерно, что будет приводить к отклонениям регистрируемой зависимости текущего среднего $P_{bc}(t)$ от плавно спадающего графика. Выявление механизмов, вызывающих эти отклонения, – трудная задача, для решения которой можно попытаться использовать оптико-физические устройства, приведенные на рис. 1.

Для усиления проявлений процессов взаимодействия бассейнов в регистрируемой зависимости $P_{bc}(t)$ интересно также использовать ступенчатую декомпрессию манжеты. Это дает возможность выявить моменты изменения соотношения скоростей потоков крови и давления в манжете, между артериальным и венозным бассейнами в фазах систолы и диастолы.

Также использование пульсоксиметра с регистрацией переменной и постоянной составляющих сигналов позволит проводить косвенную оценку временной зависимости кровенаполнения в небольшом измерительном объеме микроциркуляторного русла кожи пальца руки и по методике [12] получить расчетную зависимость сатурации гемоглобина артериальной крови кислородом $SpO_2(t)$. Появляется возможность на стадии декомпрессии манжеты зафиксировать по реакции фотоприемника на излучение красного (R) и инфракрасного (IR) светодиодов и момент появления пульсовых колебаний $\Delta I_R^{PPGr}(t) = I_R^{PPGr}(t) - \bar{I}_R^{PPGr}(t)$

и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t) = I_{IR}^{PPGr}(t) - \bar{I}_{IR}^{PPGr}(t)$, где I – сигнал с фотоприемника, а верхний индекс $PPGr$ образован от терминов *Photoplethysmogram* и *reflection*. Этот момент должен отражать $P_{с\text{ад}}$.

Дополнительную информацию может дать и регистрация временных зависимостей пульсовых давлений крови с помощью записи изменений силовых плетизмограмм I^{FPG} (от англ. *Force*) $\Delta I_{rad}^{FPG}(t)$ и $\Delta I_{fin}^{FPG}(t)$, которые регистрируют пьезодатчики на лучевой (*radial*) артерии и на пальце (*finger*) на одном уровне с пульсоксиметром. Определение временных задержек между $\Delta P_{bc}(t)$ и импульсами $\Delta I_{rad}^{FPG}(t)$, $\Delta I_{fin}^{FPG}(t)$ позволит оценить скорость распространения ПВ по артериям, а также ее значение на участке лучевой артерия – артериолы и прекапилляры. Задержка же между $\Delta I_{fin}^{FPG}(t)$ и $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ с $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ несет информацию о динамике кровотока на участке малые артерии – артериолы и прекапилляры системы микроциркуляции. Поскольку излучение инфракрасного диода проникает глубже красного, могут наблюдаться различия форм $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$, а также задержка между ними. Не исключено, что в совокупности эти задержки могут отражать изменения податливости резистивных сосудов, периферического сопротивления и механизмов ауторегуляции кровотока, особенно выраженных в стадии декомпрессии и реактивной гиперемии. Это указывает на перспективу исследования этих задержек при декомпрессии.

Таким образом, процессы, происходящие в сосудистой сети руки при осциллометрическом измерении АД, могут сопровождаться не только пассивными механическими эффектами, но и часто активными ответами системы ауторегуляции перфузии тканей. Поэтому анализ системных проявлений ауторегуляции в процессе измерения АД с применением комплекса описываемых датчиков может дать сведения о состоянии и параметрах магистральных артерий, а также резистивных сосудов микроциркуляторного русла, что, на наш взгляд, может иметь клиническое применение.

Используемая аппаратура и алгоритмы анализа

При исследованиях применялась аппаратура, которая была разработана авторами статьи в Белорусском госуниверситете специально для регистрации сигналов, формируемых датчиками, показанными на рис. 2.

Аппаратура содержит несколько модулей, в том числе и электрокардиографический (ЭКГ), которые можно комбинировать между собой при проведении измерений в нескольких конфигурациях. Для регистрации одного отведения ЭКГ применяется модуль на основе микросхемы AD8232. Измерение давления в манжете $P_{bc}(t)$ осуществляется цифровым датчиком давления XGZP6859D040RPG разрядностью 16 бит и частотой выборок 100 Гц. При регистрации пульсовых колебаний, формируемых лучевой артерией и малыми артериальными сосудами дистальной фаланги пальца руки, использовались пьезодатчики на основе пьезопластин диаметром 12 мм и инструментального усилителя AD623. Такая конструкция датчика обеспечивает необходимое преобразование слабых колебаний АД в напряжение амплитудой до 2В за счет возникающего изгиба пьезопластины. Формируемые аналоговые сигналы преобразуются в цифровые с помощью 12-разрядного АЦП MCP3204 с частотой дискретизации 400 Гц.

Для регистрации фотоплетизмограмм используется модуль пульсоксиметра на микросхеме MAX30102 с разрядностью 18 бит и частотой дискретизации 200 Гц [12]. Он содержит фотоприемник и два светодиода – красный (R) и инфракрасный (IR) – с максимумами излучения на длинах волн, соответственно, 680 нм и 880 нм. Расстояние между светодиодами и фотоприемником – около 4 мм. Для синхронизации записей ПВ в пальце с сигналами пульсоксиметра, датчик на основе пьезопластины

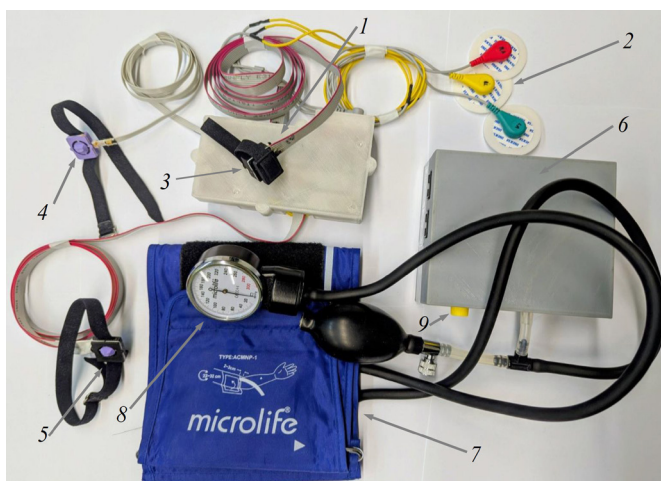

Рис. 2. Состав аппаратуры для проведения пилотных исследований
 1 – микропроцессорный блок, содержащий модуль одного отведения ЭКГ и модули пульсоксиметров и пьезодатчиков; 2 – электроды ЭКГ; 3 – пульсоксиметр с пьезодатчиком, интегрированные в один корпус; 4, 5 – пьезодатчики на лучевую и сонную артерии; 6 – микропроцессорный блок цифрового тонометра с компрессором и клапаном быстрого сброса давления в манжете; 7 – плечевая манжета; 8 – контрольный манометр; 9 – регулируемый клапан медленного сброса давления в манжете

Fig. 2. Composition of the equipment for pilot studies

1 – microprocessor unit containing one ECG lead module and modules for pulse oximeters and piezoelectric sensors; 2 – ECG electrodes; 3 – pulse oximeter with a piezoelectric sensor integrated into a single housing; 4, 5 – piezoelectric sensors for the radial and carotid arteries; 6 – microprocessor unit of the digital tonometer with a compressor and a rapid pressure release valve in the cuff; 7 – brachial cuff; 8 – reference manometer; 9 – adjustable valve for slow pressure release in the cuff

интегрирован в один корпус с модулем MAX30102. Исходное давление на ткани, которое требуется для формирования $\Delta I_{\text{rad}}^{\text{FPG}}(t)$, $\Delta I_{\text{fin}}^{\text{FPG}}(t)$ и фотоплетизмограмм, обеспечивается эластичными ремешками с регулируемой затяжкой.

Управление работой цифровых модулей и сбор данных осуществляется с помощью микроконтроллера семейства STM32, который в свою очередь подключается через USB-интерфейс к ноутбуку или стационарному компьютеру с операционной системой Windows 10. Микроконтроллер также управляет компрессором и электромагнитным клапаном тонометра, что позволяет согласовывать во времени режимы работы устройства и регистрацию возникающих сигналов. Программное обеспечение нижнего уровня системы, т. е. программа микроконтроллера STM32 создавалась и отлаживалась с использованием среды языка C.

Для сокращения сроков создания программного обеспечения верхнего уровня и возможности его быстрой коррекции использовался высокоуровневый язык Matlab. Он имеет множество встроенных функций и позволяет обеспечивать необходимую скорость обработки поступающих потоков данных в реальном масштабе времени, визуализацию их на экране монитора в виде графических зависимостей и рассчитываемых параметров, а также сохранение записей в виде файлов на флэш-память компьютера.

При обработке поступающих данных использовались алгоритмы их сглаживания фильтром Савицкого-Голея, подавляющие высокочастотные шумы датчиков

и аппаратуры без существенного искажения формы сигналов. Для выделения пульсовых колебаний $\Delta P_{bc}(t)$, $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ использовалась низкочастотная фильтрация без сдвига фаз исходных зависимостей с формированием текущих средних $\bar{P}_{bc}(t)$, $\bar{I}_R^{PPGr}(t)$, $\bar{I}_{IR}^{PPGr}(t)$ и с последующим их вычитанием из исходных сглаженных сигналов. При выделении максимумов и минимумов пульсовых колебаний использовались оригинальные алгоритмы, устойчивые к изменениям периода сердечных сокращений и экстрасистолам. В алгоритмах аппроксимации, огибающей размах колебаний $\Delta P_{bc}(t)$ плавными функциями [13], учитывалась передаточная функция применяемой манжеты Omron [14] и использовался метод Левенберга-Марквардта.

Группа испытуемых

В пилотном исследовании приняли участие около 90 здоровых испытуемых разного возраста (18–60 лет), роста и веса (ИМТ 20–32), из которых 45 мужчин. При опросе перед измерениями они указывали на отсутствие хронических заболеваний. Все участники добровольно принимали участие в исследовании, были проинформированы о его целях и подписали информированное согласие. Так как цель данной работы – выявление фактов возникновения флуктуаций огибающей СФГ, далее приведены лишь наиболее наглядные результаты, полученные при обработке записей четырех человек. Эти зависимости иллюстрируют возможность регистрации и анализа особенностей процессов взаимодействия артериальной и венозной гемодинамики сосудистой сети руки.

Экспериментальные результаты

Анализ полученных записей подтверждает, что при кратковременной окклюзии кровотока плечевой манжетой с последующей декомпрессией поведение низкочастотной составляющей сигналов $I_R^{PPGr}(t)$ и $I_{IR}^{PPGr}(t)$ в общем соответствует случаям, описанным в [10]. Однако размах изменений $I_R^{PPGr}(t)$ и $I_{IR}^{PPGr}(t)$, а также их форма могут отличаться друг от друга. На рис. 3а представлен пример одновременных записей давления в манжете $P_{bc}(t)$ и необработанных сигналов $I_R^{PPGr}(t)$, $I_{IR}^{PPGr}(t)$, а также их текущие средние: $\bar{P}_{bc}(t)$, $\bar{I}_R^{PPGr}(t)$ и $\bar{I}_{IR}^{PPGr}(t)$. Стрелками на зависимостях $P_{bc}(t)$ и $\bar{P}_{bc}(t)$ показаны участки, где проявляются отклонения от плавного спада. Эти зависимости представлены, начиная с 3-ей секунды после остановки компрессора. На зависимости $\Delta P_{bc}(t)$, показанной на вставке на рис. 3а, в момент времени около 50 с также просматривается отклонение от плавного спада размаха пульсовых колебаний. Эти отклонения коррелируют во времени с изменениями рассчитываемых значений SpO_2 , представленных на рис. 3б.

Амплитудные, временные и фазовые характеристики сигналов пульсоксиметра при декомпрессии манжеты, показанные на рис. 3, отражают взаимодействие артериального и венозного бассейнов руки при плавной декомпрессии – метаболическое расширение просвета малых артериол при недостаточном венозном оттоке, заметное по увеличению кровенаполнения после 20-й секунды, и динамику восстановления кровотока после 40-й секунды, отражающую плавное изменение соотношений венозного оттока и артериального притока, что позволяет в совокупности оценить функциональный резерв микроциркуляции в процессе измерения АД. Излучение 680 нм и 880 нм имеет разную эффективную глубину проникновения, что позволяет выявить такие особенности ауторегуляции в разных по глубине слоях микроциркуляторного русла, а также увидеть задержку (при наличии) между сигналами $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$. Моменты появления пульсовых колебаний $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ примерно совпадают друг с другом для примера на рис. 3а, а значение САД в манжете при этом было зафиксировано на уровне 137 мм рт. ст.

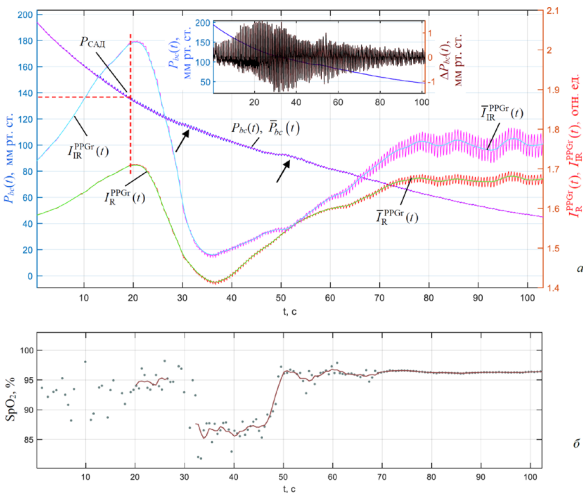

Рис. 3. Пример зарегистрированных зависимостей давления в манжете $P_{bc}(t)$ и исходных необработанных сигналов $I_R^{PPGr}(t)$ и $I_{IR}^{PPGr}(t)$ (а), а также значения $SpO_2(t)$ (б)
Fig. 3. Example of recorded dependences of pressure in the cuff $P_{bc}(t)$ and raw initial signals $I_R^{PPGr}(t)$ and $I_{IR}^{PPGr}(t)$ (a), as well as $SpO_2(t)$ values (b)

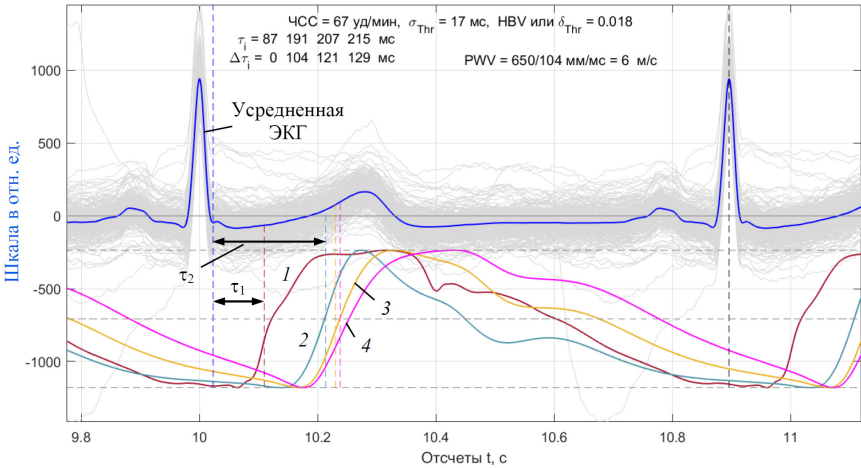

Рис. 4. Временные зависимости усредненной ЭКГ, нормированных сигналов пьезодатчиков, установленных на сонной (1), лучевой (2) артериях и на указательном пальце (3), а также инвертированного исходного сигнала $\Delta I_{IRinv}^{PPGr}(t)$ (4), полученного в спокойном состоянии без внешнего воздействия на сосуды руки
Fig. 4. Time dependences of the averaged ECG, normalized signals from piezoelectric sensors placed on the carotid (1) and radial (2) arteries and on the index finger (3), as well as the inverted raw signal (4), obtained at rest without external influence on the vessels of the arm

Пример усредненных временных зависимостей ЭКГ, трех нормированных сигналов, получаемых при установке пьезодатчиков на сонную артерию, лучевую артерию и палец, а также исходного нормированного и инвертированного сигнала $\Delta I_{IRinv}^{PPGr}(t)$, полученных для мужчины 50 лет, дан на рис. 4.
 Временные задержки τ_i определялись относительно S зубца ЭКГ и моментами наибольшей крутизны переднего фронта усредненных сигналов пульсоксиметра

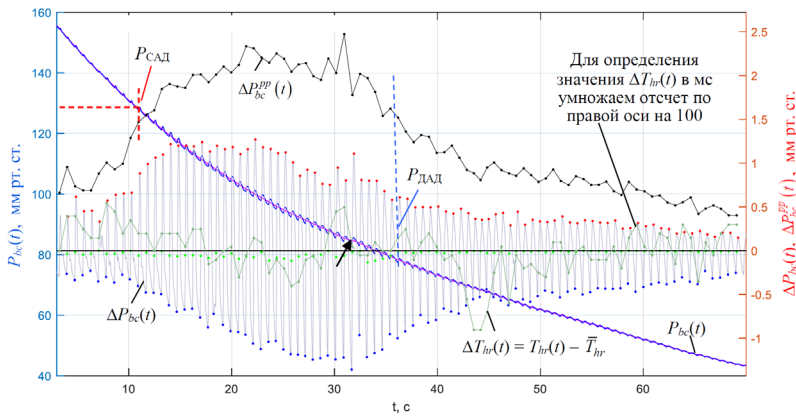

Рис. 5. Временные зависимости $P_{bc}(t)$, $\Delta P_{bc}(t)$, их размаха $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$, отклонения $\Delta T_{hr}(t)$ периода сердечных сокращений от среднего $T_{hr}(a)$, рассчитываемых значений $SpO_2(t)$ (б) и сигналов $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ (в)

Fig. 5. Time dependences of $P_{bc}(t)$, $\Delta P_{bc}(t)$, their range $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$, deviation $\Delta T_{hr}(t)$ of the cardiac cycle period from the mean T_{hr} (a), calculated $SpO_2(t)$ values (b), and signals $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ and $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ (c)

и пьезодатчиков. По величине задержки $\Delta\tau_2 = \tau_2 - \tau_1$ можно рассчитать скорость распространения ПВ (PWV) в плечевой артерии. Ее значение, как видно из рис. 4, при условии, что разность длин путей кровотока аорта-сонная артерия и аорта-лучевая артерия составляет примерно 650 мм, оказалась равной 6 м/с. Отметим наличие задержки между пульсовыми давлениями кожи пальца на пьезодатчик в момент прихода ПВ и инвертированным сигналом $\Delta I_{IRinv}^{PPGr}(t)$. Эта задержка обусловлена временем перетекания артериальной крови из малых артерий в артериолы, предкапилляры и капилляры, что вызывает рост суммарной площади их поперечного сечения с формированием соответствующего фронта $\Delta I_{IRinv}^{PPGr}(t)$.

Обработка временных зависимостей $P_{bc}(t)$, показала, что в основном размах $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$ содержит умеренные амплитудные флуктуации, вызываемые дыхательной синусовой аритмией и медленными колебаниями сосудистого тонуса. Значения $SpO_2(t)$ при этом примерно соответствуют норме. Пример такой зависимости для молодого человека с зафиксированными $P_{с\text{ад}} = 127$ и $P_{д\text{ад}} = 78$ мм рт. ст. приведен на рис. 5. Зависимости $I_R^{PPGr}(t)$ и $I_{IR}^{PPGr}(t)$ по форме похожи на представленные на рис. 3 с меньшей амплитудой низкочастотной составляющей без гиперемии. Временная зависимость пульсовых колебаний $\Delta P_{bc}(t)$ имеет стандартную форму. Значения отклонений ΔT_{hr} (блекло-зеленая линия) периода сердечных сокращений от среднего значения, т. е.

$$\Delta T_{hr}(t) = T_{hr}(t) - \bar{T}_{hr}, \quad (2)$$

имеют небольшую корреляцию с отклонением от плавных временных зависимостей минимальных (синие точки) и максимальных (красные точки) значений $\Delta P_{bc}(t)$ в каждом цикле сердечных сокращений. Рассчитанная зависимость, огибающая размах пульсовых колебаний $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$, имеет выброс при $t \approx 32$ с. В это время наблюдается снижение рассчитываемых по методике [12] значений $SpO_2(t)$, причиной которого является замедление кровотока в микроциркуляторном русле за счет роста давления в венозном бассейне при затрудненном венозном оттоке. Как видно из рис. 6б, это приводит к снижению амплитуд $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ в фазе диастолы и соответствующему падению SpO_2 . Если же при расчетах SpO_2

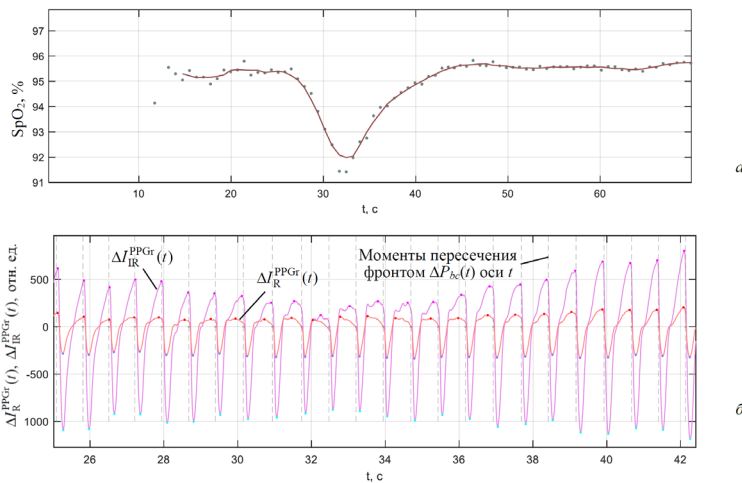

Рис. 6. Рассчитываемые зависимости $SpO_2(t)$ (а) и сигналов пульсоксиметра $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ (б) для записи, представленной на рис. 5
Fig. 6. Calculated dependences of $SpO_2(t)$ (a) and pulse oximeter signals $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ and $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ (b) for the recording presented in Fig. 5

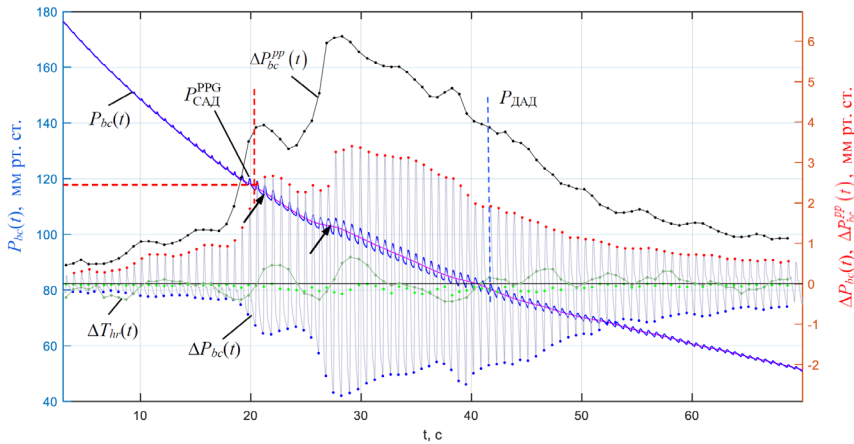

Рис. 7. Временные зависимости $P_{bc}(t)$, $\Delta P_{bc}(t)$ и их размаха $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$, демонстрирующие сильную реакцию сосудов на окклюзию и декомпрессию
Fig. 7. Time dependences of $P_{bc}(t)$, $\Delta P_{bc}(t)$ and their range $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$, demonstrating a strong vascular response to occlusion and decompression

использовать только размах колебаний $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ в фазе систолы, падение SpO_2 будет гораздо меньше. При дальнейшей декомпрессии отток крови в фазе диастолы нарастает, что приводит к восстановлению формы колебаний $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ и возвращению рассчитываемых значений SpO_2 к норме.

Регистрируются случаи с сильными флуктуациями $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$, наблюдаемыми в начале процесса декомпрессии, и гораздо реже при приближении к давлению в манжете, соответствующему $P_{ДАД}$. Пример сильной реакции механизмов ауторегуляции при декомпрессии у мужчины возрастом 50 лет приведен на рис. 7. Усредненные временные зависимости ЭКГ, силовых плетизмограмм и инвертированной фотоплетизмограммы, полученные для него в спокойном состоянии, уже приводились на рис. 4.

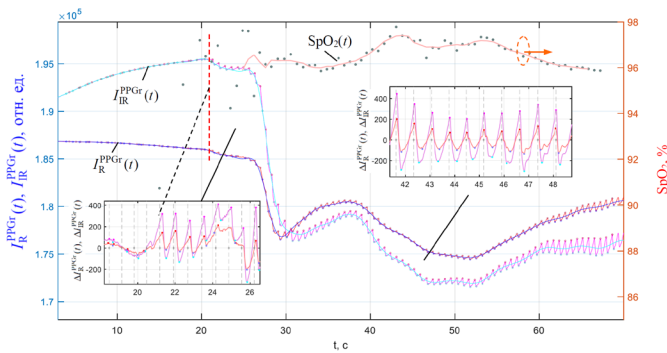

Рис. 8. Временные зависимости $I_R^{\text{PPGr}}(t)$, $I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ и рассчитываемых значений $\text{SpO}_2(t)$ для записи, соответствующей данным, приведенным на рис. 7

Fig. 8. Time dependences of $I_R^{\text{PPGr}}(t)$, $I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ and calculated $\text{SpO}_2(t)$ values for the recording corresponding to the data presented in Fig. 7.

Как следует из рис. 8, рассчитываемые значения SpO_2 у него достаточно стабильны, поскольку кровоток в фазе диастолы в микроциркуляторном русле всегда поддерживается. Однако при нормальном АД и стабильных значениях SpO_2 на фоне дыхательной аритмии проявляется сильная реакция сосудов на окклюзию и декомпрессию, что искажает форму огибающей $\Delta P_{bc}^{\text{pp}}(t)$.

Хорошо видно, что отклонения от плавного характера изменения $\Delta P_{bc}^{\text{pp}}(t)$ начинаются при приближении давления в манжете P_{bc} к $P_{\text{САД}}^{\text{PPG}}$, значение которого оценивалось по возникновению пульсовых колебаний $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ и $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ примерно на 21-й секунде записи, что видно из левой вставки на рис. 8. Очевидно, что для применения стандартного осциллометрического способа определения $P_{\text{САД}}$ требуется аппроксимация $\Delta P_{bc}^{\text{pp}}(t)$ плавной зависимостью. При такой аппроксимации рассчитываемые $P_{\text{САД}}$ и $P_{\text{ДАД}}$ составили 112 и 80 мм рт. ст., что для $P_{\text{САД}}$ примерно на 5 мм рт. ст. ниже, чем при оценке по $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ и $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$. В этом случае реакция механизмов ауторегуляции носит иной характер. Наблюдается слабое увеличение объема крови в резистивных сосудах микроциркуляторного русла в начале декомпрессии. Потом, примерно через 5 с, идет быстрый переход к увеличенному кровенаполнению с последующим временным снижением и далее – обычный медленный возврат к исходному объему до окклюзии без гиперемии. Для выяснения причин такой реакции сосудов руки на окклюзию и декомпрессию требуются более тщательные исследования с применением пьезодатчиков и предварительной (перед окклюзией) регистрацией всех сигналов в спокойном состоянии.

Падение расчетных значений SpO_2 , приведенное на рис. 3б, как и для случая на рис. 6а, также вызывается замедлением кровотока в микроциркуляторном русле при затрудненном венозном оттоке. На представленных на рис. 9 справа зависимостях $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ и $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$, форма $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ говорит об отсутствии сужения просвета резистивных сосудов в фазе диастолы после дикротической выемки. Для таких случаев расчет SpO_2 должен опираться на определение размаха пульсовых колебаний $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ и $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ в фазе систолы, как показано на зависимостях в начале декомпрессии на рис. 9 слева. Соответствующее положение минимума $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ в начале систолы на 41-й секунде показано крестиком. Отметим и наличие второго отрицательного пика (постсистолического) колебаний $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ и $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$, что может указывать на напряженность стенок резистивных сосудов микроциркуляторного русла.

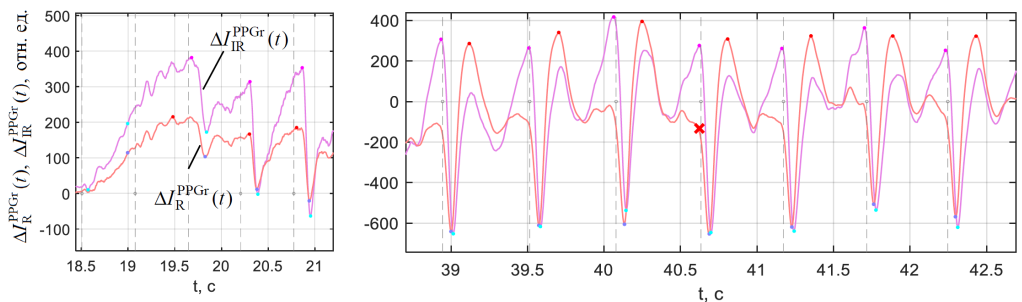

Рис. 9. Форма пульсовых колебаний $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ и $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ для записи, соответствующей данным рис. 3, в начале декомпрессии (слева) и на участке возле 41 секунды (справа)

Fig. 9. Waveform of pulse oscillations $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ and $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ for the recording corresponding to the data in Fig. 3, at the beginning of decompression (left) and in the segment near 41 seconds (right)

Наблюдаемые случаи влияния сосудистой реакции на зависимость огибающей $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$ в более поздней стадии декомпрессии в основном были связаны с временными трендами ЧСС.

Общий анализ временной задержки между фронтами $\Delta P_{bc}(t)$ и $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$, $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ в фазе систолы показывает, что в начале декомпрессии эти задержки всегда больше, что указывает на податливость стенок артерий вследствие ауторегуляции. Дикротическая выемка отсутствует, так как кровоток под манжетой еще только восстанавливается. По мере дальнейшей декомпрессии она проявляется (если она присутствует и в $\Delta P_{bc}(t)$), причем в $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ раньше. Восстановление артериального кровотока сопровождается уменьшением этой задержки, что указывает на рост скорости ПВ и снижение податливости стенок артерий микроциркуляторного русла при росте среднего давления в сосудах на фоне затрудненного венозного оттока. В конце декомпрессии эта временная задержка становится минимальной, и начало фронтов $\Delta I_R^{\text{PPGr}}(t)$ и $\Delta I_{\text{IR}}^{\text{PPGr}}(t)$ в фазе систолы начинает совпадать с моментом пересечения $\Delta P_{bc}(t)$ оси t , хотя в начале декомпрессии отставало. Это говорит о восстановлении нормального тока крови и скорости ПВ в микроциркуляторном русле.

Результат применения ступенчатой декомпрессии давления в манжете для молодого человека 20 лет представлен на рис. 10. Колебания $P_{bc}(t)$ при кратковременном открытии клапана сброса давления с целью улучшения визуального восприятия тренда не показаны. Полученная зависимость $P_{bc}(t)$ демонстрирует динамику соотношения между артериальным притоком крови в сосуды руки и венозным ее оттоком во время декомпрессии. В начале открытия клапана тренд $P_{bc}(t)$ имеет слабо спадающий характер. По мере роста давления в венозном бассейне из-за затрудненного оттока этот тренд постепенно нарастает, а после возобновления венозного оттока медленно возвращается опять к нулевому значению.

Обсуждение полученных результатов

Полученные данные могут расширить существующие представления о процессах гемодинамики в сосудистой сети руки [10] за счет регистрации и анализа динамики изменения регистрируемых сигналов при окклюзии и декомпрессии непосредственно во время измерения АД. Приведенные примеры подтверждают, что реакция артерий микроциркуляторного русла на окклюзию и последующую декомпрессию является источником возникновения выбросов, регистрируемых на огибающей пульсовых колебаний $\Delta P_{bc}^{pp}(t)$. Эти выбросы могут влиять на

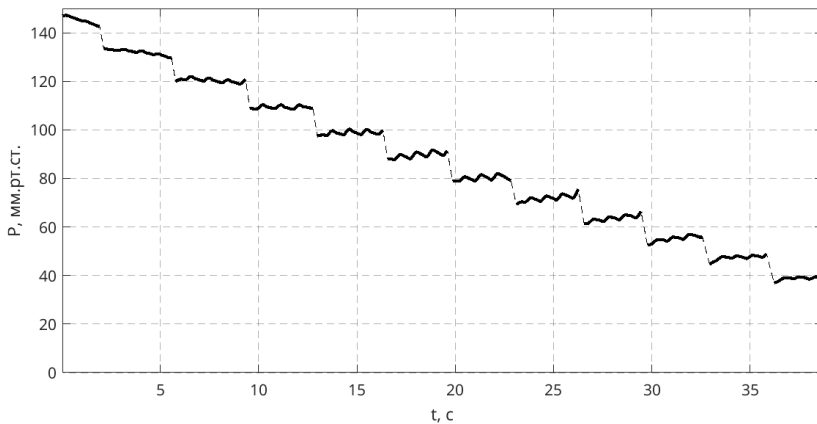

Рис. 10. Зарегистрированная форма пульсовых колебаний $P_{bc}(t)$ у молодого человека 20 лет при ступенчатой декомпрессии плечевой манжеты

Fig. 10. Recorded waveform of pulse oscillations $P_{bc}(t)$ in a 20-year-old young male during stepwise decompression of the brachial cuff

результаты измерения АД, причем их влияние может быть более существенным для пациентов с патологиями сосудов, нарушениями сердечного ритма, заболеваниями сердечно-сосудистой системы в целом [15]. Автоматическими тонометрами они могут быть неправильно интерпретированы, что в результате даст ошибочные значения САД и(или) ДАД. Для выяснения механизмов ауторегуляции перфузии, запускающих формирование этих выбросов, требуются дальнейшие исследования с использованием стадии предварительной оценки сигналов в спокойном состоянии, т. е. при слабом давлении в плечевой манжете или без него. При этом за счет анализа формы $\Delta P_{bc}(t)$, исходных сигналов пульсоксиметра $\Delta I_R^{PPGr}(t)$, $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ и пьезодатчиков $\Delta I_{rad}^{bFPG}(t)$ и $\Delta I_{fin}^{FPG}(t)$, а также усредненных временных задержек между их передними фронтами (в фазе систолы), можно получить дополнительную информацию о состоянии сосудов руки.

Выявленная динамика временных задержек между регистрируемыми сигналами при плавной декомпрессии, наиболее вероятно, отражает изменения гемодинамических режимов: от ауторегуляторного расслабления артерий и затрудненного венозного оттока, до восстановления нормального пульсового притока и скорости распространения ПВ. Применение ступенчатой декомпрессии дает возможность проследить за временной динамикой соотношения артериального притока и венозного оттока крови, классификацию которой и взаимосвязь с параметрами сосудов микроциркуляторного русла еще предстоит выяснить.

Использование двухволновой отражательной пульсоксиметрии при окклюзии и декомпрессии показало свою информативность для анализа динамики кровенаполнения поверхностных и более глубоких слоев сосудов микроциркуляторного русла кожи пальца. Встречающиеся различия в поведении пульсовых колебаний $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ при декомпрессии, предположительно, могут являться признаком снижения податливости стенок артериальных сосудов микроциркуляторного русла [16]. Показано, что в этих случаях при расчетах SpO_2 надо использовать размах колебаний $\Delta I_R^{PPGr}(t)$ и $\Delta I_{IR}^{PPGr}(t)$ на их переднем систолическом фронте. Более полную информацию об усредненных параметрах сосудов микроциркуляторного русла можно получить при дальнейшем развитии методов диффузионной отражательной спектроскопии, описанных в [15, 16].

Представленные результаты указывают на необходимость разработки более полной модели сосудистой сети руки, учитывающей не только артериальное

русло, но и параметры микроциркуляции и венозного бассейна, а также их динамическое взаимодействие в условиях внешнего компрессионного воздействия. Изменения емкостных свойств венозного русла, податливости стенок резистивных артериальных сосудов, скорости распространения ПВ и, соответственно, межсигнальных временных задержек на ранних этапах формирования сосудистых патологий могут представлять новые диагностические признаки, которые целесообразно выявлять при проведении стандартной процедуры измерения АД.

Заключение

В работе исследуются проявления взаимодействия артериального и венозного сосудистых бассейнов верхней конечности в процессе окклюзии манжетой тонометра плечевой артерии и последующей декомпрессии манжеты при измерении АД осциллометрическим методом. На основе синхронной регистрации СФГ в плечевой манжете и сигналов двухволновой отражательной пульсоксиметрии выполнен анализ динамики формы пульсовых колебаний, их огибающей и временных задержек между сигналами. Обосновано предположение, что выбросы на огибающей размаха пульсовых колебаний обусловлены, в первую очередь, реакцией мелких артерий микроциркуляторного русла на внешнее компрессионное воздействие и активацией механизмов ауторегуляции перфузии. Наиболее вероятно, что изменение временных задержек между фронтами пульсовых сигналов при плавной и ступенчатой декомпрессии отражает переход между различными гемодинамическими режимами, связанными с восстановлением артериального притока, венозного оттока и скорости распространения ПВ. Показана информативность двухволновой отражательной пульсоксиметрии для анализа кровенаполнения поверхностных и более глубоких слоев микроциркуляции в коже пальца и выявления признаков снижения податливости стенок резистивных сосудов. Полученные результаты обосновывают необходимость построения расширенной трехкамерной модели сосудистой сети руки и могут быть использованы для повышения диагностической информативности осциллометрических измерений и выявления ранних функциональных нарушений сосудистой регуляции.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. World Health Organization (WHO). Cardiovascular diseases. Key facts. WHO: 2025; 1–7. Available at: [https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds)) [Accessed 30 November 2025].
2. Campbell NRC, Padwal R, Picone DS, Su H, Sharman JE. The impact of small to moderate inaccuracies in assessing blood pressure on hypertension prevalence and control rates. *Journal of Clinical Hypertension (Greenwich)*: 2020; 22(6):939–42. DOI:10.1111/jch.13915.
3. Sharman JE, Tan I, Stergiou GS, et al. Automated ‘oscillometric’ blood pressure measuring devices: how they work and what they measure. *Journal of Human Hypertension*: 2023;37: 93–100. DOI:10.1038/s41371-022-00693-x.
4. Посохов И.Н., Мороз-Водолажская Н.Н. Осциллометрический метод: что это такое и всем ли пациентам он подходит для измерения артериального давления? *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*: 2024;23(9):4075. DOI:10.15829/1728-8800-2024-4075.
5. Posokhov IN, Moroz-Vodolazhskaya NN. The oscillometric method: what is it and is it suitable for measuring blood pressure in all patients? *Cardiovascular Therapy and Prevention*: 2024;23(9):4075. (in Russ.). DOI:10.15829/1728-8800-2024-4075
6. Kumar S, Yadav S, Kumar A. Accuracy of oscillometric-based blood pressure monitoring devices: impact of pulse volume, arrhythmia, and respiratory artifact. *Journal of Human Hypertension*: 2024;38(1):45–51. DOI:10.1038/s41371-023-00856-4.

6. Sharman JE, Tan I, Stergiou GS, et al. Automated 'oscillometric' blood pressure measuring devices: How they work and what they measure. *Journal of Human Hypertension*: 2023;37: 93–100.

7. Vinogradova OL, Borovik AS, Zhedyaev RY, et al. Respiratory sinus arrhythmia: physiological mechanisms and relationship with systemic blood pressure fluctuations. *Human Physiology*: 2024;50(3):102–113. DOI:10.31857/S0131164624030086.

8. Silva H, Ferreira HA, da Silva HP et al. The Venoarteriolar Reflex Significantly Reduces Contralateral Perfusion as Part of the Lower Limb Circulatory Homeostasis in vivo. *Front. Physiol*: 2018; 9:1123. DOI:10.3389/fphys.2018.01123.

9. Кубарко А.И., Мансуров В.А., Светличный А.Д. и др. Распространение пульсовой волны по малым сосудам: результаты измерений и подходы к моделированию. *Неотложная кардиология и кардиооваскулярные риски*: 2020; 4(2): 1037–1044.

Kubarko AI, Mansurov VA, Svetlichny AD, et al. Pulse wave propagation through small vessels: measurement results and modeling approaches. *Emergency cardiology and cardiovascular risks*: 2020; 4(2):1037–1044. (In Russ.).

10. Tarasov AP, Karpov VN, Rogatkin DA. Evaluation Model of Microhemodynamics in Finger Skin at Arterial Occlusion and Post-Occlusive Hyperemia. *Fluids*: 2025;10(12):314. DOI: 10.3390/fluids10120314.

11. Jackson W. Myogenic Tone in Peripheral Resistance Arteries and Arterioles: The Pressure Is On! *Frontiers in Physiology*: 2021;12:699517. DOI: 10.3389/fphys.2021.699517.

12. Recommended Configurations and Operating Profiles for MAX30101/MAX30102 EV Kits. UG6409. Rev 0; 3/18. – 36 p.

13. Babbs CF. Oscillometric measurement of systolic and diastolic blood pressures validated in a physiologic mathematical model. *BioMedical Engineering OnLine*: 2012;11:56. DOI:10.1186/1475-925X-11-56.

14. Mersich A, Jobbágy A. Identification of the cuff transfer function increases indirect blood pressure measurement accuracy. *Physiological Measurement*: 2009; 30(3):323–333. DOI:10.1088/0967-3334/30/3/007.

15. Фираго В.А. Возможности диффузионной спектроскопии с пространственным разрешением при определении гидратации и параметров микроциркуляторного русла биотканей. *Журнал прикладной спектроскопии*: 2024;91(3): 378–393.

Firago VA. Possibilities of diffusion spectroscopy with spatial resolution in determining hydration and parameters of the microcirculatory bed of biological tissues. *Journal of Applied Spectroscopy*: 2024;91(3):378–393. (in Russ.).

16. Фираго В.А. Оценка жесткости малых артериальных сосудов поверхностных биотканей по их спектрально-временным профилям диффузного отражения светового излучения. *Журнал прикладной спектроскопии*: 2024;91(1): 107–123.

Firago VA. Assessment of the stiffness of small arterial vessels of superficial biotissues and their spectral-temporal diffuse light reflection profiles. *Journal of Applied Spectroscopy*: 2024;91(1):107–123. (in Russ.).

Сведения об авторах

ФИРАГО Владимир Александрович – д. ф.-м. н., доцент, профессор каф. квантовой радиофизики и оптоэлектроники, Белорусский государственный университет, <https://orcid.org/0000-0001-8797-2125>, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: firago@bsu.by

ЛЕБЕДЕВСКИЙ Александр Валерьевич – ст. преподаватель каф. информатики и компьютерных систем, Белорусский государственный университет, <https://orcid.org/0009-0000-2592-6406>, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: lebedevskiys@yandex.by

СЛОДИНСКАЯ Виктория Михайловна – стажер младшего научного сотрудника НИИ информационно-измерительных систем каф. информатики и компьютерных систем, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: slodinskayavika5@gmail.com

СЛАВИНСКИЙ Сергей Геннадьевич – магистрант, факультета радиофизики и компьютерных технологий, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

КУБАРКО Алексей Иванович – д. м. н., проф. каф. нормальной физиологии, Белорусский государственный медицинский университет, г. Минск, Республика Беларусь

ЛЕВКОВИЧ Николай Васильевич – ст. преподаватель каф. информатики и компьютерных систем, Белорусский государственный университет, <https://orcid.org/0000-0003-1813-2960>, г. Минск, Республика Беларусь

КАРПОВ Василий Николаевич – к. м. н., с. н. с. лаборатории медико-физических исследований, ГБУЗ МО Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф.Владимирского, <https://orcid.org/0009-0007-3916-5645>, г. Москва, Российская Федерация

РОГАТКИН Дмитрий Алексеевич – д. т. н., зав. лаб. медико-физических исследований, ГБУЗ МО Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского, <https://orcid.org/0000-0002-7755-308X>, г. Москва, Российская Федерация

About the authors

Vladimir A. FIRAGO – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Quantum Radiophysics and Optoelectronics, Belarusian State University, Faculty of Radiophysics and Computer Technologies, <https://orcid.org/0000-0001-8797-2125>, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: firago@bsu.by

Alexander V. LEBEDEVSKIY – Senior Lecturer at the Department of Informatics and Computer Systems, Belarusian State University, Faculty of Radiophysics and Computer Technologies, <https://orcid.org/0009-0000-2592-6406>, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: lebedevskiys@yandex.by

Viktoria M. SLODZINSKAYA – Trainee Junior Researcher at the Research Laboratory of Information and Measurement Systems, Department of Informatics and Computer Systems, Belarusian State University, Faculty of Radiophysics and Computer Technologies, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: slodinskayavika5@gmail.com

Sergei G. SLAVINSKIY – Master's Degree Student, Belarusian State University, Faculty of Radiophysics and Computer Technologies, Minsk, Republic of Belarus

Aleksei I. KUBARKO – Doctor of Medical Sciences, Professor, Professor at the Department of Normal Physiology, Belarusian State Medical University, Minsk, Republic of Belarus

Nickolay V. LEVKOVICH – Senior Lecturer at the Department of Informatics and Computer Systems, Belarusian State University, Faculty of Radiophysics and Computer Technologies, <https://orcid.org/0000-0003-1813-2960>, Minsk, Republic of Belarus

Vasily N. KARPOV – Candidate of Medical Sciences (PhD), Senior Researcher at the Laboratory of Medical and Physical Research, Vladimirsky Moscow Regional Research Clinical Institute (MONIKI), <https://orcid.org/0009-0007-3916-5645>, Moscow, Russian Federation

Dmitry A. ROGATKIN – Doctor of Technical Sciences, Head of the Laboratory of Medical and Physical Research, Vladimirsky Moscow Regional Research Clinical Institute (MONIKI), <https://orcid.org/0000-0002-7755-308X>, Moscow, Russian Federation

Вклад авторов

Фираго В.А. – разработка общей концепции, методологии, руководство технической частью исследований, создание первого черновика рукописи, анализ и обсуждение результатов

Лебедевский А.В. – программное обеспечение, верификация данных, редактирование рукописи

Слодинская В.М. – разработка технических устройств диагностики, формирование раздела рукописи в части приборов

Славинский С.Г. – ресурсное обеспечение исследования, программное обеспечение, проведение и описание экспериментов

Кубарко А.И. – разработка методологии проведения измерений, руководство медицинской частью исследований, работа с испытуемыми, редактирование и формирование рукописи в части описания результатов

Левкович Н.В. – программное обеспечение, первичная обработка данных, подготовка иллюстраций

Карпов В.Н. – медицинская интерпретация и анализ первичных данных, анализ гемодинамических явлений, оформление и редактирование рукописи

Рогаткин Д.А. – разработка модели гемодинамического русла, методология моделирования и анализа гемодинамических явлений, совокупный анализ результатов, формирование выводов и заключения

Authors' contribution

Vladimir A. Firago – development of the overall concept, methodology, supervision of the technical part of the research, preparation of the first draft of the manuscript, analysis and discussion of the results

Alexander V. Lebedevskiy – software, data verification, manuscript editing

Viktoria M. Slodzinskaya – development of technical diagnostic devices, preparation of the section of the manuscript concerning the instruments

Sergei G. Slavinskiy – research resource provision, software, conducting and describing the experiments

Aleksei I. Kubarko – development of the measurement methodology, supervision of the medical part of the research, work with the subjects, editing and preparation of the manuscript concerning the description of the results

Nickolay V. Levkovich – software, primary data processing, preparation of illustrations

Vasiliy N. Karpov – medical interpretation and analysis of primary data, analysis of hemodynamic phenomena, manuscript formatting and editing

Dmitry A. Rogatkin – development of the hemodynamic vascular model, methodology for modeling and analyzing hemodynamic phenomena, comprehensive analysis of the results, formulation of the findings and conclusion

Конфликт интересов

Рогаткин Дмитрий Алексеевич является членом редколлегии журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова».

Conflict of interests

Dmitry A. Rogatkin is a member of editorial board of Vestnik of North-Eastern Federal University.

Поступила в редакцию / Submitted 03.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 25.03.2026

Принята к публикации / Accepted 13.04.2026

УДК 821.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-78-92>

Оригинальная научная статья

Концепт ПУТЬ в лиро-эпических произведениях Саргыланы Гольдеровой–Саргы Куо

В. В. Андреева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ and.valya00@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается концепт ПУТЬ в лиро-эпических произведениях Саргыланы Гольдеровой–Саргы Куо как значимая категория индивидуально-авторской картины мира и художественного осмысления этнокультурной памяти саха. Актуальность исследования определяется устойчивым интересом современного литературоведения к концептуальному анализу художественного текста, а также необходимостью более точного описания поэтики Саргы Куо, в которой мотив движения связан с родной землей, судьбой, духовным выбором и поиском высшей ценности. Цель работы состоит в выявлении структуры концепта ПУТЬ и способов его репрезентации в поэмах «Эргиллии», «Моҕол ураһаҕа айан» и «Кэм айанньыта». Материалом анализа выступают лексические, образные и сюжетно-композиционные формы воплощения пути, включая мотивы возвращения, странствия, преодоления, очищения и движения к Вечной Любви. Методологическую основу составляют концептуальный, лексико-семантический, сравнительно-сопоставительный и интерпретационный подходы, позволяющие соотнести словарное значение лексем айан и суол с их художественной функцией в поэтическом тексте и системой повторяющихся образов. Особое внимание уделено переходу от предметной дороги к внутреннему маршруту героини, где пространственное движение получает ценностное и судьбоносное наполнение. В результате установлено, что концепт ПУТЬ у Саргы Куо формируется как многослойное единство пространственного, временного и духовно-аксиологического планов. В поэме «Эргиллии» он раскрывается через возвращение к Амге и родовым истокам; в «Моҕол ураһаҕа айан» – через жизненное испытание, поиск защиты и внутренней опоры; в «Кэм айанньыта» – через философское переживание времени, освобождение души и устремленность к Вечной Любви. Сделан вывод, что ПУТЬ является системообразующим концептом поэтического мира Саргы Куо: он организует движение лирической героини, связывает личную биографию с культурой саха и переводит мотив дороги в область нравственного и духовного становления.

Ключевые слова: архетип, мотив, художественный концепт, концептуальный анализ, индивидуально-авторская концептосфера, поэмы, национальные образы, лирическая героиня, Саргылана Гольдерева–Саргы Куо, якутская литература

© Андреева В. В., 2026

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Андреева В. В. Концепт ПУТЬ в лиро-эпических произведениях Саргыланы Гольдеровой–Саргы Куо. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):78–92. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-78-92>

Original article

The concept “PATH” in the lyrico-epic writings of Sargylana Goldereva-Sargy Kuo

Valentina V. Andreeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ and.valya00@mail.ru

Abstract

The article examines the concept of the “PATH” in the lyrico-epic works of Sargylana Goldereva–Sargy Kuo as a significant category of the individual author's worldview and artistic interpretation of the Sakha people's ethnocultural memory. The relevance of the study is determined by the sustained interest of contemporary literary criticism in the conceptual analysis of literary texts, as well as by the need for a more precise description of Sargy Kuo's poetics, in which the motif of movement is connected with the native land, fate, spiritual choice, and the search for the highest value. The aim of the article is to identify the structure of the “PATH” concept and the ways it is represented in the poems “Ergilli”, “Moghol urahaҕa ayan”, and “Kem ayannyta”. The material for analysis comprises lexical, figurative, and narrative-compositional forms of embodying the path, including motifs of return, wandering, overcoming, purification, and movement towards Eternal Love. The methodological framework is based on conceptual, lexico-semantic, comparative, and interpretive approaches, which make it possible to correlate the dictionary meanings of the lexemes *ayan* and *suol* with their artistic function in the poetic text and the system of recurring images. Special attention is paid to the transition from the physical road to the heroine's inner journey, where spatial movement acquires value-laden and fateful significance. As a result, it is established that the “PATH” concept in Sargy Kuo's works is formed as a multilayered unity of spatial, temporal, and spiritual-axiological dimensions. In the poem “Ergilli”, it is revealed through a return to the Amga River and ancestral origins; in “Moghol urahaҕa ayan” – through a life trial, the search for protection and inner support; in “Kem ayannyta” – through a philosophical experience of time and liberation.

Keywords: archetype, motif, literary concept, conceptual review, author's conceptual sphere, poems, ethnic images, lyrical heroine, Sargylana Goldereva-Sargy Kuo, Yakut literature

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Andreeva V. V. The concept “Path” in the lyrico-epic writings of Sargylana Goldereva-Sargy Kuo. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):78–92. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-78-92>

Введение

Актуальность обращения к концепту ПУТЬ определяется антропоцентрической направленностью современной гуманитарной мысли: художественный текст рассматривается как форма фиксации личного опыта, исторической памяти и этнокультурных представлений. В поэзии С. В. Гольдеровой–Саргы Куо этот концепт связан с мотивами возвращения, движения души, преодоления и поиска ценностной опоры. При наличии работ о жанровой природе якутской поэзии и творческой биографии Саргы Куо специальное описание структуры концепта

ПУТЬ в ее лиро-эпических произведениях остается недостаточно разработанным [1, 2]. Научная проблема работы состоит в том, чтобы выявить, как образ дороги и странствия переходит в авторский концепт и какую роль он играет в организации поэтической картины мира.

Материалом исследования являются три поэмы Саргыланы Гольдеровой–Саргы Куо: «Эргиллии» («Возвращение»), «Моџол ураһаҕа айан» («Путь к Величественной урасе»), «Кэм айанныта» («Путник времени»). Выбор этих произведений обусловлен тем, что в них мотив пути вынесен на уровень заглавия, композиции и ценностной перспективы. В заглавиях поэм и в исследовательском описании творческого пути Саргы Куо номинация айан задает устойчивое направление авторской мысли: движение к прекрасному, свободе, памяти и Вечной Любви [2, 3]. Цель работы – определить смысловую структуру концепта ПУТЬ в названных поэмах и показать его связь с индивидуально-авторской концептосферой поэта.

В качестве методологической основы используется концептуальный анализ художественного текста, включающий лексико-семантическое наблюдение, интерпретацию образных репрезентаций и выявление аксиологического слоя. И. В. Бурдин и Н. В. Аввакумова рассматривают художественный концепт как форму сохранения и передачи человеческого опыта в словесном произведении [4]. М. А. Чернякова связывает специфику концепта с соединением понятийного, образного и ценностного содержания [5]. Для настоящей статьи эти положения важны потому, что путь у Саргы Куо объединяет пространственное перемещение, память рода, личную судьбу лирической героини и этнокультурные коды народа саха.

В. Г. Зусман обращает внимание на промежуточную природу литературного концепта: он сближает понятийное обобщение с чувственно-образной конкретностью художественного образа [6]. Такая трактовка позволяет анализировать ПУТЬ одновременно как слово, мотив и смысловой узел текста. Е. В. Лозинская описывает когнитивное литературоведение как направление, в котором произведение изучается через способы художественного мышления автора [7]. В этой перспективе особое значение получают повторяющиеся лексемы айан и суол, а также их связи с образами реки Амги, урасы, коня, путника времени, трех душ үс кут и Вечной Любви.

Л. В. Миллер подчеркивает принадлежность художественного концепта индивидуальному сознанию автора и психоментальной сфере этнокультурного сообщества [8]. Для анализа поэзии Саргы Куо это положение принципиально: личная интонация лирической героини постоянно соотносена с памятью народа саха, мифопоэтическими представлениями о Срединном мире и ценностью духовной целостности. Понимание художественного текста у Ю. М. Лотмана как сложно организованной семиотической структуры помогает рассматривать мотив пути в системе повторов, заглавий, хронотопических образов и композиционных переходов [9].

Структура художественного концепта в статье понимается как совокупность понятийного, образно-перцептивного и ценностно-оценочного компонентов. В работе Л. В. Миллер эта многослойность связывается с различным происхождением элементов концепта и с их включенностью в культурную память [8]. Ю. С. Степанов показывает, что слово в культуре способно проходить путь от первичного значения к образу, понятию и символу [10]. Поэтому в дальнейшем анализе концепт ПУТЬ рассматривается через лексемы айан и суол, через символику движения и возвращения, а также через аксиологическую направленность поэтического мира С. В. Гольдеровой–Саргы Куо.

Объектом исследования выступает лиро-эпическая поэзия С. В. Гольдеровой–Саргы Куо, предметом – способы репрезентации концепта ПУТЬ в трех выбранных

поэмах. Рабочая гипотеза состоит в том, что ПУТЬ в этих текстах выполняет системообразующую функцию: связывает пространственное возвращение к истокам, временное движение лирической героини и духовное восхождение к Вечной Любви. Такое понимание позволяет перейти от описания отдельных мотивов к реконструкции целостной авторской модели мира.

Путь как универсальный концепт в художественном и этнокультурном сознании

Концепт ПУТЬ относится к числу тех художественных категорий, которые легко переходят из бытовой лексики в область философского и этнокультурного обобщения. В русском словаре В. И. Даля путь соотнесен с дорогой, ездой, ходом, способом достижения цели; такая многозначность показывает, что слово изначально соединяет пространственную, процессуальную и оценочную семантику [11]. В якутском материале сходную нагрузку несут лексемы суол и айан: первая задает предметно-пространственный образ дороги, вторая активнее связывается с направленным движением, поездкой, странствием и внутренним продвижением. Поэтому при анализе поэзии Саргы Куо важно учитывать не отдельный мотив дороги, а целый комплекс значений, в котором перемещение, выбор направления и изменение состояния образуют единое смысловое поле.

Концептуальный анализ лирико-эпического текста начинается с установления словесных репрезентантов, затем переходит к их словарному и этимологическому описанию, после чего выявляет образные и ценностные связи внутри произведения. Для данного раздела принципиальны четыре уровня: лексический, пространственный, этнокультурный и авторско-поэтический. Лексический уровень задают суол и айан; пространственный уровень раскрывает соотношение движения, границы и цели; этнокультурный уровень связан с представлениями саха о жизненном цикле, душе и переходах; авторский уровень проявляется в том, как Саргы Куо переводит эти значения в систему образов возвращения, времени и Вечной Любви.

Таблица 1

Смысловые уровни концепта ПУТЬ в теоретическом описании

Table 1

Level of meanings of concept “PATH” in theoretical description

Уровень	Содержание признака	Опора в источниках
Лексический	Дорога, ход, направление, поездка, возможность продвижения; переход от предметного значения к абстрактному	[11, 12, 13]
Пространственный	Линия движения организует пространство, выделяет центр и периферию, допускает горизонтальные и вертикальные траектории	[14]
Этнокультурный	Жизненный цикл, предписанный порядок, переход между состояниями, связь пути с душой и ценностным выбором.	[15, 16]
Авторско- поэтический	Возвращение к родной земле, движение во времени, освобождение души, стремление к Вечной Любви	[2, 3]

В. Н. Топоров описывает путь как линейный образ пространства и тем самым переводит дорогу из плоскости предметного обозначения в сферу семиотической организации текста [14]. В такой трактовке путь не растворяется в пространстве: он отбирает в нем направление, задает меру удаленности, формирует ожидание цели. Для литературного анализа особенно продуктивно различение горизонтальной и вертикальной траекторий. Горизонтальное движение обычно связано с земной дорогой, возвращением, уходом, поиском центра; вертикальное – с переходом между мирами, духовным испытанием или сакральным восхождением. Эта модель позволяет рассматривать путь не как фон событий, а как способ построения художественного мира.

Универсальность концепта не отменяет его национальной конкретности. В традиционной культуре саха путь укоренен в реальную среду Севера: реку, зимник, стойбище, дорогу к дому, сезонное перемещение. Такая предметность не снижает символическое значение образа. Напротив, именно через узнаваемые природные и бытовые ориентиры движение получает культурную плотность. В исследованиях Р. И. Бравиной жизненный цикл человека в культуре саха связан с представлениями о предписанном порядке, границах жизни и смерти, а также с необходимостью сохранять равновесие между человеком, родом и миром *айыы* [15]. Поэтому путь в этнокультурном сознании выступает формой судьбы: человек проходит его не вне традиции, а внутри системы запретов, благословений, испытаний и памяти рода.

Этнофилософская перспектива К. Д. Уткина помогает уточнить духовный аспект этой категории. Культура саха рассматривается им через связь природного космоса, нравственного порядка и внутреннего становления человека [16]. На этом фоне выражение путь души получает не отвлеченно-метафорический, а мировоззренческий смысл: душа движется через опыт, ошибку, очищение, укрепление связи с родом и освоение высших ценностей. Для поэзии Саргы Куо такая логика особенно важна, поскольку ее лирическая героиня не просто перемещается в пространстве, а проверяет собственную цельность через возвращение к истокам и через преодоление временных границ.

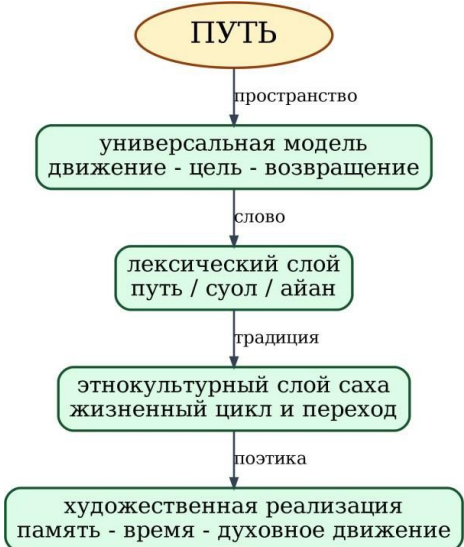

Рис. 1. Модель перехода концепта ПУТЬ

от универсальной семантики к поэтике Саргы Куо

Fig. 1. Transformation of the concept “PATH” from universal semantic to the poetic of Sargy Kuo

Эта логика важна для дальнейшего анализа: айан у Саргы Куо соединяет маршрут, память, волевое усилие, движение души и выбор высшей цели. Словарная семантика дает исходную опору, но в поэмах она последовательно расширяется: путь обозначает возможность перемещения, становится способом осмысления жизни, раскрывается как этнокультурный код и входит в индивидуально-авторскую концептосферу.

Словарная база подтверждает эту многослойность. Большой толковый словарь якутского языка фиксирует лексику, связанную с дорогой и движением, в составе современного литературного языка и фольклорного фонда [12]. Этимологический словарь Г. В. Попова позволяет учитывать историческую глубину якутских слов, связанных с передвижением и направлением [13]. Для художественного текста это имеет прямое значение: лексема, вынесенная в заглавие, активизирует не только прямое значение, но и ассоциации, накопленные в языке, фольклоре, родовой памяти и личном опыте автора.

В поэмах С. В. Гольдеровой–Саргы Куо универсальный концепт получает авторскую конкретизацию. В «Эргиллии» на первый план выходит возвращение к родной Амге; в «Моџол ураһаҕа айан» движение связано с поиском опоры, защищенности и внутреннего равновесия; в «Кэм айанныта» путь переносится в область времени и духовного становления. Общая теоретическая модель поэтому задает три рабочих признака для последующего анализа: пространство как направление возвращения, время как длительность испытания и душа как субъект движения к Вечной Любви. Именно соединение этих признаков позволяет рассматривать ПУТЬ в поэтической системе Саргы Куо как универсальный по происхождению, этнокультурно маркированный по содержанию и индивидуально-авторский по художественной функции.

Анализ структуры концепта ПУТЬ в лиро-эпических произведениях С. В. Гольдеровой–Саргы Куо

В аналитической части концепт ПУТЬ рассматривается на материале трех лиро-эпических поэм Саргыланы Гольдеровой–Саргы Куо. Их объединяет повествование от авторского «я», поэтому лирическая героиня выступает не внешним персонажем, а формой самораскрытия поэтического сознания. П. В. Сивцева-Максимова относит подобные тексты к лирико-медитативному типу поэм: в них биографическая память, размышление и образ поэта становятся основой сюжетного движения [1]. Для поэзии Саргы Куо это жанровое свойство принципиально: путь не изображается как линейный маршрут, а проживается как опыт возвращения, остановки, поиска опоры и духовного роста.

В. Б. Окорокова, анализируя творческие поиски Саргы Куо, выделяет стремление поэтессы к образу «поэтессы-странницы», для которой свобода связана с выходом в пространство поэзии и с активным постижением жизни [2]. На этом фоне лирическая героиня в трех поэмах предстает путницей: ее движение проходит через родную землю, дом, реку, урасу, время, душу и Вечную Любовь. Межтекстовое поле концепта формируют слова *эргиллии*, *айан*, *уунньуктаах айан*, *аартыктаах айан*, *суол*, *аартык*, *айанныт*, *кэм айанныта*. Эти номинации задают понятийное ядро, а дальше каждая поэма разворачивает собственный образный и ценностный слой.

Таблица 2

Лексико-смысловая основа концепта ПУТЬ в поэмах Саргы Куо

Table 2

Lexical-semantic basis of the concept of “PATH” in Sargy Kuo’s poems

Лексема	Базовое значение	Функция в анализируемых поэмах
айан	путешествие, дальняя дорога, направление движения, темп пути, развитие	ведущий номинант движения и внутреннего становления [12, 13]
суол	дорога, путь, трасса, пребывание в пути	предметная опора образа дороги и жизненного продвижения [12]
эргилли	возвращение	модель движения к родной земле и к памяти рода
аартык	широкая дорога, проход, открытый путь	образ раскрывающегося направления и духовной возможности
айанныт	путник, путешественник	самоопределение лири- ческой героини как странницы во времени

Словарные данные показывают, что айан уже в языке соединяет конкретное передвижение и представление о развитии: дальняя поездка, направление, темп пути, продвижение по ступеням [12]. Этимологическое описание Г. В. Попова дополняет этот ряд глагольной основой, связанной с шагом и движением, а также производными айаннаа и айанныт [13]. Поэтому в поэмах слово айан не требует специального символического объяснения: его семантика сама открывает переход от дороги к судьбе, от пространственного перемещения к духовному становлению.

В поэме «Эргилли» концепт ПУТЬ получает форму возвращения. Произведение связано со сборником «Кэрэбэ айан», вышедшим в 2000 году в издательстве «Бичик» [17]. Внутренний сюжет строится вокруг Амгинской земли: родной берег, река, дом, память детства и благословляющий образ Кыыс Аммы собирают пространство малой родины в точку духовного притяжения. Уход героини из родных мест в город не отменяет связи с Амгой, а делает ее напряженной: возвращение должно восстановить утраченную полноту.

Таблица 3

Цитатные фрагменты поэмы «Эргиллии»

Table 3

Citation fragments of the poem “Ergilli”

Якутский фрагмент	Перевод
<i>Кэмниэ-кэнэбэс Төрөөбүт төрүт буорбар, Иитилибит ийэ куппар Уһуктубут Тапталым Тэтэркэй хопто буолан, Күндүттэн күндү кытылбар Тийиэ охсоору Сүрэхпэр толугуруу мөхсүбүтэ!</i>	В конце концов любовь к родной земле, словно розовая чайка, проснулась в моей груди, чтобы как можно скорее долететь до желанного берега, забилась в моем сердце
<i>Эргиллии, эргиллии үөрүүтэ Миигин итирдибитэ! Олус күүстээх изйиитэ Дьикти өрүкүйүүнэн күүрдүбүтэ, Амма өрүспэр тийиэр Үрдүк сыры таңнары сүүрдүбүтэ</i>	Возвращение, радость возвращения меня взволновала! Очень сильное чувство странным трепетом охватило, к моей реке устремилось, с высокого берега понеслось
<i>Мин олох атыннык, Эмиэ да оҕолуу ыраастык, Эмиэ да мындырдык Ылынарга дылы буолбутум Тыынар дьолбун, Олорор олохпун</i>	Я совсем по-другому, с детской искренностью и вместе с мудростью начала принимать счастье дыхания и проживаемую жизнь

Первый фрагмент переводит ностальгию в телесно ощутимый образ: любовь к родной земле «забивается» в сердце и получает птичью динамику. Во втором фрагменте повтор слова эргиллии усиливает радость приближения к Амге, причем движение идет сверху вниз – с высокого берега к реке. Третий фрагмент фиксирует результат возвращения: героиня начинает иначе принимать дыхание и жизнь. Пространственный путь здесь уже завершён внутренним изменением, поэтому возвращение оказывается не шагом назад, а новым состоянием личности.

Сакральный план «Эргиллии» раскрывается через сон и встречу с Кыыс Аммой. Река не служит нейтральным фоном: она хранит родовую память и принимает героиню после долгого отдаления. Путь возвращения направлен к истокам, но его результат не сводится к восстановлению биографической связи с местом. В поэме происходит переход к целостности: любовь к родине, родовая память и личная судьба начинают звучать как единое переживание.

В поэме «Моҕол ураһаҕа айан» путь организован иначе. Произведение включено в сборник «Кэм айанныыта» [3], а его образный центр связан с Величественной урасой – местом, к которому героиня возвращает свое внутреннее движение в

периоды тревоги. Если в «Эргилии» ведущим становится берег родной реки, то здесь пространство шире и подвижнее: жизнь дана как волна, лодка может сесть на мель, а перед продолжением пути требуется короткая передышка.

Таблица 4

Цитатные фрагменты поэмы «Моҕол ураһаҕа айан»

Table 4

Citation fragments of the poem “Moghol urahaҕa ayan”

Якутский фрагмент	Перевод
Онтон мин ардыгар Олох долгунун арҕаһынан Устар олоҕум харгыстанан Олордобун оночобун чычааска. Сынньанан ылабын Сымнаҕас сылааска	Иногда я, встретив препятствия в пути, причаливаю лодку своей текущей жизни на мель. Отдыхаю в мягком тепле
Сымнаҕас сылаастан арахсаат, Эмиэ туруннум Олох диэн ахсаабат айанна	Отрываясь от мягкого тепла, я снова встаю на бесконечный путь под названием Жизнь
Бу сырыыга Ким онна миигин күүтэрий? Мөлтүүр-ахсыыр Сүрбүн тиниктиир Сур Бөрөм? Эбэтэр сүүспэр тыкпыт мындыр өй Сытыы сырдыгыттан Күүс ылар Мүлдү Бөҕөм?	На этот раз кто же ждет меня там? Голодный волк, что обгложет мою слабеющую душу? Или мой Мүлдү Бөҕө, у которого я найду силу в остром свете мудрого ума?
Эмиэ дуолан бухатырым Сулуһун сураһан Кини дохсун олоҕор дулустум.	Снова ищу звезду моего богатыря и стремлюсь к его храброй жизни.
Сур соноҕос Сыыдам сыарҕатыгар олорсон Айанныбын Моҕол ураһаҕа. Сулустаах балаһабар, Мүлдү Бөҕөлөөх сарсынныбар	Садясь на быстрого коня, я держу путь к Величественной урасе. К звездной полосе, в завтрашний день, где есть Мүлдү Бөҕө

В этих фрагментах путь не идеализируется. Героиня знает усталость, страх, необходимость остановки, но остановка не разрушает движение. Образ лодки на волнах жизни вводит ритм: течение – препятствие – отдых – новый выход. После мягкого тепла героиня снова встает на «бесконечный путь»; значит, покой мыслится не как конечная цель, а как временное восстановление сил.

Образ Моџол урасы связан с поиском защищенности. Вопрос о том, кто ждет героиню, построен на контрасте: голодный волк угрожает слабой душе, а Мүлдү Бөџө дает силу и мудрый свет. Богатырский образ соотносится с эпическим миром олонхо, но в поэме он включен в личную лирическую ситуацию: героине нужна не победа над внешним врагом, а поддержка для продолжения жизненного пути. Поэтому смысл поэмы можно определить, как движение к дому, опоре и гармонии, где Величественная ураса становится знаком устойчивого центра.

В «Кэм айанныта» концепт ПУТЬ выходит в философский план времени. Поэма опубликована в одноименном сборнике 2014 года [3], и уже заглавие переводит движение из пространства в область судьбы. Лирическая героиня названа путником времени: она идет не только по земле, но и через века, испытания, внутренние освобождения. Здесь особенно заметна связь с традиционными представлениями саха о душе, множественности кут и Срединном мире [15, 16].

Таблица 5

Цитатные фрагменты поэмы «Кэм айанныта»

Table 5

Citation fragments of the poem “Kem ayannyta”

Якутский фрагмент	Перевод
Салгын кутум Ап-чарайтан босхолонон Албыннатыыттан арахсан, Аан аартыгын арыйдабына...	Когда моя воздушная душа освободится от ап-чарай, избавится от обманов, откроет новую дорогу...
Ус кутум толору буолуутунан Тускум оноһуллан, Орто туруу бараан дойдуга Аал Кудук Мастыы Сириэдийэ чэлгийиэм, Кэхтибэккэ чэчириэм	Когда три мои души станут полными, судьба моя определится, и в Срединном мире я стану священным деревом, прорасту и расцвету
Бу Кэм айаныгар Толору буолар тускулу Эйигин кытары онгорсоору, Айыы Тапталын ыралыбын, Үйэлээх тапталга айанныыбын	На этом пути Времени, чтобы исполнить свое предназначение вместе с тобой, благословляя Божественную Любовь, я отправляюсь в Вечную Любовь
Кутум-сүрүм Үйэлэри унуордуур айаныгар Кэм айанныта буолар аналбар Мин бүгүн айанныыбын Үйэлээх Тапталбар	Моей душе-сердцу На пути, преодолевающем века, предназначено быть путником времени. Сегодня я иду к Вечной Любви

<i>Кэм айана– Кут үөрэбэ Кэм айана– Олох айана</i>	Путь времени – учение души. Путь времени – путь жизни
<i>Мунаахсыя муммутум, Биир сиргэ тэпсэнни, Мин өр турбутум</i>	Заблудившись в тревоге, топча на одном месте, я долго стояла
<i>Бу айан уустугар Мин уһаарыллыбытым, Уус-уран айымньыларбын Мин айан таһаарбытым</i>	В трудностях этого пути я закалилась; получая вдохновение, создавала свои произведения

Ап-чарай в поэме обозначает состояние духовной связанности. Освобождение салгын кут от этого образа означает выход из обмана и внутренней несвободы, а открывающаяся дорога становится условием дальнейшего пути. Затем мотив үс кут переводит движение к идее полноты: судьба определяется тогда, когда душевные начала собираются в целое. Образ Аал Кудук Мас в Срединном мире закрепляет этот результат через рост и цветение, то есть через возрождение.

Дальнейшее движение направлено к Вечной Любви. В цитатах она названа конечным адресом пути, но этот адрес не географический. Героиня идет к ценности, которая соединяет предназначение, благословение Айыы Таптала и преодоление времени. Формула «Кэм айана – Кут үөрэбэ» делает путь времени учением души: прожитые ошибки, заблуждения и длительные остановки становятся опытом, из которого рождается творческая сила. Поэтому заключительный смысл поэмы связан с созиданием: трудности пути не только закаляют героиню, но и выводят ее к собственным художественным произведениям.

Таблица 6

Структура концепта ПУТЬ в трех поэмах

Table 6

The structure of concept of “PATH” in three poems

Поэма	Доминирующий тип пути	Образная опора	Смысловой результат
«Эргиллии»	возвращение к родной Амге	берег, река Амга, дом, Кыыс Амма	восстановление связи с родной землей и пробуждение целостного «я»
«Моҕол ураһаҕа айан»	жизненное движение с остановками	лодка, волна жизни, Величественная ураса, богатырь-защитник	обретение опоры, внутреннего равновесия и силы продолжать путь
«Кэм айанньыта»	путь времени и духовного освобождения	ап-чарай, үс кут, Орто дойду, Аал Кудук Мас	выход к Вечной Любви, творческому созиданию и свободе души

Рис. 2. Структура концепта ПУТЬ в поэмах Саргы Куо
Fig. 2. The structure of concept of “PATH” in Sargy Kuo poems

Сопоставление трех поэм показывает нарастание смыслового масштаба. В «Эргиллии» путь начинается с возвращения к родной Амге и восстановления связи с истоками. В «Моҕол ураһаҕа айан» он становится ритмом жизни, где движение нуждается в остановке и поддержке. В «Кэм айанныта» путь переводится в категорию времени и духовного освобождения. При этом каждая новая модель не отменяет предыдущую: родная земля, дом, опора, душа и Вечная Любовь образуют последовательное раскрытие одного авторского концепта.

Итоговый вывод этой сопоставительной рамки заключается в том, что айан, суол, эргиллии, айанныт работают как единая цепь художественных номинаций. В «Эргиллии» она удерживает память о родной Амге; в «Моҕол ураһаҕа айан» передает ритм жизненного испытания; в «Кэм айанныта» переводит движение во временной и духовный план. Путь у Саргы Куо организует субъектную позицию лирической героини, связывает личную биографию с культурной памятью саха и направляет опыт испытаний к свободе, целостности и Вечной Любви.

Заключение

Проведенное исследование позволило описать концепт ПУТЬ как одну из центральных смысловых категорий лиро-эпической поэзии С. В. Гольдеровой–Саргы Куо. В теоретической части уточнено, что путь в художественном тексте обозначает дорогу и движение, а в поэтической структуре перерастает в способ организации пространства, времени, памяти и ценностного выбора. Для поэзии Саргы Куо это особенно значимо: универсальная семантика пути входит в контакт с культурой саха, с образами родной земли, Срединного мира, души, благословения и духовного предназначения.

Основная исследовательская задача состояла в выявлении структуры концепта ПУТЬ на материале трех поэм. Ее решение показало, что в произведениях «Эргиллии», «Моҕол ураһаҕа айан» и «Кэм айанныта» путь раскрывается через несколько взаимосвязанных планов. Пространственное измерение наиболее отчетливо проявляется в возвращении к Амге, берегу, реке, дому и родовой памяти. Это движение возвращает лирическую героиню к истокам, помогает восстановить связь с землей предков и заново принять собственное жизненное основание.

Во временном измерении ПУТЬ связан с протяженностью человеческой судьбы. В «Моҕол ураһаҕа айан» движение осложняется усталостью, препятствиями, остановками и потребностью в защите, но не прекращается. В

«Кэм айанныта» мотив пути выходит за пределы бытового времени: героиня осознает себя путником времени, проходящим через испытания, освобождение и внутреннее собрание. Поэтому путь у Саргы Куо имеет поступательный характер: каждый этап сохраняет пережитый опыт и переводит его в новую форму духовной зрелости.

Духовное измерение концепта объединяет пространственный и временной планы. Образы салгын кут, үс кут, Аал Кудук Мас, Айыы Таптала и Вечной Любви формируют аксиологический центр поэтического мира. Движение к Вечной Любви становится итоговым направлением пути, потому что в нем соединяются личная судьба героини, нравственное очищение, творческое самораскрытие и представление саха о целостности человека. В этой логике итог дороги выражен внутренним преображением и способностью продолжать созидание.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Сивцева-Максимова П.В. *Жанровая типология якутской поэзии: классификации форм*. Новосибирск: Наука; 2002:252.

Sivtseva-Maksimova PV. *Genre typology of Yakut poetry: classification of forms*. Novosibirsk: Nauka; 2002:252 (in Russ.).

2. Окурокова В.Б. *Саргы Куо алгыстаах айанын аартыктара*. Дьокуускай: Издательский дом СВФУ; 2022:282. (на якут. яз).

Okorokova VB. *The paths of Sargy Kuo's blessed journey*. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2022:282 (in Yakut).

3. Гольдерова С.В. *Кэм айанныта: хоһооннор, поэмалар, новелла*. Дьокуускай: Бичик; 2014:191. (на якут. яз).

Golderova SV. *The traveler of time: poems, poetic narratives, novellas*. Yakutsk: Bichik; 2014:191 (in Yakut).

4. Бурдин И.В., Аввакумова Н.В. Понятие «концепт» в литературоведении. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019;12(7):97-100.

Burdin IV, Avvakumova NV. Ponyatie The term "concept" in literary studies. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(7):97-100 (in Russ.).

5. Чернякова М.А. Концептосфера В. Маяковского: аксиологические доминанты автора и лирического героя: автореф. дис ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008:24.

Chernyakova MA. V. Mayakovsky's conceptosphere: axiological dominants of the author and the lyrical hero. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Magnitogorsk; 2008:24 (in Russ.).

6. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания. *Вопросы литературы*. 2003(2):3-29.
Zusman VG. Concept in the system of the humanities. *Voprosy Literatury = Problems of Literature*. 2003(2):3-29 (in Russ.).

7. Лозинская Е.В. Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы. *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2010;(1):192-225.

Lozinskaya EV. Cognitive literary studies: authors, methods, prospects. *Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*. 2010;(1):192- 225 (in Russ.).

8. Миллер Л. В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: на материале русской литературы: дис... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург; 2004:303.

Miller LV. Linguocognitive mechanisms of forming the artistic worldview: based on Russian literature. Doctor's dissertation (Philology). St. Petersburg; 2004:303 (in Russ.).

9. Лотман Ю.М. *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Ленинград: Просвещение; 1972:271.

Lotman YuM. *Analysis of poetic text. The structure of poem*. Leningrad: Prosveshchenie; 1972:271 (in Russ.).

10. Степанов Ю.С. *Константы: словарь русской культуры*. Москва: Языки русской культуры; 1997:824.

Stepanov YuS. *Constants: dictionary of Russian culture*. Moscow: Languages of Russian Cultures; 1997:824 (in Russ.).

11. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 3: П - Р. - Санкт-Петербург; Москва: Т-во М. О. Вольф; 1907:1782 стб.

Dal VI. *Explanatory dictionary of the living great Russian language*. Vol. 3: St. Petersburg; Moscow: Wolf Publishing House; 1907:1782 cols. (in Russ.).

12. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 9: Буква С: сөллөй - сээн, буква Н: около 4000 слов и фразеологизмов. Новосибирск: Наука; 2012:627.

Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 9: Letter S: söllöy – seen, Letter H: approx. 4000 words and phraseological units. Novosibirsk: Nauka; 2012:627 (in Russ.).

13. Попов Г.В. *Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдьыта*. Новосибирск: Наука; 2003:180.

Popov GV. *Etymological Dictionary of the Yakut Language*. Novosibirsk: Nauka; 2003:180 (in Russ.).

14. Топоров В.Н. *Пространство и текст. Текст: семантика и структура*. Москва: Наука; 1983:227-284.

Toporov VN. *Space and text. In: Text: semantics and structure*. Moscow: Nauka; 1983:227-284 (in Russ.).

15. Бравина Р.И. *Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха*. Новосибирск: Наука; 2005:304.

Bravina RI. *The concept of life and death in ethnic culture: based on Sakha traditions*. Novosibirsk: Nauka; 2005:304 (in Russ.).

16. Уткин К.Д. *Культура народа саха: этнофилософский аспект*. Якутск: Бичик; 1998:366.

Utkin KD. *Culture of the Sakha People: an ethnophilosophical aspect*. Yakutsk: Bichik; 1998:366 (in Russ.).

17. Гольдерова С.В. *Кэрэбэ айан: хоһооннор, поэмалар*. Дьокуускай: Бичик; 2000:304. (на якут. яз)

Golderova SV. *Journey to beauty: poems, poetic narratives*. Yakutsk: Bichik; 2000:304 (in Yakut).

Сведения об авторе

АНДРЕЕВА Валентина Викторовна – аспирант 1 курса кафедры якутской литературы ИЯКН СВ РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, e-mail: and.valya00@mail.ru

About the author

Valentina V. ANDREEVA – postgraduate student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, e-mail: and.valya00@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 07.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 13.05.2026

Принята к публикации / Accepted 18.05.2026

УДК 811.161.1;811.581;81'373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-93-106>

Оригинальная научная статья

Лакунарная лексика и ее влияние на понимание иноязычного текста

Н. В. Габдреева , , **М. М. Давлатова** , **Хао Лисяо**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

 n.gabdreeva@mail.ru

Аннотация

Цель исследования – идентификация и описание межъязыковых лакун, выявленных при сравнении русского и китайского языков на лексико-терминологическом уровне языка по специальности «ландшафтная архитектура», их влияния на понимание иноязычного текста с учетом места лакуны в смысловой структуре текста, типологии лексических лакун, количества лакун в тексте. В рамках исследования лексических единиц в сфере дизайна были выделены и проанализированы профессиональные слова и термины на русском языке в сфере ландшафтной архитектуры и основ ландшафтного проектирования. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые исследованы профессионально-ориентированные лексические лакуны, обнаруженные при сравнении русского и китайского языков по специальности ландшафтного дизайна. Статья носит междисциплинарный характер, поскольку проблема лакунарности рассматривается еще и как педагогическая проблема, в отличие от предшествующих исследований, где в центре внимания находился собственно лингвистический подход. В результате исследования установлены типы лакун на неисследованном ранее материале, а также влияние профессиональной лакунарной лексики, ее типа и количества на полноту, точность и глубину восприятия информации текста иностранными студентами. Большой объем лакунарной лексики в одном тексте или предложении усиливает сложность в понимании студентами читаемого текста.

Ключевые слова: межъязыковая лакуна, место лакуны в смысловой структуре текста, русский язык, китайский язык, эквиваленты, понимание иноязычного текста, ландшафтный дизайн, картина мира, перевод, профессиональная лексика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Габдреева Н. В., Давлатова М. М., Хао Лисяо. Лакунарная лексика и ее влияние на понимание иноязычного текста. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):93–106. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-93-106>

Original article

Lacunary vocabulary and its impact on understanding a foreign language text

Natalya V. Gabdreeva , , **Mansura M. Davlatova** , **Hao Lisiao**

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

 n.gabdreeva@mail.ru

Abstract

The aim of the study is to identify and describe interlanguage gaps identified when comparing Russian and Chinese at the lexical and terminological level of the specialty language in landscape

architecture, their impact on understanding a foreign language text, taking into account the place of the lacuna in the semantic structure of the text, the typology of lexical lacunae, and the number of lacunae in the text. As part of the study of lexical units in the field of design, professional words and terms in Russian in the field of landscape architecture and the basics of landscape design were identified and analyzed. The scientific novelty of this study lies in its first examination of professionally oriented lexical lacunae identified in a comparison of Russian and Chinese languages in the field of landscape design. The problem of lacunarity is considered as a pedagogical issue, unlike previous studies that focused on a purely linguistic approach. As a result of the study, it was found that professional lacunary vocabulary, its type and quantity directly affect the completeness, accuracy and depth of perception of information in the text by foreign students. The large amount of lacunary vocabulary in a single text or sentence increases the difficulties in students' understanding of the text being read.

Keywords: interlingual lacuna, the place of the lacuna in the semantic structure of the text, Russian, Chinese, equivalents, understanding of a foreign language text, landscape design, worldview, translation, professional vocabulary

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Gabdreeva N. V., Davlatova M. M., Hao Lisiao. Lacunary vocabulary and its impact on understanding a foreign language text. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):93–106. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-93-106>

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена изучением языковой уникальности, выявлением специфики семантики, особенностей номинации предметов и явлений окружающей действительности в русском и китайском языке, которое проводится на таком специфическом материале, как профессиональная лексика в сфере дизайна. При чтении текстов по специальности и активизации в речи лексических единиц иностранные студенты сталкиваются с проблемой лакунарности – лексических единиц, отсутствующих в одном языке при наличии в другом для наименования предметов, понятий, действий и явлений. Лакуна представляет собой одно из важных лингвистических явлений в национальной специфике любого языка. Феномен лакунарности прослеживается на всех уровнях национального языка и является объективным явлением. Работа с языковыми лакунами расширяет профессионально-ориентированный и лингвокультурный кругозор студентов, помогает им увидеть закономерность культурно-языковых явлений, дает возможность заполнить информационный вакуум и лучше понять национальную картину мира. Освоение профессионально-ориентированной лексики – важный этап совершенствования профессиональной подготовки будущих специалистов.

Вопросы формирования и развития лексических компетенций у иностранных студентов, в частности китайских студентов-дизайнеров, получающих профессиональную подготовку на русском языке, не являются решенными в полной мере. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего исследования понимания иноязычного текста с целью осмысления содержащейся в нем информации.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: определить и проанализировать виды лакунарности, установить их типы и причины появления в русском и китайском языках; охарактеризовать признаки лакун; проанализировать влияние лакунарной лексики на понимание иноязычного текста.

Материалом для исследования выступили основные термины и профессиональные слова, встречающиеся в учебных текстах по ландшафтному дизайну,

а также дериваты современного русского литературного языка, способствующие образованию терминов и профессиональных слов (картотека лексических единиц в сфере ландшафтного дизайна, состоящая из 534 единиц, 365 из которых представляют собой лакунарную лексику). Данный материал был почерпнут из словаря-справочника о дизайне [1], специализированных переводных словарей [2, 3], толковых словарей русского языка и иноязычных слов [4–6], словообразовательных словарей [7, 8], а также специализированных учебников и учебных пособий, разработанных для вузов РФ [9, 10].

Теоретическую базу исследования составляют работы в области сопоставления семантических и структурных аспектов лакун в ситуациях двух и более языков [11–20], а также базовые положения обучения чтению текстов по специальности [21, 22].

Ведущими методами исследования в работе явились: метод сравнительно-сопоставительного анализа, позволяющий «не только выявить различия между сопоставляемыми языками, но и уточнить существующие описания языка и набор его категорий» [22], методы организации и регулирования внутреннего процесса познания (дедукция и индукция, синтез и анализ, перевод и семантизация) с опорой на принципы отбора лексико-терминологических единиц и отбора текстового материала, направленные «на осознание учащимися как языкового материала, так и приемов работы с ним» [23].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания русского языка иностранным (в частности китайским) студентам, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, общего и сравнительно-исторического языкознания.

Обсуждение и результаты

С проблемой передачи отсутствующего понятия переводчики сталкивались давно. В разное время эта проблема решалась неодинаково. Так, например, в XVIII в. в связи с отсутствием в то время такой области научного познания, как переводоведение и, соответственно, принципов перевода, которые только начинали выкристаллизовываться, переводческая деятельность находилась в стадии формирования, поскольку она существовала лишь как литературное творчество. Занимающиеся этим люди, не всегда профессиональные переводчики, просто опускали непонятые ими слова. В конце XIX в. уже формируются серьезные теоретические исследования о принципах перевода, в которых приняты во внимание первые успехи в области лингвистических изучений переводческой деятельности. Многочисленные журналы данного периода стали своеобразной площадкой, где критиками, общественными деятелями, писателями и поэтами обсуждался вопрос, как следует и не следует переводить, чем перевод отличается от оригинала и как достигнуть полного тождества, учитывая различия языков. Известные состязания переводчиков служили демонстрацией собственных аттитюдов и позиций, подходов и принципов, довольно часто к одному оригиналу обращались несколько переводчиков. Повторим, что с самых первых шагов переводчики сталкивались с проблемой непереводимости. Это были отдельные слова или выражения, имена собственные и устойчивые обороты. Однако лишь во второй половине XX в. появилось научное определение лакун и описан феномен лакунарности, поскольку в предыдущие периоды шло активное накопление эмпирического материала в различных языках. Данная проблема в последние два десятилетия активно исследуется специалистами в области сопоставления семантических и структурных аспектов коррелятивных единиц в ситуациях двух и более языков [11, 14, 19, 20], в том числе русского и китайского языков, однако в меньшей степени [24].

Термин «лакуна» введен, как известно, в научный оборот лингвистами Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [25] в аспекте перевода и до сих пор не имеет однозначной номинации и определения, а также единого понятийного наполнения. В узком понимании лакуна – это «отсутствие в лексической системе языка слова для обозначения того или иного понятия» [19]. В широком – «источником лакун являются смысловые различия, выявляемые в ходе коммуникации представителей различных культур, картин мира, мировоззрений, ценностей» [16]. Пласт явлений, охватывающий это понятие, генетически и типологически гетерогенен. Иными словами, лакунарными могут быть грамматические категории, лексические средства, фоновые знания, сопровождающие лексическое значение. Чаще всего термин лакуна применяют к лексике, выражающей этнокультурные понятия, которые легко идентифицируются при сравнении языковых систем. Однако лакунарными могут быть и менее изученные коррелятивные понятия, которые имеют в разных языках различные релевантные признаки. Примером этому являются так называемые «ложные друзья переводчика»: польское *konduktor* ‘руководитель хора’, французское и английское *conducteur* ‘водитель, проводник в поезде’, русское *кондуктор* ‘продавец билетов, контролер’; французское *legende*, болгарское *legenda* ‘условные обозначения на карте’, русское *легенда* ‘сказка’ и др. [26]. Семантика цвета в разных языках также неоднозначна. Так, например, существуют различия в обозначении белого цвета в русском и французском языках [27]. Во французском языке белый символизирует отличие, независимость (ср. белая ворона, карт бланш). В эвенском языке исследователь М. Д. Попова приводит более 20 наименований белого снега: «В зависимости от состояния, цвет снега меняется и появляются различные оттенки белого...» [27]. В русском языке существует общее значение цветового спектра, во втором выделяются более 20 номинаций белого, включающие в себя вторичные признаки. Эта идея нашла блестящее подтверждение в исследовании наименования мастей лошади в якутском языке как способа цветообозначения [28].

Учеными выделяются следующие признаки лакун: «непонятность, непривычность (экзотичность), чуждость (незнакомость)» [19], «ошибочность или неточность» [12], «расхождения между языками и культурами в определенном аспекте» [16], как «заусеницы», которые «задираются» в ходе межкультурной коммуникации» [15]. Добавим к этим и весьма важный признак значимости или функциональности обозначаемого понятия для конкретного этноса, находящий выражение в конкретной лексеме (однослове).

З. Д. Попова и И. А. Стернин утверждают, что «сигналами лексической лакуны являются развернутое объяснение значения слова, интерпретация слова перечислением синонимического ряда и т. д.» [18].

Л. К. Байрамова, исследуя межъязыковые лексические лакунарные единицы и лакуны, определила их отличительные особенности: «межъязыковую лакунарную единицу [мы определяем] как такую, которая в другом языке имеет пробел, пропуск, пустоту, т. е. лакуну – нулевой коррелят лакунарной единицы. ... лакунарная единица является принадлежностью одного языка (условно языка А), а лакуна – принадлежностью другого языка (условно языка Б)» [11].

При сопоставлении двух лингвокультур, в частности на уровне текста, можно наблюдать появление безэквивалентной лексики, находящейся в отношениях корреляции с языковыми лакунами. Мы придерживаемся позиции, согласно которой «можно полагать, что «лакуна» и «безэквивалентная единица» всегда используются «в парах»: если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная единица и наоборот» [18].

Известно, что «в двух сопоставляемых языках тождественность значения слов или высказывания зависит от тождественности передаваемого ими понятия» [29]. В процессе идентификации межязыковых лакун, выявленных при работе с профессионально-ориентированными текстами, нами было обнаружено, что на понимание иноязычного текста оказывают влияние прежде всего: 1) «явления или предметы, которые не выражены (не переведены) в одном языке при наличии в другом» [30], например: *берсё* – садово-парковое сооружение, образованное вертикальными стенками со сводчатым перекрытием для вьющихся растений, которое образует сплошной тоннель (иногда с беседками на концах). Данное наименование одной из частей формирования и обустройства парков не представлено в толковом словаре китайского языка, а также отсутствует в русско-китайских словарях; 2) «некая реалья, имеющая однословное наименование или наименование в виде устойчивого словосочетания в одном языке при отсутствии в другом» [24], например: *зимний сад, оранжерея* – 阳光房 досл. *солнечная квартира*; 3) «явления или предметы, отсутствующие в одной культуре или деятельности» [19], например, *кокошник* – декоративный элемент в виде легкого, но устойчивого каркаса для растений в форме русского старинного женского головного убора.

Ряд лингвистов, изучающих проблему лакуарности, убеждены в том, что «следует проводить различие между лексическими лакунами и реальями. В случае лексической лакуны у говорящих есть представление о денотате, но в словаре отсутствует однословное либо узкозначное обозначение. Что касается реалий <...>, то денотат знаком только тем носителям языка, которые владеют соответствующей этнокультурной информацией» [17]. Важно заметить, что лакуны далеко не всегда представляют собой слова с этнокультурной семантикой. Как мы отмечали ранее, лакуарность часто определяется различным членением действительности. Хорошо известен пример Э. Сепира, когда он говорил о «несоизменности членения опыта в разных языках» [31], сравнивал выражение *камень падает* в разных лексических системах, выделяя при общей архисеме различные семантические и грамматические нюансы (траектория движения, положение падающего предмета, степень отстраненности от человека, время падения, категория рода у существительного и др.).

Наряду с этнокультурными единицами к лакуарной может относиться и профессиональная лексика, которая и явилась предметом нашего анализа.

В рамках данного исследования нами была поставлена цель – выявить разновидности лакун и проанализировать влияние лакуарной лексики на понимание иноязычного текста с учетом трех факторов, в числе которых: место лакуны в смысловой структуре текста, типология лексических лакун, количество лакун в тексте.

Место лакуны в смысловой структуре текста

Исследование положения (места) ключевых понятий, выраженных лакунами, является одной из главных задач в процессе работы с иноязычными текстами, так как определение места лакуны в тексте помогает обучающимся извлекать главную информацию, заложенную в сложных по содержанию текстах. В процессе понимания текста нельзя игнорировать не только место расположения лакун в предложении, но и то, в роли какого члена предложения они выступают.

Анализ специальных текстов по дизайну ландшафтной архитектуры подтвердил положение о том, что в роли лакуарных слов чаще всего выступают имена существительные в синтаксической функции подлежащего, либо дополнения. Например: *Рокарий рекомендуется устраивать на небольших склонах, у декоративных водоемов. Арборетум играет важную роль в научных исследованиях и сохранении редких видов растений. «Зеленая» стена в огромном атриуме*

главного корпуса института создает не только эстетический эффект, но и активно насыщает помещение кислородом. В этих предложениях незнакомые слова *рокарий, арборетум, атриум* вызывают у китайских студентов непонимание смысла предложения и нуждаются в элиминировании – передаче смысла лакуны в языке перевода с целью облегчения понимания фрагмента иноязычной речи.

В роли подлежащего либо дополнения в текстах ландшафтного дизайна могут выступать и субстантивные прилагательные. Например: *Хвоцевидные – многолетние травянистые растения, которые можно размещать в разных местах, например, в минималистичных садах и в тропических ландшафтах.*

Лакунарная лексика встречается и среди терминов, выступающих в роли определения и выраженных прилагательными либо причастиями. Например: *В современных парковых ансамблях используются различные виды полива, но предпочтение отдается капельному поливу (капельный полив – 滴灌 досл. «прикорневой полив с небольшим использованием воды»). Жасмин, виноград, жимолость относятся к разряду вьющихся растений (вьющийся – 爬蔓的, досл. «лиана с тонкими спутанными стеблями растет с опорой других объектов» + 的 служебное слово, играющее роль прилагательного).*

Нередко встречаются неразложимые словосочетания, выступающие в роли подлежащего, в составе которых может присутствовать лакунарная лексика, включающая словосочетания, в которых денотативная семантика трансформируется в коннотативную (фразеологическую) с семемами Д1Д2 и Д2Д2: *«Английский парк» имитирует естественный ландшафт* (его значение: 自然式园林, досл. «парк, созданный природой»). Необходимо отметить, что метод семемного анализа основан на следующей типологии семем: Д1 – первичное номинативное значение, Д2 – «вторичные денотативные семемы», т. е. производно-номинативные значения слова, К1 – полный аналог фразеологически связанного значения, К2 – семема, не имеющая логически мотивированной связи с денотативной семемой выражающей ее лексемы, К3 – семема, которая выражается лексемой, не имеющей другой семемы, кроме данной (М. М. Копыленко, З. Д. Попова). Для фразеосочетаний, встречающихся в области ландшафтного дизайна, характерным являются семемы Д1Д2, когда второй компонент обязателен для точного понимания семемы Д2, например, *геометрическая фигура*, и семемы Д2Д2, когда степень семантической неделимости и устойчивости таких сочетаний высокая, так как ни одна из лексем прямо не соотносится с первичным денотатом, например, *английский сад, живая изгородь, зеленый кабинет.*

В текстах по ландшафтному дизайну наиболее распространенными способами выражения сказуемого являются глаголы, например: *Кустарники в группах размещаются в зависимости от их величины; Бордюр обрамляет края дорожек.* Если иностранному студенту не известны значения слов (*размещаться* 分组摆放 – досл. ‘отдельно оставить’; *обрамлять* 给...镶花边 – досл. ‘окружать, как бы рамкой’), то он не сможет в полной мере понять то, о чем повествуется в предложении.

В роли лакунарной лексики в текстах ландшафтной архитектуры могут выступать и однородные сказуемые, нуждающиеся в элиминировании. Например: *Историческая МАФ [малая архитектурная форма] репродуцирует культуру прошлых эпох и продуцирует создание современных строительных объектов.* Лакунарные однородные сказуемые в данном предложении нуждаются в элиминировании: *репродуцирует* – 复照 досл. ‘восстанавливать’, а *продуцирует* – 产生 досл. ‘порождать’.

Лакуны в заголовке оказывают существенное влияние на понимание иноязычного текста. Номинативная функция заголовка обуславливает его структуру,

обязательным элементом которой выступают ключевые слова и словосочетания, отражающие основную идею текста и выраженные чаще всего именем или именным словосочетанием. Например: *Эргономика в дизайне среды. Стиль минимализма. Проблемы биофильного дизайна*. Лакунарные слова, содержащиеся в данных заголовках (*эргономика, минимализм, биофильный*), непосредственно влияют на степень понимания текста. Эти слова сигнализируют о ключевом содержании текста и поэтому они нуждаются в элиминировании при первом же чтении заголовка, что облегчит дальнейшее восприятие текста.

Как показал анализ текстов по ландшафтному дизайну и архитектуре, заголовков может включать лакунарные имена собственные, которые нуждаются в трактовке путем обращения к словарю, например: *Зеленые насаждения Эксмур. Дизайн Елисейских полей. Ренессанс Дворцово-парковых комплексов*.

Типологию лексических лакун на материале русско-французских корреляций одним из первых описал В. Л. Муравьев, в дальнейшем эта классификация была расширена и дополнена на материалах других языков, в частности в трудах ученых казанской школы Л. К. Байрамовой, Н. В. Габдреевой, Е. Плеуховой, Ю. Ю. Липатовой, Т. В. Маршевой, О. В. Коптевой, Н. Р. Давитовой. При чтении учебных текстов по ландшафтной архитектуре и сравнении лингво-культурологических реалий, передаваемых в русском и китайском языках, нами обнаружено наличие четырех типов лакун, выделенных и описанных В. Г. Кузнецовым при исследовании им границ переводимости, а именно: словообразовательные, структурно-семантические, гипер-гипонимические и коннотативные лакуны [17].

Наличие словообразовательных лакун в китайском языке обусловлено их «ограниченными деривационными возможностями в силу аналитического строя» [32] и отнесенностью языка к «агглютинативно-изолирующему подтипу – группе изолирующих языков с признаками агглютинации» [33]. Так, в текстах по ландшафтному дизайну наиболее частотными оказались префиксы, которые на китайский язык передаются раздельно оформленными словосочетаниями, в некоторых же случаях происходит утрата значения русского префикса. Например, в предложениях *Еловый подлесок необходимо прорезать и высадить теневыносливые деревья. В подросте следует использовать ель, потому что она прекрасно относится к тени* аспектное значение нахождения ниже чего-либо, под чем-либо в префиксе под- не вербализуется при передаче на китайский язык (табл.).

Таблица

Русские словообразовательные лакуны в переводе на китайский язык

Table

Russian word-formation gaps translated into Chinese

Слово на русском языке	Значение слова на русском языке	Перевод слова на китайский язык
<i>подлесок</i>	кустарник и мелкие деревья, не достигающие своими кронами уровня основного лесного массива	矮树丛 досл. «кусты», «кустарник»
<i>подрост</i>	молодые деревья в лесном массиве либо парковой зоне, относящиеся к его основной породе	

Подобное явление наблюдается и в случае, когда значение охвата действия или завершенности в префиксе об- также утрачивается, например, в предложении *Особую популярность обрешетка имеет в системе вертикального озеленения, где она становится каркасом для вьющихся растений, создавая живые стены* при переводе слова *обрешётка* («элемент, который служит основой для крепления различных декоративных элементов и растений») – 箱子 досл. ‘ящик, сундук, чемодан, контейнер’.

Следует отметить, что в процессе словообразования лексических единиц в сфере дизайна ландшафтной архитектуры в русском языке чаще всего используются аффиксальный способ, словосложение и аббревиация. Однако их представленность в анализируемом нами материале различна.

Основанием для выделения *структурно-семантических лакун* является «отсутствие однословного обозначения соответствующего референта» [17]. Иначе говоря, это «лексические единицы одного из языков, которым по какому-то причинам (не всегда понятным) нет соответствия в виде слов или устойчивых словосочетаний другого языка» [12].

В ходе сравнения русских лексических единиц с их китайским эквивалентом выявлено, что большинству слов русского языка соответствует два и более иероглифа китайского языка, например, *разрез* – 剖面图, досл. ‘чертеж на разрез’; *макетирование* – 制作模型 досл. ‘изготавливать модель’, *прожектор* – 聚光灯 досл. ‘светильник луча собирания’ и др. Данные действия либо предметы существуют в русской и китайской проектной деятельности, однако в китайском языке они не имеют однословных соответствий, поэтому их называют структурно-семантическими или немотивированными лакунами.

Следует отметить, что в китайском языке два иероглифа (слова) не всегда проявляются в виде лакуны – свободного словосочетания, например, слова *гармония* 协调, *пропорция* 比例, *масштабность* 尺度 передаются в китайском языке как одно слово, в котором каждый иероглиф представлен как одна морфема, потому что существуют определенные правила для разграничения слова и словосочетания в китайском языке: а) «если один из компонентов не может быть самостоятельным словом, то существует только на уровне морфем» [34]; б) если же возможно вставить другие компоненты между иероглифами, то это словосочетание, например, 玻璃 иероглифы, обозначающие *стекло*, нельзя разделить, вместе они создают слово; *атриум* – 中庭 досл. ‘серединный двор’, т. е. внутренний двор – словосочетание.

Гиперо-гипонимические лакуны, связанные с родо-видовыми семантическими отношениями, в иноязычных текстах влияют на степень точного и полного понимания. По нашим наблюдениям, подобные лакуны, встречающиеся при чтении текста, считаются факторами, ослабляющими его понимание. Отметим, что в текстах по ландшафтному дизайну данный тип лакун встречается достаточно часто, более того, следует указать, что в переводных словарях подобные слова могут интерпретироваться по-разному, например, слово *партер* – 1) 大花坛 досл. ‘большая клумба’ [35]; 2) 园中草坪 досл. ‘садовый газон’ [36]. Следует отметить, что *партер в ландшафтном дизайне* – элемент ландшафтной архитектуры, открытая часть садового или паркового комплекса, которая расположена на плоском участке местности, это декоративная композиция, выполненная на открытом пространстве и доступная для обзора сверху. Партеры чаще всего создаются в парадных частях регулярного парка, у монументальных сооружений и памятников, у общественных и административных зданий.

Коннотативные лакуны, характеризующиеся «наличием добавочных эмоционально-экспрессивных значений, которые накладываются на основное

значение» [17], были обнаружены нами при сопоставлении наименований специализированных объектов ландшафтной архитектуры. Некоторые китайские наименования ландшафтной архитектуры содержат ассоциативные элементы, например, слова *водопад* – 瀑布 досл. ‘вода как ткань’; *булыжник* – 鹅卵石 досл. ‘камень в форме гусиного яйца’. Китайской коннотативной лакуной на фоне русского языка является в том числе и слово *кокошник* – декоративный элемент в виде легкого, но устойчивого каркаса для растений, который ассоциируется с русским старинным женским головным убором.

Количество лакун в тексте

Безусловно, чем больше лакун в иноязычных текстах, тем сложнее его понимание. Для сравнения приведем три предложения.

В предложении *Изгороди и топиарии имеют четкие линии и геометрические формы* использовано лишь одно лакунарное слово *топиарий* – 整形修剪, досл. ‘формирование и обрезка’. *Топиар*, *топиари* (кустарниковая скульптура) – одно из старейших садово-парковых искусств фигурной стрижки растений. Топиарные композиции – один из приемов ландшафтного дизайна, это композиции из растений в виде шара, куба, цилиндра, животных и других живых существ, причудливых форм или сказочных героев.

В предложении *В выходных зонах располагают зеленый декор в виде рядовых посадок, каскадных цветников, парных бордюров* незнакомыми словами являются структурно-семантические лакуны: *каскадный цветник* – 层叠花坛 досл. ‘цветник, располагающийся слой над слоем’; *бордюр* – 作为某处边缘的) 的一系列花木 досл. ‘ряд цветов и деревьев, находящийся с краю какого-то участка’.

В предложении *Под газоны и лужайки выделяют самые солнечные места, которые могут быть одиночными или разбитыми на несколько небольших элементов* разница между словами *газон* и *лужайка* китайскому студенту непонятна, требуется их разъяснение, и данные слова нуждаются в элиминировании.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Учебный текст по ландшафтному дизайну, как и всякий другой текст, обладая логической последовательностью, связностью и цельностью, воздействует на сознание обучаемых, способствует их развитию и мотивирует на работу с учебным материалом. Сложность же восприятия содержания текста зависит от наличия в нем лакунарной лексики, которая объективно затрудняет осмысление прочитанного носителями другого языка.

В общем смысле, как мы ранее отмечали, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и кодирования мира. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая усваивается всеми носителями данного языка. Этот способ мировосприятия в известной мере универсален, однако у каждого народа он обладает национальной спецификой, и в итоге носители разных языков воспринимают мир по-своему, отличным от носителей других языков способом.

В ходе анализа лексических лакун и их влияния на понимание иноязычного текста нами сделан следующий вывод: понимание иноязычного текста и последующая активизация в речи изучаемых терминов и профессиональных слов зависит прежде всего от места лакуны в смысловой структуре текста, типов используемых в нем лакун, а также от их количества и выполняемых функций в конкретном фрагменте предложения и текста.

Смысловая организация воспринимаемого сообщения – это сложный мыслительный процесс, «связанный с активной переработкой лексических

элементов в смысловые при многочисленных перекодированиях» [37] в процессе выполнения операций объединения, расчленения, выделения главного, установления эквивалентных замен и т. д. Исследование лексического аспекта языка с опорой на сравнительно-сопоставительный анализ и принципы отбора лексико-терминологических единиц и отбора текстового материала обусловлено необходимостью поиска форм качественного становления лексических навыков как важнейшего условия успешной межкультурной коммуникации. Организация обучения пониманию лакунарных лексических единиц расширяет профессиональную коммуникативную компетенцию и лингвокультурологический кругозор студентов, помогает им увидеть закономерность культурно-языковых явлений, дает возможность заполнить информационный вакуум и лучше понять национальную картину мира.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание особенностей рассматриваемого языкового явления на иных, нежели описанные, источниках. Кроме того, данный опыт лингвистической интерпретации, может быть применен в изучении самых разнообразных терминосистем в сопоставительном аспекте.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Минервин Г.Б. *Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник*. Москва; 2004.
Minervin GB. *Design. An illustrated dictionary-reference*. Moscow; 2004 (in Russ).
2. Головкин Б.Н. *Англо-русский и русско-английский словарь по ландшафтному дизайну и декоративному садоводству*. Москва; 2008.
Golovkin BN. *English-Russian and Russian-English dictionary of landscape design and ornamental horticulture*. Moscow; 2008 (in Russ.).
3. 张建华等. 北京. 外语教学与研究出版社 (на кит.яз.).
Zhang Jianhua. *New Russian-Chinese dictionary*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press; 1998 (in Chinese).
4. Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург; 2000.
Kuznetsov SA. *Large explanatory dictionary of the Russian Language*. St. Petersburg; 2000 (in Russ).
5. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка: 100 000 слов и фразеологических выражений*. Москва: Мир и образование; 2023.
Ozhegov SI. *Explanatory dictionary of the Russian Language: 100,000 words and phraseological expressions*. Moscow: Mir i obrazovanie; 2023 (in Russ).
6. Крысин Л.П. *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: Русский язык; 1998.
Krysin LP. *Explanatory dictionary of foreign words*. Moscow: Russkiy yazyk; 1998. (in Russ).
7. Тихонов А.Н. *Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным*. Москва: АСТ; 2014.
Tikhonov AN. *New word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate*. Moscow: AST; 2014 (in Russ).
8. Ширшов И.А. *Толковый словообразовательный словарь русского языка*. Москва: АСТ; 2004.
Shirshov IA. *Explanatory word-formation dictionary of the Russian language*. Moscow: AST; 2004. (in Russ).
9. Васильева В.А., Головня А.И., Лазарев Н.Н. *Ландшафтный дизайн малого сада: учебник для вузов*. Москва: Юрайт; 2025.
Vasileva VA, Golovnya AI, Lazarev NN. *Landscape design of a small garden: a textbook for universities*. Moscow: Yurayt; 2025 (in Russ).
10. Сокольская О.Б., Теодоронский В.С. *Специализированные объекты ландшафтной архитектуры. Проектирование, строительство, содержание*. Санкт-Петербург: Лань; 2022.

Sokolskaya OB, Teodoronskiy VS. *Specialized objects of landscape architecture. Design, construction, maintenance*. St. Petersburg: Lan'; 2022 (in Russ).

11. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2011;240(25). Вып. 58.

Bayramova LK. Linguistic lacunar units and lacunae. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History*. 2011;240(25). Issue 58 (in Russ).

12. Бархударов Л.С. *Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)*. Москва: Ленанд; 2023.

Barkhudarov LS. *Language and translation (issues of general and special theory of translation)*. Moscow: Lenand; 2023 (in Russ).

13. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*. Москва: Индрик; 2005.

Vereshchagin EM, Kostomarov VG. *Language and culture*. Moscow: Indrik; 2005 (in Russ).

14. Габдреева Н.В. Феноменология лакунарности в разноструктурных языках. *Метафизика*. 2022;45(3).

Gabdreeva NV. Phenomenology of lacunarity in structurally diverse languages. *Metaphysics*. 2022;45(3) (in Russ.).

15. Габдреева Н.В., Калинина Г.С., Мухаметшина Р.Ф., и др. Лакуны в русском, татарском и арабском языках. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2024;1(5):43-50

Gabdreeva NV, Kalinina GS, Mukhametshina RF, et al. Lacunae in Russian, Tatar and Arabic. *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher School*. 2024;1(5):43-50 (in Russ).

16. Гачев Г.Д. *О национальных картинах мира. Народы Азии и Африки*. Москва. 1967;1.

Gachev GD. *On national worldviews. Peoples of Asia and Africa*. Moscow. 1967;1 (in Russ).

17. Данильченко Т.Ю. Понятие и сущность лакун. *Наука. Искусство. Культура*. 2014; Вып. 3.

Danilchenko TYu. The concept and essence of lacunae. *Science. Art. Culture*. 2014; Issue 3 (in Russ).

18. Кузнецов В.Г. Лексические лакуны и границы переводимости. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. гуманитарный науки*. 2017; Вып. 9.

Kuznetsov VG. Lexical lacunae and the limits of translatability. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2017; Issue 9 (in Russ).

19. Попова З.Д., Стернин И.А. *Язык и национальная картина мира*. Воронеж: Истоки; 2003.

Popova ZD, Sternin IA. *Language and the national worldview*. Voronezh: Istoki; 2003. (in Russ).

20. Ларина Т.В., Озюменко В.И. Лакуны и безэквивалентная лексика как фиксаторы специфики языка и культуры. *Русистика*. 2013;(4).

Larina TV, Ozyumenko VI. Lexical gaps and culture specific vocabulary as a source of cultural information. *Russian Studies*. 2013;(4) (in Russ).

21. Стернин И.А. *Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования*. Москва: Восток-Запад; 2006.

Sternin IA. *Contrastive linguistics: problems of theory and research methodology*. Moscow: Vostok-Zapad; 2006 (in Russ).

22. Бабайлова А.Э. *Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку*. Саратов: Изд-во Саратовского университета; 1987.

Babaylova AE. *Text as a product, means and object of communication in teaching a non-native language*. Saratov: Saratov University Publishing House; 1987 (in Russ).

23. Инькова О.Ю. О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях. *Вестник Московского университета. Серия 9*. 2022;(6).

Inkova OYu. On the contrastive method in linguistic studies. *Moscow University Bulletin. Series 9*. 2022;(6) (in Russ).

24. Московкин Л.В. *Дидактические основы теории методов обучения неродному языку*. Санкт-Петербург: Изд-во С.Петерб. ун-та; 2021.

Moskovkin LV. *Didactic foundations of the theory of methods for teaching a non-native language*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House; 2021 (in Russ.).

25. Чжипин Х. Ассоциативные реакции русских и китайцев в аспекте лакунарности. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2015; Вып.1 (29).

Zhipin H. Associative reactions of russians and chinese in the aspect of lacunarity. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2015;1(29) (in Russ.).

26. Vinay JP, Darbelnet J. *Stylistique compare du français et de l'anglais*. Paris: Marcel Didier; 1958. (на франц.яз.)

Vinay JP, Darbelnet J. *Comparative stylistics of French and English*. Paris: Marcel Didier; 1958. (in French).

27. Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Издательство АСТ: Мир и Образование; 2021

Ozhegov SI. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: AST; Mir i Obrazovanie; 2021 (in Russ.).

28. Ганшина К.А. *Французско-русский словарь*; Москва: Русский язык, 1979.

Ganshina KA. *French-Russian dictionary*. Moscow: Russkiy yazyk; 1979 (in Russ.).

29. Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: В 2 т. М.: Русский язык, 1999. 3-е изд. стереотип. Т. 2.

Chernykh PYa. *Historical-etymological dictionary of the modern russian language*: In 2 vols. Moscow: Russkiy yazyk; 1999. 3rd ed. stereotype. Vol. 2. (in Russ.).

30. Стыпула Р., Ковалева Г.В. *Польско-русский словарь*. Москва–Варшава: Русский язык – Вєдза Повшехна, 1980. (на поль. яз., на франц.яз.)

Stypuła R, Kovaleva GV. *Polish-Russian dictionary*. Moscow–Warsaw: Russkiy yazyk – Wiedza Powszechna; 1980 (in Russian, French, Polish).

31. Дормидонтова О.А., Шкатова В.В. Семантика белого цвета в русском и французском языках. *Неология и неография современных европейских языков*: Материалы международной научной конференции. Москва, 2024;

Dormidontova OA, Shkatova VV. Semantics of the color white in Russian and French. In: *Neology and neography of modern European languages*: Proceedings of the international scientific conference. Moscow, 2024 (in Russ.).

32. Попова М.Д. Оттенки снега в эвенском языке. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики*; 2019;(9):181-182.

Popova MD. Shades of snow in the Evenki language. *Modern Science: Current Issues of Theory and Practice*. 2019;(9):181-182. (in Russ.).

33. Божедонова А.Е. Наименование мастей лошади в якутском языке как способ цветообозначения: система и структура. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2025.

Bozhedonova AE. Horse coat color naming in the yakut language as a method of color designation: system and structure Summary of Candidate's dissertation (Philology). Kazan, 2025 (in Russ.).

34. Рецкер Я.И. *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода*. Москва: Р. Валент; 2007.

Retsker YaI. *Theory of translation and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation*. Moscow: R. Valent; 2007 (in Russ.).

35. Попова Е.Е., Семенова М.Ю. Безэквивалентные термины и их передача при переводе специальных текстов. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. Проблемы языкознания и педагогики. 2016;(2).

Popova EE, Semenova MYu. Non-equivalent terms and their rendering in the translation of special texts. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2016;(2) (in Russ.).

36. Сепир Э. Грамматист и его язык. *Языки как образ мира*. Москва: Издательство АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica; 2003.

Sapir E. The grammarian and his language. *Languages as a worldview*. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica; 2003 (In Russ).

37. Курдюмов В.А. *Курс китайского языка*. Теоретическая грамматика. Москва: Цитадель-трейд; Лада; 2005.

Kurdyumov V.A. *Chinese language course*. Theoretical grammar. Moscow: Tsitadel-tred; Lada; 2005 (in Russ).

38. Солнцев В.М. *Введение в теорию изолирующих языков*: В связи с общими особенностями человеческого языка. Москва: Восточная литература; 1995.

Solntsev V.M. *Introduction to the theory of isolating languages*: in connection with the general features of human language. Moscow: Vostochnaya literatura; 1995 (in Russ).

39. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка: монография. Москва: ВКН; 2022.

Khamatova A.A. *Word formation in modern Chinese: a monograph*. Moscow: VKN; 2022 (in Russ).

40. 赵明瑜. 北京. 中国建筑工业出版社 (на кит.яз.)

Zhao Mingyu. *Russian-Chinese construction dictionary*, Beijing: China Architecture & Building Press; 2008. (in Chinese).

41. 黑龙江大学俄罗斯语言文学于文化研究中心辞书研究所. 北京: 商务印书馆 (на кит. яз.)

Great Russian-Chinese dictionary of the new era. Lexicography Institute of the Center for Russian Language, Literature and Culture Studies, Heilongjiang University. Beijing. The Commercial Press. 2019. (in Chinese).

42. Дакукина Т.А. Полное и точное понимание оригинальных иноязычных текстов культурно-страноведческого характера. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013;29(11):Ч.II.

Dakukina T.A. Full and accurate understanding of original foreign-language texts of a cultural and regional studies nature. *Philology. Theory & Practice*. 2013;29(11): Part II (in Russ).

Сведения об авторах

ГАБДРЕЕВА Наталья Викторовна – д. филол. н., профессор, зав. каф. русского языка как иностранного, ФГАОУ ВПО Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>, e-mail: n.gabdreeva@mail.ru

ДАВЛАТОВА Мансура Мансуровна – к. пед. н., доцент каф. русского языка и методики его преподавания, ФГАОУ ВПО Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, , г. Казань, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-8582-126X>, e-mail: davlatova.1969@mail.ru

ХАО Лисяо – аспирант ФГАОУ ВПО Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4846-5547>, e-mail: 1272108690@qq.com

About the authors

Natalya V. GABDREEVA – Doctor of Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0816-2672>, e-mail: n.gabdreeva@mail.ru

Mansura M. DAVLATOVA – Candidate of Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication at Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8582-126X>, e-mail: davlatova.1969@mail.ru

Lisiao HAO – postgraduate student, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4846-5547>, e-mail: 1272108690@

Вклад авторов

Габдреева Н.В. – разработка концепции, верификация данных, создание черновика рукописи, редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Давлатова М.М. – методология, администрирование данных, создание черновика рукописи, визуализация

Хао Лисяо – проведение статистического анализа, проведение исследования, ресурсное обеспечение исследования, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Natalya V. Gabdreeva – conceptualization, validation, writing – original draft, writing – review & editing, supervision, project administration

Mansura M. Davlatova – methodology, data curation, writing – original draft, visualization

Lisiao Hao – formal analysis, investigation, resources, writing – original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 25.02.2026

Принята к публикации / Accepted 10.03.2026

УДК 81.373;811.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-107-115>

Оригинальная научная статья

Температурные прилагательные горячего спектра в поэзии М. Цветаевой

С. А. Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Российская Федерация

✉ gubanov5@rambler.ru

Аннотация

Актуальность проводимого исследования связана с активным когнитивным изучением направлений эпитетации в языке и художественном дискурсе. Новизна предлагаемого исследования заключается в выявлении механизмов образования переносных атрибутивных значений в идиолекте М. Цветаевой. Целью данной работы является описание эпитетации признаками горячего спектра в поэтических текстах М. Цветаевой. В данном исследовании используется сочетание когнитивных методов анализа языковых фактов: когнитивно-семантического, брендингового – и лексико-семантических: компонентного, лексикографического; также применяется метод количественного анализа языковых данных. Привлечение данных словаря русского литературного языка, а также Национального корпуса русского языка дает возможность сопоставить речевое и авторское употребление температурных прилагательных горячего спектра в речи и в идиолекте М. Цветаевой, выявить основания эпитетации рассматриваемыми признаками. Отмечается, что эпитетация объектов температурными признаками имеет специфику в аспекте индивидуального восприятия температуры и актуализации переносных значений прилагательных *горячий, жаркий, огненный, пламенный, знойный*. Основные направления переноса признака *горячий* связаны с номинацией различных эмоций, любовных переживаний. Поэтические тексты М. Цветаевой содержат различные типы актуализации признака *горячий*, лидирующее положение среди которых занимает значение «страстный». На материале поэзии М. Цветаевой показаны различные направления эпитетации температурным признаком горячего спектра, отмечается детализация данного типа признака. Основным объектом эпитетации выступает человек и органы его тела. Доказывается, что эпитетация представляет собой один из ключевых механизмов вербализации концептуальных смыслов творчества М. Цветаевой, имеющих когнитивную основу. Результаты исследования вносят вклад в теорию атрибутивности и эпитетологию, лингвистическое цветаеведение и лингвопоэтику.

Ключевые слова: эпитетация, эпитет, эпитетный комплекс, Марина Цветаева, атрибутивность, прилагательные горячего спектра, признак, перцепция, идиолект

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Губанов С. А. Температурные прилагательные горячего спектра в поэзии М. Цветаевой. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):107–115. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-107-115>

Original article

Temperature adjectives of the hot spectrum in Marina Tsvetaeva's poetry

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russian Federation

✉ gubanov5@rambler.ru

Abstract

The significance of the research is related to the active cognitive study of epithetation in language and artistic discourse. The novelty of the proposed research consists of identifying the mechanisms of formation of figurative attributive meanings in the M. Tsvetaeva's idiolect. In this article our purpose is to describe epithetation using hot-spectrum attributes in the M. Tsvetaeva's poetic texts. This research is based on the combination of cognitive methods of analyzing linguistic facts – cognitive-semantic, blending and lexical-semantic – component, lexicographic; the method of quantitative analysis of linguistic data is also used. The involvement of data from the Dictionary of the Russian literary language, as well as from The Russian National Corpus, makes it possible to compare the speech and author's use of temperature adjectives of the hot spectrum in speech and in the M. Tsvetaeva's idiolect, to identify the grounds for epithetation with the attributes under consideration. It is noted that the epithetation of objects by temperature attributes has specificity in the aspect of individual perception of temperature and the actualization of figurative meanings of the adjectives *hot*, *fiery*, *ardent*, *sultry*. The main directions of the transfer of the attribute *hot* are associated with the nomination of various emotions, love experiences. M. Tsvetaeva's poetry poetic texts contain various types of actualization of the attribute *hot*, the leading position among which is occupied by the meaning "passionate". Based on the M. Tsvetaeva's poetry, various directions of epithetation by the temperature attribute of the hot spectrum are shown, the detailing of this type of attribute is noted. The main object of epithetation is a person and the organs of his body. It is proved that epithetation is one of the key mechanisms of verbalization of the conceptual meanings of M. Tsvetaeva's creativity, which has a cognitive basis. The results of the research contribute to the theory of attribution and epithetology, linguistic study of M. Tsvetaeva's creativity and linguapoetics.

Keywords: epithetation, epithet, epithet complex, Marina Tsvetaeva, attribution, hot spectrum adjectives, attribute, perception, individual style, idiolect

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Gubanov S. A. Temperature adjectives of the hot spectrum in Marina Tsvetaeva's poetry. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):107–115. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-107-115>

Введение

Лингвистическая природа имени прилагательного довольно хорошо изучена, однако его семантика сложна и противоречива, зависит от многих факторов. Поэтому возникает немало дискуссионных вопросов относительно сущности адъектива, его типов и направлений переносов значений. Согласованность, несамостоятельность прилагательных обуславливают гибкость и эластичность

их значения, что особенно проявляется в разговорной речи или художественном тексте. Прилагательное, взятое в аспекте модификации его семантики в контексте, дискурсе, принято именовать эпитетом, однако проблема намного сложнее. Эпитет – признаковый элемент эпитетного комплекса, единства эпитета и определяемого слова, который так или иначе задействован в процессе эпитетации, переносе признака с одного объекта на другой. Такие переносы не обязательно имеют метафорическую основу, однако контекстуально развивают оттенки значения, в какой-то мере логически не свойственные основному носителю признака. Признак может иметь различное языковое выражение, поэтому признается вариативность прилагательного и замена его любым эпитетным словом – от наречия до числительного.

Изучение эпитетов является неотъемлемой частью стилистики речи: описаны основные типы эпитетов, их роль в создании художественного образа, возможности семантического и структурного разнообразия. Несмотря на большой накопленный эмпирический материал, остается недостаточно изученным вопрос о природе эпитетации, о механизмах переноса признака с одного объекта на другой, воспринимаемый метонимически или метафорически [1, 2]. В связи с этим представляется актуальным изучение эпитетов с когнитивно-семантических позиций [3–5].

Когнитивный взгляд на природу эпитетации позволяет выявить механизмы взаимодействия между когнитивными сферами компонентов эпитетного комплекса, между признаком, его ментальным пространством, объектом эпитетации и его когнитивным полем. Наложение, блендирование этих пространств и входящих в них признаков составляет основу метафорообразования. Не составляют исключения и рассматриваемые в статье температурные признаки, которые, будучи эмпирически воспринимаемыми, имеющими частотные прямые значения, тем не менее распространяются на иные, чаще антропоморфные, объекты, образуя переносные эпитетные комплексы.

Природа метафоричности текстов М. Цветаевой описывается в трудах многих цветистов [5–7]. О. Г. Ревзина, говоря о природе метафорического мышления М. Цветаевой, замечает, что ситуативные метафоры допускают ничем не ограничиваемое разнообразие образов и точек зрения (*тысячегрудая ... могила братская*); но и неситуативные метафоры «могут полагать в качестве конститутивного разные признаки» [7, с. 11]. Подобная неограниченность имеет, как было замечено, две модели. Одна предполагает, что признаки присущи объекту, пусть гипотетически, поэтому на основе метонимии или метафоры возможно актуализировать их и приписать объекту, моделируя временный образ. Другая же модель подразумевает принципиальное отсутствие в когнитивной матрице описываемого объекта данного признака, он вообще не свойственен ему, что порождает поэтические метаморфозы, или метафоры-загадки. Исследователь отмечает: «Цветаева использует уже проявленные возможности, представляемые русским языком для вербализации метафорического мышления <...> а также создает и не использованные прежде структурные модели» [7, с. 5]. Соотносимые с идеями цветиста слова находим и у самого поэта. В «Сводных тетрадах» М. Цветаева рассуждает о природе творчества и утверждает примат художественного слова, построенного на метафоричности: *Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою, отождествись или отождестви. Всегда — иноскажи* [8, с. 329]. Данная мысль является очень важной для настоящего исследования, поскольку содержит творческую установку поэта на постоянное тотальное ассоциирование всего со всем. Во многом это объясняет ничем не ограниченную метафоричность языка поэта, стремление к словотворчеству, окказиональности как потребности выразить нужную мысль.

Материалы и методы

Целью работы является описание особенностей авторского восприятия температурного признака горячего спектра в поэтических текстах М. Цветаевой. Для этого избраны эпитетные комплексы с такими эпитетами, как *горячий, жаркий, знойный, огненный, пламенный/пылкий*.

Для достижения поставленной цели исследования используется сочетание когнитивных методов анализа языковых фактов: когнитивно-семантического, блендингового – и лексико-семантических: компонентного, лексикографического; также применяется метод количественного анализа языковых данных и метод сплошной выборки

Материалом послужило собрание сочинений М. Цветаевой [9] и словарь поэтического языка Марины Цветаевой [10]. С целью сравнения узуального употребления температурных прилагательных, их сочетаемостных свойств в языке привлекались данные словаря русского литературного языка (МАС) [11] и Национального корпуса русского языка [12]. Примеры из поэтических текстов М. Цветаевой анализировались и подсчитывались на основании словаря поэтического языка Марины Цветаевой в 4 томах [10], а также собрания сочинений М. Цветаевой в 7 томах [9].

Теоретическую основу работы составили труды по лингвопоэтике, стилистике художественной речи [1, 2], когнитивной и семантической теории атрибутивности [3, 4], когнитивной эпитетологии [5].

Специфика температурных прилагательных горячего спектра

Рассматриваемые прилагательные относятся к многозначным осязательным температурным прилагательным. Отметим, что специфика осязательных прилагательных достаточно подробно описана. Среди них выделяются температурные прилагательные, семантика которых, как и многих других осязательных, определяется несколькими факторами. «Во-первых, температурный уровень может быть определен с помощью особой шкалы и специального прибора – градусника. Такая температура является физически измеримой, и ее показатели не зависят от индивидуального температурного восприятия у носителя естественного языка. ... С другой стороны, бытовое представление о температурных значениях достаточно размыто, что позволяет нам говорить о температурной семантике с точки зрения субъективной оценки говорящего» [13, с. 99]. Именно поэтому семантика таких прилагательных, как *прохладный, теплый*, является максимально абстрактной. По сути, данные особенности адъективов хорошо проявляются и в рамках других типов (вкусовые, тактильные, обонятельные), шире – это черта всех прилагательных, имеющих в когнитивной матрице представление об эталонном признаке и реализующих значения индивидуально. С когнитивной точки зрения, чтобы означить объективную характеристику предмета, сознание человека выделяет в предмете некий признак, который ассоциируется с температурной характеристикой самого предмета. Такой признак может быть установлен при зрительном восприятии предмета [14].

Температурные признаки предполагают ранжирование на градуальной шкале с учетом промежуточных типов (*теплый*) [15]. Температура человеческого тела принимается за прототипический признак, эталон температуры, отклонения же от нее расцениваются как негативные признаки объекта, имеющего данные характеристики. Это связано с тем, что субъект может получить ожог или переохлаждение. Вместе с тем номинации температуры бывают индивидуальными, построенными на ассоциациях (*ключевой*).

Типология переносных значений температурных прилагательных может исходить из конкретного или абстрактного типа номинации объекта, наделяемого

признаком: *теплая рука, холодный суп, ледяной ветер, холодный голос* или *теплая компания, холодный цвет* [13].

Прилагательное *горячий* чаще всего определяется как показатель температуры выше человеческого тела [16]. Для адекватного восприятия температуры конкретного объекта и установления «точки отсчета» на шкале температуры необходим носитель этой температуры: это, как правило, человек, часть его тела (рот, кожа). При абстрактном восприятии температуры имеем дело с переносными значениями прилагательного *горячий* (или иногда *теплый*): *теплая компания, горячий взгляд*. В данном случае имеет место эпитетация признака, его перенос с конкретного, эмпирически наблюдаемого объекта, способного иметь температуру, на абстракцию, метонимическое обозначение группы людей или действие, связанное с органом тела человека, опосредованно выражающее температуру как воздействие на воспринимающего (*горячий* предполагает большую силу такого воздействия: *горячая рука, горячая голова*). С. Ю. Кононова выделила три типа переносных значений у адъектива *горячий*: 1) «быстрый» (*горячие лошади*); 2) «интенсивный» (*горячее сражение, горячий спор*); 3) «жаркий» (*горячие губы*) [16, 17].

Словарь русского языка фиксирует как прямое значение прилагательного *горячий*, так и переносные употребления: «1. Имеющий высокую температуру; сильно нагретый. *Горячая вода. Горячий чайник. Горячие руки*. 2. *перен.* Пылкий, страстный. *Горячая голова. Горячий охотник. Горячий поклонник. Горячее сердце*. 3. *перен.* Вспыльчивый, легко возбуждающийся. 4. *перен.* Требующий сосредоточения всех сил (о времени). *Горячая пора*» [11]. Чаще происходит наведение температурного признака на эмоциональную, волевую ментальную сферу, что обусловлено очевидной связью горячего нрава и горячей температуры тела, а далее эта аналогия распространяется на места локализации сильного чувства, где воспринимающий может его ощутить, как оно ярче проявляется.

Национальный корпус русского языка указывает на такие объекты-субстантивы, употребляемые с прилагательным *горячий*, как (в порядке убывания частотности) *вода, чай, спор, след, кровь, точка, любовь, слеза, сердце, пища* [12]. Как видно из перечня определяемых слов, наряду с веществами, физически способными иметь температурный признак (прямое значение адъектива), частотны и абстракции, на которые распространяется признак (*спор, любовь*), а также части тела человека, ассоциируемые с чувственной сферой (*кровь, сердце*). Наречия, сочетающиеся с прилагательным *горячий*, в основном подчеркивают высокую степень проявления признака, имеют значение «очень»: *обжигаяюще, нестерпимо, больно, чересчур, слишком, невыносимо*, что отсылает к физическому восприятию горячего объекта. Раздел «сочиненные прилагательные» предлагает набор частотных адъективов, с которыми сочетается признак *горячий*, что подчеркивает его антонимичность холодному (*холодный* стоит на первом месте) или детализирует температуру (*сухой*), но чаще характеризует чувства человека (*страстный, искренний, вспыльчивый, порывистый, пылкий*) [12].

Таким образом, в языке происходят активные процессы эпитетации признака *горячий*, суть которых заключается в установлении ассоциативной связи восприятия горячего конкретного объекта и внутреннего переживания чувства, которое также дает сильные, горячие эмоции.

Эпитетация в поэзии М. Цветаевой

Признак *горячий*

Прилагательное *горячий* зафиксировано в словаре поэтического языка М. Цветаевой в следующих значениях: 1) «имеющий высокую температуру» (18 единиц); 2) «полный силы, чувств, страстный» (14 единиц); 3) «блестящий, сверкающий»

(4 единицы); 4) «напряженный» (1 единица). Также 7 раз используется наречие *горько* [10, т. 1, с. 257–258].

Синкретичность семантики языковых единиц, отмечаемая цветаеводами [6, 7], проявляется в контекстуальности употребления значения слова, в совмещении в одном нескольких значений, делающих слово полисемичным, с мерцающим смыслом. Так происходит с прилагательным *горячий*, которое на основе температурной семантики развивает значение «страстный»: *от моих горячих губ* [9, т. 3, с. 271]; *горячие веки студила* [9, т. 3, с. 16]; *рот горячий-алый – дорожке глаз* [9, т. 3, с. 236]. Перед нами своеобразная пропозиция, ситуация, требующая своего развития: губы горячие, потому что субъект испытывает определенное чувство.

Эпитет *горячий* в значении «страстный», опять же в ситуации, когда субъект демонстрирует повышение температуры тела от нахлынувших чувств, беспокойства, чем и мотивировано возникновение переносного значения прилагательного, распространяется на части тела человека. По ним можно установить, идентифицировать состояние субъекта, а также испытать на себе воздействие этого состояния, что немаловажно для описания другого субъекта и своего состояния в этот момент. Горячими могут быть *голос, кровь, плоть, глаза, сердце*: *Благодарю ... И за горячую кровь* [9, т. 1, с. 441]. В выражении *между простынь горячих // Ряд сдавленных зевков* [9, т. 1, с. 562] перед нами эпитетация артефакта, при которой новый образ построен на блендировании температурного признака и объекта, простыни, которому признак не свойственен именно в этом значении (горячая после стирки или нагретая солнцем простынь, но не страстная); угадывается метонимическая логика переноса признака (простынь, на которой находились страстные возлюбленные).

Наречие *горячо* используется только в значении «пылко»; страсть локализуется в сердце, груди, глазах: *дышит горячо, горячо в груди, горячее жжет взгляд*.

Признак жаркий

Прилагательное *жаркий* зафиксировано в словаре поэтического языка М. Цветаевой в следующих значениях: 1) «дающий сильный жар, знойный, горячий» (18 единиц); 2) «пылкий, страстный, напряженный» (12 единиц); 3) «рыже-красного цвета» (2 единицы); 4) «южный, тропический» (3 единицы). Также 11 раз используется наречие *жарко* [10, т. 2, с. 141–142].

Как и в случае с эпитетом *горячий*, адъектив *жаркий* в прямом значении распространяется больше на человека: *жаркие руки, жаркий лоб, жаркий сон, жаркие щеки*. Интенсивность, особый накал проявляется в формах превосходной степени: *двух – жарче меха! рук – жарче пуха!* [9, т. 1, с. 278]. Основания для выбора эталонного признака окказиональны (мех и пух).

Жарким в значении «пылкий» могут быть: 1) человек: *Мне ль, которой ничего не надо, // Кроме жаркого чужого взгляда* [9, т. 1, с. 330]; *Это в перси, в мой ключ жаркий* [9, т. 2, с. 172]; 2) артефакты / природные объекты: *жаркие струны по снегу!* [9, т. 1, с. 292]. При переносе признака из сферы человека в сферу артефактов или иную происходит когнитивное перераспределение признаков: артефакт (или природный объект — струны здесь в значении «солнечные лучи») становится способным иметь температурный признак, соотносимый с воспринимающим субъектом, поскольку это не его объективный признак, а тот, что человек может ощутить и идентифицировать.

Признак знойный

Прилагательное *знойный* зафиксировано в словаре поэтического языка М. Цветаевой в своем основном значении «очень жаркий» (4 единицы) [10, т. 2, с. 240]. Особенностью конструирования эпитетных комплексов с данным эпитетом является не просто передача температурного значения природного объекта, для

которого он в большей степени характерен, поскольку чаще всего зной связывается с летом, засухой (*знойный ветер*), но приписывание этого признака человеку: *сердце знойное, земное* [9, т. 3, с. 221]; *знойные губы в игре ручья* [9, т. 3, с. 634]. Данный эпитет имеет более узкую сочетаемость в языке, поэтому его распространение на человека видится идиолектным.

Признак огненный

Прилагательное *огненный* рассматривалось в значении «горячий», цветовая семантика не рассматривалась. В данном значении зафиксировано 13 единиц (также окказионализм *огнеокий*, описывающий внешность) [10, т. 3, кн. 1, с. 492]. Чаще всего *огненный* выступает в значении «страстный, пылкий»: *Любовь – как огненная печь* [9, т. 1, с. 423]; любовь сравнивается с огненной мукой. Огонь как прототипический символ горячего используется для замены основного прилагательного (горячий) более экспрессивным, в основе своей уже имеющим образность, сравнение с огнем. Как известно, огонь – символ жизни и смерти, диалектики, пожирающий все без остатка, поэтому любовь у поэта огненная.

Признак пламенный/пылкий

Прилагательное *пламенный* зафиксировано в словаре поэтического языка М. Цветаевой в своем основном значении «горячий, страстный» (13 единиц), а также присутствует наречие пламенно (2 единицы) [10, т. 3, кн. 2, с. 204]. Объединим данное прилагательное с адъективом *пылкий*, поскольку он употребляется в значении «страстный» (6 единиц) [10, т. 3, кн. 2, с. 594]. Практически все данные эпитеты обозначают любовное чувство, признак распространяется на грудь: *А дружка – назад, // К груди пламенной!* [9, т. 3, с. 265], глаза: *А был красив гортанный голос! // А были пламенные глаза!* [9, т. 1, с. 56].

Заключение

Температурный признак горячего спектра с вершинным прилагательным *горячий* демонстрирует в поэзии М. Цветаевой большое разнообразие смыслов, детализацию степени высокой температуры средствами различных прилагательных. Поэтические тексты М. Цветаевой содержат различные типы актуализации признака *горячий*, лидирующее положение среди которых занимает значение «страстный». Будучи переносным, оно образуется в результате когнитивной операции эпитетации, состоящей в распространении признака на объекты, способные быть носителями этого признака и выражать температуру. Наблюдается локализация признака в частях тела человека, а также в артефактах в результате пересечения когнитивных зон человеческого восприятия и предмета, имеющего температуру субъекта. Исследование подчеркивает необходимость пристального изучения признаковой лексики в текстах М. Цветаевой с когнитивных позиций моделирования переносных значений.

Литература / References

1. Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык*. Москва: Флинта; Наука; 2002:384.
Arnold IV. *Stylistics. Modern English language*. Moscow: Flinta; Nauka; 2002:384 (in Russ.).
2. Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике). *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017; 2(9):122–143.
Bulakhova NP, Skovorodnikov AP. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic). *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2017; 2(9):122–143 (in Russ.).

3. Виноградова С.А. Пластичность семантики признаков слов. *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2021;71(4):30-38. DOI:10.26456/vtfilol/2021.4.030.

Vinogradova SA. Plasticity of semantics of predicate words. *Vestnik of Tver State University Series: Philology*. 2021;4(71):30-38 (in Russ.). DOI:10.26456/vtfilol/2021.4.030

4. Гращенко П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация. *Rhema*. 2018;(4):9–33. DOI:10.31862/2500-2953-2018-4-9-33.

Grashchenkov PV, Lyutikova EA. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rhema*, 2018;(4):9–33 (in Russ.). DOI:10.31862/2500-2953-2018-4-9-33.

5. Губанов С.А. Эпитетный комплекс в прозе М. Цветаевой: лингвистические механизмы образования. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2025;(1):56-65. DOI:10.5922/vestnikpsy-2025-1-5.

Gubanov SA. The epithet complex in the prose of Marina Tsvetaeva: linguistic mechanisms of formation. *IKBFU's Vestnik Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2025;(1):56-65 (in Russ.). DOI:10.5922/vestnikpsy-2025-1-5

6. Зубова Л.В. *Поэтический язык Марины Цветаевой*. Санкт-Петербург: Геликон Плюс; 2017:544.

Zubova LV. *Poetic language of Marina Tsvetaeva*. St. Petersburg: Gelikon Plus; 2017:544 (in Russ.).

7. Ревзина О.Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой. *Словарь поэтического языка Марины Цветаевой* в 4 т. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999;1(3):5-30.

Revzina OG. Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva. *Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva*, in 4 vol, 1999;3(1):5-30. (in Russ.).

8. Цветаева М. И. *Неизданное. Сводные тетради*. Москва: Эллис-Лак; 1997:640.

Tsvetaeva MI. *Unpublished. Summary notebooks*. Moscow: Ellis-Lak; 1997:640 (in Russ.).

9. Цветаева М.И. *Собрание сочинений*: в 7 т. Москва: Эллис-Лак; 1994;1-3.

Tsvetaeva MI. *Collected works*: 7 Vol. Moscow: Ellis-Lak; 1994;1-3 (in Russ.).

10. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996-2004. 1996;(1):320; 1998;(2):552; 1999;(3, кн.1):640; 2000;(3, кн. 2): 640.

Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: in 4 vol. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva, 1996-2004. 1996;(1):320; 1998;(2):552; 1999;(3,1):640; 2000;(3,2):640 (in Russ.).

11. Словарь русского языка: в 4 т. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 1999;(1):702; 1999;(2):736; 1999;(3):750; 1999;(4):797. URL:<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.01.2026).

Dictionary of the Russian language, in 4 vols., Moscow: Russky Yazik; Poligraphresurs, 1999. 1999;(1):702; 1999;(2):736; 1999;(3):750; 1999;(4):797. Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [Accessed 10 January 2026] (in Russ.).

12. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL:<https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

The Russian National Corpus. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 10 January 2026] (in Russ.).

13. Кононова С.Ю. Методология исследования прилагательных с температурными коннотациями: анализ процесса восприятия температуры. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*.

Kononova SYu. Methodology for researching adjectives with temperature connotations: analysis of the temperature perception process. *Philology. Theory & Practice*.

14. Сергеева Н.С. Словообразовательные особенности имен прилагательных, обозначающих температурные характеристики предметов. *Ярославский педагогический вестник*. 2012;(3), т.1:156-160.

Sergeeva N.S. Word-formation features of adjectives denoting temperature characteristics of objects. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2012;(3), Vol.1:156-160 (in Russ.).

15. Рахилина Е.В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва: Русские словари; 2008:416.

Rakhilina E.V. *Cognitive analysis of object names: semantics and collocability*. Moscow: Russkie slovari; 2008:416 (in Russ.).

16. Кононова С.Ю. Метафорическое употребление температурных прилагательных горячего спектра на материале шведского и русского языков. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016;59(5(1)):94-96.

Kononova SYu. Metaphorical use of temperature adjectives of the hot spectrum based on Swedish and Russian languages. *Philology. Theory & Practice*. 2016;59(5(1)):94-96 (in Russ.).

17. Кононова С.Ю. Температурные явления как часть языковой картины мира: классификация прилагательных с температурными коннотациями в шведском языке. *Филология и лингвистика: современные тенденции и перспективы исследования: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции* (Нижний Новгород, 25 февраля 2016 г.). Нижний Новгород: Профессиональная наука. 2016:65-69.

Kononova SYu. Temperature phenomena as part of the linguistic world picture: classification of adjectives with temperature connotations in the Swedish language. In: *Filologiya i lingvistika: sovremennye tendentsii i perspektivy issledovaniya*: Collection of Scientific Papers from the I International Scientific-Practical Conference. Nizhnii Novgorod: Professional Science; 2016:65-69. (in Russ.).

Сведения об авторе

ГУБАНОВ Сергей Анатольевич – д. филол. н., профессор каф. философии, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>, SPIN 9955-2958, AuthorID 589890, e-mail: gubanov5@rambler.ru

About the author

Sergey A. GUBANOV – Doct. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3011-4589>, SPIN 9955-2958, AuthorID 589890

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 14.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 10.02.2026

Принята к публикации / Accepted 28.02.2026

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-116-127>

Оригинальная научная статья

Мотив потусторонней реальности в современной русской прозе

О. А. Колмакова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

✉ post-oxygen@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению мотива потусторонней реальности в русской прозе конца XX–начала XXI в. на материале таких произведений, как «Два царства» Л. С. Петрушевской, «Бубен Верхнего мира» В. О. Пелевина, «Запрещено – все» Н. Н. Садур, «Pasternak» М. Ю. Елизарова, «Дом близнецов» А. В. Королева. Названные тексты репрезентативны в аспекте исследования поставленной проблемы, поскольку в каждом из них мотив потусторонней реальности имеет сюжетообразующую функцию и глубокое символическое наполнение. Актуальность статьи обусловлена достаточно высокой частотностью указанного мотива в литературном процессе 1900-х–2000-х гг., а также усилением внимания современной науки к проблеме иной реальности как возможного альтернативного бытия. Цель работы – изучение поэтики мотива потусторонней реальности и выявление его символики в произведениях современной русской прозы. Задачи исследования: 1) определить влияние существующей литературно-фольклорной визионерской традиции на произведения современной литературы; 2) установить в каждом конкретном произведении символику мотива потусторонней реальности, обусловленную индивидуальными художественными задачами автора; 3) обозначить общие тенденции семантического наполнения мотива потусторонней реальности у современных русских писателей. Для решения поставленных задач применяется структурно-семиотический метод литературоведения, позволяющий выявить мифологемы, литературно-фольклорные образы, «формулы» и сюжеты, реализующие мотив потусторонней реальности в современной прозе. В результате проведенного исследования обнаружена богатая литературно-фольклорная традиция, связанная с архаическими представлениями о загробной жизни, воплощенными в таких концептуальных понятиях, как «тот свет», «ад», «рай». Спектр индивидуально-авторских трактовок мотива потусторонней реальности достаточно широк. Л. Петрушевская и В. Пелевин профанируют массовые представления о рае как о материально-благополучном существовании после смерти. Н. Садур и А. Королев обращаются к образам рая и ада для воплощения идеи несовершенства реальной действительности. У М. Елизарова приоритет языческого мифа о загробной жизни над христианским пониманием посмертия дискредитирует христианство как чуждое русскому сознанию. Посредством дихотомии «ад – рай» А. Королев воплощает идею двойственности человеческой природы. В целом, обращаясь к мотиву потусторонней реальности, современные писатели поднимают экзистенциальные проблемы и демонстрируют ощущение трагизма существования современного человека.

Ключевые слова: современная русская проза, неомифологизм, визионерская традиция, мифологема, мотив, образ, потусторонняя реальность, тот свет, ад, рай

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Колмакова О. А. Мотив потусторонней реальности в современной русской прозе. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):116–127. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-116-127>

Original article

The otherworldly reality motif in contemporary Russian prose

Oksana A. Kolmakova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

✉ post-oxygen@mail.ru

Abstract

This article examines the otherworldly reality motif in Russian prose of the late 20th and the early 21st centuries, drawing on such works as “Two Kingdoms” by L. S. Petrushevskaya, “The Tambourine of the Upper World” by V. O. Pelevin, “All is Forbidden” by N. N. Sadur, “Pasternak” by M. Yu. Elizarov, and “House of Twins” by A. V. Korolev. The cited texts are representative for the purposes of this study: in each of them, the motif of the otherworldly reality plays a central role in the plot and carries profound symbolic significance. The relevance of the article stems from the fairly high frequency of this motif in works from the 1900s to the 2000s, as well as from the increased attention which modern scholarship is paying to the problem of another reality as a possible alternative existence. The aim of this study is to examine the otherworldly reality motif poetics and to identify its symbolism in works of contemporary Russian prose. The objectives of the study are: 1) to determine the influence of the existing literary-folkloric visionary tradition on works of contemporary literature; 2) to establish, in each specific work, the symbolism of the otherworldly reality motif, as determined by the author’s individual artistic objectives; 3) to identify general trends in the semantic content of the otherworldly reality motif among contemporary Russian writers. To accomplish these objectives, a structural-semiotic method of literary analysis is employed, enabling the identification of mythologems, literary-folkloric images, ‘formulas’ and plots that embody the otherworldly reality motif in contemporary prose. The research has revealed a rich literary-folkloric tradition linked to archaic notions of the afterlife, embodied in such conceptual terms as ‘the other world’, ‘hell’ and ‘heaven’. The range of individual authors’ interpretations of the otherworldly reality motif is quite broad. L. Petrushevskaya and V. Pelevin subvert popular notions of paradise as a materially prosperous existence after death. N. Sadur and A. Korolev draw upon images of heaven and hell to embody the idea of the real life imperfection. In M. Elizarov’s work, the priority given to the pagan myth of the afterlife over the Christian understanding of the afterlife discredits Christianity as alien to the Russian consciousness. Through the ‘hell–heaven’ dichotomy, A. Korolev embodies the idea of the human nature duality. Overall, by drawing on the otherworldly reality motif, contemporary writers raise existential questions and convey a sense of the tragedy of the modern human existence.

Keywords: contemporary Russian prose, neo-mythologism, visionary tradition, mythologem, motif, image, otherworldly reality, the other world, hell, heaven

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Kolmakova O. A. The otherworldly reality motif in contemporary Russian prose. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):116–127. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-116-127>

Введение

Художественная рефлексия потусторонней реальности в отечественной прозе основывается на общемировой визионерской традиции, представленной такими жанровыми формами, как античное и средневековое видение¹, волшебная сказка,

¹ Видение – жанр дидактической литературы, представляющий собой рассказ очевидца о посещении им царства мертвых. Наиболее известное из античных видений – «Видение Эра», описанное Платоном [1, с. 347–353.]. Тексты-видения русского средневековья собраны, в частности, в «Азбучном патерике» [2].

легенда об «обмирании»², а также «чудесное путешествие»³. В свою очередь, эта традиция опирается на древнейшие представления о загробной жизни. У русского народа подобные представления определяются спецификой национально-культурного сознания, в основе которого лежит христианско-языческое двоеверие. Образ потустороннего мира связан как с христианской идеей Царства Божьего (Эдемского сада), противопоставленного аду, так и с архаическими образами ирия (вырия, вырея) – «мифической подземной или заморской страны, куда улетают души умерших» [4, с. 188]. Пространство иного мира маркировано специфическими образами и топосами – мифологемами, среди которых наиболее важное место занимают «река» (граница между «этим» и «тем» светом, иногда – между адом и раем), «дорога» (иносказательно об умирающем говорили, что он «в дорогу собирается»⁴), «лес» (враждебное «чужое» пространство), «дерево» (средство достижения «верхнего» мира или космогонический образ «Мирового древа»), «ночь» / «сумрак» (время без солнца-жизнедателя), «сон» (состояние, когда душа может покинуть тело⁵), «мост»⁶ и др. Трансформируясь в мотивно-образные структуры художественного текста, перечисленные мифологемы реализуют мотив потусторонней реальности в современной русской прозе.

Для изучения мотива потусторонней реальности нами был отобран репрезентативный материал, представленный такими текстами, как «Два царства» Л. С. Петрушевской, «Бубен Верхнего мира» В. О. Пелевина, «Запрещено – все» Н. Н. Садур, «Pasternak» М. Ю. Елизарова, «Дом близнецов» А. В. Королева. Созданные в этих произведениях художественные миры иллюстрируют основную идею мифосознания, актуальную для современного этапа развития массовой культуры: «Смерть изменяет онтологический статус человека. Отделение души от тела приводит к новой форме существования» [9, с. 64–65]. Выбор данного литературного материала позволяет выявить как спектр индивидуально-авторской символики, так и общие тенденции в интерпретации мотива потустороннего мира в современной русской прозе. Творчество названных авторов рассматривалось в аспекте эстетики неомифологизма в ряде диссертаций и научных статей (см., в частности, [10–14]). Однако специальных исследований, посвященных проблеме изучения мотива потусторонней реальности в выбранных нами текстах, нет.

Методологическую базу данного исследования составили работы в области структурной семиотики и мифопоэтики фольклорного и художественного текста В. Я. Проппа, Г. С. Виноградова, Б. А. Успенского, В. И. Ереминой, В. В. Иванова, А. Я. Гуревича.

² «Обмирание» («аммирание») – жанровая разновидность христианской легенды, описывающая паломничество на «тот свет». «Обмирание» структурно и содержательно ориентировано на литературную традицию видений – см.: [3].

³ Фантастическая форма травелога, берущего начало с гомеровской «Одиссеи», заглавный герой которой посещал в том числе и загробное царство.

⁴ Мотив проводов «во дорожку во дальнюю» – частотный в похоронных причитаниях. См.: [5, с. 68, 78, 79, 101 и далее].

⁵ Г. С. Виноградов выделял в народных представлениях мысль о том, что «душа временами оставляет человека; когда, например, он погрузится в первый сон» [6, с. 48]. Б. А. Успенский отмечал: «Засыпание и умирание теснейшим образом связаны вообще как в языке, так и в мифологических представлениях – ср. усение “умирание” и обмирание “засыпание”» [7, с. 69].

⁶ А. В. Гуревич называет мост, отделяющий берег праведников от берега грешников или ожидающих решения своей участи, «традиционным и существенным компонентом картины того света», создаваемой в средневековых видениях [8, с. 7].

Л. С. Петрушевская «Два царства»

Мотив потусторонней реальности характерен для целого ряда сюжетов мистической прозы Л. С. Петрушевской. В рассказе «Два царства» (1993) писательница обращается к данному мотиву, используя практически весь комплекс мифологем-маркеров иного мира. В рассказе находит свою реализацию типичное для стиливой манеры Петрушевской совмещение трагической проблематики и людической поэтики: трагедию рано оборвавшейся жизни писательница изображает посредством игры с обывательским пониманием образа рая.

В центре сюжета – судьба тяжелобольной матери-одиночки Лины, которая после очередной операции выходит замуж за иностранца и попадает «на лечение» за границу. Однако к финалу читатель понимает, что героиня в действительности умерла и была перемещена на «тот свет» неким существом, прилетевшим за ней оттуда. Петрушевская обыгрывает сказочный сюжет «Жених с того света» [15, с. 125], основанный на архаических некрокультах, а также мотивы «обмирания» и видения, в которых визионера в иной мир сопровождает проводник⁷.

Переход в иной мир изображен как ночной полет на самолете, воспринимающийся героиней как полусон-полуявь. Самолет сел в «прекрасном заграничном городе» со «сверкающей рекой», «тихим садом» и «мостами». Петрушевская утрирует сложившиеся в советском массовом сознании представления о загранице как о земном рае, порожденные жизнью в условиях дефицита. Эти представления подкрепляются народными поверьями о рае как о «хатке <...> где на столе стоят разные кушанья и чай» или «саде за рекой, где растут золотые травы и яблони с золотыми яблоками» [16, с. 48], а также утопическими легендами о «далекой земле» как «стране благополучия» [17, с. 313]. Описывая новую «райскую жизнь» героини, повествователь говорит лишь о ресторанах и магазинах, где «имелось все, о чем можно было мечтать», о пище, которая «являлась сама собой», о «стерильности» и «комфорте».

И только в финале рассказа Л. Петрушевская дает читателю понять, что в таком материальном – обывательском восприятии рая «что-то совсем не так». Автор изображает другой, подлинный, рай: пространство, в котором не актуально не только телесное, но и душевное – человеческие эмоции и чувства. Лина продолжает свое существование как чистый дух: «Она уже не хотела видеть здесь ни маму, ни сыночка <...> и надеялась, что никого больше не встретит, а если встретит, то не будет знать, кто это» [18, с. 111].

В. О. Пелевин «Бубен Верхнего мира»

Рассказ В. О. Пелевина «Бубен верхнего мира», написанный в том же году, что и «Два царства» Л. Петрушевской, также основывается на фольклорном сюжете «Жених-мертвец», который поначалу иронически снижается. Пелевин изображает, как некая Таня с помощью шаманки Тыймы возвращает с «того света» фашистов, погибших на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Немцы соглашаются на оживление, потому что «там тоска страшная. Темно, тесно, благодати нет. Скрежет» [19, с. 282] (последняя деталь обыгрывает «зубный скрежет демонов» – один из устойчивых звукообразов в апокрифическом описании ада).

В рассказе Пелевина Таня заключает с воскресшими договор, согласно которому те должны жениться на русских девушках, мечтающих выехать за границу. «Очередь на Тыймы» из русских невест расписана на два года вперед. Кульминацией рассказа становится необычное шаманское камлание, в результате которого оживает обитатель «Верхнего мира» – русский офицер, оказавшийся в трофейном немецком самолете.

⁷ Например, в «Видении Козмы игумена» заглавного героя в царство мертвых ведут бесы, «черна имуща лица, паче смолы» [2, л. 324], а в «обмирании» Настасьи Бахаровой героиню «два ангела под руки повели» [6, с. 53].

Похождения оживших немецких солдат изображаются с однозначной авторской иронией, профанирующей сакральный диалог с потусторонней реальностью. Когда оживленному танкисту из «Мертвой головы» отказались продать водку, он «сначала из парабеллума витрину разнес, а ночью на “тигре” приехал и все ларьки перед вокзалом утрамбовал» [19, с. 283]. Эсэсовцы, по мнению Тани, «все двинутые какие-то. То сельсовет захватят, то петь начнут» [Там же].

В иной, амбивалентной, стилистике создан портрет шаманки Тыймы. С одной стороны, Пелевин использует деталь, снижающую образ Тыймы – «болтающееся на унитазной цепочке копыто», а с другой – указывает на то, что «ее небольшая фигурка излучала покой и умиротворение» [19, с. 273]. Образ рая в рассказе также изображается амбивалентно, и в его трактовке есть немало общего с рассказом Петрушевской: оба автора иронизируют по поводу обывательского понимания рая, которое демонстрирует современное массовое сознание. Приведем диалог майора Маши и Звягинцева:

«– А где вы живете?

– У меня там как бы домик с участком. Тихо так, хорошо.

– А машина есть? <...>

– Если захочется, бывает. Отчего не быть.

– А какая?

– Когда как, – сказал майор. – И печь бывает микроволновая, и это... машина стиральная. Стирать только нечего. И телевизор цветной бывает <...>.

– Телевизор тоже когда какой?

– Да, – сказал майор. – Когда “Панасоник” бывает, когда “Шиваки”» [19, с. 284].

Как и Петрушевская, Пелевин иронизирует над представлениями о рае, укорененными в постсоветском массовом сознании, для которого олицетворением райской жизни является мир, заполненный товарами народного потребления, преимущественно импортного производства. Однако, как и Петрушевская, Пелевин ясно говорит читателю, что настоящий рай – это не копия земной благополучной жизни, а нечто совсем иное – мир «покоя и радости», где «безымянно все. И чем выше, тем безымянней» [там же].

Пелевин использует также известную композиционную «формулу» волшебной сказки – получение героем волшебного средства. Майор Звягинцев дает Маше дудочку со словами: «Ты, как от этой жизни устанешь, так приходи к моему самолету. Поиграешь, я к тебе и выйду» [19, с. 285]. В финале рассказа, изображая Машу сжимающей в кармане подаренную дудочку и напряженно о чем-то думающей, Пелевин, по сути, говорит о готовности героини сделать выбор в пользу небытия, что придает комическому сюжету рассказа трагический отсвет.

Н. Н. Садур «Запрещено – все»

Изображение потусторонней реальности – лейтмотив творчества Н. Н. Садур. В ее новелле «Запрещено – все» (1998), как и в проанализированных выше текстах, мотив потусторонней реальности реализован посредством совмещения онейрической и людической поэтики, что в целом характерно для постмодернистской эстетики, к которой обращаются рассматриваемые современные писатели.

В новелле «Запрещено – все» изображается некая Ирина Ивановна, «сорокалетняя, шальная и безмерно легкомысленная» женщина, которая во сне регулярно путешествует на «тот свет». Новелла построена на пересечении неомифологического и интертекстуального дискурсов. На связь текста с жанром «обмирания» прямо указывает фраза: «Ирина Ивановна обмирала» [20, с. 350]. Мотивы «сна-путешествия» и «послесмертия» реализуются в интертекстуальном ключе. Мотив путешествия-перелета в мир иной и образ инобытия как инверсированной

реальности напрямую отсылают читателя к рассказу Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека». Также новелла Садур обнаруживает интертекст «Скрипки Ротшильда» А. П. Чехова. Современная писательница воспроизводит кульминацию чеховского рассказа, когда еврей Ротшильд, слушая предсмертную мелодию-исповедь Якова Бронзы, «закатил глаза, как бы испытывая мучительный восторг» [21, с. 235]. В новелле Садур читаем: «Скрипка выплеснулась в лицо еврею, и тот зажмурился, выдерживая муку такую и восторг» [20, с. 357].

Элементами людической поэтики в новелле становятся мифологемы, реализующие мотив потусторонней реальности. В начале произведения вместо конкретно-предметного описания мира мертвых Садур передает лишь смутные ощущения героини: «На том все были удлинённые, неопределённо гнущиеся, с размытыми, необязательными движениями и с непрямым, но назойливым стремлением к какой-нибудь цели. Ирина-ванна <...> ловко подавляла в себе безответственное желание присоединиться к гибким и начать стремиться с ними» [20, с. 345]. Последнее «обмирание» обернулось для героини смертью. Ирина-ванна не поняла, что умерла, несмотря на обилие прозрачных для читателя маркеров потусторонности: желтого света и желтых предметов, седины всех без исключения людей, постоянного упоминания о смерти («смерти нет», «запах сирени тлетворен», «на столике лежала мертвая скрипка»), погребального причета («истай, истомись, выплачь синие ты глазыньки»).

Загробный мир в новелле изображен как многоэтажный дом, чей образ соотносим с Мировым деревом (на что, в частности, указывает расположенное в здании заведение под названием «Сирень»). Каждый этаж дома представляет собой «уровни» загробного мира. «В ветвях покачиваются» невинные души матери-одиночки и ее маленькой дочери. А «под самой “Сиренью”», в корнях дерева – место пребывания грешников: театральной богемы, «бизнесменов-деляг» и политиков, которые «сверху, где самый низ» [20, с. 366]. Подлинный ад, по Садур, находится не на «том», а на «этом свете». «Печатью адовой» отмечена жизнь власть имущих: «...гортань забита гарью, там дым без дна, и там потеря стыда и совести, добровольная разлука со всеми людьми мира ради химеры, имя которой власть» [20, с. 366]. Современная писательница создает образ ада, отвечающий русской литературно-фольклорной визионерской традиции, изображающей ад как «реку огнену» («Видение Антины» [2, л. 396]), «страшные оны пропасти» («Видение Козмы игумена» [2, л. 324]), «ров ужасный, дым, шум, треск испускающий» («Суточное видение девицы Пелагеи» [3, с. 60]) и др.

Хотя Ирина Ивановна не «вор могучий, безнаказанный» и не сильный мира сего, но путь на верхние этажи дома-дерева ей заказан: жила богато, но «и нищему порой не подаст, и бездомную собаку прогонит». Садур не случайно упоминает, что ее героиня «обмирала» несколько раз. Как отмечают И. М. Грицевская и А. В. Пигин, дидактическим стержнем жанра «обмирания» является «принесение покаяния», которое непременно осуществляет временно умерший после своего возвращения в мир живых [3, с. 67]. Ирина-ванна же и не думала каяться, воспринимая каждый свой визит на «тот свет» всего лишь как интересное путешествие. Образы достойных рая у Садур апеллируют к христианской концепции париев, которых ждут в Царстве Небесном. Там несчастная мать и ее дочь «прекрасно угнезились в ветвях», а случайно встреченная Ириной «бомжеватая бабенка» в синяках, преобразившись, исполняется «прелести невыразимой».

М. Ю. Елизаров «Pasternak»

К мотиву потусторонней реальности обращается в своем творчестве М. Ю. Елизаров. Сюжет его романа «Pasternak» (2003) гротескно утрирует ситуацию

«духовной анархии», в которой оказалась Россия в конце XX столетия, лишившись идеологического фундамента коммунистической духовности. Применяя целый арсенал сатирических средств изобразительности, Елизаров создает галерею персонажей, готовых предложить стране новые духовные ориентиры. Среди этих персонажей – «народная целительница», которая оказывается ведьмой-оборотнем, американский миссионер, нелепо пересказывающий «Рождественскую звезду» Б. Л. Пастернака («Дуль ветер из степи. Беби в вертепе померз, бедненький...»), монстр «Pasternak», персонифицирующий атеистическую духовность советской интеллигенции и возглавляющий объединенные лжедуховные силы.

Василий Льнов – один из лидеров в борьбе с «темными силами», которым он противопоставляет ценности народного мировоззрения. Этот особый тип сознания открывается Льнову в беседах с дедом «Мокаром». Устами Мокара автор изображает космос народной жизни, в которой рядом с привычным бытовым миром существуют «озерные мостри» и «говорящие мертвецы», а души «уснувших смертью» попадают в Ирий.

Народное понимание смерти как сна автор противопоставляет настоящей, «окончательной» смерти, «мертвечине», которой веет от «баб-тисков», «евонглистов» и других лжепророков. Используя сатирические каламбуры на основе народной этимологии, Елизаров открыто высказывает неприятие неправославной христианской культуры. Однако и православие в романе подвергается остракизму. Автор актуализирует славянский образ рая и профанирует идею рая православного. Ирий назван «настоящим раем», а концепция христианского Царства Небесного обозначена как искажение образа Ирия, «переиначенного попами на свой лад».

Автор изображает Ирий не как конкретное географическое пространство, а как состояние души, метафорически воплощенное в образах времен года. «Каждое время года бесконечно, и живешь, в каком захочешь. Нравится тебе зима – кругом пушистый снег, лед на реке, и не будет у этой зимы границ и пределов. Надоели холода, сразу выйдешь на границу с весной. Будешь идти из весны в весну, из марта в май. А захочешь прохлады и грусти, выйдешь сразу в осень. А кому нравится, может жить в вечном лете. И вокруг леса, поля, и все без края!» [22, с. 40].

Языческий пантеизм у Елизарова выступает антитезой образу христианского рая, авторская интерпретация которого более напоминает апокрифическое изображение ада: «огненная река, плавают по ней ангелы на кораблях и всех грешников, что бродя ищут, в реке топят» [22, с. 31]. Поэтизмы, использованные автором для создания образа Ирия, очевидно противопоставлены лубочному описанию христианского рая, что говорит о неприятии последнего. Созданный в романе образ Ирия апеллирует к русскому неоязычеству, которое Елизаров кладет в основу своего «Русского мифа». Писатель не скрывает своей авторской позиции, ратуя за возрождение русского язычества. Христианство же в романе получает статус «не-русской», а потому чуждой русскому человеку духовности.

А. В. Королев «Дом близнецов»

Оригинальное воплощение мотива потусторонней реальности находим также в романе А. В. Королева «Дом близнецов» (2013). Используя фольклорные представления о том, что «земной мир и мир загробный непосредственно сообщаются» [8, с. 12], автор дает иному миру конкретную земную локацию. В романе это частная клиника «Хегевельд», расположенная в Калининградской области. Ее владелец доктор Виктор Борисов («фон Боррис» или «князь») добивается уникальных результатов в лечении безнадежных, с точки зрения официальной медицины, больных.

На протяжении всего романа автор устами своих героев задает вопросы, на которые нет однозначных ответов: «Кто мы? В чем суть реальности? Как понять

мир, в котором мы оказались? И почему оказались? Откуда все взялось? Почему мы существуем?» [23, с. 266]. Сложное философское содержание писатель облекает в тривиальную форму – жанр детектива. Выполняя задание клиента, частный сыщик Валентин Драго должен проникнуть в поместье фон Борриса, чтобы найти там сыновей-близнецов своего заказчика, которых доктор якобы удерживает силой.

Двойничество – лейтмотив романа. Валентин пробирается в «Хегевельд» под видом своего двойника, итальянца дона Клавиги, с которым они были «похожи смертельно»⁸. Фон Боррис выглядит, как собственный секретарь, «состаренный гримом на 20 лет». На ужине в день приезда хозяин призывает гостей «стать близнецами Бога». В поместье живут близнецы, но это девушки и т. д. Согласно канону детектива, сюжетная интрига будет выдерживаться до самого финала, когда наконец откроется, что искомые братья-близнецы – сиамские.

Автор наполняет пространство «Хегевельда» символами «иного мира». В декоре замка преобладают зеркала и стекло; как отмечает В. И. Еремина, в мифосознании «стекло часто связывается с образом “иного мира”» [25, с. 163]. Гуляя по саду, Валентин видит, как «внутри подрагивал рой светляков, словно оранжерея вдохнула в себя Млечный путь» [23, с. 122]. Б. А. Успенский указывает на архаическое понимание Млечного Пути как «дороги на тот свет» [7, с. 145]. Мотив исцеления безнадежно больных на территории «Хегевельда» также опирается на древнейшие представления об «ином мире» как об источнике жизни. Эти представления обнаруживаются, в частности, в волшебной сказке – в композиционном элементе путешествия в «тридевятое царство». Как отмечал В. Я. Пропп, «в эту страну отправляются, чтобы получить <...> власть над жизнью и смертью, над болезнью, над исцелением» [26, с. 268].

На «острове высшей гармонии» главный герой романа открывает для себя суть понятий «Красота», «Истина», «Добро». Здесь «лжеКлавиги» впервые испытывает катарсис от соприкосновения с высоким искусством: феноменальное двухголосое бельканто любимца князя Фарро вызывает у Валентина «слезы эстетического восторга» и ощущение «всепроникающего присутствия Бога» [23, с. 119]. Валентин с неведомым ему доселе наслаждением участвует в ежевечерних интеллектуальных диспутах, удивляясь своей способности «задевать перышком мысли крыло скрытой истины» [23, с. 113]. Именно в «Хегевельде» герой особенно остро переживает чувство вины за своих близких – мать, находящуюся в клинике для душевнобольных, и любимую женщину, оставленную им в состоянии депрессии.

Существование человека в современном социуме смертельно и примитивно; в поместье фон Борриса, напротив, царят витальность и ритуал. Во «внешнем» мире происходит эпидемия самоубийств, тогда как в «Хегевельде» порицается убийство улитки, случайно попавшей под ноги во время прогулки в саду. В «Хегевельде» Валентин – сложная многогранная Личность, организованная в соответствии с античным принципом калокагии. В прошлой жизни «Валюн» – завсегдатай «Макдональдса», неприемлемого для себя нового. Наслаждаясь изысканностью блюд на ужине у «князя», Валентин «вдруг с отвращением вспомнил свой обычный обед в “Макдональдсе” напротив своего бюро в Питере. Как гадко ворочается во рту вязкая каша из хлеба и мяса, залитая слюнями майонеза... брр» [23, с. 150].

Двойничество как «код» организации текста реализуется в финале романа в двойной развязке, которая весьма символична. После разоблачения тайны Фарро – обнаружения «живой половинки человека, растущей прямо из туши

⁸ Примечательно, что настоящий Клавиги, изумившийся своему сходству с русским, внезапно умирает. Данный мотив апеллирует к архаическим представлениям о том, что «перед смертью человек видит своего двойника» [24, с. 19].

певца»⁹ – Валентин покидает резиденцию доктора Борисова по кабелю ЛЭП на высоте пятиэтажного дома. Реализованное именно таким образом бегство из «Хегевельда» связано с мифологемой «моста» между мирами: как отмечал В. Я. Пропп, «царство мертвых отделено от царства живых тонким, иногда волосным, мостом» [26, с. 296]. Оказавшись «на воле», Валентин кончает самоубийством. Однако далее следует вторая развязка: пистолет дает осечку, и герой с радостью возвращается в царство утопии.

Мотив двойничества, заданный в названии романа и развивающий сюжет, в конечном итоге выводит читателя к проблеме дихотомии человеческой сущности, в которой сосуществуют «огненная геенна саморазрушения» и «божественная гармония». Близнецный миф выполняет в романе свою основную функцию, которую В. В. Иванов определяет, как «нейтрализацию (медиацию) или снятие двоичной оппозиции» [27, с. 55]. Умирает близнец – «Валюн», «человек “Макдональдса”»; Валентин остается жить и обретает «истину бытия и правду своей души». Топос «райская обитель» оказывается необходимым автору для создания утопического пространства, противопоставленного современной действительности, весьма далекой от идеала.

Заключение

Сюжет о «том свете» у современных писателей актуализирует «потаянные пласты» массовой психологии, в которых, по словам А. Я. Гуревича, «таятся архаические представления и магические привычки, модели поведения, восходящие к седой старине» [28, с. 62]. Авторы используют богатейший арсенал мифо-фольклорной и литературной визионерской традиции, обращаясь к архаической мифологии, жанрам средневекового видения, волшебной сказки, «обмирания», литературного «чудесного путешествия». В отдельных случаях семантика мотива потусторонней реальности заключается в профанировании характерной для массового сознания концепции рая как максимально комфортного существования и осуждении вестернизации русской жизни и шире – пиетета русских по отношению к загранице (Л. Петрушевская, В. Пелевин). Инверсированный образ ада как характеристики «этого света» реализует проблематику несовершенства современной реальности (Н. Садур, А. Королев). Противопоставление языческого и христианского мифов о загробной жизни дискредитирует христианство как чуждое русскому национальному сознанию (М. Елизаров). Дихотомия «ад – рай» становится выражением противоречивости человеческой природы (А. Королев). Можно говорить о некоторых общих тенденциях реализации мотива потусторонней реальности в русской прозе конца XX–начала XXI в. Современные писатели развенчивают упрощенные представления массового сознания о потусторонней реальности как о пространстве, дублирующем физическую реальность, и ставят перед читателем экзистенциальные проблемы – вины, страха, смерти. Сопряженность мотива потусторонней реальности с мортальной проблематикой воплощает идею трагизма повседневного существования современного человека, ощущающего деструктивное влияние смерти и хаоса.

⁹ Здесь А. Королев обращается к мифам африканского племени бамбара – образу андрогинного божества Фаро, породившего близнецов. Не случайно диалог между Фарро и Валентином оформляется следующим образом: «— Нет, ты ошибся, — легко прочитал его мысли Фарро, — такими мы родились. И не князь, и не мать, и не отец тому виной, бери выше... — Ты кто? — спросил женский голос. — Я? Я детектив» [23, с. 283].

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Платон. *Сочинения*: в 3 т. Москва: Мысль; 1971;3(1):688.
Plato. *Works*: in 3 Vol. Moscow: Mysl; 1971;3(1):688 (in Russ.).
2. Собрание словес и деаний пр[е]п[о]д[о]бных от[е]ц скитских, яже обретаются в патерицах по алфавиту. Супрасль: Типография Благовещенского монастыря; 1791:564.
Alphabetical patericon. Suprasl: Printing House of the Annunciation Monastery; 1791:564 (in Russ.).
3. Грицевская И.М., Пигин А.В. К изучению народных легенд об «обмирании» (Видение девицы Пелагии). *Фольклористика Карелии*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 1993;(8):48–68.
Gritsevskaya IM, Pigin AV. The study of folk legends about the "Temporal Death" (The Vision of Maiden Pelagia). *Karelian Folklore*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 1993;(8):48–68 (in Russ.).
4. Левкиевская Е. *Мифы русского народа*. Москва: Астрель; АСТ; 2000:528.
Levkievskaya E. *Myths of the Russian people*. Moscow: Astrel; AST; 2000:528 (in Russ.).
5. Зимин М., Смирнов В., Завойко К. *Второй этнографический сборник*. Кострома: Типогр. «Северный рабочий»; 1920:143.
Zimin M, Smirnov V, Zavoiko K. *The second ethnographic collection*. Kostroma: Severniy Rabochiy; 1920:143 (in Russ.).
6. Виноградов Г.С. *Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилото населения Сибири*. Иркутск: Тип. Губ. ВПО; 1923:87.
Vinogradov GS. *Death and the afterlife in the Russian Siberian old-timers' worldview*. Irkutsk: Gub. VPO; 1923:87 (in Russ.).
7. Успенский Б.А. *Филологические разыскания в области славянских древностей*. Москва: Изд-во Моск. ун-та; 1952:248.
Uspenskiy BA. *Philological research in the field of Slavic antiquities*. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1952:248 (in Russ.).
8. Гуревич А.Я. *Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков*. Тарту: Тартуский государственный университет; 1977;(8):3–27.
Gurevich AY. *Western European visions of the other world and the "realism" of the Middle Ages*. Tartu: Tartu State University; 1977;(8):3-27 (in Russ.).
9. Элиаде М. *Оккультизм, колдовство и моды в культуре*. Киев: София; Москва: ИД «Гелиос»; 2002:224.
Eliade M. *Occultism, witchcraft, and fashions in culture*. Kiev: Sofia; Moscow: Helios; 2002:224 (in Russ.).
10. Монгуш Е.Д. *Функции литературно-мифологической образности в прозе Л. Петрушевской: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Улан-Удэ*: 2014:26.
Mongush ED. *Functions of Literary and Mythological Imagery in the Prose of L. Petrushevskaya: Summary of Candidate's dissertation (Philology)*. Ulan-Ude: 2014:26 (in Russ.).
11. Симон Г.А. *Художественная репрезентация антиномии «Добро/зло» в творчестве Н. Садур: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Улан-Удэ*: 2014:22.
Simon GA. *Artistic representation of the antinomy "Good/Evil" in the works of N. Sadur: Summary of Candidate's dissertation (Philology)*. Ulan-Ude: 2014:22 (in Russ.).
12. Сильчева А.Г., Шерчалова Е.В. Мифологический топос в романах В. Пелевина. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022;15 (10):3174–3178.
Silcheva AG, Sherchalova EV. *Mythological topos in V. Pelevin's novels. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2022;15(10):3174–3178 (in Russ.).
13. Климутина А.С. *Поэтика прозы Анатолия Королёва: текст и реальность: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск*: 2009:18.
Klimutina AS. *Poetics of Anatoly Korolev's prose: Text and Reality: Summary of Candidate's dissertation (Philology)*. Tomsk: 2009:18 (in Russ.).

14. Юрьев Д.Ю. Проза Михаила Елизарова: поэтика и нравственная проблематика: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Краснодар: 2016:28.

Yuriev DYU. Mikhail Elizarov's prose: poetics and moral issues: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Krasnodar: 2016:28 (in Russ.).

15. Восточнославянская сказка. Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. Ленинград: Наука; 1979:437.

East Slavic fairy tales. Compiled by L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, and N. V. Novikov. Leningrad: Nauka; 1979:437 (in Russ.).

16. Елеонская Е.Н. *Сказка, заговор и колдовство в России*. Сб. трудов. Москва: Индрик; 1994:272.

Eleonskaya EN. *Fairy tales, conjurations, and witchcraft in Russia*. Collected works. Moscow: Indrik; 1994:272 (in Russ.).

17. Чистов К.В. *Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.* Москва: Наука; 1967:341.

Chistov KV. *Russian folk social and utopian legends of the 17th–19th centuries*. Moscow: Nauka; 1967:341 (in Russ.).

18. Петрушевская Л.С. *Собрание сочинений*: в 5 т. Харьков: Фолио; Москва: АСТ; 1996;(2):366.

Petrushevskaya LS. *Collected Works*: in 5 Vol. Kharkiv: Folio; Moscow: AST; 1996;(2):366 (in Russ.).

19. Пелевин В.О. *Бубен Верхнего Мира*. Санкт-Петербург: Азбука; 2016:542.

Pelevin VO. *The upper world's drum*. St. Petersburg: Azbuka; 2016:542 (in Russ.).

20. Садур Н.Н. *Вечная мерзлота*: сб. Москва: АСТ; Зебра Е; 2004:349.

Sadur NN. *Permafrost*. Moscow: AST; Zebra E; 2004:349 (in Russ.).

21. Чехов А. *Дама с собачкой*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; 2016: 416.

Chekhov A. *The Lady with the Dog*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2016:416 (in Russ.).

22. Елизаров М. *Pasternak*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2012:304.

Elizarov M. *Pasternak*. Moscow: Ad Marginem; 2012:304 (in Russ.).

23. Королев А. *Дом Близнецов*. Москва: ArsisBooks; 2016:296.

Korolev A. *House of the Twins*. Moscow: ArsisBooks; 2016:296 (in Russ.).

24. Криничная Н.А. «На роду написано»: мифологические рассказы и поверья о домашнем духе как вершители жизненного цикла. *Фольклористика Карелии*: сб. статей. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 1993;(8):4–23.

Krinichnaya NA. "It's Written in My Fate": mythological tales and beliefs about the household spirit as the ruler of the life cycle. *Karelian Folklore*. Petrozavodsk: Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; 1993;(8):4–23 (in Russ.).

25. Еремина В.И. *Ритуал и фольклор*. Ленинград: Наука; 1991:206.

Eremina VI. *Ritual and folklore*. Leningrad: Nauka; 1991:206 (in Russ.).

26. Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Москва: Лабиринт; 2000: 336.

Propp VYa. *Historical roots of the magic fairy tale*. Moscow: Labyrinth; 2000:336 (in Russ.).

27. Иванов В.В. *К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений*: Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский государственный университет; 1977;(8):45–64.

Ivanov VV. *Towards a Semiotic Theory of Carnival as an Inversion of Binary Oppositions*: Proceedings on the sign systems. Tartu: Tartu State University; 1977; (8):45–64 (in Russ.).

28. Гуревич А.Я. «Жизнь после жизни», или Нечто о современности и средневековье. *Знание – сила*. 1990;(11):55–62.

Gurevich AY. "Life after life", or Something about modernity and the Middle Ages. *Knowledge is Power*. 1990;(11):55–62 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОЛМАКОВА Оксана Анатольевна – д. филол. н., доц., проф. каф. русского языка как иностранного, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181X>, SPIN: 9526-3204, Author ID: 565900, post-oxygen@mail.ru

About the author

Oksana A. KOLMAKOVA – Doct. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181X>, SPIN: 9526-3204, Author ID: 565900, post-oxygen@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 04.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 24.04.2026

Принята к публикации / Accepted 30.04.2026

УДК 81-139

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-128-135>

Original article

Practices for interpreting the models of discourse interactions (transdiscursivity) as revealed through discursive strategies

Elena A. Libba

Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

Saransk, Russian Federation

✉ snezhinka_elena@mail.ru

Abstract

The practices of interpreting the concept of discourse can hardly be reduced to some general definitions. Based on the discursive analysis, it is quite pointless to try to finally find a single unified definition of discourse that would be shared by all linguists. Thus, the approach to understanding this term in the field of humanities leads to an analogy with Wittgenstein's concept of family resemblance since each of the interpretations of discourse is related to other concepts which leads to the construction of a complex network. It seems possible to reduce all these interpretations to a “common denominator”, as well as to assert the hypothesis that all these concept-notions underlie an essential and significant area of human activity. Thus, one of the tasks of the article is to examine the sphere of human practices designated by the definition of discourse which represent a very important phenomenon in human communicative activity. Another task is to describe the nature of interaction and interpenetration of discourses in the process of communicative practices. The article does not claim to have the only correct interpretation concerning the concept of discourse and the principles involving interpenetration of its types; the research and academic goals presented are rather an attempt to include several new cells in the already existing conceptual networks which are located in the linguo-philosophical space.

Keywords: discourse, discourse analysis, discourse interactions, discourse ontology, discursive strategies, genre of spoken and written speech, methodology, discourse theory, religious discourse, scientific discourse, speech

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Libba E. A. Practices for interpreting the models of discourse interactions (transdiscursivity) as revealed through discursive strategies. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):128–135. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-128-135>

Оригинальная научная статья

Методы интерпретации дискурсивных взаимодействий (явлений трансдискурсивности), выявляемых посредством дискурсивных стратегий

Е. А. Либба

Российская правовая академия Министерства юстиции РФ,

г. Саранск, Российская Федерация

✉ snezhinka_elena@mail.ru

Аннотация

Практику интерпретации понятия дискурса едва ли можно свести к каким-либо общим определениям. Исходя из дискурсивного анализа, совершенно бессмысленно пытаться окончательно найти единое универсальное определение дискурса, которое разделяли бы все лингвисты. Таким образом, подход к пониманию этого термина в гуманитарных науках приводит к аналогии с концепцией «семейного сходства» Витгенштейна, поскольку каждая из интерпретаций дискурса связана с другими понятиями, что приводит к построению сложной сети. Представляется возможным свести все интерпретации к «общему знаменателю», а также выдвинуть гипотезу о том, что все эти концепции лежат в основе существенной и значимой области человеческой деятельности. Таким образом, одной из задач работы является исследование сферы человеческих практик, обозначаемых определением дискурса, которые представляют собой очень важное явление в коммуникативной деятельности человека. Другая задача – описать характер взаимодействия и взаимопроникновения дискурсов в процессе коммуникативных практик. Статья не претендует на единственно верную интерпретацию понятия дискурса и принципов взаимопроникновения его типов; представленные исследовательские и академические цели скорее являются попыткой включить несколько новых элементов в уже существующие концептуальные сети, расположенные в лингвофилософском пространстве.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, дискурсивные взаимодействия, жанры устной и письменной речи, корпусная лингвистика, методология, научный дискурс, онтология дискурса, религиозный дискурс, речь, теория дискурса

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Либба Е. А. Методы интерпретации дискурсивных взаимодействий (явлений трансдискурсивности), выявляемых посредством дискурсивных стратегий. Вестник СВФУ. 2026;23(2):128–135. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-128-135>

Bakhtin was the first to insist on the need for *metalinguistics*... – a discipline that deals with text and goes beyond the sentence where traditional linguistic analysis ends. The study of *discourse*, or extensive sections of speech, has become an important area of linguistics in recent decades.

It is not entirely clear whether it will be possible to single it out as a special discipline.

V. V. Ivanov

Introduction

At the previous stages of linguistic studies, *discourse* was understood as an area of communicative practices determined by a relatively fixed principle of construction and possessing lexical integrity. It should be pointed out that some conventionality remains due to the fact that the mentioned principle of general unification concerning interpretations of the concept and the boundaries of its subject area is defined very vaguely.

As a result, different discourses come into contact again and again; consequently, at a certain stage of contact, they begin to interact. This is a phenomenon of discourse transformation, or *transdiscursivity*, which will be the subject of special consideration at the subsequent stages of the article.

When considering the essence of discourse as a linguo-philosophical phenomenon, the article primarily proceeds from the interpretation by the scholar P. Serio, later generalized by Y. S. Stepanov [1, p. 35–73]. These scholars understand the phenomenon of discourse as a “language within a language”.

One of the central factors that caused this complex process, which has been intensively developing since the beginning of the 21st century, was the equally rapid development of discourse analysis itself as a comprehensive area within humanities.

M.M. Bakhtin also pointed out the need to study discursive space and to single it out as a specific scholarly field: “Bakhtin was the first to insist on the need for “metalinguistics” [...] — a discipline that deals with text and goes beyond the sentence where traditional linguistic analysis ends. The study of “discourse”, or extensive sections of speech, has become an important area of linguistics in recent decades. It is not entirely clear whether it will be possible to single it out as a special discipline” [2, p. 48]. Later, R. Barthes proposed the term *translinguistics* [3].

The basis for the conclusions about the role of discourse analysis in methods involving the teaching of language for professional purposes, as well as in the theory and practice of translation, were the studies of G. Bouchard, S. Brown, D. Gaskell, L. Gavioli, R. Carter, S. Carter-Thomas, T. Cobb, M. McCarthy, K. Hyland, and S. Hunston.

When conducting discursive analysis, this article relied on fundamental ideas and concepts of different scholars in the following areas:

- discursive analysis (V.I. Karasik, A.A. Kibrik, L.P. Ryzhova, V.I. Tyupa, V.E. Chernyavskaya, J. Swales, T.A. van Dijk, N. Fireclough, V.K. Bhatia) – a discursive approach to text analysis;
- communication theory (E.V. Aleshinskaya, E.V. Klyuev, G.G. Pocheptsov, A.M. Cheremisin, A.N. Yakubov) – development of a model of a communicative act;
- genre studies (L.G. Antonova, M. Voytak, V.V. Dementyev, L.R. Duskaeva, L.A. Zemtsova, I.V. Sherstyanykh) – typology and pragmatics of genres;
- pragmalinguistics (L.G. Vikulova, M.R. Zheltukhina, J. Austin, S.N. Plotnikova, E.F. Serebrennikova, J.R. Searle, J.S. Stepanov) – analysis of speech practices of interaction and influence.

Additionally, the study establishes that the use of various semiotic elements and mechanisms in a text indicating its categorization to a particular type of discourse.

Hopefully, the data obtained as a result of this research will contribute to the application of linguistic studies which seems to be urgent and primarily important.

Models of transdiscursivity in the religious and scientific discourses

To explain the problem considered in this article, it seems appropriate to characterize the ideal discourse: this investigation considers its fundamental characteristics to be internal unity with discrete boundaries.

The ideal discourse has four models of interaction: the conflict model, the synthesis model, the complementarity model, and the non-intersecting paths model [4, p. 1-30]. These four models are a paradigm that contains essential forms of transdiscursivity that seem possible for other discourses as well.

The first of these models – the conflict model – implies that the scientific and religious discourses are fundamentally incompatible and forms the foundation of the above-mentioned elimination project. In this regard, it should be pointed out that this model is widespread in the scientific and pseudo-scientific communities.

However, the Christian community has traditionally adopted a colonization strategy based on the synthesis model. The colonization model can be indeed regarded as a form of the synthesis model. The forms and types of colonization strategy within the framework of the religious discourse are “extremely numerous and diverse” [5, p. 27].

In the Christian discourse, this situation appears to be in many ways more complex than in the moral discourse where the very nature of colonization is often unexpected.

The initial premise is that the subject areas of both discourses are essentially identical; it follows that the ideas about the world revealed within the framework of the Christian discourse must correspond to scientific theories – “the nature of the correspondence, however, can be completely different” [6, p. 312].

An attempt to synthesize the two discourses was undertaken in medieval universities (in the area of scholasticism); this synthesis was based on the strategy of colonizing the scientific discourse by the religious discourse.

The objectives of this study include substantiating the hypothesis that any synthesis to one degree or another represents colonization – its subjects can be different.

Thus, it should be taken into account that, along with the presence of common subject areas, synthesis implies a “commonality of methodologies” [7, p. 92]. As a rule, this circumstance is not expressed directly and explicitly yet harmonization seems unattainable without this unification.

In other words, the correlation of two discourses and, moreover, their unification into a synthetic discourse becomes obvious only when methods of constructing objects implemented in them are consistent with each other. This article regards this phenomenon as a function of a connecting link, consequently uniting the two discourses.

The basis for this unification is the special role of metaphysics which partly reproduces the scientific discourse due to its being engaged in ideal modeling.

Thus, the scientific and religious discourses produce a unity by metaphysical discursive strategies with the help of their rational methods. “These methods are essentially quasi-rational” [8, p. 173] since it seems impossible to limit rationality to ideal modeling alone.

In this case, the conflict that could potentially lead to the elimination of one of the discourses and colonization are completely removed; however, at the same time, any interaction at all is excluded. Such a neutral relationship between the two discourses was developed by William of Ockham who fundamentally separated them, pointing out, firstly, the fundamental discrepancy between the subject areas, and secondly, the radical difference in the methods they use. The article does not focus on a detailed examination of Ockham's concept which would be a subject beyond the frameworks of the present research.

However, in such a situation, there is no need to talk about transdiscursivity as a phenomenon; the complementarity model in this regard turns out to be much more useful – its emergence should, in all likelihood, “be associated with the above-mentioned post-secular era” [9, p. 134].

The essence of the complementarity principle can be generally defined as an attempt to explain the relationship between man and the world in two ways: religious and scientific. It seems indisputable that both elimination and colonization are also examples of transdiscursivity to a certain extent although the article considers them as degenerate forms.

Communities that have adopted such strategies do not find it desirable for several discourses to exist simultaneously [10]; as a result, they strive to find such forms of transdiscursivity which will enable transformation from several discourses into one.

In the context of religion and science, the principle of complementarity has obviously not yet been fully understood as an essential and especially relevant possibility of interaction for the post-secular era. Despite the fact that many scholars have addressed the principle of complementarity, it was considered mainly in the theoretical or ideological aspect, i.e., researchers focused their attention primarily on its ontology [11, p. 79].

In some cases, the subject of consideration was methodology as a set of approaches to the disclosure of discourses and modeling of the corresponding subject areas. It seems highly doubtful that communication based on such principles exists; therefore, in all probability, it is only possible to speak of transdiscursivity in the proper sense of the word in relation to religion and science. B. A. Voskresensky made one of the few attempts of this kind: in his work, he examines the principle of complementarity within the framework of moral, Christian, and psychiatric discourses [12, p. 63–76]. However, transdiscursivity has a direct relationship to the interaction of communities; therefore,

true complementarity can only be discussed in terms of real communication between the Christian and scientific communities in which their identity and autonomy are not violated.

In relation of the non-intersecting paths model, at present, modern philosophers and psychologists question the stage-by-stage nature of this pattern, including non-discursive practices as a part of this; nevertheless, it seems entirely legitimate to speak of the following types of thinking reflecting the non-intersecting paths model [13].

In this connection, the American philosopher William James wrote: "The history of philosophy is to a large extent a clash of certain psychological temperaments [...] In reality, temperament influences the course of a philosopher's thoughts incomparably more strongly than any of his objective premises. The significance and persuasiveness [...] of certain arguments depend on temperament. The philosopher seeks a world that would correspond to his temperament and therefore believes in any picture of the world that suits it. He feels that people of the opposite temperament are not in harmony with the true essence of the world" [14, p. 11–12].

Further, James provides a comparative table of the qualities of "soft" and "hard" type thinkers; later, Carl Gustav Jung borrowed James' idea.

In his work *Psychological Types*, Jung called the "soft" type introverted and the "hard" type extroverted. According to James, the "soft" type is distinguished by monism (a tendency to view the world as a unity), while the "hard" type is a pluralist [14, p. 73]. This idea echoes the famous essay by J. Berlin "The Hedgehog and the Fox": "The fox knows many secrets, the hedgehog knows one – the most important one" [15, p. 185]. According to James, the "soft" type is also distinguished by idealism. In this regard, the article points out that at present there is no ideological ban on such a worldview which contributes to the spread of the teachings of idealists who believe in God, the immortal soul, and the metaphysical "subtle world".

In order to consider the essence of the ontology of the scientific discourse, it seems appropriate to recall the idea of regions of being developed by E. Husserl; in light of this concept, discourse appears as a phenomenon that reveals the semantic structures of a given region, based on the initial eidetic foundation. Husserl analyzes the mechanisms of this process in his work *The Beginning of Geometry* [16]. The basis of a specific area of the scientific discourse is ideal objectivity which further varies in the implementation concerning various acts of consciousness.

This is I. Kant's [17] analysis of productive imagination, according to which imagination itself, as described by the philosopher in the form of a "blind faculty", is non-discursive in nature. Imagination appears as a faculty of the soul that creates images in human consciousness based on certain schemas.

Thus, the phenomenon of discourse should be considered in its real manifestation in the form of types and in the course of their interaction and interpenetration (in the process of discourse transformation or transdiscursivity).

Results

This article was the result of scientific and practical necessity, first of all, due to the fact that since the beginning of the 21st century, significant changes have occurred in communicative linguistics, linguo-philosophy, theory and practice of translation, as well as methods for teaching of foreign languages for professional purposes.

Presently, new areas of linguistic research are developing quite intensively which have brought great changes to the field of humanities in general and to linguistic practice in particular [18, p. 19]. In this regard, this article considered discourse analysis on theoretical material as well as on a number of linguo-communicative practices which showed discourse analysis to be the most important factor in the development of modern linguistics and its related areas (such as linguo-philosophy).

Thus, discourse is speech immersed in life: the life context of discourse is modeled in the form of frames (typical situations) or scenarios (emphasizing the development of situations) [20, p. 21]. The article draws attention only to a relatively little-studied topic – discourse as a phenomenon of the linguistic and philosophical fields at the intersection of their spaces as regarded in the light of discursive interactions, analyzing the four models involving them.

With regard to the Christian discourse, it should be pointed out that in its nature one component can be traced which appears as inherent in this discourse itself (as a specific element). However, with a deeper analysis, this component can also be found in the scientific discourse.

This approach to the discourse interactions contributes to the awareness of a certain cyclical structure in its evolution, similar to the structure of the hermeneutic circle; it seems that the disclosure of its essence is realized in the process of solving specific linguo-philosophical problems associated with discourse.

Conclusion

A comprehensive study of the axiological nature of discursivity as a universal phenomenon from the standpoint of linguo-philosophy, sociolinguistics, and pragmalinguistics, as well as qualitative and quantitative discourse analysis, allowed the following conclusions to be drawn. Language communication, initially studied within the framework of narrow linguistic disciplines, became, at the beginning of the 21st century, the subject of study within interdisciplinary fields of knowledge – in particular, in linguo-philosophy.

In connection with the study concerning supra-linguistic layers of communication, the concept of discourse has begun to develop intensively which is defined in the article as a social practice denoting specific ways of representing various aspects of communication. The basis of discourse is a communicative act as a linguistic phenomenon. The linguo-philosophical approach to the study of discourse made it possible to identify various discursive genres that arise as a result of communicative events. The diversity involving communicative situations pertaining to this type contributes to interaction between types of discourses and their interpenetration.

The article points out that discourse interactions produce a whole system of objects while preserving their original meanings. Consequently, the disclosure of this ontology is a continuous clarification of knowledge about an aspect of reality significant for an individual. The initial idea, the pre-scientific grasp of the subject, is the fundamental foundation, which perhaps, has not yet formed the subject of objectifying analysis.

In connection with the breadth of Christianity's coverage as a religion and ontological form of thinking within huge scales of cultural and historical spaces, one of the most important tasks involving this research is to consider the Christian discourse as a phenomenon existing in the religious discourse.

Furthermore, the article states that there is a discursive community with its social institutions where the interactions between discourses can be traced clearly. This refers to all the four patterns or models of the discourse interactions. It is obvious that this common ontological basis seemingly unites and relates different types of discourse.

Non-discursive practices cannot be reduced to the mental sphere since they cover bodily, sensory-objective, and, apparently, spiritual components as well. In this regard, it should be noted that the objectivity of discourse, which underlies its ontology, appears precisely in the non-discursive area where it is actualized with the aim of being realized in discourse as something quite definite and expressible by linguistic devices.

However, in the sphere of religion, the relationship between discursive and non-discursive components seems especially significant for the reason that discourse is closely connected with the area of the inexpressible by means of language.

References / Литература

1. Stepanov YS. Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Causality. *Language and Science of the Late 20th Century*. Moscow: RGGU; 2005:35-73 (in Russ.).

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности. *Язык и наука конца XX века*. Москва: РГГУ; 2005:35-73.

2. Ivanov NV. Intertext – metatext: culture, discourse, language. *Language contexts: structure, communication, discourse: materials of the interuniversity scientific conference on current problems of language and communication*. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow: Book and Business; 2007:43–50 (in Russ.).

Иванов Н.В. Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык. *Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс: материалы межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации*. Военный университет Министерства обороны РФ. Москва: Книга и бизнес; 2007:43-50.

3. Barthes R. *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress; 1989:616 (in Russ.).

Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. Москва: Прогресс; 1989:616.

4. Harris ZS. *Discourse analysis*. The structure of language: Readings in the philosophy of language. Englewood Cliffs. London; New York: Longman; 1952:28(1):1-30.

5. Serio P. *How texts are read in France*. The quadrature of meaning: The French school of discourse analysis. Moscow: Progress; 1999:14-53 (in Russ.).

Серио П. *Как читают тексты во Франции*. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Москва: Прогресс; 1999:14-53.

6. Nikolaeva TM. Text Linguistics. Current State and Prospects. *New in Foreign Linguistics*. Issue 8: Text Linguistics. Moscow; 1978:479 (in Russ.).

Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8: Лингвистика текста. Москва; 1978:479

7. Mironova NN. *Discourse analysis of evaluative semantics*. Study guide. Moscow: NVI THESAURUS; 1997:158 (in Russ.).

Миронова Н.Н. *Дискурс-анализ оценочной семантики*. Учебное пособие. Москва: НВИ ТЕЗАУРУС; 1997:158

8. Dijk TA. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 2010:287

9. Karaulov YuN. *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI Publishing House; 2010:264 (in Russ.).

Караулов ЮН. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Изд-во ЛКИ; 2010:264.

10. Dem'yankov VZ. *Morphological interpretation of text and dictionary structure*. Questions of cybernetics: Communication with a computer in natural language. Moscow: Scientific council on the complex problem "Cybernetics"; 1982:75–91 (in Russ.).

Демьянков В.З. *Морфологическая интерпретация текста и структура словаря*. Вопросы кибернетики: Общение с ЭВМ на естественном языке. Москва: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика»; 1982:75-91

11. Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford: Oxford Blackwell; 1983:272.

12. Voskresensky BA. The Doctor as a Wounded Aesculapius. *The Light of Christ Enlightens All: Almanac of St. Philaret. Orthodox Christian Institute*; 2014(10):63-76 (in Russ.).

Воскресенский Б.А. Врач как раненый Эскулап. *Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретов. Православно-Христиан. ин-та*; 2014(10):63-76.

13. Karasik VI. Discursive manifestation of personality. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*; 2016;20(4):56–77 (in Russ.).

Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика*; 2016;20(4):56-77

14. James, W. *Pragmatism*. St. Petersburg: Rosechip: 1910;244 (in Russ)
Джеймс У. *Прагматизмъ*. Санкт-Петербург: Шиповникъ: 1910;244.
15. Berlin I. *History of Freedom*. Russia. Moscow: New Literary Review, 2001; 544 (in Russ.).
Берлин И. *История свободы*. Россия. Москва: Новое литературное обозрение, 2001;544.
16. Husserl E. *The beginning of geometry*. Moscow: Ad Marginem: 1996;268 (in Russ.).
Гуссерль Э. *Начало геометрии*. Москва: Ad Marginem: 1996;268.
17. Kant I. *Complete Works of Immanuel Kant*. Grapevine Books: 2024;326
Кант И. *Полное собрание сочинений Иммануила Канта*. Grapevine Books: 2024;326.
18. Foucault M. *Archeology of knowledge*. Kyiv: 1996;513 (in Russ.).
Фуко М. *Археология знания*. Киев: 1996;513.
19. Conte O. *The Positive Philosophy*. Moscow: Phoenix: 2003;256 (in Russ.).
Конт О. *Дух позитивной философии*. Москва: Феникс: 2003;256.
20. Gasparov B.M. *Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie: 1996;352 (in Russ.).
Гаспаров Б.М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое Литературное Обозрение: 1996;352.
21. Kibrik A.A. Mode, genre and other parameters of discourse classification. *Voprosy yazykoznanіya*. 2009;(2):3–21 (in Russ.).
Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*. 2009;(2):3-21.

About the author

Elena A. LIBBA – Cand. of Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Saransk, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0001-7203-4491>, e-mail: snezhinka_elena@mail.ru

Сведения об авторе

ЛИББА Елена Александровна – к. филос. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «Российская правовая академия Министерства юстиции РФ», Саранск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0001-7203-4491>, e-mail: snezhinka_elena@mail.ru

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию / Submitted 06.01.2025

Поступила после рецензирования / Revised 09.12.2025

Принята к публикации / Accepted 13.01.2026

УДК 821.512.156

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-136-147>

Оригинальная научная статья

Этнопоэтика образа Горы в поэзии основоположников тувинской литературы

Т. Х. Назынчап

Тувинский государственный университет, г. Кызыл, Российская Федерация

✉ taigana82@mail.ru

Аннотация

Выявление этнопоэтической специфики художественного слова представляется необходимым при изучении литератур народов Российской Федерации для осознания их особой модели развития в XX веке, создания новой концепции в общем контексте развития традиционной культуры в эпоху модернизации. В связи с этим актуальна разработка проблемы этнопоэтики в творчестве основоположников национальной литературы как фактора, определяющего своеобразие их художественного мышления и стиля, идейно-художественной структуры произведений. Цель исследования – изучение символического образа Горы, репрезентирующего этнопоэтическую основу художественного мира в поэзии основоположников тувинской литературы. В статье изучаются поэтические произведения Степана Сарыг-оола, Сергея Пюрбю, Салчака Тамба, Василия Эренчина. Начало творческих исканий этих писателей совпало с годами становления, утверждения, развития нового социалистического строя, на время коренной ломки традиционной жизни тувинцев – исконных кочевников. Искусство письменного художественного слова в Туве развивалось в контексте становления новой общественной системы, модернизации всех сфер жизни. В работе применены сравнительно-исторический, структурно-семиотический методы, для целостного представления этнической модели мира и ее трансформации в поэзии использован также интертекстуальный подход. Основоположники тувинской литературы начали писать в годы атеизма, но несмотря на это, они сумели ненавязчиво выразить в своих произведениях золотые крупницы национальной действительности, этнического образа жизни, народного многовекового опыта. Национальная картина мира ярко выражена в стихах, посвященных малой родине поэтов. Этнопоэтический образ Горы в стихах тувинских авторов в наибольшей части является символом возрождения, жизненной силы, материнского начала. При создании символа Горы писатели часто обращаются к традициям фольклора, мифологии, укорененной в их памяти.

Ключевые слова: тувинская литература, поэзия, идейно-художественная структура, этнопоэтика, лирический герой, художественное пространство и время, интертекстуальный подход, образ-символ, архетип, художественный мир

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Назынчап Т. Х. Этнопоэтика образа Горы в поэзии основоположников тувинской литературы. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):136–147. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-136-147>

Original article

Ethnopoetics of the Mountain's image in the poetry of the founders of Tuvan literature

Taigana Kh. Nazynchap

Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation

✉ taigana82@mail.ru

Abstract

Identifying the ethnopoetic specifics of artistic expression is essential when studying the literature of the peoples of the Russian Federation to understand their unique development patterns in the 20th century and to develop a new concept within the overall context of traditional culture in the era of modernization. Therefore, it is important to explore the problem of ethnopoetics in the works of the founders of national literature as a factor determining the distinctiveness of their artistic thinking and style, as well as the ideological and artistic structure of their works. The purpose of this study is to examine the symbolic image of the Mountain, which represents the ethnopoetic foundation of the artistic world in the poetry of the founders of Tuvan literature. This article examines the poetic works of Stepan Saryg-ool, Sergei Purbyu, Salchak Tamba, and Vasily Erenchin. The beginning of these writers' creative quests coincided with the formation, consolidation, and development of the new socialist system, a time of radical upheaval in the traditional life of the Tuvans – primordially nomadic people. The art of written language in Tuva developed in the context of the emergence of a new social system and the modernization of all spheres of life. This work employs comparative-historical and structural-semiotic methods, while also employing an intertextual approach to provide a holistic presentation of the ethnic model of the world and its transformation in poetry. The founders of Tuvan literature began writing during the atheist era, yet despite this, they managed to subtly express in their works the golden nuggets of national reality, the ethnic way of life, and the people's centuries-old experience. This national worldview is vividly expressed in poems dedicated to the poets' Native Land. The ethnopoetic image of the Mountain in Tuvan poetry is largely a symbol of rebirth, vitality, and maternalism. When creating the symbol of the mountain, writers often draw on folklore and mythology ingrained in their memories.

Keywords: Tuvan literature, poetry, ideological and artistic structure, ethnopoetics, lyrical hero, artistic space and time, intertextual approach, image-symbol, archetype, artistic world

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Nazynchap T. Kh. Ethnopoetics of the Mountain's image in the poetry of the founders of Tuvan literature. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):136–147. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-136-147>

Введение

Идея этнопоэтики появилась еще в XVI в., поэт и критик Н. Буало в своем трактате «Искусство поэзии» одним из первых дал постановку данного вопроса. Он подчеркнул важность исторических особенностей и местного колорита при создании образов:

Герою своему искусно сохраните
Черты характера среди любых событий.
Его страну и век должны вы изучать:
Они на каждого кладут свою печать [1, с. 81].

В середине XX века Джек Ротенберг, Деннис Тедлок предложили новые принципы изучения поэзии американских индейцев. Предлагая термин *ethnopoetics*, авторы подразумевают этническую поэзию, которая берет свое начало в древних и автохтонных культурах и находящуюся вне западной традиции. Также их специальной задачей была реконструкция устных преданий, утраченных в бесписьменных языках, но сохранившихся в переводных записях на английском языке [2].

Изучение этнопоэтики в литературах России в настоящее время является весьма актуальным, т. к. выявление национальной специфики искусства в его частных проявлениях представляет собой важное направление в сфере гуманитарной мысли. В литературоведении XXI в. при обращении к национальным литературам России выявляется аспект этнопоэтики как способ нового осознания произведений, написанных в рамках социалистического реализма, для определения их места в истории национальной литературы. Большой вклад в развитие данного подхода в изучении региональных литератур внесли такие ученые как Г. Д. Гачев, В. М. Гацак, У. Б. Далгат, Р. Г. Бикмухаметов, С. Ж. Балданов, С. И. Гармаева, И. В. Булгутова и др. Как отмечает Г. Д. Гачев, любая национальная литература – это свой «мир-в-себе», своя «картина со своим „космо-психо-логосом“», выявляющимся через сюжеты, образы, типы героев» [3].

Искусство письменного художественного слова в Туве развивалось в контексте становления новой общественной системы, модернизации всех сфер жизни. Начало творческих исканий этих писателей совпало с годами становления, утверждения, развития социалистического строя, на время коренной ломки традиционной жизни тувинцев – исконных кочевников. В настоящей работе впервые рассматривается функционирование этнопоэтических традиций, осмыслена роль мифосознания в поэтических произведениях основоположников тувинской литературы, написанных в «новое» время.

Предметом нашей работы являются лирические произведения основоположников тувинской литературы – Степана Агбаановича Сарыг-оола, Сергея Бакизовича Пюрбю, Салчака Одекеевича Тамба, Василия Лудуповича Эренчина.

Методология работы основана на принципах сравнительно-исторического литературоведения. Структурно-семиотический метод позволяет обосновать, что глубокое чувство писателями родного языка способствует созданию к тексту этно-эстетический код, раскрывающий основу мифосознания авторов. Для целостного представления этнической модели мира и ее трансформации в поэзии необходим также интертекстуальный подход. В произведениях выявлен образ-символ Горы, который дает возможность проникнуть в корневые элементы эстетико-семиотических пластов их художественного мира.

Начало творческих исканий поэтов: контекст времени

Художнику, находящемуся у истоков национальной литературы, требовалось осознать судьбу своего народа в сложное историческое время революционных перемен, войны, мировых социальных катаклизмов. Такая же тенденция наблюдалась и в национальных литературах других регионов, исследователи бурятской литературы В. Ц. Найдаков и Г. О. Туденов отмечают: «Иногда замена только отдельных слов и стихов давала разительные результаты – такова природа устной импровизации. Например, в эхорных песнях и частушках обновление одних припевов поднимало идейно-политический уровень всего цикла» [4, с. 132].

Но национальное «художественное мышление развивалось под воздействием богатейшего фольклора... Сходство наблюдается в том, что в фольклоре народов Сибири всегда дается целый сонм образов из мира природы, из космических и

земных явлений, сходство видится в композиционных приемах, в самой концепции, в характере исполнения и в целом во всей структуре произведений» [5, с. 147].

Исследователь тувинской литературы Д. С. Куулар пишет: «сочетая повествовательные разговорные и песенные элементы стихосложения, творчески синтезируя формы, интонации устного поэтического творчества, а также русской поэзии и поэзии других национальностей, тувинская письменная поэзия постепенно приобретает черты самостоятельного литературного жанра» [6, с. 21].

Национальное в художественном мире конкретного писателя определяется в первую очередь его восприятием народной жизни, движением его мысли по орбите древности и современности. Художественный принцип отбора писателем народных традиций, воспроизведение этнической модели мира раскрывают своеобразие его национального творческого мышления. Национальное – это «взгляд на мир глазами своего народа» [7, с. 34]. Чем национальное видение самобытнее, как пишет Ю. Б. Борев, тем больше оно «имеет в себе драгоценной, неповторимой и никем не заменимой общезначимой художественной информации и опыта отношений. Но оно одновременно тем общезначимее, тем ценнее, ... чем более тесно национально-самобытное смыкается с общечеловеческим, интернациональным» [8, с. 48]. Также М. М. Бахтин, отвергая мысль Шпенглера о замкнутых и завершенных культурных мирах, говорит, что «единство определенной культуры – это открытое единство» [9, с. 506]. Следовательно, чем глубже литературное произведение впитывает в себя духовные ценности отдельно взятого народа, тем более оно выступает общезначимым, интернациональным.

В основе национального мировидения лежат осмысление народом Вселенной, самоориентация человека в ее категориях пространства и времени, отношение его к окружающей природе, следовательно, – результат многовекового опыта народа, отразивший самобытность духовного, исторического развития этноса, этно-психологический склад мышления, что определяет неповторимость его культурных традиций. А эти самые абсолютные идеи порождают собственно искусство.

Основоположники тувинской литературы сумели выразить национальную действительность, этнический образ жизни. Национальная картина мира ярко выражена в стихах поэтов о малой родине.

Образ-символ горы в поэзии Степана Сарыг-оола

Этнопоэтика образа малой родины в стихах основоположников тувинской литературы ярко выражена через символические образы *Гор*. Гора неотделима от образа родной земли, она как священное вертикальное пространство встречается в поэзии С. Сарыг-оола, С. Пюрбю, С. Тамба, В. Эренчина и других. В поэзии Степана Сарыг-оола, народного писателя Тувы, особое место занимают стихи, посвященные образу земли, где он родился и вырос. Особой теплотой и любовью к родной земле выделяются такие стихи автора, как «Дус-Даг» («Дус-Даг»), «Торгалыымны» («Мой Торгалыг»), «Байлак, чараш Хандагайтым» («Мой благодатный, красивый Хандагайты»), «Кожай биле Торгалыг» («Кожай и Торгалыг»), «Тандының суу» («Вода Танды»), «Дыт» («Лиственница»). Образ родной Тувы представлен в стихах «Бай-ла Хемчиим» («Мой богатый Хемчик»), «Чагытай» («Чагытай»), «Улуг-Хемниң оглу мен» («Я сын Улуг-Хема»), «Ынак черим» («Любимый мой край»), «Байлак чуртум» («Моя благодатная родина»), «Чагытай» («Чагытай»), «Чадаананың сады» («Сад Чадааны»), «Даартагы Кызыл» («Завтрашний Кызыл»). Лирический герой прославляет и свою Отчизну, Родину, он горд, что является частью большой семьи Советского Союза: «Совет эвилелиниң хамаатызы мен» («Я гражданин Советского Союза»), «Москвамга» («Моей Москве»), «Советтиг Тыва» («Советская Тува»).

Высокие скалистые горы, хребты изображены как живые – с душой, чувствами, эмоциями. Например, С. Сарыг-оол так олицетворяет образ Горы в стихотворении «Тандының суу» («Вода Танды»):

Хадак булут баштаңгылыг, ногаан тоннуг,
Каан дээрде тейи дегген Кадын сыннын
Хөңнү чазык — хүлүмзүргей шырай-арны,
Көрүнчүкке көрдүнгөн дег, тода дүшкен ... [10, с. 14].
(В зеленом халате и с фатой как белый кадак,
Вершины горы Кадын касаются ясных небес,
Ее (горы) душа добрая, лик улыбчивый,
Она глядела в речную даль – как в себя в зеркало).

Здесь гора ассоциируется с женским образом Кадын из народного эпоса. Она как прекрасная невеста в свадебном образе, и не в обычной фате – фата отождествляется с сакральным образом хадак. И душа ее добрая – лирический герой восхищается ее ликом, улыбкой. Образ-символ Гор у тувинского народа традиционно является символом возрождения, материнского начала. Так, легенда о волчице, родоначальнице тюрков, гласит, что волчица находит убежище именно в горах Алтая и там, в пещере, рождает своих сыновей.

Еще одним произведением, репрезентирующим этнопоэтику образа Гор С. Сарыг-оола является стихотворение «Дагның оглу» («Сын гор»).

Кашпал хемнер чурттуг болгаш,
Хая-дашка ынаам хөлчөк.
Огжам шораан көргенимде,
Омаам хайныр, сеткил сергээр [11].
(Люблю я крутые скалы и горы,
Быть может, потому что был рожден в ущелье.
Когда вижу скалистую гору (отвесную)
Дух поднимается, вдохновение приходит).

Поэт передает эстетику сверхчувственных представлений лирического героя. Горы – один из сокровенных, родных и близких к сердцу истоков, который дает энергию, вдохновение. Сарыг-оол родился и вырос среди гор Өвүр, так внешний мир остался, запечатлелся в его памяти картиной высоких гор.

Көшке дамчып, хорум кырлап,
Көрбөс, барбас черим ховар.
Аң-мең изи, турлаа туржук
Ада-өгбөм изин көөр мен [11].
(По камням, обвалам гор
(повсюду) бываю там, влекут меня горы
Следов звериных прочитав узор
Вижу там даже следы моих предков).

Образ-символ Горы в этих строках регенерирует память предшествующих поколений и имеет иконические элементы архаики. Топос Гор часто встречается также в прозаических произведениях Сарыг-оола. Он «предстает как сакральное место спасения, убежища. Например, после посещения могилы матери от страха, духовного изнеможения Ангыр-оол ищет убежище в горах» [12, с. 61].

Внутренняя одухотворенность героя насквозь пронизывает весь текст стихотворения. На вершине горы лирический герой любит красоту родных простор, его охватывает чувство гордости, свободы. Он един с природой, в горах ему приходит прилив сил:

Кашпал дүүндөн өрү көөр мен.
Хартыгага адааргаар мен.
Эңгиведен куду харааш,

Эзир ышкаш чоргаар ийик мен [11].
 (Смотрю на вершины древних гор
 Любуюсь как парит сокол.
 Взбираюсь по крутизне нередко –
 Горд я как свободный орел).

Высота, обращенная в небеса, солнце, луну имеет, по представлению лирического героя, сверхъестественность, мощь, силу, таинство. Образ сокола символизирует храбрость, ум, ловкость. Подобно соколу герой устремлен в движение, он открыт новым горизонтам и знаниям. Из биобиблиографических данных известно, что С. Сарыг-оол – мальчик, ставший в раннем детстве сиротой, скитался по разным аалам, прошел много испытаний на своем пути. И он подобно соколу в выше приведенном примере, храбр, оптимистичен, никогда не терял и не расставался с любовью к жизни, с верой в хорошее, он был «воином» на поле трудностей в его жизни и истории, и как результат – он стал народным писателем, чьи произведения, в которых запечатлена его любовь к родной земле, переведены на многие языки.

«Эзир ышкаш чоргаар ийик мен» («горд я как свободный орел») – в этой строке показана самоидентификация героя – он неотделим от природы родной земли, видит себя частью, земля – это его мать, дом, вселенная. Тут орел символизирует родину, справедливость и свободу, которая необходима каждому человеку, особенно потомку кочевника.

В этих произведениях образ орла мифичен, орел – «... символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия» а также один из «символов богов и их посланец» [13, с. 258]. Стихотворение написано в 1972 году, в более поздний период творчества писателя образ орла, сравнение лирического героя с орлом приобретают значение мудрости.

Символический образ Горы в стихах о малой родине Сергея Пюрбю

Образ Горы как этнопоэтический символ интерпретируется также в поэзии народного писателя Тувы, одного из основоположников национальной литературы – Сергея Бакизовича Пюрбю. Первый председатель Союза писателей ТНР, талантливый певец своего народа, земли, основоположник тувинского литературоведения С. Пюрбю родился в местечке Эжжиг Бээзи кожууна Танну-Тувы (ныне Улуг-Хемского кожууна РТ). Его творчество (лиро-эпические, прозаические, драматические произведения) завоевало любовь, признание читателей и критиков тувинской литературы. Но именно изучению его стихотворений о малой родине посвящено мало работ, нет исследований, раскрывающих этноэстетическую основу его художественных воззрений в стихах о малой родине.

В стихотворении «Кара-Суг» С. Пюрбю образ Горы, так же и как выше в проанализированном произведении С. Сарыг-оола, перекликается с образом орла, что свидетельствует о мифопоэтических корнях художественного мышления.

Кара эзир хонгаш,
 бараан хараар
 Кадыр туруг баарынга
 Чокпак кара,
 ыштыг
 самдар өгге
 Чолдак кадай мени төрээн [14, с. 59].
 (У черного, скалистого утеса
 Куда прилетал черный орел (обозревал сверху)
 В бедной,
 ветхой юрте
 Меня родила женщина невысокая).

Рождение человека, мать, скалистый утес, юрта – эти образы по-особенному передают сакральность мировосприятия. Как сказитель эпоса, лирический герой не спеша, немногословно рассказывает о своих самых сокровенных святынях – о начале начал. Раньше в народе говорили «кончуг эр хая баарынга төрүттүнер, хая баарынга өлүр» («настоящий (сильный духом и телом) мужчина рождается у горы, уходит в иной мир у горы»). Для кочевников Гора – это не только природа, но и часть жизни, души.

В стихотворении автора мать и родная земля представлены как две сокровенные ценности. Писатель рано простился со своим самым близким человеком – матерью, в тексте чувствуется чистая, сильная любовь сына к матери, его переживания и сожаления. Свою любовь, которую он не мог передать маме при жизни, он дарит родной земле:

Авамга
мээң
чедир илеретпээн
Артып калган ынакшылым
Дөгerezин
чүрээм ханызындан,
Төрээн черим,
сеңээ берейн [10, с. 32].
(И всю любовь,
что передать не мог
я своей матери,
От глубины
сердца моего
Несу тебе, мой край родной!).

Образы матери, места, где он родился, скалистого ущелья, юрты и орла в стихотворении С. Пюрбю этнопоэтичны и архетипичны. Лирический герой ассоциируется с главными героями народных сказок, которые рождаются в ветхом жилище (юрта, чадыр) и имеют тотем – часто мифическую птицу.

Глубинный эстетический смысл стихотворения С. Пюрбю «Мөңгүн-Тайга» также достигается образом-символом Горы, при интерпретации которого прослеживается единение человека и природы. Лирический герой одухотворяется силой таежной красоты, поклоняется Мөңгүн-Тайге:

Мөңгүн ышкаш чайыннанып чырып ойнаан
Мөңге меңги чанын орта үнүп келдим.
Арыг салгын сырыннары, ошкаан ышкаш,
Арным суйбап, хөрээм долуп, уткуп алды [14, с. 68].
(Я поднялся, стою у вечных ледников,
сияющих, сверкающих словно серебро.
Свежий ветерок, будто поцеловав мое лицо,
Встретил меня, наполнив мне грудь).

Топоним буквально переводится как «Серебряная тайга», автор трепетно передает в своем стихотворении ее величие и благородство. Лирический герой естественно и ощутимо созерцает неопишемую красоту гор.

Олча тепкен кара эзир дүп чок ханы
Ойну өрү далаш чокка ужуп келгеш,
Туман-биле, богаа ышкаш, орааттыган
Туруг хая хөрээнде кээп, хонуп алды [14, с. 68].
(Чернокрылый орел со своей добычей (в когтях)
Над глубоким ущельем неспеша проплыл.

И сел наверху скалистого ущелья,
Укутавшегося как мех туманом).

Священное вертикальное пространство, соединяющее Небо и Землю, символизирует глубокое духовное начало. Символический образ Гор в поэзии С. Пюрбю объединяет профанный и сакральный миры. В поэзии писателя Горы как обиталище небесных и тотемических прародителей выступают в качестве священного воплощения.

Өртемчейде мөңгө чүве турар эвес:
Өзүп төрүүр, элөп кырыыр, өлүп чидер,
Мөңгүн-Тайгам кайгап ханмас чараш, чаагай,
Мөңгө чалыы кылаңайнып хевээр турар [10, с. 30].
(В мире все минует, меняется:
Цветет, размножается, исчезает, уходит.
Но неописуемая, благодатная красота Мөңгүн-Тайги
Вечно будет сверкать, не пройдет никогда!).

Временные аспекты раскрываются в романе пространственными категориями, «пространство осмысливается и соизмеряется временем» [15, с. 10]. Следовательно, образ-топос Гор как показатель вечности связывает связь поколений и времен.

Жизнеутверждающий пафос философского подтекста близок также и произведениям устного народного творчества. Пюрбю удалось в своем стихотворении показать чувство человека, всем сердцем любящего родную землю. Серебряная тайга, горы тут представлены как центральный образ священного вертикального пространства, она и вечность.

Изобразительно-выразительные средства, сравнения, ставшие традиционными, образуют национальное своеобразие:

Мөңгө харнын дамдылары чырык хүнде,
Мөңгүн суу дег, мөндүңейнип бадып турду [14, с. 69].
(Капельки вечных родников на лучиках солнца
Всплескивая, стекают словно ртуть).

Среди стихов, посвященных родной земле, видное место занимает произведение С. Пюрбю «Тывамга» («Моей Туве»), где образу Горы характерно духовное, интуитивное начало.

Кижы кылбаан,
чайын, кыжын уштунмас,
Хилиң ышкаш, арга-биле шугланган,
Кылчаң баштан
булут-бөргү ыравас
Кырган Саян кырын
эргип көргөн мен [10, с. 24].
(Первозданным, летом, зимой несменным
Шелковым лесом одетый (накрытый)
Где не сходят шапки-тучи с лысой головы
На Саяне древнем побывал).

В следующих строках лирический герой воспекает неповторимую красоту природы других уголков Родины – Советского Союза. Изображает как прекрасны просторы Сибири, словно дивным мастером сотканы, пишет, как в Узбекистане и Украине солнце лечит лучше, чем лекарства, как пшеничные моря колышутся у ног Днепра. А Москва для лирического героя – сердцу дорогой аал, туда он как сын приезжал. Так автор показывает образ Отчизны, родины и эти строки пронизаны духом интернациональной дружбы народов. Стихотворение начинается и завершается словами любви к родной земле, везде, во всех краях Родины, где

он побывал – красиво, уютно, но есть одна несравненная, единственная земля: в последней строфе перед читателем снова предстает образ малой родины, она осознается «единственной частицей» его жизни:

Ажай-буурул
ак-көк,
бедик даглары,
Аржаан ышкаш,
арыг,
шапкын хемнери,
Артыш,
чойган,
агы-каңгы —
шуптузу
Амы-тыным
болган боорга,
ындыг мен) [14, с. 26].
(Древние, седые, голубые высокие горы,
Быстрые, чистые как родники реки,
Можжевельник, пихта, каменная полынь моей родной земли
все это и моя жизнь, поэтому я так сильно люблю).

Так, в поэзии С. Пюрбю выразительны и лиричны стихи о малой родине, этнопоэтическое своеобразие которых выражается и образом Гор.

Образ горы в стихах Салчака Тамба, Василия Эренчина

Образ Гор также представлен в стихах Салчака Одеекевича Тамба – одного из основоположников, известного в народе произведением «Доңгада кадык» («Каша в кувшине»). Салчак Тамба родился в местечке Оштан Каа-Хемском кожууна. Автор воспекает свою малую родину в стихотворении «Дерзиг» (название местности), в котором также важное место отводится образу Горы:

Каа-Хем, Тожу аразында
Харлыг сыннар колдуундан бээр
Чара, диле чүткүп баткан
Шапкын суглуг Дерзиг хемнин
Ханалары – кадыр даглар,
Каасталгазы – эзим-арга [16, с. 56].
(Между Каа-Хем и Тожу
От ледников снежных хребтов
горы взрезала, забушевала,
быстротечная река Дерзиг.
Ее стены – высокие горы,
Украшают леса и тайга).

Горы, окружающая его природа дают ему вдохновение, он ощущает себя в полной гармонии, где он может быть с самим собой. Гармония – это и есть обретение себя в пространстве и во времени универсума. Как известно, в мифологическом сознании «главная цель – поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка» [17, с. 5–6].

Автор олицетворяет явления природы, что вызывает ассоциацию с песенными традициями народа. В стихотворении «Буурул Танды тейи чүге...» («Почему верховье древнего Танды...») напоминает читателю тувинские частушки:

Буурул Танды тейи чүге
Булут эштип, ширииннелди?
Шуушкан булут көжүп чоруур

Суггур чайыын төгөр дээн бе? [16, с. 91].

(Почему же вершина древнего Танды

Одел туман и посуровел?

Кочующийся караван облаков

Неужели прольет проливной дождь?).

И пример частушки:

Булуттавас мунгаш Ишкин

Булуттай бээр апарган бе?

Мунгаравас мээн эжим

Мунгарай бээр апарган бе? [18, с. 28].

(Не затягивающаяся облаками Ишкин

Стала облачной сейчас?

Не поддающаяся тоске моя подруга

Стала тосковать сейчас?).

К стихотворениям о малой родине Салчака Тамба, изображающим высоту и величие местных гор также относятся такие стихи, как «Бистиң черге» («В нашей земле»), «Амыдырал хеми» («Река жизни»), «Дагдан кежир харап көөргө» («С высоты горы созерцаю»).

Образ Горы также по-своему представлен в стихотворениях одного из первых писателей тувинской литературы Василия Эренчина, земляка Тамба. Он родился в местечке Хады Салчак-хошуна Танну-Тува (ныне Каа-Хемского кожууна РТ). Лирический герой любит красивый пейзажем, богатой природой Каа-Хема, Бурен-Хема, где провел свое детство и юность.

Арбын малга чемиш болган

Агы-каңгы чытталып кээр

Казылганныг Кара-Хая

Кажан шагдан чуртум-дур сен [19, с. 42].

(Огромному стаду дающий корм,

благоухающий полынью каменной

Кара-Хая (Черная-Скала), богатая ягодами (кизильником)

Издавна ты моя родная земля).

Конкретно-топографические детали, бытовые реалии тувинцев-скотоводов переплетаются здесь с духовно-эстетическими воззрениями героя. Обращение автора к образу, например, полыни, сохраняет конкретность образов, усиливает лиричность стихотворения «Кара-Хая».

Хая көргөн аргалары

Хамык аңның турлаа болган.

Кара-Хая! Көвей малдың

Кадат-хавыт одары сен [19, с. 42].

(В твоих тайге и лесах

Обитают, живут множество зверей.

Кара-Хая! Ты бесчисленного скота

Пастбище с сочной травой).

Эпитеты, сравнения, простота которых напоминают традиции устного народного творчества, что придает стихотворению национальный колорит.

Кара-Хая кадыр мээзин

Каастап ыттар колхоз сүрүү

Хөвөң ышкаш аккыр булут

Көжүп-чылып турганы-ла [19, с. 43].

(Солнечную сторону крутого Кара-Хая

Украшает стадо колхоза.

Они как белоснежные пушистые облака
Словно кочуют неспеша).

Образ «Казылганныг кара хая» – топос черной скалы, богатой кустарниками, ягодами (кизилником) встречается также в лирическом произведении «Кадарчы уруг» («Пастушка»).

Заключение

Итак, можно констатировать, что в силу требований своего времени, сложившихся культурно-исторических ситуаций в республике, писатели-основоположники тувинской литературы больше уделяли внимание новой жизни, в которой почти не оставалось места традиционным, национальным ценностям – «пережиткам прошлого». В количественном плане преобладали стихи, посвященные и прославляющие новый строй в обществе, нововведения в жизни народа, но все же писатели смогли передать искренние, истинные чувства любви к своей малой родине

Проанализировав художественное воплощение образа Горы в стихотворениях основоположников тувинской литературы, можно сделать вывод, что произведения авторов созвучны в создании красоты таежных Гор, в которых лирический герой получает энергию, вдохновение. Поэты, воспевая Горы, у которых родились и выросли, передают абстрактные понятия о жизни, мироздании. При этом они часто обращаются к традициям фольклора, мифологии, укорененной в их памяти.

Л и т е р а т у р а / References

1. Буало Н. *Поэтическое искусство*. Москва: Изд-во Гослитиздат; 1957:231.
Boileau N. *The Art of Poetry*. Moscow: Goslitizdat Publishing House; 1957:231 (in Russ.).
2. Tedlock D. *Ethnopoetics*. Available at: <http://writing.upenn.edu/epe/authors/tedlock/syllabi/ethnopoetics.html> [Accessed 15 December 2025].
3. Гачев Г.Д. *Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира*. Москва: Академический проект; 2020:511.
Gachev GD. *Cosmo-Psycho-Logs: National Images of the World*. Moscow: Academicheskyy Proekt; 2020:511 (in Russ.).
4. История бурятской литературы: 1917–1955 гг. Ч.1. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; 1995:256.
History of Buryat Literature: 1917–1955. Part 1. Ulan-Ude: BSC SB RAS; 1995:256 (in Russ.).
5. Балданов С.Ж. Общность национальных литератур Сибири. *Взаимодействие литератур народов Сибири*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение; 1983:272.
Baldanov SZh. Commonality of National Literatures of Siberia. *Interaction of Literatures of the Peoples of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch; 1983:272 (in Russ.).
6. Куулар Д.С. *Тувинская поэзия*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1970:140.
Kuular DS. *Tuvan poetry*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1970:140 (in Russ.).
7. Гоголь Н.В. *Собрание сочинений*. Т. VI. Москва: Гослитиздат; 1950:360.
Gogol NV. *Collected works*. Vol.6. Moscow: Goslitizdat; 1950:360 (in Russ.).
8. Боров Ю.Б. Личность – нация – человечество. *Национальное и интернациональное в советской литературе*. Москва: Наука; 1971:117.
Borev YuB. Personality – nation – humanity. *National and international in Soviet literature*. Moscow: Nauka; 1971:117 (in Russ.).
9. Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. Москва: Худож. литература; 1995:506.
Bakhtin MM. *Literary critical articles*. Moscow: Khudozh. Literature; 1995:506 (in Russ.).
10. Антология тувинской поэзии. Сост. Н.Ш. Куулар. Кызыл: Правник+, 2014:461 (на тув. и рус.яз).
Anthology of Tuvan poetry. Comp. NSh. Kuular. Kyzyl: Pravnik+; 2014:461 (in Tuvan and Russian).

11. ГБУ «Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва». Фонд «Документально-письменные источники», архив С.А. Сарыг-оола. НМРТ КП-11316/87. Топография: Фондохранилище 3, Стеллаж 5, полка 3, папка 10.

State Budgetary Institution "Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva." Collection "Documentary and Written Sources," S.A. Saryg-ool Archive. NMRT KP-11316/87. Topography: Storage Facility 3, Rack 5, Shelf 3, Folder 10 (in Tuvan).

12. Очур Т.Х. Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ: 2008:191.

Ochur TKh. Ethnopoetic originality of S. Saryg-ool's prose: Candidate's dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2008:191 (in Russ.).

13. Мифы народов мира. Москва: Советская энциклопедия; 1982:672.

Myths of the peoples of the world. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1982:672 (in Russ.).

14. Пюрбю С.Б. *Чогаалдар чыындызы*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1973:613 (на тув. яз.).

Purby SB. *Collected works*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1973:613 (in Tuvan).

15. Бахтин М.М. *Эпос и роман*. Санкт-Петербург: Азбука; 2000:302.

Bakhtin MM. *Epic and novel*. St. Petersburg: Azbuka; 2000:302 (in Russ.).

16. Тамба С.О. *Чоннуң үнү*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1968:133 (на тув. яз.).

Tamba SO. *Voice of the people*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1968:133 (in Tuvan).

17. Мелетинский Е.М. *От мифа к литературе*. Москва: Изд-во РГГУ; 2000:170.

Meletinsky EM. *From myth to literature*. Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities; 2000:170 (in Russ.).

18. Тыва кожамыктар. Сост. Ю.Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Республиканская типография; 2005:192 (на тув. яз.).

Tuvan ditties. Comp. YuSh. Künzegesh. Kyzyl: Republican Printing House; 2005:192 (in Tuvan).

19. Эренчин В.Л. *Чырык орук*. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; 1977:90 (на тув. яз.).

Erenchin VL. *Bright path*. Kyzyl: Tuvan book publishing house; 1977:90 (in Tuvan).

Сведения об авторе

НАЗЫНЧАП Тайгана Хертековна – к. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», Кызыл, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6538-7099>, Research ID: ННМ-9863-2022, e-mail: taigana82@mail.ru

About the author

Taigana Kh. NAZYNCHAP – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Tuvan State University, Kyzyl, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6538-7099>, Research ID: ННМ-9863-2022, e-mail: taigana82@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 12.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 03.04.2026

Принята к публикации / Accepted 13.04.2026

УДК 398.22;81'373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-148-155>

Оригинальная научная статья

Функционирование антонимов в эпосе эвенов

Е. В. Нестерова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Российская Федерация
✉ elenanesterova-2010@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы функционирования антонимов в эпических сказаниях эвенов. Актуальность работы обусловлена недостаточной исследованностью языка эвенского фольклора, используемых в нем средств выразительности, а также вопросов антонимии в эвеноведении. Новизна исследования видится в том, что впервые проведен анализ функционирования эвенских антонимов в рамках эпического текста. Целью работы является исследование антонимии в эпосе эвенов. Для достижения цели поставлены задачи: выявление антонимов, определение их особенностей и функций в эвенском эпическом фольклоре. Основным методом является описательный, использованы приемы наблюдения, обобщения и интерпретации. В качестве материала привлечены эвенские эпические сказания из опубликованных источников. В работе рассмотрена частеречная характеристика выявленных антонимов, описано функционирование антонимов – имен существительных, прилагательных, глаголов, причастий, наречий. Определены частотные антонимические пары: *ай* – *кэнели* ‘хороший – плохой’ и производные от них *аич* – *кэнелич* ‘хорошо-плохо’; *инэу* – *долба* ‘день – ночь’ и др. Установлено, что в эвенском эпосе значительное количество антонимичных пар образуют слова, обозначающие различные положения в пространстве. Функции антонимов в сказаниях эвенов заключаются в передаче глубоких образов путем противопоставления противоположных явлений и понятий. Антонимы используются в создании портретных характеристик, пространственных, временных представлений, описании различных действий и эмоциональных состояний героев. Дальнейшее исследование антонимических отношений в фольклоре эвенов внесет значительный вклад в раскрытие вопросов семантической системы эвенского языка, особенностей ее отражения в устном народном творчестве, механизмов формирования фольклорных образов. В долгосрочной перспективе представляются актуальными выявление и анализ всего потенциала стилистических средств эвенского фольклора.

Ключевые слова: эпос, антонимы, антонимическая пара, эпос эвенов, эвенский язык, эвенский фольклор, изобразительные средства, язык фольклора, культура эвенов, эвены

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 (проект НИР № FWRS-2024-0070)

Для цитирования: Нестерова Е. В. Функционирование антонимов в эпосе эвенов. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):148–155. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-148-155>

Original article

The functioning of antonyms in the Even epic

Elena V. Nesterova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

✉ elenanesterova-2010@mail.ru

Abstract

This article examines the functioning of antonyms in Even epic tales. The relevance of this work stems from the insufficient research into the language of Even folklore, the expressive means used, and antonyms in Even studies. The novelty of this study lies in the fact that it is the first time an analysis of the functioning of Even antonyms within an epic text has been conducted. The aim of this work is to study antonyms in Even epic poetry. To achieve this, the following objectives were set: identifying antonyms, determining their characteristics, and defining their functions in Even epic folklore. The primary method is descriptive, employing observation, generalization, and interpretation. Even epic tales from published sources are used as material. The work examines the part-of-speech characteristics of the identified antonyms and reveals the functioning of antonyms of nouns, adjectives, verbs, participles, and adverbs. Frequent antonymic pairs have been identified: *ai-keneli* 'good-bad' and their derivatives *aich-kenelich* 'good-bad'; *ineŋ-dolba* 'day-night', etc. It has been established that in the Even epic, a significant number of antonymic pairs are formed by words denoting various positions in space. The function of antonyms in Even tales lies in conveying profound images by contrasting opposing phenomena and concepts. Antonyms are used to create portrait characteristics, spatial and temporal representations, and to describe various actions and emotional states of heroes. Further study of antonymic relationships in Even folklore will significantly contribute to the understanding of the semantic system of the Even language, the characteristics of its reflection in oral folklore, and the mechanisms of folklore image formation. In the long term, identifying and analyzing the full stylistic potential of Even folklore seems relevant.

Keywords: epic, antonyms; antonymic pair, Even epic, Even language, Even folklore, figurative means, folklore language, Even culture, Even

Funding. This work was carried out as part of a state assignment No. 075-00619-26-00 (research project No. FWRS-2024-0070)

For citation: Nesterova E. V. The functioning of antonyms in the Even epic. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):148–155. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-148-155>

Введение

В настоящее время лексический фонд эвенского языка представляет собой недостаточно изученную область. На сегодняшний день исследованы только некоторые сферы словарного состава эвенского языка. Это специальные работы по бытовой [1], оленеводческой лексике [2], лексике духовной [3] и физической культуры эвенов [4], растительного мира [5], заимствованиям [6], образным словам [7] и др. В последнее время среди исследователей возрастает интерес к семантической системе эвенской лексики. Данное направление представлено работами С. Н. Саввиновой, И. И. Садовниковой, в которых рассматриваются вопросы синонимии [8, 9], антонимии [10–13], омонимии [14, 15] и полисемии [16].

Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью изучения языка эвенского фольклора, используемых стилистических средств, вопросов антонимии. Целью работы является анализ функционирования антонимов в эвенском эпосе. В качестве материала привлечены опубликованные сказания эвенов. Основным методом исследования является описательный, применены приемы наблюдения, обобщения и интерпретации. Теоретической основой послужили труды отечественных ученых В. Я. Проппа [17], С. Г. Лазутина [18], О. С. Ахмановой [19], Ж. К. Лебедевой [20] и др.

В лингвистическом словаре О. С. Ахмановой антонимами называются «1. Слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению. 2. Слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные, как обозначающие противоположно направленное действие» [19, с. 50].

В художественных и фольклорных произведениях антонимы часто служат созданию приема противопоставления. Изучая малые жанры эвенского фольклора, А. А. Бурыкин отмечал частотность противопоставления в пословицах и приметах, выделял сочетание смысловой антитезы с синтаксическим параллелизмом в загадках [21]. В данном направлении более подробно антонимические отношения рассмотрены в работе С. Н. Саввиной [11], в которой автором выявляется функционирование в паремиях антонимов существительных, прилагательных, глаголов, отмечается частотность разнокорневых антонимов.

В настоящей работе исследованию подвергаются антонимы эвенского эпического текста. В привлеченных материалах обнаружено функционирование антонимов различных частей речи:

– существительные: *Дьэ, һурэдьэллэ, һэтэкэнэл. Дьэ, һэлэргун һулумуэ оодни. Нивсанди ньоомуа оодни* [22, с. 35]. ‘Богатыри побежали. Хэлэргун стал догоняющим, а Нивсанды – убегающим’ [22, с. 170];

– прилагательные: *Өмэлтукэн ай одни, асияка нэмкэрин. Эр өр кэнели, хөн биддыди ай одни* [23, с. 39]. ‘Өмэлтукэн стал хорошим, женщина выстрелила. Давеча будучи плохим врагом, будучи хорошим стал’ (пер. автора);

– глаголы: *Өрэлэл Һивэни эмритэн тар, Өмэлтукэм нэмкэчиддэкэн, Һивэни нян Өлкини, ноһман бэлнэритэн, Өмэлтукэм маритан. Хан бэй хокнитан, хан-дамар хоһалритан* [23, с. 40]. ‘Давешние Һивэни (и другие) пришли, когда в Өмэлтукэна стреляла Һивэни и Өлкини пришли ей на помощь. Убили Өмэлтукэна. Одни люди обрадовались, а другие заплакали’ (пер. автора);

– причастия: *Чиаждань, би тарав бэйу арурив / Чиаждань, тарһун бэйһун / Чиаждань, һөлнэмэттэвэр тиарулдааривун / Чиаждань, тарич ноһан / Чиаждань, эсни эмнэ / Чиаждань, эмзукэ бичэлэй / Чиаждань, ноһан эсэкэн эмнэ / Чиаждань, биһи үнэнүкэ бисив* [22, с. 89]. ‘Чемдань, того человека я оживил / Чемдань, с тем человеком / Чемдань, мы договорились о встрече / Чемдань, но он ко мне не пришел / Чемдань, хотя обещал прийти / Чемдань, если он не придет ко мне / Чемдань, то я должен его навестить’ [22, с. 220];

– наречия: *Курэндэ һээмкэли ньооматтидьи гордук оок маадынни, далбадук маамальчили!* [22, с. 59]. ‘Нарочно отбежав, прикинь на глаз, ведь как издалека убить сможешь, лучше вблизи убей’ (пер. автора).

Функции антонимов в эпическом тексте

Эвенские сказители-нимкаланы в своих произведениях используют антонимы в целях выражения полноты описываемого явления, уточнения смысла высказывания, усиления выразительности речи. Частое использование антонимов одной смысловой категории указывает на те сферы, где наиболее развит принцип

противопоставления и контраста. Традиционный уклад жизни эвенков, основанный на кочевом оленеводстве, охоте и рыболовстве, способствовал формированию высокоразвитого пространственного мышления. Вследствие этого в эвенском языке и фольклоре, в частности эпосе, антонимированию и частотному употреблению подверглись слова, обозначающие различные положения в пространстве, например, *ангида* – *дегэнгидэ* ‘правая сторона – левая сторона’: *Хуклэсэндилми, Нөлтэк оран мявман ангидалай нэдни, босталбан – дегэнгидэлэй...* Ноңан мялран, оран кокчиртан кисартан илрэкэн. Мэн ясалди эч тэдемсэ: ангидалан хуклэддын хо нод эни илкан бэй, дегэнгидэлэн-дэмэр – дөр кунал: асаткан, хуркэн-дэ [24, с. 62]. ‘Ложась спать она положила сердце оленя на правую сторону, а почки – на левую сторону. ...Проснулась она от шума копыт оленей. Не могла поверить своим глазам: на правой стороне спал здоровый сильный мужчина, а на левой стороне – двое детей, девочка и мальчик’ [24, с. 31]; *угэски* – *хэссэки* ‘вверх – вниз’: *Эрэл эргэтни Киидаку бокнан. Эрэк эргэтни бокнан, киидак ичин-дэ дэгэсчими туркун. Нуунуэду угэски-дэ нэннооттэн, хэссэки-дэ нэннооттэн, аваски-да дэгэсчими туркун* [22, с. 111]. ‘[Поток] их воздуха достиг журавля, и птица никак не смогла лететь дальше. Ветром она то вверх поднималась, то вниз опускалась’ [22, с. 245]; *гор* – *далба* ‘далеко – близко’: *Ньулгиньу, мут эсэп / Ньулгиньу, гордук эмнэ / Ньулгиньу, далбадук / Ньулгиньу, эмнэп* [22, с. 101] ‘Нюлгиню, мы не издалека / Нюлгиню, пришли / Нюлгиню, рядом / Нюлгиню, живем’ [22, с. 234] и др.

Достаточно распространена в эвенском эпосе антонимическая пара *инэу* – *долба* ‘день – ночь’: *Кууаңатан инэу чуптэрэ хуклэвэттэн, долба-дамар долбанив чуптэрэ хоңноттан* [25, с. 25]. ‘Ребенок [их] день напролет спит, а ночью ночь напролет плачет’ (пер. автора).

Не менее часто встречаются антонимы *ай* – *кэнели* ‘хороший — плохой’ и производные от них *аич* – *кэнелич* ‘хорошо – плохо’: *Чиаждань, маатаа һиаракулта, чиаждань / Тиэк мут оон укчэндьипэ, чиаждань? / Айич-ку дьалач укчэндьип, кээнэлич-ку, чиаждань? / Айич дьалач укчэндэвур айавми, асив буургэли, чиаждань* [22, с. 64]. ‘Чемдань, богатырь Херакулта, чемдань / Как мы будем разговаривать, чемдань? / Мирно или нет, чемдань? (Хорошо ли поговорим, плохо ли, чемдань (пер. автора)) / Если мирно – верни женщину, чемдань!’ [22, с. 197].

Значительное количество антонимов образуют различные глаголы, например: *Нэмкэрэн удьмаками эмдэьклый. Ньууридьичээкэн һуттэн эрэв ньурван. Эрэгэр эсни һэпкэмкэнэ, эсни-дэ бокапта, эсни-дэ һуптура* [22, с. 88]. ‘Теркунга выстрелил в том направлении, откуда пришел по своим следам. Нюриди бросился за этой стрелой. Все время бежит за ней, но поймать не может и не отстает от нее’ [22, с. 220]. *Гиач уалды бөөдым, гиач дэтлэни гадьм* [26, с. 36]. ‘Одной рукой дам, другой крыло [свое] возьму, если не веришь’ [26, с. 13].

В формировании образов фольклорных персонажей антонимы выполняют одну из ключевых ролей. Так, с привлечением антонимов часто создаются приемы контраста, противопоставления. Как отмечает С. Г. Лазутин, «Прием антитезы, противопоставления используется и при создании внешнего портрета богатыря и его противника. Если, например, Илья Муромец – человек обычного роста, то его противник Идолище устрашающих размеров: в плечах он – косая сажень; его глазищи, как чашищи, а ручищи, как граблищи. Если Илья Муромец за один раз съедает по три «каличика крупивчатых», то Идолище за один раз пожирает по кулю хлеба и выпивает по ведру вина» [18, с. 40].

Как правило, в фольклорных произведениях противопоставлению подвергаются образы положительных и отрицательных героев, символизирующих добро и зло. В эвенской эпической традиции этот принцип находит отражение в символическом соотнесении положительных героев, олицетворяющих добро, с белым

цветом, в то время как черный цвет ассоциируется с отрицательными персонажами. Об этом в своей работе писала Ж. К. Лебедева: «цвето-световые эпитеты, выражающие зрительное впечатление от предмета, имеют функцию идеализации героев, – оценки их и их поступков. Эпитеты *гулдэкэн*, *гилталди* (об олене), *нъообати* (о других предметах) – «белый», и примыкающие к нему другие эпитеты, иногда содержащие степень сравнения (*имандамдас нъообати* – «белоснежный», [буквально – «белый как снег»]), представляют собой абсолютную и фигуральную идею прекрасного, светлого... Эпитету «белый» (*гилталди орын* – «белый-пребелый олень», *нъообати асаткан* – «девушка с белым лицом») всегда противопоставляется эпитет «черный» [20, с. 99].

В эпосе «Нёлтэк» противостояние в главной схватке между обитателем подземного мира *ариука* и верным спутником главной героини оленем подчеркивается через символику цветов. Белая пена, подобная молоку, олицетворяет пролитую кровь оленя, в то время как густая, красно-темная черная кровь *ариуки*, контрастируя с ней, символизирует отрицательного персонажа, воплощающего зло: *Мину-нюн ноуан дабдуканакан, хөр-хөр / Эдук хаңардук хедин, хөр-хөр / Нёбати чоглика-укэнь, хөр-хөр / Мараку-дамар ноуман, хөр-хөр / Эдук хаңардук хедин, хөр-хөр / Ниугата хакарин хунэл, хөр-хөр* [24, с. 60]. 'Если он победит меня / То из этой щели появится / Молочная белая пена / Если я убью его / То из этой щели появится / Густая красно-темная черная кровь' [24, с. 29].

Прием противопоставления способствует выражению глубоких, объемных образов, передаче многогранности описываемого. Так, с помощью антонимов передаются:

а) портретные характеристики: *Аһум (Умчэгэн) уэндэнуон ни-дэ эһни һар. һаван угили дэвгэрэчэ, һаван һэргили, дылики одиды, уэнгэрэчэ* [27, с. 26]. 'Сколько (Умчэгэн) шел никто не знает. Иногда по верху летал, иногда по низу, обратившись в горностая шел' (пер. автора). *Аси ноуандун карав учикү бөчэ. Мэтэлэ хо няна, асиду хуптутча, асин-дамар хо хинма, хо хони* [25, с. 24]. 'Женщина ему серого верхового оленя дала. Мэтэлэ очень медлительный, отставал от женщины, а женщина очень быстрая, очень ловкая' (пер. автора);

б) пространственные представления: *Ичисэндинри ангидатки – урэкчэр гякитаңач нөчэч дасуттимдасал бивэттэ – тачикан хоя орартан; дегэнгидэтки-дмэр ичисми – урэкчэр иманрач дасуттимдасал бивэттэ – тачикан хоя нёбати орартан бисин* [24, с. 35]. 'Взглянешь направо – будто горы покрыты разнообразными цветами – так много пестрых оленей было, если взглянешь налево – будто горы покрыты снегом – столько много было у них белых оленей' [24, с. 4];

в) временные представления: *Окатаңи эки һөррэн гадач, һокам гору тутчэкэм туттэн. Долбаниңи, инэңиңи гадач уэнэдьдэн*. 'Вниз по течению реки пошел дальше, очень долго бегом бежал. Ночами, днями напролет дальше идет' [28, с. 138];

г) психические состояния и эмоции героев: *Аһум-да аһум гору уэндиңи (Умчэгэн) эһни һар. Ноуан һадун һилгара́ча, һадун урэңчиврэчэ, һадун угили дэгэнгэрэчэ, һадун һэргили уэнгэрэчэ* [27, с. 25]. 'Как долго идет (Умчэгэн) не знает. Он иногда мучался, иногда радовался, иногда по верху летал, иногда по низу шел' (пер. автора). *Дэгэнчө-дэгэнчө, мата Өмэлтукэн / Би-дэ көкэдим-е, дэгэнчө-дэгэнчө / Би-дэ яду индим-е / Би-дэ көкэнэдэку* [23, с. 37]. 'Женщина, вышивая, заплакала и стала петь: Дэгэнчө-дэгэнчө, мата Өмэлтукэн / Я тоже умру, дэгэнчө-дэгэнчө / Зачем мне тоже жить / Я тоже пойду умирать' (пер. автора);

д) различные действия персонажей: *Ноуан дюлэгэч гиркарин халгань. Учикан нян-да илдин, нян дюлэски уэнэсчидин. Этикэн ходмара́ч хэттэн* [24, с. 45]. 'Вспотел, а ездовой олень то пятится назад, то останавливается, то вдруг бежит вперед' [24, с. 14].

Заклучение

В арсенале выразительных средств эвенских эпических сказаний выделяются антонимы. Антонимы используются в целях выражения полноты охвата описываемых явлений, уточнения смысла высказывания, усиления выразительности речи. В эвенском эпосе частотностью характеризуются антонимы, обозначающие различные положения в пространстве: *ангида – дегэнгидэ* ‘правая сторона – левая сторона’, *гор – далба* ‘далеко – близко’ и др. Распространенными являются антонимические пары *инэу – долба* ‘день – ночь’, *ай – кэнели* ‘хороший – плохой’ и др. Прием противопоставления, создаваемый с привлечением антонимов, используется в передаче портретных характеристик персонажей, пространственных, временных представлений, в описании различных действий, эмоциональных состояний героев и др. Использование антонимов в эвенском эпическом фольклоре придает повествованию особую глубину и выразительность. Дальнейшее исследование антонимических отношений в эвенском фольклоре способствует раскрытию новых знаний о семантической системе эвенского языка, ее отражении в фольклоре, особенностях в формировании фольклорных образов.

Литература / References

1. Данилова А.А. *Бытовая лексика эвенского языка*. Якутск: Якут. науч. центр СО РАН; 1991:113.
Danilova AA. *Everyday vocabulary of the Even language*. Yakutsk: Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 1991:113 (in Russ.).
2. Петров А.А. *Оленеводческая лексика эвенского языка: этнолингвистический словарь: учебное пособие*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена; 2017:126.
Petrov AA. *Reindeer herding vocabulary of the Even language: ethnolinguistic dictionary: study guide*. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publishing House; 2017: 126 (in Russ.).
3. Петров А.А. *Лексика духовной культуры тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, негидальцы, солоны)*. Новосибирск: Наука; 2013:213.
Petrov AA. *Vocabulary of the spiritual culture of the Tungus-speaking peoples (Evenks, Evens, Negidals, Solons)*. Novosibirsk: Nauka; 2013:216 (in Russ.).
4. Роббек Г.В. *Игры и состязания эвенов: лингвистический аспект*. Новосибирск: Наука; 2011:130.
Robbek GV. *Games and competitions of the Evens: linguistic aspect*. Novosibirsk: Nauka; 2011:130 (in Russ.).
5. Садовникова И.И. *Лексика растительного мира в эвенском языке*. Новосибирск: Наука; 2024:104.
Sadovnikova II. *Vocabulary of the plant world in the Even language*. Novosibirsk: Nauka; 2024:104 (in Russ.).
6. Саввинова С.Н. *Якутские лексические заимствования в эвенском языке*. Новосибирск: Наука; 2024:128.
Savvinova SN. *Yakut lexical borrowings in the Even language*. Novosibirsk: Nauka; 2024:128 (in Russ.).
7. Нестерова Е.В. *Образные слова эвенского языка*. Новосибирск: Наука; 2010:111.
Nesterova EV. *Figurative words of the Even language*. Novosibirsk: Nauka; 2010:111 (in Russ.).
8. Саввинова С.Н. Семантические синонимы в эвенском языке. *Современные исследования социальных проблем*. 2023;15(3):249-260.
Savvinova SN. Semantic synonyms in the Even language. *Modern Studies of Social Issues = Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*. 2023;15(3):249-260 (in Russ.).
9. Садовникова И.И. Глаголы-синонимы эмоционального состояния человека в эвенском языке. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2022;(8): 149-151.

Sadovnikova II. Verbs-synonyms of a person's emotional state in the Even language. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2022;(8): 149-151 (in Russ.).

10. Саввинова С.Н. Антонимия в эвенском языке. *Современное педагогическое образование*. 2021;(3):236-238.

Savvinova SN. Antonimia in the Even language. *Modern pedagogical education*. 2021;(3):236-238 (in Russ.).

11. Саввинова С.Н. Антонимические парадигмы в эвенских паремиях. *Российский лингвистический бюллетень*. 2022;31(3).

Savvinova SN. Antonymic paradigms in Even proverbs. *Russian linguistic bulletin*. 2022;31(3) (in Russ.).

12. Садовникова И.И. Антонимы-прилагательные в эвенском языке. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2022;12(3):172-174.

Sadovnikova II. Antonym-adjectives in the Even language. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2022;12(3):172-174 (in Russ.).

13. Садовникова И.И. Антонимия существительных в эвенском языке. В сборнике: Теоретические и прикладные исследования в области социально-гуманитарных наук. Материалы XXXI Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону; 2023:256-258.

Sadovnikova II. Antonymy of nouns in the Even language. In: Theoretical and Applied Research in the Field of Social Sciences and Humanities. Proceedings of the XXXI All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2023:256-258 (in Russ.).

14. Саввинова С.Н. Лексико-грамматические омонимы в эвенском языке. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2025;3(3):179-181.

Savvinova SN. Lexical and grammatical homonyms in the Even language. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*. 2025;3(3):179-181 (in Russ.).

15. Садовникова И.И. Омонимы в эвенском языке. *Общество и человек*. 2025;55(4):71-74.

Sadovnikova II. Homonyms in the Even language. *Society & Man*. 2025;55(4):71-74 (in Russ.).

16. Садовникова И.И. Краткое описание омонимии и полисемии в эвенском языке. *Lingua-Universum*. 2025;(5):64-66.

Sadovnikova II. Brief description of homonymy and polysemy in the Even language. *Lingua-Universum*. 2025;(5):64-66 (in Russ.).

17. Пропп В.Я. *Поэтика фольклора* (Собрание трудов В. Я. Проппа). Составление, предисловие и комментарии А. Н. Мартыновой. Москва: Лабиринт; 1998:352

Propp VYa. *Poetics of folklore* (Collection of Works by V.Ya. Propp). Compilation, preface, and comments by A. N. Martynova. Moscow: Labyrinth; 1998: 352 (in Russ.).

18. Лазутин С.Г. *Поэтика русского фольклора*: Учеб.пособие для филол.фак. ун-тов. Москва: Высшая школа; 1981:221.

Lazutin SG. *Poetics of Russian folklore*: Textbook for philology practices. Moscow: The Higher School of Economics; 1981:221 (in Russ.).

19. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Изд. 2-е стереотипное. Москва: Едиториал УРСС; 2004:576.

Ahmanova OS. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Editorial URSS; 2004: 576 (in Russ.).

20. Лебедева Ж.К. *Архаический эпос эвенов*. Новосибирск: Наука; 1981:156.

Lebedeva ZhK. *Archaic epos of the Evens*. Novosibirsk: Nauka; 1981:156 (in Russ.).

21. Бурькин А.А. *Малые жанры эвенского фольклора*: загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2001:288.

Burykin AA. *Small genres of Even folklore*: riddles, proverbs and sayings, prohibitions-amulets, customs and prescriptions, signs: research and texts. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2001:288 (in Russ.).

22. Эпос охотских эвенов. Якутск: Якутское книжное изд-во; 1986:301.
Epic of the Okhotsk Evens. Yakutsk: Yakut book publishing house; 1986: 301 (in Even and Russ.).
23. Фольклор эвенов Березовки. Образцы шедевров. Якутск: Изд-во ИПИМНС СО РАН; 2005:360.
Folklore of the Evens of Berezovka. Examples of masterpieces. Yakutsk: Publishing house of the Institute of Meteorological and Pedagogical Sciences of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2005:360 (in Even and Russ.).
24. Тайшина Е.И., Роббек В.А. *Нөлтэк*. Якутск: Розовая чайка; 1992:64.
Tayshina EI, Robbek VA. *Nöltek*. Yakutsk: Rozovaya chayka; 1992:64 (in Even and Russ.).
25. Бокова Е. Н. *Эвэды фольклор*. Якутск: Бичик; 2002:213.
Bokova EN. *Even folklore*. Yakutsk: Bichik; 2002: 213 (in Even).
26. Данилов Е.А. *Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ*. Якутск: Розовая чайка; 1991:47.
Danilov EA. *Irkenmel, Oyinde, Metele*. Yakutsk: Rozovaya chayka; 1991: 47 (in Even and Russ.).
27. Дуткин Х.И. *Эвенский фольклор*. Якутск: Изд-во ЯГУ; 1996:66.
Dutkin HI. *Even folklore*. Yakutsk: Publishing House of YAGU; 1996: 66 (in Even).
28. Эвенские нимканы Дарьи Михайловны Осениной. Fürstenberg; Havel; 2013:158.
Evens nimkans by Daria Mikhailovna Osenina. Fürstenberg; Havel; 2013: 158 (in Even and Russ.).

Сведения об авторе

НЕСТЕРОВА Елена Васильевна – к. филол. н., с. н. с. отдела северной филологии, ФГБУН Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5130-706X>, SPIN-код: 8214-0039; WoS ResearcherID K-1441-2018, Scopus Author ID: 57216948875, e-mail: elenanesterova-2010@mail.ru

About the author

Elena V. NESTEROVA – Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Northern Philology Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5130-706X>, SPIN-код: 8214-0039; WoS ResearcherID K-1441-2018, Scopus Author ID: 57216948875, e-mail: elenanesterova-2010@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 20.05.2026

Принята к публикации / Accepted 22.05.2026

УДК 81'362;81'373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-156-162>

Оригинальная научная статья

Лексико-грамматические свойства глагольных фразеологических сочетаний английского и русского языков

Т. Р. Нуриева ✉, **Ф. Х. Тарасова**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

✉ tansylu.nurieva@mail.ru

Аннотация

Значительную долю среди всех типов фразеологических единиц как английского, так и русского языков составляют фразеологические сочетания (ФС), представляющие собой промежуточное звено между переменными словосочетаниями и фразеологическими единствами. Расширение комбинаторного потенциала стержневого компонента ФС обуславливает их сближение с переменными словосочетаниями, в то время как утрата лексической автономности элемента с фразеологически связанным значением ускоряет переход ФС во фразеологическое единство. Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу лексико-грамматических свойств глагольных фразеологических сочетаний английского и русского языков. Цель научной работы – выявить сходства ФС с переменными сочетаниями слов и различия с точки зрения грамматики, а также обосновать положение ФС на периферии фразеологического фонда языка. Материалом исследования послужили глагольные ФС, отобранные методом сплошной выборки из толковых, переводных и фразеологических словарей. В работе использованы традиционные методы анализа фразеологических единиц: сопоставительный метод, метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, метод фразеологического описания и контекстуального анализа. В результате исследования установлено сходство синтаксических связей между компонентами ФС и переменных сочетаний слов. Глагол в составе ФС сохраняет те же грамматические характеристики, присущие глаголу в переменном сочетании, а также способность формировать синтаксические связи с существительными. Существительное во ФС выражает свои постоянные признаки, в том числе принадлежность к определенному лексико-семантическому разряду. Отличие выражается в наличии отношений информативного восполнения во ФС обоих языков, являющихся результатом неспособности глагола автономно выражать свое значение, т. е. отсутствия лексической самодостаточности у глагольного компонента.

Ключевые слова: фразеологические сочетания, переменные сочетания, лексико-грамматические разряды существительных, морфологические категории глагола, синтаксические связи, переходные/непереходные глаголы, отношения информативного восполнения, лексическая самодостаточность, фразеологический фонд языка, предложное/беспредложное управление

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Нуриева Т. Р., Тарасова Ф. Х. Лексико-грамматические свойства глагольных фразеологических сочетаний английского и русского языков. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):156–162. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-156-162>

Original article

Lexical and grammatical properties of verbal phraseological combinations in English and Russian

Tansylu R. Nurieva ✉, **Fanuza Kh. Tarasova**
Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
✉ tansylu.nurieva@mail.ru

Abstract

Phraseological combinations constitute a significant proportion of all types of phraseological units in both English and Russian. They form an intermediate link between free word combinations and phraseological unities. The expansion of the combinatorial potential of the core component of phraseological combinations leads to their convergence with free word combinations, while the loss of the lexical autonomy of an element with a phraseologically bound meaning accelerates the transition of a phraseological combination to a phraseological unity. This article is devoted to a comparative analysis of the lexical and grammatical properties of verbal phraseological combinations in English and Russian. This review aims to identify the similarities and differences between phraseological and free word combinations in terms of grammar, as well as to justify the position of phraseological combinations on the periphery of the language's phraseological stock. Verbal phraseological combinations, selected using a continuous sampling method from explanatory, translation, and phraseological dictionaries have served as the material for the research. Traditional methods of analyzing phraseological units have been used: a comparative method, continuous sampling, dictionary definition analysis, contextual analysis, and phraseological description. The study has revealed similarities in syntactic links between the components of phraseological combinations and free word combinations. A verb within a phraseological unit retains the same grammatical characteristics inherent in a verb in a variable combination, as well as the ability to form syntactic links with nouns. A noun within a phraseological combination expresses its constant attributes, including its belonging to a specific lexical-semantic category. The difference is expressed in the presence of informative complementary relationships in the phraseological combinations of both languages resulting from the verb's inability to autonomously express its meaning, i.e., the lack of lexical self-sufficiency of the verbal component.

Keywords: phraseological combinations, free word combinations, lexical and grammatical categories of nouns, morphological categories of verbs, syntactic relations, transitive/intransitive verbs, informative supplementary relationships, lexical self-sufficiency, phraseological stock of the language, prepositional/non-prepositional control

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Nurieva T. R., Tarasova F. Kh. Lexical and grammatical properties of verbal phraseological combinations in English and Russian. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):156–162. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-156-162>

Введение

Фразеологизмы призваны обогатить номинативный инвентарь языка, расширяя и дополняя его своим оценочно-экспрессивным потенциалом. Много-ярусная система признаков фразеологизмов обуславливает подвижность и условность их границ. Если центральное положение во фразеологическом фонде языка занимают обороты с высокой степенью фразеологической устойчивости,

идиоматичности, то на его периферии находятся обороты, у которых один из признаков фразеологической устойчивости ослаблен или утрачен. Рассматриваемые нами фразеологические сочетания (ФС) представляют собой промежуточное звено между переменными сочетаниями слов и другими видами фразеологизмов. В основе исследования лежит классификация фразеологизмов на фразеологические единства, сращения и сочетания, предложенная В. В. Виноградовым [1] и дополненная Н. М. Шанским фразеологическими выражениями [2]. Фразеологические сочетания, «образуемые реализацией несвободных значений слов», характеризуются аналитичностью, ограниченной сочетаемостью и заменяемостью синонимом [1, с. 159]. Один из компонентов ФС обладает фразеологически связанным значением, а второму свойственно свободное значение. Применительно к ФС В. В. Виноградов отмечал наличие в языке двух тенденций: аналитической, склоняющейся к «расчлененному пониманию словосочетания», допускающей расширение сочетаемости стержневого компонента ФС и таким образом сближающей их со свободными сочетаниями, и синтетической, сопряженной с ослаблением лексической самостоятельности слова со связанным значением и предопределяющей трансформацию ФС во фразеологические единства [1, с. 138].

Цель исследования – на основе анализа лексико-грамматических свойств глагольных ФС выявить их сходства со свободными сочетаниями слов и различия и обосновать положение ФС на периферии фразеологического фонда языка.

Материалы и методы

Исследование опирается на выборку ФС, систематически отобранных из широкого спектра авторитетных лексикографических источников, включающих толковые словари (Webster's Third New International Dictionary [3], Oxford Advanced Learner's Dictionary [4], 17-томный Словарь современного русского литературного языка [5]), переводные (Большой англо-русский [6] и Большой русско-английский словари В. К. Мюллера [7]), фразеологические (Большой фразеологический словарь русского языка под ред. В. Н. Телии [8], Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова [9], Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина [10] и др.).

Среди используемых методов анализа ФС следует назвать такие, как сопоставительный метод, метод сплошной выборки, метод фразеологического описания, метод анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

В первую очередь стоит отметить, что ранее проводимые сопоставительные анализы фразеологических единиц английского и русского языков с точки зрения их грамматической структуры обнаружили следующие характерные черты фразеологизмов в обеих языковых системах: во-первых, большинству английских фразеологизмов свойственно использование определенных или неопределенных артиклей; во-вторых, русский язык демонстрирует развитую систему падежей, в отличие от английского, где фразеологизмы имеют ограниченную возможность изменения формы, проявляющуюся в виде общего и притяжательного падежей; в-третьих, английские фразеологизмы часто включают элемент *one's*, подчеркивая принадлежность или отношение к лицу, выполняющему действие; в-четвертых, особенностью английского языка является отсутствие у существительных категории рода [11].

Объектом нашего исследования являются субстантивно-глагольные ФС. Среди них выделяются следующие типы ФС русского языка с беспредложным управлением:

- глагол+существительное в форме винительного падежа (например, *зарывать талант, засекают время, засоряют желудок, изливать душу, кидать взгляд*);
- глагол+существительное в форме родительного падежа (*хлебнуть горя, лиха; наесть жиру, свалить дурака, черпнуть горя, лиха*);
- глагол+существительное в форме дательного падежа (*поучиться уму-разуму, жизни*);
- глагол+существительное в форме творительного падежа (*обежать глазами, обжигать слезами, обрастать легендами, окидывать глазами*).

Для наглядности приведем пример из русской классической литературы: «Степа, который дотоле писал часто и, так сказать, любил **изливать** в письмах **душу**, начал писать редко и как-то чересчур уж форменно» [М. Е. Салтыков–Щедрин. Сборник, 1875–1879] [12].

Ниже представлены типы ФС русского языка с предложным управлением:

- глагол+предлог+существительное в форме родительного падежа (*умереть с тоски, выкинуть из головы, вырвать из контекста, дожить до седины, лопнуть от смеха, цепенеть от ужаса*);
- глагол+предлог+существительное в форме дательного падежа (*клонить ко сну, блуждать по свету*);
- глагол+предлог+существительное в форме винительного падежа (*хватать за душу, вгонять в слезы, наскакивать на неприятности, лезть в душу*);
- глагол+предлог+существительное в форме творительного падежа (*собираться с мыслями, мельтешить перед глазами*);
- глагол+предлог+существительное в форме предложного падежа (*заседать в голове, задушить в объятиях, застывать на языке*).

Обратимся к примеру: «А мороз какой здоровый – так и **хватает** прямо **за душу!**» [Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Золото», 1892] [12].

Английский язык обладает иной системой падежей, ограничиваясь лишь общим и притяжательным. По причине такого различия типы ФС английского языка представлены ниже в том числе через призму употребления предлогов.

Приведем примеры беспредложного управления: *to bat one's eyes* (моргать), *to blow one's mind* (шокировать, потрясти), *to blink one's eyes* (моргать), *to heap praise on somebody* (осыпать кого-либо похвалами), *to harbour ambitions* (питать амбиции).

Предложное управление в глагольных ФС английского языка реализуется с предлогами *into*, *to*, *at*, *on*, *from* и др.: *to fly into a temper* (прийти в ярость), *to jump to the eye* (бросаться в глаза, привлекать внимание), *to break with tradition* (порывать с традицией), *to burst into sight (the) view/to burst upon smb.'s (the) view* (внезапно появиться (в поле зрения), *to burst into tears* (залиться слезами, расплакаться, разрыдаться), *to fade from one's memory* (забываться, ускользать, улетучиваться из памяти). “I flung my arms round my astonished aunt's neck and **burst into tears** on her shoulder” [Andrews, Lucilla. “Hospital Circles”, 1986] [13].

Особенность русского языка выражается в том, что морфемный состав глагола влияет на особенности подчинительной связи. Например, приставка *вы-* обозначает движение, направленное наружу (*вылетать из головы*), приставка *на-* описывает направленность движения (*набрести на мысль*), приставка *до-* – достижение цели (*доходить до сознания*). В английском же языке первостепенным является лексическое значение слова.

Среди глаголов в составе ФС встречаются как переходные (*to crack a joke, to curl one's lip, to feed one's sight; городить чепуху, жмурить глаза, коверкать слова*), так и непереходные (*to dwell in smb's memory, to fly into a temper, to lapse into silence; леденеть от страха, рябить в глазах, сгореть от стыда*).

В процессе выборки не выявлены ФС с модальными глаголами (*can, make, must; долженствовать, желать, хотеть* и т. д.), глаголами со значением принадлежности (*to possess, to have; обладать, иметь*), глаголами-связками в своем составе (*to be, to seem, to become; быть, являться, состоять* и др.).

Значительную массу глаголов во ФС составляют те, что обозначают конкретные физические действия. Их задача – передать динамический аспект существительного. Например: *черпать сведения, мысли, знания, бодрость; уронить слово, слезу, взгляд; сыпать деньгами; стискивать в объятиях; сверлить глазами; to prick one's conscience; to pin the blame; to leap into action; to jump to the eye* и др. При этом процесс метафоризации, имеющий место в данных ФС, запускает переосмысление значения глагола, которое под влиянием соседнего опорного наименования утрачивает первоначальное содержание и приобретает новое смысловое наполнение – абстрактное. Другими словами, передача чувственного восприятия происходит не через глагол, а через конструкцию в целом.

Кроме того, в составе ФС выявлены глаголы активного звучания и говорения (*рассказывать сказки, протрубить все уши; to tell tales, stories, to tell the world*); глаголы со значением зримости лица (*посереть от злости; to put smb to the blush*); глаголы сенсорного восприятия (*пялить глаза, проглядеть все глаза; to stare into space*). В меньшей степени представлены глаголы эмоционального и интеллектуального состояния.

ФС характеризуются наличием тех же лексико-грамматических разрядов существительных (абстрактных, конкретных, отвлеченных, собирательных), что и свободные сочетания слов. Данное обстоятельство обуславливает их грамматическое сходство, способствуя сближению. Рассмотрим примеры:

Таблица

Лексико-грамматические разряды существительных во ФС

Table

Lexical and grammatical categories of nouns in phraseological combinations

Лексико-грамматические разряды существительных во ФС	Примеры ФС английского языка	Примеры ФС русского языка
Абстрактные	to pay attention (<i>обращать внимание</i>); to fire questions, insults at smb (<i>засыпать кого-либо вопросами, оскорблениями</i>)	копить злобу, обиду, силу; закалять волю, характер, душу
Конкретные	to spring to one's feet (<i>вскочить на ноги</i>); to grit one's teeth (<i>скрипеть зубами</i>) (<i>испытывая негативные эмоции</i>)	засеменить ногами; заскрежетать зубами
Вещественные	to burst into tears (<i>разрыдаться</i>); to freeze smb.'s (the) blood (<i>приводить кого-л. в шоковое состояние, нагонять страх на кого-либо</i>)	вгонять в слезы, в краску; волновать кровь
Собирательные	to jump into one's clothes (<i>наспех одеться</i>); to save money (<i>экономить деньги</i>)	грести деньги; загрести / загрести деньги, барыши

Заключение

Таким образом, анализ лексико-грамматических свойств ФС английского и русского языков позволяет выявить, что ФС и переменные сочетания слов демонстрируют структурное подобие, проявляющееся в одинаковом характере синтаксических связей между их компонентами. Глаголы, входящие в состав ФС, сохраняют присущие им категориальные признаки переходности и непереходности, а существительное – лексико-грамматические разряды. Главным отличием ФС от переменных сочетаний являются отношения информативного восполнения во ФС: глагол не способен выразить свое значение самостоятельно, нуждаясь в поддержке существительного, в то время как в переменном сочетании слов глагол может автономно отображать действительность. Эта двойственность – сходство грамматических признаков и наличие отношений информативного восполнения во ФС – отражает положение ФС на периферии фразеологического фонда языка.

Литература / References

1. Виноградов В.В. *Лексикология и лексикография*: Избр. труды. Москва: Наука; 1977:312. Vinogradov VV. *Lexicology and Lexicography*: Selected Works. Moscow: Nauka; 1977:312 (in Russ.).
2. Шанский Н.М. *Фразеология современного русского языка*: [Учеб. пособие для вузов по специальности «Рус. яз. и лит.»] – [4-е изд., испр. и доп.]. Санкт-Петербург: Спец. лит.; 1996:192. Shansky NM. *Phraseology of the Modern Russian Language*: [Textbook. manual for universities in the specialty “Russian Language and Literature”] – [4th ed., rev. and additional]. St. Petersburg.: Special lit.; 1996:192 (in Russ.).
3. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged : with Seven Language Dictionary /editor in chief: Merriam-Webster. Chicago: Encyclopædia Britannica, Inc.; 1993.
4. Hornby AS. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford; 2020:1820.
5. Словарь современного русского литературного языка. Москва; Ленинград: Изд-ва Акад. наук СССР в Л.; 1950-1965:16 т. Dictionary of the modern Russian literary language. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences in Leningrad, 1950-1965:16 volumes (in Russ.).
6. Мюллер В.К. *Большой англо-русский словарь: В новой редакции: 220 000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок*. Москва: Цитадель-трейд: Рипол Классик: Дом. XXI век: Лада; 2008:832. Müller VK. *Complete English-Russian dictionary: New edition: 220,000 words, phrases, idiomatic expressions, proverbs, and sayings*. Moscow: Citadel-Trade: Ripol Classic: Dom. XXI vek: Lada; 2008:832.
7. Мюллер В.К. *Большой русско-английский словарь в новой редакции: 210 000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок*. Москва: Цитадель-трейд; 2008:16. Müller VK. *Complete Russian-English dictionary, New edition: 210,000 words, phrases, idiomatic expressions, proverbs, and sayings*. Moscow: Citadel-Trade; 2008: 816.
8. Большой фразеологический словарь русского языка. Москва: АСТ-Пресс; 2009:781, [1]. Large phraseological dictionary of the Russian language. Moscow: AST-Press; 2009:781, [1] (in Russ.).
9. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей. Москва: Русский язык; 1978:543. Phraseological dictionary of the Russian Language: over 4000 entries. Moscow: Russky Yazyk; 1978:543 (in Russ.).
10. Кунин А.В. *Англо-русский фразеологический словарь*. Москва: Русский язык; 1984:944. Kunin AV. *English-Russian phraseological dictionary*. Moscow: Russky Yazyk; 1984:944 (in Russ.).

11. Арсентьева Е.Ф. *Сопоставительный анализ фразеологических единиц*: (На материале фразеол. единиц, семантически ориентир. на человека в англ. и рус. яз.). Казань : Изд-во Казан. ун-та; 1989:123,[3].

Arsenteva E.F. *Comparative analysis of phraseological units*: (based on phraseological units semantically oriented towards a person in English and Russian). Kazan: Kazan University Publishing House; 1989:123,[3] (in Russ.).

12. НКРЯ (Национальный корпус русского языка). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 15.03.2026).

National Corpus of the Russian Language. Available at: www.ruscorpora.ru [Accessed 15 March 2026] (in Russ.).

13. Davies M. (2004) British National Corpus (from Oxford University Press). URL: www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 15.03.2026).

Davies M. (2004) British National Corpus (from Oxford University Press). Available at: www.english-corpora.org/bnc/ [Accessed 15 March 2026].

Сведения об авторах

НУРИЕВА Тансылу Рафиковна – аспирант кафедры романо-германской филологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; г. Казань, Российская Федерация, tansylu.nurieva@mail.ru

ТАРАСОВА Фануза Харисовна – д. филол. н., профессор, Институт филологии и межкультурной коммуникации; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-9420-4503>, fhtarasova@yandex.ru

About the authors

Tansylu R. NURIEVA – Postgraduate student, Department of Romance and Germanic Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication; Kazan Federal University; Kazan, Russian Federation, tansylu.nurieva@mail.ru

Fanuza Kh. TARASOVA – Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology and Intercultural Communication; Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-9420-4503>, fhtarasova@yandex.ru

Вклад авторов

Нуриева Т.Р. – методология, верификация данных, проведение статистического анализа, проведение исследования, создание черновика рукописи

Тарасова Ф.Х. – редактирование рукописи, руководство исследованием, администрирование проекта

Authors' contribution

Tansylu R. Nurieva – methodology, validation, formal analysis, investigation, writing-original draft

Fanuza Kh. Tarasova – writing-review & editing, supervision, project administration

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 17.03.2026

Поступила после рецензирования / Revised 17.04.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2026

УДК 821.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-163-173>

Оригинальная научная статья

Роль русской литературы в становлении якутского писателя Н. Д. Неустроева

В. Б. Околокова , **М. П. Попова**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

 bokorsaisar@mail.ru

Аннотация

Николай Денисович Неустроев (1895–1929) – один из основоположников якутской литературы, просветитель, писатель-реалист. Прожив короткую жизнь, он посвятил ее литературе, став родоначальником таких жанров в якутской литературе, как комедия и рассказ. В его становлении как писателя сыграли огромную роль русская литература, которой он был увлечен, и дружба с русским просветителем Н. А. Рубакиным. Н. Неустроев, получив его благословение на творческий труд, следовал его советам. На творчество Н. Д. Неустроева повлияли произведения таких русских классиков, как А. Пушкин, Ю. Лермонтов, Н. Гоголь, И. Тургенев и др. Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью творчества Н. Д. Неустроева. Произведения Н. Неустроева включены в учебники для школ, средних и высших учебных заведений. Его комедии не сходят со сцен якутских театров, составляя их основной репертуар. Но тем не менее его творчество не получило достаточного освещения и научной интерпретации. Первая работа по творчеству якутских классиков вышла в суровые годы советской реальности, когда в критике главенствовали вульгарный социологизм и нигилистическое отношение к литературному наследию. Первые якутские писатели были объявлены буржуазными националистами. Г. П. Башарин в своей книге «Три якутских реалиста-просветителя» (1944) впервые поставил Н. Д. Неустроева в один ряд с его великими предшественниками – с А. Е. Кулаковским, А. И. Софроновым, назвав их основоположниками якутской литературы. В годы т. н. оттепели и затишья литературных споров по наследству вышла монография Г. К. Боескорова «Творчество Н. Д. Неустроева» (1967). При этом творчество писателя до сих пор не получило объективной оценки, велись долгие дискуссии о том, к какой литературе отнести его творчество – к дореволюционной или советской. Неустроев свои основные произведения создавал в 1920-е годы. Но сложно отнести его произведения к советской литературе, так как он продолжил художественные традиции русского критического реализма и первых якутских писателей А. Кулаковского, А. Софронова. Таким образом, в статье на основе изучения документов и творческого пути писателя ставится задача рассмотрения такого глубокого истока его творческих поисков как русская литература, повлиявшая на его становление как писателя, основоположника и классика якутской литературы.

Ключевые слова: русская литература, якутская литература, основоположник литературы, просветитель, Н. А. Рубакин, Н. Д. Неустроев, реализм, комедия, рассказ, очерк, жизнь народа и национальные характеры

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Околокова В. Б., Попова М. П. Роль русской литературы в становлении якутского писателя Н. Д. Неустроева. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):163–173. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-163-173>

Original article

The role of Russian literature in the formation of Yakut writer N.D. Neustroev

Varvara B. Okorokova , Matryona P. Popova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,

Yakutsk, Russian Federation

 bokorsaisar@mail.ru

Abstract

Nikolai Denisovich Neustroev (1895–1929) is one of the founders of Yakut literature, an educator, and a realist writer. Although he lived a short life, he dedicated it entirely to literature, becoming the originator of such genres as comedy and the short story in Yakutia. Russian literature, for which he had a great passion, and his friendship with the Russian educator N. A. Rubakin played a big role in his development as a writer. Having received Rubakin's blessing for his creative work, Neustroev followed his advice. The works of N. D. Neustroev were influenced by the writings of such Russian classics as A. Pushkin, M. Lermontov, N. Gogol, I. Turgenev, and others. The relevance of this article is due to the insufficient study of N. D. Neustroev's creative legacy. Neustroev's works are included in school textbooks and those of secondary and higher educational institutions. His comedies remain a staple of Yakut theaters, forming a core part of their repertoire. Nevertheless, his work has not received sufficient attention or scholar interpretation. The first study of the works of Yakut classics appeared during the harsh years of Soviet reality, when criticism was dominated by vulgar sociology and a nihilistic attitude toward the literary heritage. The first Yakut writers were labeled bourgeois nationalists. In his book *Three Yakut Realist Educators* (1944), G. P. Basharin was the first to place N. D. Neustroev alongside his great predecessors – A. E. Kulakovskiy and A. I. Sofronov – calling them the founders of Yakut literature. During the years of the so-called "Thaw" and the lull in literary debates, G. K. Boeskorov's monograph *The Works of N. D. Neustroev* (1967) was published posthumously. However, the writer's work has still not received an objective assessment, and long-standing debates continue regarding which literary tradition his work belongs to – pre-revolutionary or Soviet. Neustroev created his major works during the 1920s, in the Soviet period. Yet it is difficult to classify his works as Soviet literature, as he continued the artistic traditions of Russian critical realism and of the first Yakut writers, A. Kulakovskiy and A. Sofronov. Thus, based on an examination of documents and the writer's creative path, this article sets out to examine a profound source of his creative quest: Russian literature, which influenced his development as a writer, founder, and classic of Yakut literature.

Keywords: Russian literature, Yakut literature, founder of literature, educator, N. A. Rubakin, N. D. Neustroev, realism, comedy, story, essay, life of the people and national characters

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Okorokova V. B., Popova M. P. The role of Russian literature in the formation of Yakut writer N.D. Neustroev. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):163–173. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-163-173>

Введение

Изучение творчества Н. Д. Неустроева актуально на современном этапе развития якутского литературоведения, так как его классические произведения не только живы, но и заложили основы развития якутской литературы XX века. Цель нашего исследования – показать роль русской литературы в становлении Н. Д. Неустроева как писателя.

Малоизученность творчества Н. Неустроева составляет одну из актуальных проблем современного якутского литературоведения. Произведения Н. Неустроева включены в учебники для школ, средних и высших учебных заведений. Его комедии не сходят со сцен якутских театров, составляя их основной репертуар. Но тем не менее его творчество не получило достаточного освещения и научной интерпретации. Первая работа по творчеству якутских классиков вышла в суровые годы советской реальности, когда в критике главенствовали вульгарный социологизм и нигилистическое отношение к литературному наследию. Первые якутские писатели были объявлены буржуазными националистами. Г. П. Башарин в своей книге «Три якутских реалиста-просветителя» (1944) впервые поставил Н. Д. Неустроева в один ряд с его великими предшественниками – с А. Е. Кулаковским, А. И. Софроновым, назвав их основоположниками якутской литературы. Это был подвиг молодого ученого, но за этот труд он сам десятилетиями был подвергнут преследованию. В годы т. н. оттепели и затишья литературных споров по наследству вышла монография Г. К. Боевской «Творчество Н. Д. Неустроева» (1967).

При этом творчество писателя до сих пор не получило объективной оценки, велись долгие дискуссии о том, к какой литературе отнести его творчество – к дореволюционной или советской. Неустроев свои основные произведения создавал в 1920-е годы. Но сложно отнести его произведения к советской литературе, так как он продолжил художественные традиции русского критического реализма и первых якутских писателей А. Кулаковского, А. Софрова. Многие писали, словно хотели подтянуть его, как им казалось, до высшего уровня: «Неустроев активно включается в создание советской художественной литературы в Якутии, являясь одним из ее зачинателей» [1, с. 105]. Но Н. Неустроев не нуждался в такой мнимой поддержке, талант его был безусловен и его невозможно было уложить в рамки соцреализма. Поэтому прав был А. А. Бурцев, замечая: «В критике вплоть до недавнего времени творчество Н. Неустроева искусственно разрывалось на две части – дореволюционный и советский периоды – и соответствующим образом оценивалось. Сам писатель не склонен был как недооценивать свои ранние произведения, так и афишировать творчество советского времени. Его наследие носит целостный характер, так как оно основано на единой философии жизни, на определенном понимании мира и человека. У него вообще нет конъюнктурных произведений, написанных под воздействием идеологического гипнотизма» [2, с. 43–44]. Таким образом, в статье на основе изучения документов и творческого пути писателя ставится задача рассмотрения такого глубокого истока его творческих поисков как русская литература, повлиявшая на его становление как писателя, основоположника и классика якутской литературы.

Русская литература как творческая школа основоположника якутской литературы

Н. Д. Неустроев родился 15 декабря 1895 года в 4 Баягантайском наследе Баягантайского улуса, ныне Таттинского. Учился в школе наследа, затем в 1910–1913 гг. продолжил учебу в Якутском городском училище. Пробы пера начались еще в юности. Будучи студентом Якутского городского училища, он совместно со своим сокурсником П. Слепцовым (Ойунским), ставшим впоследствии основоположником якутской советской литературы, выпускали рукописный журнал «Юность». На страницах журнала они издавали свои первые произведения, написанные на русском языке. Тогда же начали заниматься переводами. В 1914 г. Н. Неустроев с Ойунским перевели комедию Гоголя «Ревизор», что стало для обоих творческой школой.

Первые якутские писатели А. Кулаковский, А. Софров, П. Ойунский и Н. Неустроев преклонялись перед русской литературой. А. Кулаковский,

будучи студентом реального училища, написал реферат «Главнейшие достоинства поэзии А. С. Пушкина» (1897), из чего видно, что русский поэт стал учителем для якутского писателя. Отмеченные им достоинства русского писателя — фольклоризм, народность, реализм — стали для него путеводной звездой. Он писал: «Народность его преимущественно в языке, в котором выразились главные свойства русского ума и чувства. Вполне усвоив живую, народную речь, Пушкин с гениальным искусством применил ее к выражению самых разнообразных впечатлений, самых утонченных движений чувства» [3, с. 323].

Н. Д. Неустроев с юности много читал и писал: «Читать книги — мое призвание. Без книг я не могу сидеть и часа... Пушкина, Лермонтова и Гоголя я прочитал давно, и они же самые мои любимые писатели. Пушкин и Лермонтов для меня дали многое...» [4, с. 168]. «Берешь русских классиков — просто захватывает дух. Хочется излить свои чувства на бумаге. Во мне сидит какой-то неутомимый дух, который беспрестанно шепчет: пиши, голубчик, попробуй силы, авось, что-нибудь да выйдет» [4, с. 175]. Из этого видно, что русская классика не только пробудила в нем интерес к художественной литературе, но и призвала его к творчеству.

Повлиявшим на творческий путь Н. Д. Неустроева человеком стал русский беллетрист, просветитель, библиограф Николай Александрович Рубакин (1862–1946). Они переписывались годами. В своих письмах молодой человек просил совета по творчеству и спрашивал, сможет ли якут стать писателем. Н. Неустроеву было одиноко, он искал собеседника, друга, наставника, которого нашел в Н. А. Рубакине. Он писал: «Сейчас мне 19 лет... Единственное мое занятие — это чтение... Прочел главные произведения русских классиков и критиков. Я желаю посвятить себя литературе. Но для нас, якутов, как я думаю, эта вещь сложная... Пишу второй год, беря различные темы. В сей год я отдал печатать два маленьких рассказа в местный журнал «Ленские волны» [4, с. 168–169].

Н. А. Рубакин увидел в нем родственную душу, любовь к литературе и просветительские мечты юности привели его к служению народу. Николай Александрович писал: «Мне до глубины души радостно встретить в Вашем лице якута, так искренне и горячо стремящегося к свету. Идите и идите вперед, не бойтесь препятствий. Учитесь, добивайтесь, развивайте силы Вашей души. Разумеется, и якут может сделаться писателем...» [5, с. 217].

«Литературная деятельность для Вас возможна: кто сильно хочет, тот и может» [5, с. 218]. Также он говорил: «Ваш народ — по-своему тоже способный и очень хороший народ. Лучшие люди из якутов должны стараться поддержать его жизнь и сделать ее более светлой и богатой. Это могут сделать только сами якуты» [5, с. 217].

Таким образом, самым весомым стал совет Н. А. Рубакина двигаться к созданию родной литературы, что должно было стать главной творческой целью якутского писателя.

Одно из основных замечаний Н. А. Рубакина молодому человеку: нужно писать на родном языке, ведь только тогда создается родная литература. Об этом и говорил юный А. Кулаковский в своем реферате о Пушкине и сам начал создавать свои произведения на родном языке, которые к тому времени не могли быть напечатанными. Н. А. Рубакин писал Н. Неустроеву: «Но я бы от души советовал Вам писать не только по-русски, а по-якутски. Этим Вы сделали бы очень большое и важное дело. Пишите для якутов так, чтобы положить этим способом начало своей собственной якутской литературы. Ведь каждому народу нужна своя собственная литература, потому что у каждого есть свои собственные особые интересы и свой уклад жизни...» [5, с. 217].

С начала 1920-х годов, следуя совету Н. А. Рубакина, Н. Неустроев стал писать на родном языке, на котором и создал свои шедевры. Наступили другие времена,

новая советская власть уделяла много внимания развитию просвещения, письменности и печати в национальной республике. Таким образом, появилась возможность печататься на родном языке. Произведения Н. Неустроева при жизни писателя выходили на страницах газеты «Кыым», журналов «Чолбон», «Кыһыл ыллык». Его первая книга «Якутские комедии» вышла в 1926 г., затем были напечатаны «Злой дух» (1927), «Сборник рассказов» (1929). Избранные произведения писателя изданы в 1947, 1959, 1985, 1995, 2006 гг. Однако многие произведения писателя еще не увидели свет, его рукописи хранятся в архивном фонде ИГИиПМНС ЯФ СО РАН.

Н. Д. Неустроев в 1912–1919 гг. первые свои произведения написал на русском языке, так как хотел быть напечатанным, прочитанным и нашедшим своих читателей. Он переписывался со многими российскими журналами, но везде ему отказывали в публикации. В. М. Крутовской, редактор журнала «Сибирские записки» (Красноярск), начав с ним переписку, заинтересовался якутским народом и его историей. Первый рассказ Н. Неустроева «Дикая жизнь» был напечатан на страницах данного журнала («Сибирские записки», 1917, № 6). Также в эти годы им написаны такие его известные рассказы, как «Прокаженные», «Презрение». Н. Н. Тобуроков писал: «Рассказ Неустроева «Прокаженные» – это одно из лучших произведений писателя, хотя и названо скромно «якутским этюдом». В своих рассказах писатель выступает как строгий реалист, отражающий события действительности так, как он их видел: это дало ему возможность художественно воплотить своеобразие жизни 1920-х гг., характеры людей тех лет. В целом его рассказы имеют типологическое сходство с очерками «натурального» направления в русской литературе, существенными чертами которого были социальная тематика, критический пафос, «правда жизни» ...» [6, с. 96–97]. Но, в отличие от рассказов, все свои очерки Неустроев писал на русском языке, видимо, считая, что они тогда будут более резонансными.

Третий урок, преподанный Н. А. Рубакиным, состоял в том, что он призывал осознать необходимость учебы у русской литературы и потому советовал молодому писателю прежде всего заниматься переводами произведений русских классиков. Первые якутские писатели как просветители переводили произведения русских классиков, чтобы донести их до якутского читателя, вместе с тем это действительно стало творческой школой – они использовали их образы и сюжеты в своих произведениях. Так, на основе стихотворения Ю. М. Лермонтова «Дары Терека» А. Кулаковский написал свою знаменитую поэму «Дары реки» (1909). Ойунский переводил произведения М. Горького, серьезно увлекался его революционным романтизмом и написал драматическую поэму «Красный Шаман». Н. Неустроев также перевел драму А. Пушкина «Борис Годунов». Н. Неустроев, будучи учителем, знакомил детей с произведениями русских классиков и прививал любовь к ним.

Также Н. А. Рубакин настраивал Н. Неустроева писать о проблемах действительности и родного народа. «Может быть, у Вас не окажется таланта, чтобы писать художественные произведения, но во всяком случае у Вас достаточно способностей для защиты интересов якутского народа. Для этого Вы можете писать статьи в русских газетах и журналах о положении якутов, о несправедливостях, какие над ними творят, вообще о правде Вашей жизни. Ваше сочинение мне очень понравилось. Пишите еще. Все, что пишете от души, из ее глубины, всегда хорошо» [5, с. 217]. И вслед за ним Н. Д. Неустроев повторяет: «Да, надо бороться и бороться за свои права...» [4, с. 171]. Хотя первый рассказ Неустроева Рубакину понравился, он не мог по нему судить о широте его таланта, поэтому, видя, что писатель борется за социальную справедливость,

посоветовал взяться за очерки. Н. Неустроев – первый очеркист в якутской литературе.

Но и в своих художественных произведениях Н. Неустроев писал о бедствиях родного народа, влачащего жалкую жизнь угнетенных, униженных и бесправных инородцев. Народный писатель Суорун Омоллоон назвал его своим учителем и был восхищен его суровым реализмом, изобличающим пороки общества и классов: «Неустроев отталкивался всегда от конкретного факта, от реально существующей действительности с ее закономерными противоречиями. Он никогда не старался сглаживать эти противоречия или делать вид, что не замечает их. В этом смысле он был представителем критического реализма от начала до конца. В этом смысле он был очень смелым и весьма искренним перед собою писателем» [7, с. 37].

Н. Д. Неустроев взялся за показ действительности и написал свои лучшие произведения на родном языке. Появились его комедии «Голова Кукакы», «Злой дух», «Поспешивший», «Простокваша», рассказы «Рыбак», «Семенчик», «Просвет», «Скандал» и др.

Н. А. Рубакин также отправлял ему книги из своей богатой библиотеки и составил список трудов, предназначенных для расширения его кругозора и знаний.

Таким образом, Н. А. Рубакин стал для Н. Неустроева учителем и наставником, словам которого он внимал и советам которого следовал. Неизвестно, как сложилась бы творческая судьба Н. Неустроева без его друга в лице Н. А. Рубакина. Благодаря ему он стал основоположником якутской литературы и стал смелым автором, раскрывающим т. н. «язвы» общества. Н. Неустроев вместе с А. Софроновым стали не только первыми якутскими драматургами, но и талантливыми и известными деятелями театрального искусства. В те времена драма была самым популярным и доступным жанром для неграмотного населения. Н. Неустроев писал: «На сером фоне таежной действительности неожиданно появился якутский писатель, дотоле невиданное и неслыханное явление. При этом этот писатель оказался настоящим народным, говорящим на таком языке, каким говорит до сего времени темный якут. И при этом он заговорил не о высокой материи, а о том, чем живет и болеет рядовой якут, воспроизвел перед его удивленными глазами в ярких образах народные типы, столь близкие его сердцу, и заставил он якута понять, почувствовать, как горька и тяжела его жизнь... Как же будет читать неграмотный якут?... Пришел якутский писатель, но какой писатель? Прежде всего писатель-драматург... сцена доступна каждому якуту... И вот заговорил новый писатель с народом посредством сцены. Это в высшей степени замечательное явление... Пришел новый певец, ударил в самые струны народного сердца, и тайга заговорила и не так еще заговорит...» [8]. В этом обобщенном образе якутского драматурга автор, несомненно, имеет в виду и себя, признавая свою роль как драматурга. О своих первых успехах на сцене театра радостно сообщает Н. А. Рубакину: «Следуя Вашему совету, написал пьесу из якутской жизни на родном языке. Пьесу недавно ставили в Народном доме в г. Якутске. Она прошла с некоторым успехом» [4, с. 173]. Неустроев горд за себя, что он пишет на родном языке и, понимая истинный долг писателя, служит своему народу.

Н. Неустроев стал зачинателем жанра комедии в якутской литературе: его перу принадлежат комические пьесы «Злой дух», «Голова Кукакы», «Поспешивший», «Простокваша». Комедией «Злой дух» был открыт первый театральный сезон Якутского драматического театра (1925) [9, с. 11]. Талант писателя в силе его смеха. Продолжая традиции русской литературы, комедиограф высмеивал человеческие пороки и критиковал общественные устои. Известный литературный критик В. Н. Протоdjяконов писал: «Неустроев был мастером смеха. В этом деле он единственный и никто его не превзошел до сих пор» [10, с. 78].

Н. Неустроев – один из первых рассказчиков якутской литературы. В 1920-х гг. в якутской прозе был популярен социально-бытовой рассказ, в котором продолжались традиции бытописательного рассказа русской литературы, в рассказах якутских авторов в скобках так и указывалось: «По Чехову», «По Короленко». В этом жанре известны рассказы Н. Неустроева «Рыбак», «Просвет», «Белое озеро», «Прокаженные» и др. Вместе с тем Н. Неустроев впервые в якутской литературе расширил возможности рассказа в отображении действительности, обогатив его жанровые формы и написав не только социально-бытовые, но и приключенческие – «Рассказ заблудившегося мальчика», «Испуг», юмористический – «Испугавшийся», фантастический – «Факир», психологический – «Семенчик», исторический – «Омогой и Эллай» и др.

Писатель изобразил жизнь якутского народа и создал неповторимые национальные характеры. Раскрытие правды о жизни своего народа он сделал целью своего творчества.

Якутская комедия, которую начинали Н. Неустроев и П. Ойунский, зарождалась с традиций великого мастера смеха Н. В. Гоголя. Недаром они интересовались его творчеством и перевели комедию «Ревизор». В сатирической комедии Н. Неустроев, как и Гоголь, высмеял чиновничью систему царской России: и в глубинке процветали такие явления, как взяточничество, стяжательство, лесть, преклонение перед властимущими и т. д. И хотя Н. Неустроев продолжал традиции Гоголя, воссоздавая его сюжеты о «роковой ошибке» в чиновничьем мире и неудавшейся женитьбе, он представлял якутскую действительность и «узнаваемые» лица своего общества. «Главная художественная сила, вернее литературная долговечность таких его произведений, как “Голова Кукакы” и “Злой дух”, рассказы “Сэмэнчик” и “Рыбак Платон” объясняется правдивостью человеческих характеров, яркостью психологических зарисовок, содержательностью художественных деталей и лаконичностью описания жизненных фактов» [1, с. 159].

Образ Скупца всегда интересовал писателей и был популярен в мировой литературе: А. Пушкин «Скупой рыцарь», Гоголь «Мертвые души», Бальзак «Гобсек» и др.

«Скупость главных героев произведений авторы раскрывают различными способами. Скупость в произведении А. С. Пушкина преподнесена читателю как явление социальное и отчасти историческое. Однако внимание Пушкина в этой трагедии занимает не нрав как таковой, не психология скупца, раскрывающаяся в сочетании с другими свойствами характера. В «Скупом рыцаре» поэт рассматривает коллизию двух социальных укладов и соответствующих им мировоззрений – феодального и буржуазного. Противоречие, парадокс, оксюморонность состоит в том, что золото заменяет Барону все, с помощью него он вершит судьбы людей, подобно Гобсеку он приравнивает себя к высшим силам, поскольку считает, что именно золото дает право на власть» [11, с. 75].

В конкретном образе Скупого в комедии Неустроева «Злой дух», в котором олицетворены все отрицательные черты патриархально-феодального богача, отразились традиции мировой литературы. Писатель также высмеивает его, имеющего деньги и считающего себя властелином мира, выставляя его в незавидном виде. Если в комедиях Гоголя, который ставил целью изобличить современное ему общество и создать его сатирическую картину, нет положительных героев, то в комедиях Неустроева, в которых бытописание и правдоподобие действительности сильны, положительные герои присутствуют. Это, как обычно, старушки, жены главных героев, которые посмеиваются над глупостью своих мужей и предупреждают об опасности их деяний. В комедии

«Голова Кукакы» противник главного героя бедняк Противный Уйбаан, хотя и выступает против него, не может быть положительным героем в полном смысле этого слова. Скорее он выступает как скандалист. За ним стоит более грозный, но незримый образ русского учителя Ивана Ивановича как основного противника головы. Голова подозревает, что он мутит дела и подначивает людей против него. Гоголь положительным героем своих комедий называл Смех, как поражающее оружие против всего, что не соответствует этическим, моральным нормам этой жизни.

Н. Неустроев также был мастером смеха. В финале комедии «Злой дух» звучит буйный смех Скупца и молодых купцов, каждый радуется своей мнимой победе. И зритель смеется вместе с автором, потому что они знают перспективы этих вымирающих классов патриархально-феодалного и буржуазного мира. «Неожиданный финал, когда более ловкие жулики обходят старого плута, является типичным в истории мировой литературы («Игроки» Гоголя, «Волки и овцы» А. Островского, «Усмирение Баладошкина» Л. Леонова). В целом комедийная ситуация, основанная на приеме одурачивания, и построение конфликта между сатирическими персонажами выдержаны в традициях «Ревизора» Гоголя» [12, с. 29].

В драме Н. Неустроева «Судьба жестока», как и в драме А. Софронова «Тина жизни», как бы отражается сюжет драмы А. Островского «Гроза». Но писатели показывают проблемы якутской действительности, в которой женщина была самым униженным и бесправным членом общества. Ее трагическая судьба, когда она не могла выбраться из «тины жизни», волновала писателей-гуманистов, борцов за права женщины.

Н. Неустроев, как И. Тургенев, был охотником, бродил по дикой тайге и встречал на своем пути разных интересных людей, что становилось сюжетом его рассказов. Как и Тургенев, в маленьких людях он подмечал их незаурядный ум, философское мышление и чистоту души. Лиричность, лаконичность и внутренняя динамика повествования также сближают их творчество.

Н. Д. Неустроев как человек, глубоко изучивший русскую литературу, стал основоположником якутского литературного языка.

Как отметил исследователь якутского литературного языка П. А. Слепцов, Н. Неустроев писал живым народным языком: «Его язык как бы перенесен из живой, повседневной, повсюду звучащей речи народа» [13, с. 108]. Простоте слога, в отличие от фольклорного слова, Н. Неустроев учился, несомненно, у русских классиков, что отчетливо видно в его рассказах, написанных на русском языке. Он учится слогу, описательности. Например, изображенная им природа изобилует эпитетами, образами из русской литературы: «Незаметный легкий ветерок шевелил лопатчатообразные, пожелтевшие листья березы. По синему небу плавали кучевые облака, принимая разные причудливые очертания: то волшебных великанов, то сказочных чудовищ, то воздушных замков и строений. Это был один из тихих и ясных августовских дней, когда дикая тайга принимает таинственно угрюмый вид, когда в прозрачном воздухе чувствуется первое дыхание серой таежной осени, когда могучая своей первобытной красотой природа томится ожиданием чего-то грозного, когда в лесу царит глухая тишина, изредка прерываемая щебетанием или полетом маленькой птички, и по воздуху несется сверкающая нить паутины, и пожелтевшая трава густо никнет к засыпающей родной земле. Как будто чувствуется, что в воздухе протянута бесконечная струна и шаловливый зефир играет на ней, что тихая музыка звенит где-то в лазурной вышине» [4, с. 54]. Эпитеты «лопатчатообразные», «кучевые», образы «шаловливый зефир», «тихая музыка», «лазурная вышина», «бесконечная струна» и др. представляют собой картину из русского пейзажа. А «причудливые

очертания волшебных великанов, воздушных замков» вряд ли принадлежат фантазии якутского человека того времени. Рассказ написан в 1918 г. Но в этом видится, как Неустроев учится у русских писателей описанию пейзажа, созданию образов и слогу, стилю повествования.

В целом Н. Неустроев, отражая якутскую действительность и раскрывая национальные характеры, создавал оригинальные произведения. Сюжеты Н. Неустрова были подхвачены якутскими комедиографами, показывающими современную действительность.

«Значение творчества Н. Д. Неустроева как создателя первых якутских комедий и как автора ряда рассказов, относящихся по своим художественным достоинствам к числу высших достижений национальной прозы, огромно в истории родной литературы. Лучшие произведения писателя, сыгравшие значительную роль в становлении жанров рассказа и комедии, представляют большой идейно-эстетический интерес и для современного читателя» [1, с. 159]. Н. Неустроев стал признанным мастером слова. Его учениками в литературе стали молодые писатели, которые признавали его талант. Даже в годы нигилистического отношения к классикам раздавались разумные предложения. Амма Аччыгыйа на I конференции писателей Якутии в 1934 г. говорил: «На рубеже двух эпох, когда скрестились мечи двух враждебных классов, в грохоте первых орудий революции и гражданской войны, коротко, ярко сверкнув, угас вместе с жизнью талант Н. Д. Неустроева... Советские драматурги могут и должны у него учиться чеканности образа, конкретности темы, богатству языка и мастерству строения архетоктоники» [14, с. 214].

«Неустроев всем своим существом любил жизнь, человека. Страстная любовь к жизни, к человеку, борьба за возвышение его человеческих достоинств, его утверждение – таков гуманизм Неустроева, духом которого проникнуты все его произведения» [15, с. 107]. Н. Неустроев преклонялся перед такими традициями русской литературы, как гуманизм, демократичность, народность, они также стали основными принципами его творчества. Ведь недаром он писал, что Пушкин, Лермонтов ему дали многое.

Заключение

Таким образом, велика роль русской литературы XIX века в становлении якутской литературы, когда первые якутские писатели учились на традициях русских классиков. У якутских писателей, представителей бесписьменного, непросвещенного, забитого якутского народа, русская литература стала путеводной звездой и творческой школой для создания своей письменной художественной и национальной литературы. Все достоинства классических произведений русских писателей Н. Неустроев, как и А. Кулаковский, глубоко впитал в себя. Особенно на творчество Н. Неустроева, ставшего основоположником жанров комедии и рассказа в якутской литературе, повлияли традиции Гоголя и Тургенева. Литературным учителем Неустроева стал Н. А. Рубакин, чьи установки и наставничество сыграли огромную роль в становлении Н. Д. Неустроева как якутского писателя, реалиста и просветителя, посвятившего свою жизнь родной литературе и служению народу.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Боескоров Г.К. *Творчество Н. Д. Неустроева*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1967:168.
Boeskorov GK. *The works of N. D. Neustroev*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House; 1967:168 (in Russ.).
2. Бурцев А.А. *Введение в историю якутской литературы*. Якутск: Сахаполиграфиздат; 2004:208.
Burtsev AA. *Introduction to the history of Yakut literature*. Yakutsk: Sakhopoligrafizdat; 2004:208 (in Russ.).
3. Кулаковский А.Е. Главнейшие достоинства поэзии Пушкина. Кулаковский А.Е. Наступление лета. *Стихи и проза. Избранные произведения*. Москва: Современник; 1986:320-323.
Kulakovsky AE. The principal merits of Pushkin's poetry. In: Kulakovsky A.E. The Arrival of Summer. *Poetry and Prose. Selected Works*. Moscow: Sovremennik; 1986:320-323 (in Russ.).
4. Неустроев Н.Д. *Собрание сочинений. Стихи. Рассказы. Письма*. Т. 2. Якутск: Бичик; 2006:222.
Neustroev ND. *Collected works. Poetry. Short Stories. Letters*. Vol. 2. Yakutsk: Bichik; 2006:222 (in Russ.).
5. Рубакин Н.А. Уважаемый Николай Дионисьевич! Письмо к Н.Д.Неустроеву. *Неустроев Н.Д. Собрание сочинений. Стихи. Рассказы. Письма*. Т. 2. Якутск: Бичик; 2006:217-218.
Rubakin NA. Dear Nikolai Dionisyevich! Letter to N.D. Neustroev. In: *Collected Works. Poetry. Short stories. Letters*. Vol. 2. Yakutsk: Bichik; 2006:217-218 (in Russ.).
6. Тобуроков Н.Н. *Литература начала века. Литература Якутии. XX век*. Якутск: ИГИ АН РС(Я); 2005:67-100.
Toburokov NN. *Literature of the beginning of the century*. In: *Literature of Yakutia. 20th century*. Yakutsk: Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS; 2005:67-100 (in Russ.).
7. Сивцев Д.К.-Суорун Омоллоон. *Николай Денисович Неустроев*. Критика писателя. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2012:35-37.
Sivtsev DK. – Suorun Omolloon. *Nikolai Denisovich Neustroev*. Criticism of the writer. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2012:35-37 (in Russ.).
8. Архив ЯФ СО АН СССР. ф. 5, оп. 2, д. 91, л. 9.
Archive of the Yakut Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Fund 5, Series 2, File 91, Sheet 9 (in Russ.).
9. Антология Саха театра. 1-я книга. Якутск: Бичик, 2010:420.
Anthology of the Sakha Theater. Book 1. Yakutsk: Bichik; 2010:420 (in Russ.).
10. Протодяконов В.Н. *Сборник статей*. Якутск: Бичик; 2009:304.
Protodyakonov VN. *Collection of articles*. Yakutsk: Bichik; 2009:304 (in Russ.).
11. Питерская С.Э. Образ скупого в мировой литературе. *Филология и литературоведение*. 2015;(12). URL: <http://philology.snauka.ru/2015/12/1805>
Piterskaya SE. The image of the miser in world literature. *Philology and literature*. 2015;(12). Available at: <http://philology.snauka.ru/2015/12/1805> (in Russ.).
12. Кириллина М.А. *Якутская комедия. Типология и жанровая динамика*. Новосибирск: Наука; 2014:115.
Kirillina MA. *Yakut comedy. typology and genre dynamics*. Novosibirsk: Nauka; 2014:115 (in Russ.).
13. Слепцов П.А. *Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм*. Новосибирск: Наука; 1986:262.
Sleptsov PA. *The Yakut literary language. Origins. Formation of norms*. Novosibirsk: Nauka; 1986:262 (in Russ.).

14. Амма Аччыгыя. Якутская советская драматургия. Из доклада на первой всеякутской конференции советских писателей (декабрь, 1934). Амма Аччыгыя. *Человек и творчество*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1975:211-225.

Amma Achchyghya. Yakut Soviet drama. From a report at the First All-Yakut Conference of Soviet Writers (December, 1934). In: Amma Achchyghya. *The man and art*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House; 1975:211-225 (in Russ.).

15. Башарин Г.П. *Три якутских реалиста-просветителя*. Якутск: Издательский Дом СВФУ; 2019:186.

Basharin GP. Three Yakut realist educators. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2019:186 (in Russ.).

Сведения об авторе

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна – д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2725-4345>, e-mail: bokorsaisar@mail.ru

ПОПОВА Матрена Петровна – к. филол. н, доцент кафедры якутской литературы, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2656-2258>, e-mail: pmatrena75@mail.ru

About the authors

Varvara B. OKOROKOVA – Doct. Sci. (Philology), Professor, Department of Yakut literature, M.K. Ammosov North-Eastern University, Yakutsk, Russian Federation

Matryona P. POPOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Yakut literature, M.K. Ammosov North-Eastern University, Yakutsk, Russian Federation

Вклад авторов

Окорокова В.Б. – разработка концепции, методология, редактирование рукописи

Попова М.П. – проведение исследования, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Varvara B. Okorokova – conceptualization, methodology, writing - review & editing

Matryona P. Popova – investigation, writing - original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 06.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 30.05.2026

Принята к публикации / Accepted 08.06.2026

УДК 81-26;81'42

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-174-186>

Оригинальная научная статья

Библейские аллюзии и реминисценции как инструмент смыслового расширения сюжета художественного произведения

Н. Н. Оломская , **С. Ф. Агаджанян**

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

 sonyaagd@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется роль библейских аллюзий и реминисценций в научно-фантастическом романе Ф. Герберта «Дюна», а также то, каким образом данные элементы расширяют сюжет произведения. Актуальность данного исследования обуславливается возросшей частотностью использования библейских аллюзий в сюжетах художественных произведений, а также необходимостью корректного декодирования данного лингвистического явления в тексте для более точной передачи библейских отсылок при переводе произведений на иностранный язык. Целью является исследование роли библейских аллюзий и реминисценций как инструментов смыслового расширения сюжета романа «Дюна». В рамках данной работы предполагается проанализировать, каким образом эти мотивы дополняют и усложняют повествование, создают интертекстуальные связи и усиливают его философское содержание. Методология базируется на комплексном подходе, сочетающем методы сравнительно-сопоставительного анализа, контекстуального анализа произведения, лингвистического анализа текста. Материалом исследования выступили книга Нового Завета Откровение Иоанна Богослова и научно-фантастический роман Ф. Герберта «Дюна». В ходе исследования выявлено, что роман Ф. Герберта «Дюна» масштабное по своей сути произведение, в котором религиозные мотивы и библейские аллюзии занимают особое место, а также установлено, что использование библейских аллюзий и реминисценций способствует формированию мифопоэтического фона. Результаты данного исследования могут быть применены при изучении дисциплин «Лингвистический анализ и интерпретация художественного текста», «Зарубежная литература», также исследование может быть полезно при анализе роли библейских текстов в построении художественных образов в произведении и их влияния на художественную литературу в целом. Перспективы дальнейших исследований заключаются в использовании разработанных методик в последующем анализе роли библейских аллюзий в научно-фантастическом романе Ф. Герберта «Дюна».

Ключевые слова: анализ текста, авторские коммуникативные стратегии, библейские аллюзии, библейский текст, религиозные мотивы, Ф. Герберт, «Дюна», научно-фантастический роман, реминисценции, зарубежная литература

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Оломская Н. Н., Агаджанян С. Ф. Библейские аллюзии и реминисценции как инструмент смыслового расширения сюжета художественного произведения. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):174–186. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-174-186>

Original article

Biblical allusions and reminiscences as a tool for semantic expansion of the plot of a literary work

Natalya N. Olomskaya , **Sonya F. Agazhanyan**

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 sonyaagd@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the role of biblical allusions and reminiscences in F. Herbert's science fiction novel "Dune", and also examines how these text inclusions expand the plot of the work. The relevance of this study is due to the increased frequency of the use of biblical allusions in the plots of works of fiction, as well as the need for correct decoding of this linguistic phenomenon in the text in order to more accurately convey biblical references when translating works into a foreign language. The purpose of this work is to study the role of biblical allusions and reminiscences as tools for the semantic expansion of the plot of the novel "Dune". Within the framework of this work, it is proposed to analyze how these motifs complement and complicate the narrative, create intertextual connections and enhance its philosophical content. The research material was the book of the New Testament – the Revelation of John the Theologian and the science fiction novel by F. Herbert's "Dune". The methodology is based on an integrated approach combining methods of comparative analysis, contextual analysis of the work, and linguistic analysis of the text. The results of the study revealed that Roman F. Herbert's "Dune" is not only a large-scale work in which religious motifs and biblical allusions occupy a special place, but also the fact that the use of biblical allusions and reminiscences contributes to the formation of a mythopoetic background, which reveals themes of fate, power, foresight and salvation. The results of this study can be applied in the study of the disciplines "Linguistic analysis and interpretation of literary text", "Foreign literature", and the study can also be useful in analyzing the role of biblical texts in the construction of artistic images in a work and their impact on fiction in general. The prospects for further research are to use the developed techniques in further analyzing the role of biblical allusions in F. Herbert's science fiction novel "Dune", as well as in expanding the theoretical understanding of the semantic levels laid down by the author of the work.

Keywords: text analysis, author's communication strategies, biblical allusions, biblical text, F. Herbert, "Dune", science fiction novel, reminiscences, religious, motifs, foreign literature

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation. Olomskaya N. N., Agazhanyan S. F. Biblical allusions and reminiscences as a tool for semantic expansion of the plot of a literary work. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):174–186. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-174-186>

Введение

Категория библейских аллюзий привлекает особое внимание специалистов, осуществляющих научно-исследовательскую деятельность в области лингвистики и литературы. Изучение роли библейских аллюзий в тексте стало актуальной научной проблемой в конце XX века, что связано с возникновением новых форм взаимодействия между государством и Церковью.

Результатом данных изменений стало более частотное использование библейских аллюзий в текстах как публицистической, так и художественной направленности, в связи с чем и возникла необходимость корректного определения и поиска данного лингвистического явления в тексте для более точной передачи библейских отсылок при переводе произведений на иностранные языки. В последнее десятилетие в значительной степени возрос интерес к художественной литературе научно-фантастического жанра, в частности к произведениям Фрэнка Герберта.

Бесспорно, что многие выдающиеся художественные произведения имеют многослойную структуру и являются прекрасными примерами использования разнообразных символов, мотивов и аллюзий, способствующих глубокому раскрытию их смыслов. Одним из важных мест в такой системе является использование религиозных и мифологических мотивов, среди которых особое место занимают библейские аллюзии и реминисценции, поскольку именно они обладают мощными средствами смыслового расширения и интерпретации текста. Кроме того, библейские аллюзии и реминисценции не только помогают автору подчеркнуть универсальность тем, но и создают дополнительное пространство для интерпретативных множественностей.

Актуальность данного исследования обуславливается возросшей частотностью использования библейских аллюзий в сюжетах художественных произведений, а также необходимостью корректного декодирования данного лингвистического явления в тексте для более точной передачи библейских отсылок при переводе произведений на иностранный язык.

В качестве теоретической базы исследования выступили основные положения теории передачи аллюзивности в художественных произведениях (О. С. Ахманова [1], И. В. Гюббенет [2]), работы, посвященные изучению поэтики художественного текста (Р. Барт [3], Н. Г. Владимирова [4]), научные монографии о теории сравнительного изучения художественной литературы (Д. Дюришин [5]), материалы, посвященные изучению феномена вертикального контекста (О. В. Коряжкина [6]).

Целью данной научной работы является изучение библейских аллюзий, выступающих в роли инструментов смыслового расширения текста художественного произведения, а также анализ того, каким путем данные аллюзивные включения расширяют смысловое и философское содержание произведения.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в использовании результатов исследования при изучении дисциплин «Лингвистический анализ и интерпретация художественного текста», «Зарубежная литература», а также в применении заключительных выводов в процессе определения и передачи формы и смысла библейских аллюзий и реминисценций при переводе художественных произведений в паре языков английский-русский.

Теоретические аспекты изучения феномена аллюзивности

В XX веке повышенный интерес к способам неявной передачи смыслов текста поставил перед учеными задачу, заключающуюся в расширении и углублении теоретического понимания в рассматриваемой области лингвистической науки. Ученые (О. С. Ахманова, Р. Барт, Н. Г. Владимирова, И. В. Гюббенет, Д. Дюришин) особенно отмечают важность корректного восприятия глубинного смысла произведения.

В художественной литературе выделяется целая группа текстов, аллюзии и реминисценции на которые особенно активно используются авторами классических и современных произведений. Среди них можно выделить Библию, «Божественную комедию» Данте, произведения Шекспира, русских классиков в лице Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.

Использование аллюзий в текстах художественных произведений берет свое начало в работах античных авторов. Дальнейшее развитие феномен получил в Средние века, а также в период эпохи Возрождения. Однако особый интерес исследователей феномен аллюзий вызвал в 1960-х годах с развитием направления структурализма [7].

Практически в каждом художественном тексте можно обнаружить примеры использования аллюзий в виде внутритекстовых «включений», скрытых или явных цитат, отсылок. Это является доказательством того, что любой текст диалогически включен в историю, культуру и общественную среду [8].

В рамках своей научной работы «Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста» И. В. Гюббенет подчеркивает необходимость четкого разграничения и определения сути и особенностей двух подходов к осмыслению художественного текста. Первый путь – это процесс умственной деятельности, приводящий к осмыслению и пониманию содержания прочтенного текста. Второй путь – это более глубокий и скрытый способ понимания текста, основанного на неявных речевых фигурах. В данной ситуации акцент делается на интегрирование в сюжет произведения литературных реалий и аллюзий.

В рамках рассматриваемого аспекта выделяется термин «вертикальный контекст» [2] и дается следующее определение данного феномена: «филологическая проблема, вопрос о том, как и почему тот или иной писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую информацию, объективно заложенную в созданном им литературном произведении» [9, с. 47–54]. Вертикальный контекст основывается на фоновых знаниях участников коммуникационного процесса. Также учитывается степень совпадения данных фоновых знаний у лиц, участвующих в коммуникации. Опираясь на данные словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой, отметим, что «фоновые знания – это обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [1, с. 498].

Для корректного понимания и определения явлений необходимо указать разницу между вертикальным контекстом и фоновыми знаниями. Фоновыми знаниями являются сведения, которыми обладают как автор, так и читатель, в то время как вертикальные – это историко-филологический контекст рассматриваемого литературного произведения [10].

Трактовка феномена аллюзивности в современной лингвистике определяет особую стратегию межтекстуальной связи, при которой автор внутри произведения использует признаки, отсылающие читателя к другим текстам, мифам, религиозным и культурным кодам. Мы полагаем, что аллюзивность представляет собой активный механизм расширения смыслового поля произведения за счет вплетения дополнительных уровней интерпретации. Термин «аллюзия» происходит от латинского слова *allusio*, что значит «отсылка» или «намек». В широком смысле под аллюзией понимается скрытая или очевидная ссылка автора на известные другие тексты или культурные явления, что в конечном итоге придает новому произведению дополнительную смысловую насыщенность. Так как это наиболее популярные среди авторов формы внедрения текстов предшествующих литературных работ, аллюзии и реминисценции особенно часто наблюдаются в художественных произведениях. Н. Г. Владимирова пишет, что «аллюзии – это стилистическая фигура, намек на хорошо известный литературный или исторический факт, а также риторическую фигуру» [4, с. 144]. Реминисценция, как считает исследователь, представляет собой бессознательное заимствование автором элемента художественного образа какого-либо ранее созданного произведения.

Реминисценцию характеризуют как неявный намек на другой текст, воспроизведение определенного образа, мотива, стилистического приема, она служит отсылкой к иному произведению. В рамках теории интертекстуальности реминисценция выступает как одна из ее форм. Следует подчеркнуть, что исследователи выделяют тонкую грань между сутью феноменов аллюзивности и реминисценции.

Реминисценция может носить как случайный, так и намеренный характер. Она способствует обогащению сюжета художественного произведения, а также направлена на расширение образов персонажей книги. Такой подход помогает читателям посредством задействованной схожести образов воспринимать текст на более глубоких уровнях интерпретации.

В лингвистической литературе выделяют различные типы аллюзий: литературные, религиозные, культурные, мифологические [11, с. 167].

Изучив результаты попыток систематизации видов и функций аллюзий, мы остановились на классификации, предложенной Д. Дюришиным [5]. Рассмотрим некоторые типы аллюзивных связей.

Определяя наиболее активно используемый тип аллюзий, исследователь выделил феномен прямого и завуалированного цитирования и установил, что это «простейший тип литературной связи».

Следующая категория цитатной аллюзии – имплицитная цитатная аллюзия. Этот вид аллюзивности косвенно указывает на автора либо на произведение. Особенностью данного феномена является безошибочное распознавание автора и произведения, аллюзия из которого приводится на страницах того или иного художественного текста [12].

Р. Барт в своем научном труде подчеркивает особенность художественных произведений, суть которой состоит в том, что «внутренняя структура каждого текста содержит в себе, в той или иной степени узнаваемости, компоненты других текстов» [3, с. 75]. Использование подобных элементов в форме аллюзий, цитирования и реминисценций называется интертекстуальностью. Необходимо отметить факт того, что принцип интертекстуальности является основой для феномена неразрывности текстов культур [10].

Основные функции аллюзий заключаются в том, что они расширяют смысл произведения и способствуют созданию межтекстуальных связей для усиления эмоционально-образного восприятия произведения. Кроме того, аллюзии формируют у реципиента ассоциации и дополняют глубинную логику сюжета с помощью маркированных культурных, религиозных или исторических контекстов. Лингвистические механизмы аллюзий подразумевают использование образных выражений, цитат, аллегорий, параллелизмов и символов, отсылающих к известным текстам или культурным кодам. Однако стратегии предполагают более широкий спектр использования: от прямого цитирования до тонких реминисценций, создающих ощущение «нереальности» в интертекстуальном пространстве, поэтому аллюзии служат инструментом глубинной смысловой организацией текста в художественном произведении, давая возможность автору заключать в произведение скрытые уровни интерпретации, прослеживать связь с художественными традициями, религиозными мифами и культурными архетипами.

И. Р. Гальперин и А. Г. Мамаева, изучавшие феномен аллюзий с позиции стилистики [12], Л. В. Полубиченко, разработавшая понятие ассоциативного вертикального контекста, базисом которого являются ассоциации, вызывающие те или иные аллюзии в сознании читателя, [13], а также Л. А. Машкова, предлагающая рассмотреть вертикальный контекст со стороны филологической герменевтики [14], подчеркивают важность осознания аллюзий для полноценного восприятия текста.

Для нашего исследования особое значение аллюзия приобретает при анализе религиозных мотивов и библейских реминисценций, поскольку библейские аллюзии и реминисценции способствуют созданию мифопоэтических слоев, усиливая символическую насыщенность произведения и помогая автору и реципиенту раскрыть универсальные темы о человеке, его судьбе и нравственных ценностях.

Анализ рассматриваемого текста и сравнение с предполагаемым первоисточником аллюзивности

В рамках данного исследования был проведен анализ отсылок и реминисценций в романе «Дюна» Ф. Герберта с целью выявления источников и уровня интертекстуальной насыщенности произведения. Особое внимание в работе уделяется библейским мотивам и их роли в формировании смысловой структуры романа, поскольку это одни из ярких примеров употребления аллюзий и реминисценций в канве сюжета.

В ходе данного исследования была предпринята попытка выявить источники аллюзивных связей, что указывает на использование Ф. Гербертом разнообразных культурных и религиозных архаизмов, особенно библейских текстов, таких как Ветхий Завет и апокрифические источники. В исследованиях профессора Frank Jacob [15] указывается, что автор черпал вдохновение из библейской традиции для создания мифопоэтического фона и формирования архетипов. Кроме того, исследователи отмечают [15], что Герберт использует эти аллюзии не просто как цитаты, а как механизмы смыслового кодирования, способные активировать у читателя соответствующие ассоциации и символические коннотации. Это делает сюжет более универсальным и глубинно связанным с религиозной и культурной памятью.

В центре сюжетно-композиционной структуры «Дюны» мы находим историю молодого аристократа Пола Атрейдеса. Он и его семья отправляются на пустынную планету Арракис, контроль над которой им верил Император Галактической империи. В результате заговора главу семьи, герцога Лето, вероломно убивают. Сбежав из взятой столицы планеты, города Арракина, Пол и его мать, леди Джессика, отправляются в глубокую пустыню с целью получения поддержки фременов – коренного народа пустыни. Заключив альянс, они надеются восстановить справедливость и вернуть власть в руки своей семьи.

Произведение затрагивает ряд актуальных и значимых тем, среди которых озабоченность автора экологическими вопросами, проблема зависимости развитых стран от использования природных ресурсов, в частности нефти, что приводит в свою очередь к эксплуатации местного населения и, конечно, рассуждения над вопросами религиозного характера. В тексте «Дюна» наиболее ярко выражены аллюзии, связанные с библейскими сюжетами и персонажами. Как и большинство представителей научно-фантастического жанра, Ф. Герберт обращается к религиозным источникам, конкретнее – к библейской книге Откровения апостола Иоанна Богослова.

Так, к примеру, фигура Пола Атрейдеса и его мессианский образ напоминают фигуру пророка или спасителя (аналогия с Иисусом Христом). Важные событийные моменты, такие как путешествие героя, его испытания и вознесение вполне можно сопоставить с библейской стратегией повествования о страданиях и спасении. Более того, имена персонажей (например, Пол Атрейдес) и использованные символы (семена, пустыня, вода) проводят прямую параллель с библейскими и древними мифологическими мотивами, поскольку образы пустыни, воды и ветра придают мифологическую и религиозную коннотацию, вызывая ассоциации с Карантием, испытанием и очищением.

С помощью образов чудовищ Апокалипсиса Ф. Герберт на аллюзивном уровне представляет главных антагонистов романа, используя для этого библийские символы зла. Благодаря этому реципиент может корректно и в полной мере определить роль персонажей в тексте. Рассмотрим эпизод, в котором описана встреча герцога Лето и барона Владимира Харконнена. Харконнены – давние враги Атрейдесов, на протяжении столетий они ведут канли – кровную вражду Великих домов. В данном отрывке герцог вспоминает слова генерала семьи Атрейдесов – Гарни Холлика. Данный эпизод представляет собой прямую цитацию библийской книги Откровения: *“Leto suddenly recalled a thing Gurney Halleck had said once, seeing a picture of the Baron: ‘And I stood upon the sand of the sea and saw a beast rise up out of the sea ... and upon his heads the name of blasphemy’”* [16; 294]. Данное включение является прямым цитированием первого стиха из главы тринадцать, книги Откровения Иоанна Богослова [17]. Данное аллюзивное включение несет в себе высокую степень узнаваемости, что позволяет, в том числе и на уровне метафоричного восприятия, обрисовать образ Владимира Харконнена и впечатление, которое он производит на окружающих его людей.

Анализ русского перевода Юрия Соколова позволил выявить факт использования прямого цитирования Библии в Синодальном переводе. Мы считаем это оправданным шагом с позиции корректности использования данного перевода в контексте события далекого будущего. Кроме того, мы отмечаем мгновенную идентификацию данной цитаты читателем, вследствие чего достигается точное определение образа, построенного автором. Анализируемый эпизод в переводе на русский язык представлен таким образом: «Лето вдруг припомнил, как Гарни Холлик сказал однажды, глядя на изображение барона: ‘И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя... а на головах его имена – богохульные»» [18, с. 358], что позволило в ходе анализа выявить пример внедрения намеренного прямого цитирования из ранее созданного текста в сюжете другого художественного произведения, направленного на создание дополнительных смысловых аспектов сюжета и более полное раскрытие образа персонажей.

В романе представлены три члена семьи Харконнен: ранее упомянутый глава рода Владимир Харконнен и два его племянника – Раббан и Фейд-Раута. Раббан, которого в романе называют *“beast Rabban”* («Зверь» Раббан), после заговора против Атрейдесов и их дальнейшего изгнания из Арракина, получает от дяди власть над планетой. Затем управление Арракисом должно перейти к младшему племяннику – Фейд-Рауте.

Три главных врага Пола Атрейдеса интерпретируются как аллюзия на трех Зверей Апокалипсиса. Мы проанализировали данную аналогию и сопоставили ее с оригинальным текстом Откровения, выполнив соответствующее распределение образов из библийской книги и персонажей произведения «Дюна».

По нашему мнению, личность Владимира Харконнена является синтезом двух образов – Зверя морского с семью головами, что явно подтверждается цитатой из текста Апокалипсиса, и красного дракона. Красный дракон, существующий независимо от указанных ранее трех Зверей, олицетворяет собой силу, обладающую определенной властью над Зверями.

В рамках аллегорической интерпретации красного дракона произведем анализ эпизода из тринадцатой главы второго стиха Откровения, где говорится, что дракон дал «силу свою и престол свой и великую власть» [17, с. 285] Зверю из моря. Здесь заметна очевидная корреляция с сюжетной линией «Дюны», в которой барон передал «зверю» Раббану власть над планетой: *“‘The Atrides are dead,’ the Baron said. ‘The last of them. That’s why I summoned you here to Arrakis. This planet is again*

yours.” [17, 379] – «Атрейдесы мертвы, – сказал барон, – все до последнего. Вот почему я вызвал тебя на Арракис. Планета снова твоя» [18, с. 358].

Разбирая далее рассматриваемую аллюзию на красного дракона в образе барона, обратимся к младшему представителю рода Харконненов – Фейд-Рауту.

В той же тринадцатой главе Откровения нами была определена связь фигуры Фейд-Рауты с последним Зверем Апокалипсиса – Зверем из земли. Согласно сюжету «Дюны», барон планирует отстранить от власти Раббана и поставить на его место младшего племянника: *“They will be bloody pulp here when he's (Rabban) through with them. Then, when I send in Feyd-Rautha to take the load off them, they'll cheer their rescuer. Beloved Feyd-Rautha, Benign Feyd-Rautha, the compassionate one who saves them from a beast. Feyd-Rautha, a man to follow and die for”* [16, 387] – «Там, где он (Раббан) пройдет, останется кровавая жижа. И тогда я пошлю моего Фейд-Рауту, чтобы облегчить их судьбу... Его будут приветствовать как избавителя. Обожаемый Фейд-Раута, благородный Фейд-Раута, посочувствовавший страданиям, спасший их от Твари. Фейд-Раута, за которым можно последовать и умереть» [18, с. 366].

В данном фрагменте читатель может отметить еще одну отличительную особенность романа – использование Ф. Гербертом одного из самых популярных в художественной литературе сюжетов – темы Мессианства, которая также является ключевым моментом книги Откровения. Аллюзия на Мессию и Антихриста представляет собой одну из важнейших линий в повествовании и является движущей силой всего сюжета.

Пол Атрейдес и Фейд-Раута Харконнен – две противоположные ипостаси. Но при всех различиях автор вложил в их образы некоторые схожие черты: оба героя родственники и ровесники. Харконнен представляет собой темную копию Атрейдеса, что является аллюзией на Священное Писание, где Антихрист – это противоположность настоящего Мессии: «и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив» [17, с. 284].

При сравнении текста «Дюна» с библейскими рассказами выявляется, что автор не только использует отдельные мотивы, но и интегрирует их в структуру произведения, развивая собственную концепцию мессианства, возрождения и судьбы. Например, фигура пророка-предсказателя, Пола Атрейдеса, по своему статусу и развитию напоминает Иисуса Христа, что выражается в его роли лидера и спасителя народа, а также в его внутреннем конфликте с судьбой и властью.

Отметим аналогию образов: Исход, испытания в пустыне, финальное вознесение, что позволяет сделать вывод о том, что все эти мотивы прямо связаны с библейской символикой, это подтверждает аллюзивную связь произведения и первоисточника.

С помощью реминисценции на текст Откровения Ф. Герберт переключает внимание читателя на вертикальный контекст истории. С определенного момента повествования мы начинаем понимать, что имеем дело не просто с произведением, рассказывающем о противостоянии двух Домов за власть. Мы имеем дело с сюжетом борьбы добра со злом, истины и лжи.

Кульминационный момент книги Откровения – Армагеддон, финальная битва добра со злом. Данная сцена в книге Откровения показывает битву настоящего Мессии и Антихриста. В девятнадцатой главе одиннадцатого стиха мы находим описание Мессии: «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадем. [Он] имел имя

написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. [Он был] облачен в одежду, обогренную кровью. Имя Ему: Слово Божие. И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» [17, с. 289]. Мессия предстает перед читателем в величественном образе воина, обладающего абсолютной властью. Те же неограниченные способности мы выделяем в фигуре Пола Атрейдеса. Он способен уничтожить на Арракисе всю специю – ключевой ресурс, который используется в межгалактических путешествиях. Этот шаг способен пошатнуть баланс во всей Галактике: *“I’ll give the order that’ll destroy all spice production on Arrakis forever”* [16, 772] – «...придется приказать, чтобы источник специи на Арракисе был уничтожен... навсегда» [18, с. 711].

Обращаясь к данной неявной аллюзии, Ф. Герберт демонстрирует всемогущество Пола как Избранного, как Мессии.

Анализ двух звеньев мессианской сюжетной линии позволил выявить один из ключевых элементов, подтверждающих нашу гипотезу о мессианском контексте произведения. Этот элемент – факт беременности матери Пола, леди Джессики. Данная неявная отсылка к Откровению связывает аллюзии на Зверей Апокалипсиса и образ Мессии, что укрепляет нашу позицию по отношению к использованию книги Откровения как первоисточника для «Дюны».

После предательства своей семьи леди Джессика и Пол вынуждены бежать в пустыню в поисках убежища среди фременов. В этот период Пол, используя способности ментата, сообщает матери о ее беременности: *“I’ll tell you first I know you’ll bear a daughter, my sister, here on Arrakis.”* [16, 319] – «...скажу сперва, что знаю: ты родишь здесь, на Арракисе, дочь, мою сестру» [18, с. 301].

В тексте Откровения мы также видим образ «беременной жены», спасающейся в пустыне от преследования красного дракона: «Явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения», «А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней» [17, с. 283]. Леди Джессика, отождествляемая с фигурой «беременной жены» из Откровения, убегает в пустыню от «красного дракона» барона Харконнена. Так же, как и в тексте Откровения, для Пола и леди Джессики задолго до событий книги было предназначено «место от Бога» – ситчи (поселения) племен фременов.

Следует выделить еще одну примечательную деталь данной аллюзии: леди Джессика беременна сестрой Пола, а не Мессией. Девочка, Алия, подвергшись воздействию особого яда, обрела способности, схожие с возможностями Преподобной матери. В дальнейшем развитии событий она установит внутреннюю связь с духом барона Харконнена, в конечном счете потеряв рассудок. Алия – один из ключевых персонажей истории: большое количество важных сюжетных поворотов связано с ее образом. Она убьет барона в конце «Дюны», и это показывает, что, хотя и не является непосредственно аллюзией на фигуру Мессии, она несет в себе частицу его силы, и именно эта сила приведет ее к победе над «красным драконом» бароном Харконненом. Беременность леди Джессики – это не только аллюзия на книгу Откровения, но и связующее звено между двумя противостоящими группами персонажей – протагонистами и антагонистами.

Одной из основных сюжетных особенностей романа является концепция «планов внутри планов, и в них опять планы, и в них – новые планы» [18, с. 153]. Данный художественный прием характеризуется многоуровневыми интригами в борьбе за власть. Каждый персонаж играет свою роль на огромной «шахматной

доске» Империи и все их действия – словно строгая последовательность ходов на этой «доске». Персонажи тесно связаны родством, враждой, в чьей-то же судьбе соединились оба этих фактора. Посредством связи беременной леди Джессики и беременной жены из Апокалипсиса, Ф. Герберт усиливает тематическую глубину контекста, связывая сюжет произведения с сюжетом библейской книги. Подобным приемом он также сводит повествовательные линии романа и приводит историю к единой точке понимания всей информации и действий, описанных в романе ранее.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что аллюзии и реминисценции не просто углубляют сюжетные смыслы, но и помогают логически привести к задуманным автором выводам. С их помощью читатель способен декодировать пути понимания авторского мессенджа, поскольку продуманные и правильно расставленные по сюжету лингвистические приемы незаменимы для построения поистине глубокого произведения.

Заключение

Феномен заимствований в виде аллюзий, реминисценций и цитирования является одним из важнейших источников обогащения текста, а также одним из самых популярных. Способность определить данные заимствования – ключ к пониманию скрытых символов сюжета художественного произведения, поскольку библейские аллюзии и реминисценции занимают важное место в структуре романа Фрэнка Герберта «Дюна» и служат мощным средством расширения смыслового поля произведения. Проведенный в данном исследовании контекстуальный анализ текста подтвердил широкое использование автором религиозных мотивов, образов и символов, что в конечном итоге предоставляет писателю огромный спектр возможностей для создания интертекстуальных связей произведения современной литературы с древними мифами и священными текстами и позволяет сделать сюжет и в целом произведение более глубоким, многослойным и универсальным.

В результате произведенного сравнительно-сопоставительного анализа текстов романа «Дюна» и книги Откровения нами были установлены сюжетные связи между ними. Обращаясь к тексту Откровения, Ф. Герберт активно применяет разнообразные коммуникативные функции. Благодаря семантической функции в тексте возникают глубинные, скрытые смыслы, посредством которых он приобретает необходимую тональность повествования. Директивная функция направлена на достаточно эрудированного читателя и приводит его к распознаванию данных аллюзий и их корректному анализу. Выстраивая интертекстуальные связи с текстом-первоисточником, автор добавляет в свой оригинальный сюжет дополнительные уровни восприятия. С помощью прямого цитирования текста Откровения автор прямо указывает на конкретные образные конструкции, необходимые реципиенту для полноценного понимания сюжета и мотивов персонажей. Реминисценции и аллюзии, реализующиеся на менее заметных уровнях текста, рассчитаны на внимательное прочтение и более подробный дальнейший анализ прочитанного.

Кроме того, библейские мотивы, интегрированные в сюжет, позволяют усилить эмоциональное напряжение и образность, что помогает представить в произведении философские идеи автора о судьбе, лидерстве, искуплении и пророчестве. С помощью реминисценции Ф. Герберт реализует мифопоэтическую основу, которая является базисом концепции героя-спасителя и предначертания. Эти аллюзии погружают реципиента в культурно-религиозный контекст произведения, активируют архетипические образы и расширяют возможности интерпретации текста.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что библейские аллюзии и реминисценции не только являются художественными средствами,

но и служат механизмом глубинного смыслового моделирования, что позволяет рассматривать произведение Ф. Герберта «Дюна» как многоэтажную интерпретацию, актуальную в культурологическом и философском аспектах. Использование библийских аллюзий и реминисценций помогает формировать глубокий культурный контекст, увеличивая художественное воздействие на реципиента, что в конечном итоге заставит читателя задуматься о вечных ценностях человеческой судьбы и духовности. Научная ценность и междисциплинарный характер представленного исследования открывает дальнейшие пути его применения как в академических областях, так и в образовательном процессе.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Либроком; 2025:576.
Akhmanova OS. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Librocom; 2025:576 (in Russ.).
2. Гюббенет И.В. *Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста*. Москва: Либроком; 2020:208.
Gubbenet IV. *Fundamentals of philological interpretation of literary and artistic text*. Moscow: Librikom; 2020:208 (in Russ.).
3. Барт Р. *Избранные работы*. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс; 1993:616.
Barth R. *Selected works*. Semiotics. Poetics. Moscow: Progress; 1993:616 (in Russ.).
4. Владимирова Н.Г. *Условность, создающая мир: Поэтика услов. форм в современном романе Великобритании*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет; 2001:269.
Vladimirova NG. *Conventionality, creating the world: Poetics of conditional forms in the modern British novel*. Veliky Novgorod: Novgorod State University; 2001:269 (in Russ.).
5. Дюришин Д. *Теория сравнительного изучения литературы*. Москва: Прогресс; 1979:320.
Durishin D. *Theory of Comparative literature studies*. Moscow: Progress; 1979:320 (in Russ.).
6. Коряжкина О.В. Роль вертикального контекста и различных типов интертекстуальности в лингвопоэтическом анализе художественного произведения. *Вестник КРАУНЦ. Сер.: Гуманитарные науки*. Петропавловск-Камчатск, 2019;34(2):19-26.
Koryazhkina OV. The role of vertical context and various types of intertextuality in the linguistic and poetic analysis of a work of art. *Journal collection of scientific works of Krasec. The humanities*. Petropavlovsk-Kamchatsk, 2019;2 (34):19-26 (in Russ.).
7. Magedanz S. *Allusion as Form: The Waste Land and Moulin Rouge!* California: California State University: San Bernardino Press; 2006;2(62):160-179.
8. Напцок Б.Р. Аллюзии в английских «готических» текстах. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение*. 2016;4:173-179.
Naptok BR. Allusions in English "Gothic" texts. *Bulletin of the Adygea State University. Series: Philology and Arts*. 2016;4:173-179 (in Russ.).
9. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. Москва: МГУ; 1991:108.
Akhmanova OS, Gyubbenet IV. "Vertical context" as a philological problem. Moscow: Moscow State University; 1991:108 (in Russ.).
10. Хачмафова З.Р., Лучинская Е.Н. Интертекстуальность как отражение лингвокультурного сознания женской языковой личности. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение*. 2012;2(2):261-267.
Khachmafova ZR, Luchinskaya EN. Intertextuality as a reflection of the linguistic and cultural consciousness of the female linguistic personality. *Bulletin of the Adygea State University. Series: Philology and the Arts*. 2012;2 (2):261-267. (in Russ.).
11. Тухарели М.Д. Аллюзия в системе художественного произведения. Дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси; 1984:168.

Tukhareli MD. Allusion in the system of an artistic work. Candidate's dissertation (Philology). Tbilisi: 1984:168 (in Russ.)

12. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (на материале английского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Москва; 1977:197.

Mamaeva AG. Linguistic nature and stylistic functions of allusion (based on the material of the English language). Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 1977:197. (in Russ.).

13. Полубиченко Л.В. К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени. канд. филол. наук. Москва; 1979:23.

Polubichenko LV. Towards the substantiation and development of the concept of vertical philological context: Summary of Candidate's dissertation (for the job learned. Degrees. Candidate of Philological Sciences). Moscow: 1979:23 (in Russ.).

14. Машкова Л.А. Аллюзивность как категория вертикального контекста. *Вестник Московского Университета. Серия Филология*. 1989;2(9):25-33.

Mashkova LA. Allusivity as a category of vertical context. *Bulletin of the Moscow University. Philology series*. 1989;2(9):25-33. (in Russ.).

15. Jacob F. *The Orientalist Semiotics of Dune: Religious and Historical References within Frank Herbert's Universe*: Norway, Nord University: Marburg; 2022:118.

16. Herbert Frank. *Dune*. New York: Berkley Publishing Corporation; 2021: 294.

17. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Эксмо; 2021:1222.

The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. Moscow: Eksmo; 2021:1222 (in Russ.).

18. Герберт Ф. *Дюна* / пер. с англ. Ю. Р. Соколова. Москва: АСТ; 2020:768.

Herbert F. *Dune* / translated from English by Y. R. Sokolov. Moscow: AST; 2020:768 (in Russ.).

Сведения об авторах

ОЛОМСКАЯ Наталья Николаевна – д. филол. н., доцент, профессор, ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1644-6774>, SPIN: 7956-1818, e-mail: olomnat@mail.ru

АГАДЖАНЫН Соңя Феликсовна – преп. каф. теории и практики перевода, ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0000-5521-0994>, SPIN: 8818-6272, e-mail: sonyaagd@yandex.ru

About the authors

Natalya N. OLOMSKAYA – Doctor of Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1644-6774>, SPIN: 7956-1818, e-mail: olomnat@mail.ru

Sonya F. AGAZHANYAN – lecturer of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0000-5521-0994>, SPIN: 8818-6272, e-mail: sonyaagd@yandex.ru

Вклад авторов

Оломская Н.Н. – администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием

Агаджанян С.Ф. – разработка концепции, проведение исследования, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Natalya N. Olomsкая – data curation, writing – review & editing, supervision

Sonya F. Agazhanyan – conceptualization, investigation, writing – original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 18.02.2026

Поступила после рецензирования / Revised 19.03.2026

Принята к публикации / Accepted 25.03.2026

УДК 81'37

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-187-198>

Оригинальная научная статья

Сфера телесных отправлений в монгольских языках

Е. В. Сундуева ✉, М. М. Содномпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

✉ sundueva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению лексики монгольских языков, связанной с физиологическими отправлениями (дефекацией, мочеиспусканием) и их результатами. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить проблемы языковой репрезентации физиологических процессов, а также недостаточной степенью изученности языковых единиц, отражающих такую сферу деятельности человека, как телесные отправления. Целью работы являются рассмотрение семантики и функционирования экскрементальной лексики монгольских языков в составе паремий и бранной лексики, ее эвфемизация, а также изучение магических и лечебных свойств продуктов жизнедеятельности человека. В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки, описательный и структурный метод, метод контекстуального анализа. Выявлено, что эвфемистические глаголы рассматриваемого поля обладают национально-маркированными чертами, обусловленными культурным своеобразием речевой культуры и традициями монгольских народов. В частности, выявлены примеры эвфемизации с помощью скотоводческой лексики, использование которых при этом регулируется гендерными различиями. Анализ эвфемизмов, относящихся к сфере физиологических отправлений человека позволил прийти к выводу о том, что в их семантике содержится как универсальный, так и специфический характер ментального мира носителей монгольских языков. Моча как продукт жизнедеятельности человеческого организма использовалась в практиках народной медицины в качестве действенного лекарственного средства. В мифах и преданиях бурят, сюжеты которых содержат элементы освоения пространства, моча наделялась свойствами сакрального продукта жизнедеятельности мифических или реальных персонажей, наделенных статусом божества. В перспективе предполагается изучение своеобразного пласта лексики монгольских языков, обозначающей отходы жизнедеятельности животных, а также исследование аспектов использования данных отходов в хозяйственной, магической и лечебной практике кочевых монголов.

Ключевые слова: монгольские языки, экскрементальная лексика, семантика, паремия, бранная лексика, эвфемизм, дисфемизм, мифы, предания, народная медицина

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания (проекты № 126020516668-1 «Функционирование монгольских языков в современном этнокультурном пространстве», № 126020616724-3 «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии»)

Для цитирования: Сундуева Е. В., Содномпилова М. М. Сфера телесных отправлений в монгольских языках. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):187–198. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-187-198>

Original article

The sphere of bodily functions in the Mongolic languages

Ekaterina V. Sundueva , Marina M. Sodnompilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation
 sundueva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of the vocabulary of the Mongolic languages related to physiological functions (defecation, urination) and their results. The relevance of the research is due to the need to study the problems of linguistic representation of physiological processes, as well as the insufficient number of researches in the field of words, reflecting such a sphere of human activity as bodily functions. The purpose of the work is to consider the semantics and functioning of the excretory vocabulary of the Mongolic languages as part of paroemias and swear words, its euphemization, as well as the study of magical and medicinal properties of human waste products. In the course of the research, the continuous sampling method, descriptive and structural method, and the method of contextual analysis were used. It is revealed that the euphemistic verbs of the field under consideration have nationally marked features due to the cultural originality of the speech culture and traditions of the Mongolic peoples. In particular, examples of euphemization using pastoral vocabulary have been identified, the use of which is regulated by gender differences. The analysis of euphemisms related to the sphere of human physiological functions led to the conclusion that their semantics contain both the universal and specific character of the mental world of native Mongolic speakers. Urine as a vital product of the human body has been used in traditional medicine practices as an effective medicinal product. In the myths and legends of the Buryats, the plots of which contain elements of space exploration, urine was endowed with the properties of a sacred product of the vital activity of mythical or real characters with the status of a deity. In the future, it is planned to study a peculiar layer of vocabulary of the Mongolic languages, denoting animal waste, as well as to study the aspects of the use of these wastes in the economic, magical and therapeutic practices of nomadic Mongols.

Keywords: Mongolic languages, excretory vocabulary, semantics, paremia, swear words, euphemism, dysphemism, myths, legends, traditional medicine

Funding. The research was carried out within the state assignment (project № 126020516668-1 “Mongolic Languages in Contemporary Ethnocultural Space”, № 126020616724-3 “Archaeological Cultures and Ethnic Communities in Sociocultural Dynamics of Inner Asia”)

For citation: Sundueva E. V., Sodnompilova M. M. The sphere of bodily functions in the Mongolic languages. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):187–198. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-187-198>

Введение

Воззрения людей традиционного общества на то, как устроен человеческий организм, из чего состоят его органы, мышцы, биологические жидкости, представляют особый интерес, так как дают возможность выяснить, как воспринимал человек свой организм, его ресурсы. Выделения человека занимают особое место в мифологической анатомии человека монгольских народов. Лексика монгольских языков, обозначающая такие физиологические потребности человека, как испражнение и мочеиспускание, прежде не становилась предметом специальных исследований, в первую очередь в силу этических причин, однако

она представляет безусловный интерес в плане изучения ее семантики, этимологии и функционирования в современных монгольских языках.

Семантика и функционирование экскрементальной лексики

В монгольских языках представлен основной глагол п.-монг. *bayaqu* 'испражняться', применимый как человеку, так и к животным, от которого образованы существительное *bayasun* 'кал, помет, испражнения' [1, р. 1057], прилагательное *bayaran* 'засеря' [1, р. 1060]. Производные корня *baya-* отсутствуют в «Тайной истории монголов», однако зафиксированы в письменном памятнике «Мукаддимат-ал-Адаб»: ср.-монг. *bāsun* 'испражнение', *bāba* 'испражнился' [2, с. 115]. В современных монгольских языках монг. *баах* 'испражняться, оправляться, облегчиться, сходить по-большому, сходить за нуждой, на двор, до ветру', бур. *бааха*, калм. *баах* 'испражняться'; монг. *баас* 'кал, испражнения, экскременты, фекалии; помет, навоз', бур. *бааһан*, калм. *баасн* 'кал, испражнения, помет'; монг. *бааран* 'страдающий поносом, недержанием кала'.

В связи с принадлежностью производных корня *baya-* к стилистически сниженной лексике, они почти не встречаются в электронных корпусах монгольских языков, однако широко используются во фразеологическом фонде, а также в составе бранной лексики. У халха-монголов известны следующие паремии: *Ховчид ноён янаг, бааранд нохой янаг* 'Для клеветника нойон – приятель, для страдающего поносом собака – приятель', *Гүйх нохойд баах нохой саад* 'Для бегущей собаки испражняющаяся собака – помеха' (если сам не можешь что-либо сделать, другим не мешай), *Бааж чадахгүй нохойн хөл хөлдөх* 'У собаки, не могущей испражняться, ноги отморозятся' (говорится о человеке, который затягивает какое-либо дело, будучи не в состоянии с ним справиться), *Бяруу болоогүй байж, бухын баадгаар баах* 'Не достигнув и двух лет, испражняться как бык' (проявлять высокомерие, подражая другим), *Баас хатавч өмхийгөө тавихгүй* 'Кал, хоть и высох, все равно воняет' (горбатого могила исправит), калм. *Ноха баасн кереглхлэ, дала һаталж баадаг* 'Собака, видя нужду в ее кале, назло переплывает море и оправляется на том берегу' и др. Как видно, в паремиях чаще фигурируют экскременты собаки в отрицательном контексте, что, вероятно, связано с их низкой степенью пользы для человека, в отличие, к примеру, от коровьего или овечьего помета.

Также в речи активно используются идиомы: монг. *баас горьдсон нохой шиг* 'как воронье, поджидающее падаль' (досл. 'словно собака, ожидающая испражнений'), *борвины баас нь арилаагүй жаал* 'желторотый юнец, молоко на губах не обсохло' (досл. 'ребенок, у которого пяточные сухожилия еще в испражнениях'), *баас авах, каал авах* 'бояться, пугаться' (досл. 'экскременты брать'), *том баах* 'впустую хвастать, бахвалиться' (досл. 'много испражняться'), бур. *бааһалдаха, бааһа алдаха* 'сильно испугаться' (досл. 'кал не удержать'), хур. *бааһан* 'нечто ненужное, бесполезное, прошлогодний снег' (досл. 'прошлогодний кал'), *бааһаа бусалха* 'злиться, кипятиться' (досл. 'кал свой кипятить'), *нюуртаа нохойн бааһа түрхихэ* 'терять совесть' (досл. 'на лицо свое собачьи экскременты намазать'), *бааһандаа барисалдаха* 'попасть в затруднительное положение' (досл. 'быть не в состоянии выбраться из своего кала', ср. англ. *to be in deep do-do*), *бааһандаа зууралдаха* 'жить в беспорядке' (досл. 'погрязнуть в собственном кале'), *мориной бааһанай бусалма* 'такой, что конский навоз кипит – о жаре' и др. Значение слов, обозначающих части тела, относящиеся к телесному «низу», а также связанные с ними физиологические процессы символизируют «нечистоту и в составе идиомы всегда указывают на отрицательное отношение к субъекту ситуации или его действиям» [3, с. 20].

Подобное отношение обуславливает функционирование экскрементальной лексики в качестве инвективы. В баргузинском говоре бурятского языка существительное *бааһан* в качестве ругательства используется в следующих формах: *бааһарай* (> *бааһаа эдээрэй* ‘съешь свой кал’), *бааһаа эдьян* (лит. *бааһаа эдихэн*) ‘сѣвший кал’, *бааһани хайшан гэнэ* ‘что это он(а) вытворает’, *бааһаниин ерэбэ* ‘кого там еще принесло’, *бааһан, тиихиимаани* ‘так тебе и надо’ (лит. *тиихэ юм һэниш*), *бааһани* ‘чёрта с два, как бы не так’, *бааһаа юу!* ‘эх!’ – междометие для выражения крайней степени досады, сожаления (*Бааһаа юу ерээгүйш!* ‘Что ж ты не пришел!’) и пр. Следует отметить, что экскременты по отношению к детям имеют положительный оттенок. Так, об испачкавшемся маленьком ребенке баргузинские буряты говорят: *Хамаагүй, бааһаа эдихэн хубуун баян болодог* ‘Ничего страшного, ребенок, евший свой кал, будет богатым’ (записано от Сандановой Ц.С., 1952 г.р., род *шүбтэхэй шоно*). Монголы детей ласково называют *баастай бурхан* ‘досл. божество в экскрементах’.

Прилагательные монг. *бааст*, *баастай*, *бааран*, бур. *бааһата*, *бааһатай* переходили в сферу антропонимической лексики, личные имена с данными прилагательными носили охранную функцию. В словаре монгольских антропонимов представлены имена *Бааст*, *Баастай*, а также сложные имена *Баастхуу*, *Баастайхуу*, *Бааранхуу*, где *хуу* ‘сын’. Также словарь содержит 110 сложных имен с тибетизмом *баасан* ‘Венера’, например, *Баасан-Өлзий* ‘Венера + счастье’, *Баасанбат* ‘Венера + крепкий’, *Баасанзаяа* ‘Венера + судьба’ и др. [4, с. 40–41]. В связи тем, что лексемой *баасан* (*гариг*) в монгольском языке обозначается пятница, многие дети, родившиеся в этот день недели, называются именем с данным компонентом. Полная омонимия слов существительного *баасан* ‘Венера’ и глагола в форме причастия прошедшего времени *баасан* ‘испражнившийся’ позволяют подшучивать над носителями имен, начинающихся с *Баасан*: *Яасансүрэн?* ‘что сделавший Сүрэн?’ От бурятских вариантов имен возникли фамилии *Багинов*, *Багатаев*, *Бастуев* и др.

Для обозначения жидкого стула в монгольских языках представлены п.-монг. *ĉiĉaγa* ‘навоз, помет, грязь, испражнения’ [1, р. 2173], *ĉiĉaγ-a* ‘расстройство кишечника, диарея; жидкий стул’ [5, р. 175], монг. *чацга* ‘понос; жидкий стул’, бур. *шисага* (*нохойн шисага* ‘собачий помет’). В бурятском языке глагольное значение реализуется в *шэшэхэ* ‘страдать поносом, прослабить’, *шэшэхэн* ‘понос’, бур. Барг. *шэшүүхэн* ‘жидкий стул’. В селенгинском говоре бурятского языка зафиксирован глагол *шиисгаалдах* ‘страдать поносом – о домашних животных’, который возник путем стяжения сложного слова *шисага алдах* ‘страдать поносом, медвежьей болезнью’, при этом наблюдается удлинение первого гласного *и*. В калмыцком языке нет специального глагола со значением ‘страдать поносом’, оно реализуется как переносное в глаголе *һоожх* ‘течь, вытекать, литься’, отсюда *һоожасн* ‘понос’. В «Этимологическом словаре алтайских языков» в качестве параллелей к протомонг. **ĉiĉa-ga* ‘понос’ даются прототунг. **sosa-* ‘понос, страдать поносом’ и прототюрк. **siĉ-* ‘испражняться’, при этом отмечается, что монгольские формы вряд ли заимствованы из тюркских [6, р. 1287].

Развитие значения п.-монг. *ĉiĉaγa* ‘навоз, помет, грязь, испражнения’, вероятнее всего, связано с п.-монг. *ĉaĉiγi*, *saĉiγi* ‘распыскивать, раскидывать’ [1, р. 2104], монг. *цацах*, бур. *сасаха* ‘брызгать, опрыскивать’. Этим же глаголом обусловлено монг. *чацархайлах* ‘страдать поносом – о молодняке скота после рождения’, вопреки напрашивающейся связи с монг. *чацархай* ‘сальник железы, брыжейка’, калм. *чичрхэ* ‘брыжейка’. В бурятском языке данный анатомический орган обозначается лексемой *һарьбаһан*, отсылающей к образу ‘нечто тонкое и мягкое’ (*һарьмагар* ‘тонкий и мягкий – о коже’, *һарьмай* ‘овчина без шерсти’, *һарьһан* ‘мягко

выделанная тонкая кожа'). В монг. *чацаргана*, бур. *шасаргана*, калм. *чичирһн* 'облепиха', на наш взгляд, допустимы два варианта мотива номинации. Первый лежит в русле рассматриваемой выше версии и связан с глаголом *ᠵаᠰᠢᠴᠢ* 'распрыскивать', поскольку из-за тонкой кожицы и сочной мякоти ягоды облепихи легко лопаются при нажатии, выпуская струю сока. Второй мотив обусловлен вкусовым восприятием: глагол *ᠴᠢᠴᠢᠷᠡᠭᠡᠨ* 'трястись, трепетать' мог передавать дрожь языка от выраженного кисло-терпкого вкуса ягоды. Второе значение бур. *шасаргана* 'краснуха', возможно, связано с тем, что сыпь как один из главных симптомов заболевания обычно появляется сначала на лице, шее и за ушами, а затем может в течение нескольких часов спуститься вниз, покрывая спину, грудь, руки и ноги. Маленькие розовые пятна ассоциируются с брызгами, быстро распространяющимися по всему телу.

В баргузинском говоре бурятского языка слова *шэшэхэ*, *шэшүүһэн*, *шэшэнгир* используются в выражениях: *шэшэтэрээ айха* (досл. 'бояться до поноса'), *шэшүүеэ алдаха* (досл. 'свой жидкий стул упустить'), *шэшэнгир болохо* (досл. 'чувствовать позывы к поносу') в значении 'сильно бояться', *шэшүүһэ бааһа хаятараа уурлаха* 'сильно злиться, гневаться' (досл. 'злиться до выброса жидкого стула'), в ругательстве *шэшүүрэй* (> *шэшүүһеэ эдээрэй* 'съешь свой жидкий стул'). В иволгинском говоре бурятского языка *шисгалдахин алдаха* 'сильно испугаться' (досл. 'чуть не прослабить'). Также известны бурятские выражения *Айран хүн шэшэрэн байдаг* 'трусливый человек склонен к поносу' и *Шэлэ шэлэхээр шэшэхэндэ һуугаа* 'выбирала-выбирала и в жидкий стул села'. Последнее, как правило, используется по отношению к девушкам или парням, довольно поздно и неудачно вышедшим замуж или женившимся.

Для обозначения детского кала в монгольских языках представлено п.-монг. *junᡔay* 'нечистота, младенческий кал' [1, p. 2373], монг. *зунгаг* 'кал новорожденных, детские испражнения, экскременты'. В бурятском языке слово *зунгаг* относится к приплоду домашних животных, обозначая кал ягнят и телят. Также оно имеет значения: 'слизь', 'жир на невымытой шерсти'. В калмыцком существительном *зунһуг* реализовалось только значение 'жиропот'.

П.-монг. *sigesü(n)* 'урина, моча', *sigekü* 'мочиться' [1, p. 1509, 1510], ср.-монг. *ᠰᠡᠭᠦᠰᠢᠰᠠ* 'писуар', *ᠰᠡᠭᠦᠰᠢᠨ* 'моча' [2, с. 331]. В «Тайной истории монголов» глагол единожды встречается в §194 в форме *ᠰᠢ'ᠡᠭᠦᠰᠢ* в составе фразеологизма *kündü ete-yin ᠰᠢ'ᠡᠭᠦᠰᠢ qajar-a ese qaruqsan* 'далеко от дома не уезжавший' (досл. 'не выходивший дальше места, где мочится беременная женщина') [7, с. 526]. В современных языках монг. *шээх*, бур. *шээхэ*, калм. *шеех* 'мочиться', монг. *шээс*, бур. *шээһэн*, калм. *шеесн* 'моча'. Корень *sige-* имеет ономатопоическое происхождение. Большое количество звукоподражательных глаголов со значением 'журчать' начинается с согласного [ᠰ]: монг. *шор-шор гэх*, *шоржигнох*, *шорчигнох*, бур. *шолшогонохо*, *шол-шол гэхэ*, *шолшого-шолшого гэхэ*, *шожогонохо*, *шорхирхо*, *шурьяха*, *шарьяха*, *шорьёхо*, *шуршаганаха*, калм. *шоржҗнх*, *шор-шор гих* и др. Наличие шипящих и свистящих согласных в глаголах с рассматриваемым значением является лингвистической универсалией (фр. *pisser*, англ. *piss*, рус. *писать*, *ссать*, *сикать* и пр.).

Из фразеологизмов с существительным *шээһэн* можно отметить монг. *баасыг нь базаж шээсийг нь шавхрах* 'растить ребёнка' (досл. 'экскременты его мять, мочу его выжимать'), бур. *шээһээ алдаха*, *шээһэлдаха* 'бесноваться, злиться' (досл. 'мочу свою упустить'), бур. Барг. *шээһэ бааһаа зугаалха*, *шээһэ бааһаа дурдаха* 'говорить на неприличные темы' (досл. 'говорить о своей моче и кале').

Эвфемизация в сфере экскрементальной лексики

Как известно, анализируемая предметно-понятийная сфера у многих народов подвергается строгому табуированию. С позиции оценочного варьирования лексика рассматриваемого лексико-семантического поля может относиться к эвфемизмам, дисфемизмам и ортофемизмам. К. Аллан и К. Барридж определяют эвфемизмы как благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы – как выражения грубые и оскорбительные, ортофемизмы – как нейтральные обозначения [8, р. 29]. К ортофемизмам отнесем лексемы, используемые в медицинской сфере. Так, прилагательное монг. *өтгөн* ‘густой’, пройдя процесс субстантивации, приобрело значение ‘кал, стул’, в данном статусе оно представлено в монг. *өтгөн хаагдах* ‘страдать запором’ (досл. ‘закрываться – о кале’), *өтгөн хатах* ‘страдать запором’ (досл. ‘засыхать – о кале’). То же самое происходит с прилагательным *шингэн* ‘жидкий’, использующимся в качестве субстантива со значением ‘моча’: *шэнгэнээ гадагшлуулах* ‘мочиться’ (досл. ‘выводить свою жидкость’). Однако в эвфемизмах *өтгөн мөр үзэх* ‘ходить по-большому’ (досл. ‘густой путь смотреть’), *шингэн мөр үзэх* ‘ходить по-маленькому’ (досл. ‘жидкий путь смотреть’) прилагательные выступают в своем основном значении. Также представлен общий вариант *мөр үзэх* ‘испражняться’ (досл. ‘путь смотреть’). Рассмотрение пищеварительной системы как дороги (ср. рус. *желудочно-кишечный тракт*) прослеживается в п.-монг. *баягүй төр* ‘задний проход’ (досл. ‘путь для испражнения’), *баясун-и жат* ‘задний проход’ (досл. ‘дорога экскрементов’) [1, р. 1057, 1058]. Другой вариант субстантивации прилагательного *өлөн* ‘голодный’ наблюдается в монг. *өлөн* ‘моча’ (например, *эхийн өлөнгөөр жин тавих* ‘ставить компресс из мочи матери’), поскольку здесь имеется в виду утренняя моча, моча на голодный желудок.

К нейтральным обозначениям можно отнести монг. *давсгаа суллах* ‘опорожнять мочевого пузырь’, ср. англ. *ease / relieve your bladder / bowels*. Эвфемизм монг. *бие засах*, бур. *бэээ заһаха* ‘приводить себя в порядок’, вероятно, возник в результате калькирования. В русском языке словом *уборная* раньше обозначалось место, где надевали наряды (уборы), приводили себя в порядок, значение же туалета закрепилось позже как эвфемизм. В монг. *хүндээр бие засах* ‘ходить по-большому’ прилагательное *хүнд* ‘тяжелый’ в оформлении аффикса орудного падежа передает значение ‘по-тяжелому’, от него же образован глагол *хүндрэх* с тем же значением. Примечательно, что в халха-монгольском языке функционирует синоним, образованный от антонима *хөнгөн* ‘легкий’, т. е. *хөнгөрөх* ‘облегчаться’, при этом в «Большом академическом монгольско-русском словаре» указаны лишь значения *хөнгөрөх* ‘облегчаться; рожать’ [9, с. 138], также нет рассматриваемого значения в *хүндрэх* ‘становиться тяжелым; осложняться’ [9, с. 188]. В «Бурятско-русском словаре» К. М. Черемисова отсутствует основной глагол *бааха* ‘испражняться’ [10, с. 72], нет его и в «Бурятско-русском словаре» Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова [11, с. 99]. Вероятно, это обусловлено техническим упущением, поскольку существительное *бааһан* ‘испражнения, помет’ в словарях представлено.

Значение ‘прослабить, пронести’ реализуется в глаголах *гэдэс гүйлгэх* досл. ‘заставить живот бежать’, первый компонент может опускаться (*гүйлгэх* ‘заставить бежать’), *суулгах* досл. ‘заставить сидеть’, *уруу суух* досл. ‘вниз сидеть’, *туулгах* ‘заставить гнать’. Возникновение монгольского глагола *ноль орох* ‘сходить в туалет’ (досл. ‘зайти в ноль’) связано со способом маркировки туалетных помещений с помощью двух нолей (00). Туалет обозначается лексемой *ноль*, отсюда глагол *нольдох* ‘сходить в туалет’. Следует отметить, что глагольным суффиксом -д оформляется другое заимствование из русского языка: *каалдах* ‘ходить по-большому’ от. рус. *кал*. Эвфемизм монг. *гараа угаад ирэх* ‘сходить в туалет’ (досл. ‘сходить помывать руки’) близок рус. *сходить припудрить носик*.

Семантика монг. *гадаалах*, бур. *газаалха*, бур. *газаа гараха* ‘испражняться’ (досл. ‘выходить на улицу’) связана «с бытовыми условиями жизни людей, поскольку раньше дома, юрты не предполагали ванной комнаты, туалета, все условия находились на улице, во дворе» [12, с. 60]. В бурятском языке представлен эвфемизм *сагаан гэртээ ошохо* ‘сходить в туалет’, используемый в основном жителями сельской местности. Эвфемистическое наименование туалета *сагаан гэр* ‘белый дом’ не имеет символической «подоплеки», а связано с тем, что сельские туалеты белятся известью с целью дезинфекции. Жители сельской местности в Монголии говорят *ишилчхээд ирэх* ‘сходить в ту сторону’, что можно считать эквивалентом рус. *отойти в сторону*.

Значение ‘сходить в туалет’ реализуется с использованием зоологического кода в монг. *морь үзэх*, *морь харах*, бур. *морёо хараха*, *мөрэн халэх* (досл. ‘проверить коня’), калм. *мөрэн уйх* (досл. ‘привязать коня’), причем эти формулы могут использовать в речи только мужчины. Женщины в данном значении используют выражение *сааманд гараад ирэх* ‘сходить на дойку кобылы’. Это обусловлено тем, что дойка кобыл происходит приблизительно раз в три часа, примерно, как и мочеиспускание. В данных примерах отражается традиционное разделение труда кочевых народов. Как отмечает С. Низовцева, в загадках коми дойка коровы также сравнивается с отпращиванием естественных потребностей человека: *Нёль вок ёти гуё кудзалёны – мёс лысьтём* ‘Четыре брата в одну яму мочатся – дойка коровы’, *Ёти дозйё нёль чой кудзалёны – мёс лысьтём* ‘Четыре сестры в одну яму мочатся – дойка коровы’ [13, с. 210]. Предметный код заложен в монг. *сур харвах* ‘стрелять из лука’ в значении ‘страдать поносом’, глагол *харвах* ‘стрелять’ также сочетается с существительным *чацга* ‘понос’.

Незнание традиционных эвфемистических единиц высмеивается в монгольском анекдоте: *Орос сургууль төгссөн нөхөр даргатайгаа гадаад зочинтой малчин айлд зочилжээ. Дарга нь: «Би гарч морь харчаад ирье» гэхэд мань эр: «Яахым бэ даргаа. Та сууж бай. Би орноос чинь харчхаад ирье» гэсэн гэдэг* ‘Один человек, обучавшийся в России, приехал с начальником в семью скотоводов. Начальник говорит: «Схожу-ка я коня погляжу». Тут наш парень говорит: «Что Вы, начальник. Вы сидите. Я вместо Вас схожу посмотрю».

Также для монгольских языков характерно употребление метафор, в основе которых лежит скрытое сравнение физиологических процессов с выполнением работы в каком-либо учреждении (ср. рус. *заведение*). Монг. *яамдах* ‘ходить по нужде’ образовано от *яам* ‘министерство, присутственное место’. Перенос значения монг. *илтгэл тавих* ‘делать доклад’ на ‘ходить по-большому’, возможно, связан не с конкретным действием, а со способом его совершения. Сема *илтгэл* ‘доклад’ развилась на основе значения *илтгэх* ‘делать явным, очевидным’. Так, отмечается, что *хөдөө ч хүмүүс ил илтгэл тавих нь ерийн хэрэг* [14, с. 118] ‘в сельской местности обычным делом является то, что люди открыто ходят по-большому’. Действительно в степи, где на протяжении нескольких часов пути не встретится ни одного бугорка или деревца, чтобы уединиться, люди не считают зазорным справлять нужду на виду у других.

Интересный пример эвфемизации с использованием историзма записан у новых баргутов в автономном районе Внутренняя Монголия КНР. Фразеологизм *Баа зангийн хуралд суух* ‘ходить по-большому’ дословно означает ‘сидеть на собрании у занги Баа’, где *занги* ‘гражданский управляющий сомона, уртона (низшее должностное лицо); начальник, управляющий’, его имя *Баа* представляет собой сокращение существительного *баас* ‘кал, экскременты’. Традиция сокращения личных имен до первого слога характерна для монгольских народов: *Баатар багш* → *Баа багш*, *Лувсандорж захирал* → *Лу захирал*, *Пүрэв-Од дарга* → *Пу дарга* и пр.

К дисфемизмам можно отнести бурятский глагол *бааюулха* ‘испражняться’, значение которого развилось как переносное на основе ‘пускать дым клубами’. Скорее всего, оно развилось на основе зрительного восприятия помета крупных домашних животных при минусовой температуре. Также значение ‘ходить побольшему’ развилось в сочетаниях бур. *үндэгөө дараха* ‘высиживать яйца’, монг. *уул босгох* ‘воздвигать гору’. «Благодаря высокому уровню ассоциативного мышления человека, а также образному характеру и высокой степени экспрессивности данного механизма, метафоризация позволяет не только замаскировать суть явления, но и придать ему шуточный, ироничный характер» [15, с. 53]. Также следует отметить пренебрежительное использование глаголов монг. *гарих* ‘испражняться – о собаке’ и *сарих* ‘мочиться – о собаке’ по отношению к людям.

Магические свойства мочи

В культуре монгольских народов большой интерес представляют магические свойства продуктов выделения человеческого организма, их образы в мифологии. Что касается экскрементов человека, то случаев их использования в магических целях на данный момент не выявлено, за исключением практик колдовства, в которых кал человека может использоваться как оскверняющее средство.

Жидкие выделения – моча, – напротив, широко представлены как сакральный продукт жизнедеятельности мифических или реальных персонажей, наделенных статусом божества, первопредка, религиозного деятеля. Так, например, возникновение целебных родников аршанов от мочи божества или святого является довольно распространенным мотивом бурятских преданий и легенд. В генеалогических преданиях о предке булагатов сообщается, что целебные родники, а в некоторых версиях и вечнозеленые хвойные деревья, появляются там, где помочился небесный бык Буха-нойон – предок булагатов. В шаманском тексте обращения к нему есть такие строки: «В тех местах, где вы были / Густая тайга выросла. / В тех местах, где вы мочились / Заросли и родники появились» [16, с. 127].

С распространением буддизма и формированием культа наставника-ламы возникают новые версии происхождения целебных источников с участием выдающихся буддийских религиозных деятелей. Сохраняет популярность мотив о появлении целебного источника от мочи божества, образ которого замещается образом буддийского святого. Так описывается причина возникновения источника в местности Баруун Хасуурта Г.-Д. Нацовым: когда-то местность Баруун Хасуурта была посещена известным ламой, «который провел моление и помочился здесь. Вследствие этого здесь и возник аршан – целебный источник. Следующей весной, после того как здесь помочился лама, источник неожиданно разлился, и вода залила село. Всех это очень удивило, и впоследствии этот ключ стал почитаться как целебный источник» [17, с. 72]. Целебные источники появились и там, где обосновался хамбо-лама Итигэлов. В Иволгинском районе особо популярен аршан Улзыта, помогающий от разных заболеваний [18, с. 393].

Необычное происхождение приписывается целебному роднику Хэнгэргын аршан в Тункинской долине. Называемый с давних пор *гашуун аршан* ‘горький аршан’, он находится в Тунке, в местности Хоймор, на восточном берегу Хэнгэргэ, и начинается с маленького ключа, вытекающего из подножия скалы Мундарга. Тункинские буряты верили, что вершина этой горы является местообитанием ее духа-хозяина Мундарга Моона тойона: «Древние шаманы утверждали, что *гашуун аршан* имеет горький вкус, так как является мочой Моона тойона... Воды этого аршана хорошо помогают при болезнях желудка» [17, с. 104].

Моча как лекарственное средство

С давних пор моча человека и некоторых животных используется как лечебное средство от разных заболеваний. Моча считалась средством, помогающим

при лихорадке и других болезнях. Преимущественно ее принимали внутрь и использовали в виде компрессов. Наиболее популярна была моча как лекарство среди охотников. Находясь в тайге, они принимали мочу как внутрь (при температуре, лихорадке), так и в виде компрессов при различных порезах, ранах в качестве дезинфицирующего и заживляющего средства [19].

При использовании мочи как лекарственного средства принималась в расчет степень родства больного и человека, чья моча предназначалась для лечения. Сильными лечебными свойствами наделялась моча матери для исцеления ее собственных детей. Материнскую мочу использовали при простудных заболеваниях детей [19]. Собственной мочой или мочой матери монголы рекомендовали полоскать рот при заболевании зубов. У нарынских тувинцев целебной считалась моча многодетной женщины: лихорадку лечили, применяя особый компресс с использованием брюшного жира козы, шкуры животного и ткани, смоченной мочой пожилой многодетной женщины [20]. Такое отношение к продукту человеческой физиологии, и особенно женской, обусловлено почитанием женщины-матери в традиционной культуре кочевников. Очевидно, что женская физиология почиталась не только на уровне репродуктивной функции, но и охранительной, связанной с защитой потомства. Считалось, что человек, употреблявший мочу матери, никогда не заболевает [21].

Определенными целебными свойствами наделялась и детская моча. Якуты промывали больной глаз собственной или детской мочой [22]. При пневмонии, при воспалении легких также рекомендовали пить мочу ребенка. Буряты «при воспалительных процессах, растяжениях суставов в качестве различных примочек употребляли детскую мочу» [19]. Сведений об использовании мочи отца в качестве лекарственного средства у монгольских народов не зафиксировано, однако примечательно, что якуты при заболеваниях уха у ребенка собирали в снегу мочу его отца, оттаивали и тайком от отца закапывали в ухо ребенку [22].

В якутской народной медицине моча как лекарственное средство занимала особенно важное место. Ее использовали от множества разных заболеваний, в разных формах. Ее употребляли внутрь, делали компрессы, использовали как мазь. При опоясывающем лишае вываривали в собственной моче растущее на южном склоне горы растение с острыми листьями и головками, похожее на осот полевой. Полученным отваром промывали пораженные места [22].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ экскрементальной лексики позволил выявить ее образное и звукоподражательное происхождение, активное функционирование в составе паремий и бранной лексики. Лексемам данного поля свойственна высокая степень эвфемизации, характерная многим языкам мира. В ходе исследования выявлены такие способы эвфемистической кодировки физиологической сферы, как метафоризация, метонимия, использование иноязычных слов. Продукты жизнедеятельности человеческого организма, главным образом моча, использовались в практиках народной медицины как действенное лекарственное средство. В мифах и преданиях бурят, сюжеты которых содержат элементы первотворения, освоения пространства, моча наделялась свойствами сакрального продукта жизнедеятельности мифических или реальных персонажей, наделенных статусом божества, первопредка, религиозного деятеля, принимая свойства мифической воды бессмертия – рашияны/аршана.

Принятые сокращения

бур. – бурятский; бур. барг. – баргузинский говор бурятского языка; калм. – калмыцкий; монг. – халха-монгольский, п.-монг. – старописьменный монгольский, ср.-монг. – средневековый монгольский

Литература / References

1. Kowalewski JE. *Dictionnaire mongol-russe-français*. Kasan: Imprimerie de l'Université; 1844-1849:2690 (на франц. яз., монгольском яз.)
2. Kowalewski JE. *Mongolian-Russian-French Dictionary*. Kasan: Imprimerie de l'Université; 1844-1849:2690 (in Mongolian, Russian, French).
3. Поппе Н.Н. Монгольский словарь *Мукаддимат ал-Адаб*, ч. I-II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР; 1938:453.
4. Poppe NN. *The Mongolian dictionary Mukaddimat al-Adab*, parts I-II. Proceedings of the Institute of Oriental Studies [Academy of Sciences of the USSR], XIV. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1938:453 (in Russ.).
5. Гынгазова Л.Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2009;1(5):13-21.
6. Gyngazova LG. The interpretative potential of somatisms in describing the worldview of the linguistic personality of a dialect speaker. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2009;1(5):13-21 (in Russ.).
7. Чоймаа Ш., Бүрнээ Д., Баярсайхан М. ба бусад. *Монгол хүний нэрийн толь*. Улаанбаатар: Улаанбаатар пресс; 2013:759. (на монг. яз).
8. Choimaa Sh, Burnee D, Bayarsaikhan M, et al. *Vocabulary of Mongolic anthroponyms*. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar press; 2013:759 (in Mongolian).
9. Lessing FD. *Mongolian-English dictionary*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press; 1960:1217.
10. Starostin S, Dybo A, Mudrak O. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden; Boston: Brill; 2003:2096.
11. Мөхсайхан С. *Монголын нууц товчооны тайлбар толь*. Улаанбаатар: «Соёмбо Принтинг» ХХК; 2022:692. (на монг. яз).
12. Mukhsaikhan S. *Explanatory dictionary of the "Secret history of Mongols"*. Ulaanbaatar: Soyombo Printing; 2022:692 (in Mongolian).
13. Allan K, Burridge K. *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006:303.
14. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 4. Х-Я / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Москва: Academia; 2002:532.
15. Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 4 / Ed. by GTs. Purbeev. Moscow: Academia; 2002:532 (in Mongolian, Russ.).
16. Черемисов К.М. *Бурятско-русский словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1973:803.
17. Cheremisov KM. *Buryat-Russian dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1973:803 (in Buryat, Russ.).
18. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. *Бурятско-русский словарь*. В 2-х т. Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография; 2008:708.
19. Shagdarov LD, Cheremisov KM. *Buryat-Russian dictionary*. In 2 vol. Vol. 2. Ulan-Ude: Republican Printing House; 2008:708 (in Buryat, Russ.).
20. Цыдендамбаева О.С., Доржиева О.А. Человек как феномен единства телесного и духовного в разносистемных языках (на материале эвфемизмов в английском и бурятском языках). *Филология: научные исследования*. 2020;2:58-66. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.2.32377

Tsydendambaeva OS, Dorzheeva OA. Man as a phenomenon of the unity of bodily and spiritual in diverse languages (based on euphemisms in English and Buryat). *Philology: scientific research*. 2020;2:58-66. (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0749.2020.2.32377

13. Низовцева С.Г. Случаи нарушения морально-этических норм в фольклорной традиции коми. Наблюдения над загадками с телесно-физиологическим кодированием. В кн.: *Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции*: сб. ст., Москва, 02–04 декабря 2015 года. Москва: Центр «Сэфер»; 2016:203-217.

Nizovtseva SG. Cases of violation of moral and ethical norms in the folklore tradition of Komi. Observations on riddles with body-physiological coding. In: *Norm and anomaly in the Slavic and Jewish cultural tradition*: collection of articles, Moscow, December 02-04, 2015. Moscow: Sefer Center; 2016:203-217 (in Russ.).

14. Самбуудорж О., Эрдэнэсүвд Л. *Монгол хэлний этгээд үг хэллэг. Этгээд үг хэллэгийн товч толь*. Улаанбаатар, 2002:158. (на монг. яз).

Sambuudorj O, Erdenesuvd L. *Slang expressions in Mongolian language. A brief dictionary of slang expressions*. Ulaanbaatar, 2002:158 (in Mongolian).

15. Костина Е.А. Эвфемизация физиологических процессов человека. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2012;1:53–54.

Kostina EA. Euphemization of human physiological processes. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2012;1:53-54 (in Russ.).

16. Дампилова Л. С. *Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; 2005:248.

Dampilova LS. *Shamanic songs of the Buryats: symbolism and poetics*. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS; 2005:248 (in Russ.).

17. Нацов Г.-Д. *Материалы по истории и культуре бурят*. Ч. I / Пер. и примеч. Г.Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; 1995:156.

Natsov G-V. *Materials on the history and culture of the Buryats*. Part I / Translated and noted by G.R. Galdanova. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS; 1995:156 (in Russ.).

18. Содномпилова М.М. Сакральное пространство этнической Бурятии: культ целебных родников. *Oriental Studies*. 2024;17(2):389-400. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-389-400.

Sodnompilova MM. Sacred space of ethnic Buryatia: the cult of healing springs. *Oriental Studies*. 2024;17(2):389-400. (in Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-389-400

19. Галданова Г.Р. *Закаменские буряты*. Историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука; 1992:172.

Galdanova GR. *Zakamensk Buryats*. Historical and ethnographic essays. Novosibirsk: Nauka; 1992:172 (in Russ.).

20. Потапов Л.П. *Очерки народного быта тувинцев*. Москва: Наука; 1969:401.

Potapov LP. *Essays on the national life of the Tuvinians*. Moscow: Nauka; 1969:401 (in Russ.).

21. Николаева Д.А. Культ матери-прародительницы в традиционной культуре бурят. В кн.: *В мире традиционной культуры бурят*: сб. ст. Вып. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН; 2007:202–240.

Nikolaeva DA. The cult of mother ancestress in the traditional culture of the Buryats. In: *In the world of traditional Buryat culture*: collection of articles. Vol. 2. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS; 2007:202-240 (in Russ.).

22. Саввин А.А. *Народная медицина якутов*. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН; 2025:126.

Savvin AA. *Traditional medicine of the Yakut people*. Yakutsk: Publishing house of YSC SB RAS; 2025:126 (in Russ.).

Сведения об авторах

СУНДУЕВА Екатерина Владимировна – д. филол. н., г. н. с. отдела языкознания, ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН», г. Улан-Удэ, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>, SPIN-код: 3354-5733, Web of Science Researcher ID ААО-3787-2020, Scopus Author ID: 57148187000, e-mail: sundueva@mail.ru

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – д. и. н., в. н. с. отдела археологии и этнологии ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН», г. Улан-Удэ, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-0741-0494>, SPIN-код: 3030-8888, Web of Science Researcher ID U-6512-2019, Scopus Author ID: 56829464900, e-mail: sodnompilova@yandex.ru

About the authors

Ekaterina V. SUNDUEVA – Doct. Sci. (Philology), Chief Researcher of the department, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>, SPIN-code: 3354-5733, e-mail: sundueva@mail.ru

Marina M. SODNOMPILOVA – Doct. Sci. (History), Leading Researcher of the department of archaeology and ethnology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-0741-0494>, SPIN: 3030-8888, e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Вклад авторов

Сундужева Е.В. – выдвижение идеи, формулирование цели и задач, проведение лингвистического исследования, деятельность по аннотированию (созданию метаданных)

Содномпилова М.М. – формулирование цели и задач, проведение этнологического исследования

Authors' contributions

Ekaterina V. Sundueva – ideas, formulation or evolution of overarching research goals and aims, conducting the linguistic study, management activities to annotate (produce metadata)

Marina M. Sodnompilova – formulation or evolution of overarching research goals and aims, conducting the ethnologic study

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 02.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2026

Принята к публикации / Accepted 06.05.2026

УДК 82.091;82-94;821.161.1;821.581

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-199-208>

Оригинальная научная статья

Диалектика «правды» и «вымысла» в китайской и русской биографике: сопоставительный анализ концепций Ян Чжэнжуня и А. А. Холикова

Сюй Манлинь, Ван Чжэнкунь

Институт русского языка, Сычуаньский университет иностранных языков, г. Чунцин, КНР
 954660187@qq.com

Аннотация

Биографика, находящаяся на пересечении истории и литературы, постоянно сталкивается с фундаментальной проблемой границы между фактической достоверностью и художественным вымыслом. В эпоху «постправды», когда наблюдается тенденция к скандализации и намеренному искажению образов классиков в биографических текстах, обоснование этических норм и методологических принципов работы с вымыслом приобретает особую актуальность. Актуальность исследования обусловлена ключевой для современной гуманитаристики проблемой границы между фактической достоверностью и художественным вымыслом в биографике – дисциплине, находящейся на пересечении истории и литературы. Цель статьи – сопоставить два влиятельных подхода к решению этой проблемы, представленных в трудах китайского ученого Ян Чжэнжуня («Современная биографика», 2009; англ. пер. “A Modern Poetics of Biography”, 2025) и российского исследователя А. А. Холикова («Биография писателя как жанр», 2014). В задачи входит раскрытие сущностных характеристик «парадигмы теоретического конструирования» Ян Чжэнжуня и «парадигмы жанрового углубления» Холикова, систематизация типов и границ биографического вымысла, а также выявление различий в понимании природы биографии в китайской и российской академических традициях. Методология работы базируется на сравнительном и текстуальном анализе в рамках межкультурного академического диалога. В результате исследования показано, что Ян Чжэнжунь предлагает универсальную, детально разработанную типологию биографического вымысла (восполняющий, расширительный, переносный, эксплицитный) и формулирует универсальный этический принцип «клятвы биографа». А. А. Холиков, напротив, сосредоточен на конкретном жанре биографии писателя и через сопоставительный анализ художественной (Б. К. Зайцев) и научной (А. Н. Веселовский) биографий демонстрирует, как цель жизнеописания и идентичность автора определяют меру и форму допустимого вымысла. Основной вывод заключается в том, что теоретическая универсализация Ян Чжэнжуня и жанровая конкретизация А. А. Холикова представляют собой не взаимоисключающие, а взаимодополняющие парадигмы. Перспектива исследования видится в синтезе данных подходов, диалог между которыми способствует дальнейшей институционализации биографики как самостоятельной научной дисциплины с собственным теоретическим фундаментом и методологическим инструментарием.

Ключевые слова: биографика, правда и вымысел, Ян Чжэнжунь, А. А. Холиков, биография писателя, типология вымысла, научная биография, художественная биография, парадигмы биографических исследований, клятва биографа

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Муниципалитета Чунцин «Исследования в области современной русской биографической литературы»

© Сюй Манлинь, Ван Чжэнкунь, 2026

(исследовательский проект по иностранным языкам и литературе 2023 года, № SISUWYJY202310) и Сычуаньского университета иностранных языков «Межжанровое повествование и историческая реконструкция – исследование русскости в творчестве А. Варламова» (научно-исследовательский и инновационный проект для аспирантов на 2025 год, № SISU2025YZ007)

Для цитирования: Сюй Манлинь, Ван Чжэнкунь. Диалектика «правды» и «вымысла» в китайской и русской биографике: сопоставительный анализ концепций Ян Чжэнжуна и А. А. Холикова. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):199–208. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-199-208>

Original article

The dialectic of “Truth” and “Fiction” in Chinese and Russian biographical studies: a comparative analysis of the concepts of Yang Zhengrun and A. A. Kholikov

Xu Manlin, Wang Zhengkun

Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, Chongqing, China

 954660187@qq.com

Abstract

Biographical studies, situated at the intersection of history and literature, constantly confront the fundamental problem of the boundary between factual reliability and artistic fiction. In the era of “post-truth”, marked by a tendency toward scandalization and deliberate distortion of the images of classical authors in biographical texts, the substantiation of ethical norms and methodological principles for working with fiction acquires particular relevance. The relevance of this study is determined by the key problem for contemporary humanities—the boundary between factual accuracy and artistic invention in biographical studies, a discipline at the crossroads of history and literature. The aim of this article is to compare two influential approaches to solving this problem, as presented in the works of Chinese scholar Yang Zhengrun (Modern Biographical Studies, 2009; English translation A Modern Poetics of Biography, 2025) and Russian researcher A. A. Kholikov (Writer's Biography as a Genre, 2014). The objectives include revealing the essential characteristics of Yang Zhengrun's “paradigm of theoretical construction” and Kholikov's “paradigm of genre-specific deepening”, systematizing the types and boundaries of biographical fiction, and identifying differences in the understanding of the nature of biography within Chinese and Russian academic traditions. The methodology is based on comparative and textual analysis within the framework of cross-cultural academic dialogue. The study demonstrates that Yang Zhengrun proposes a universal, meticulously elaborated typology of biographical fiction (supplementing, expanding, transferring, and explicit) and formulates the universal ethical principle of the “biographer's oath”. In contrast, A. A. Kholikov focuses on the specific genre of the writer's biography, and through a comparative analysis of B. K. Zaitsev's artistic biography and A. N. Veselovsky's scholarly biography, demonstrates how the purpose of the life writing and the identity of the biographer determine the extent and form of admissible fiction. The main conclusion is that Yang Zhengrun's theoretical universalization and A. A. Kholikov's genre-specific concretization represent complementary rather than mutually exclusive paradigms. The prospect for future research lies in the synthesis of these approaches, the dialogue between which contributes to the further institutionalization of biographical studies as an independent scientific discipline with its own theoretical foundation and methodological apparatus.

Keywords: biographical studies; truth and fiction; Yang Zhengrun; A. A. Kholikov; writer's biography; typology of fiction; scholarly biography; artistic biography; paradigms of biographical research; biographer's oath

Funding. The study was carried out with the support of the Chongqing Municipality "Research in the Field of Modern Russian Biographical Literature" (2023 Research Project on Foreign Languages and Literature, No. SISUWYJY202310) and the Sichuan International Studies University project "Cross-Genre Narrative and Historical Reconstruction—A Study of Russianness in the Works of A. Varlamov" (2025 Postgraduate Research and Innovation Project, No. SISU2025YZ007)

For citation: Xu Manlin, Wang Zhengkun. The dialectic of "Truth" and "Fiction" in Chinese and Russian biographical studies: a comparative analysis of the concepts of Yang Zhengrun and A. A. Kholikov. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):199–208. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-199-208>

Введение

Биография как древний литературный жанр получила теоретическое осознание относительно поздно. Инициатива американского биографа Л. Эйделя о создании «поэзии биографии», выдвинутая в 1977 году, стала поворотным пунктом в переходе биографических исследований от обобщения опыта к теоретическому конструированию. В этом академическом контексте китайская и российская биографистики развивались разными путями, сформировав свои уникальные академические традиции.

Центральная проблема современной биографистики остается неизменной: как разрешить диалектические противоречия между «истиной» и «вымыслом». «Истина» является жизненной линией биографии, в то время как «вымысел» – неизбежный элемент биографического письма. Как осуществить разумную художественную обработку при соблюдении исторических фактов – вечная дилемма биографов и основная привлекательность биографических исследований.

Цель данной статьи – исследовать диалектические отношения между «истиной» и «вымыслом» в современной биографистике на основе сравнительного анализа биографических теорий китайского ученого Ян Чжэньжуня и российского исследователя А. В. Холикова. Задачи исследования: 1) раскрыть сущностные характеристики двух парадигм биографических исследований; 2) систематизировать типы и границы вымысла в биографии; 3) прояснить различия в понимании сущности биографии в китайской и российской академических традициях; 4) обосновать взаимодополняемость двух парадигм и их значение для развития биографистики как науки.

В теоретико-методологическом плане в статье используются методы сравнительного исследования и текстуального анализа. Парадигма «теоретического конструирования» Ян Чжэньжуня и парадигма «типологического углубления» Холикова рассматриваются в рамках межкультурного академического диалога. На основе анализа конкретных биографических текстов раскрываются формы и логика функционирования вымысла в разных типах биографий. В статье утверждается, что обе парадигмы не являются противоположными, а представляют два взаимодополняющих измерения биографических исследований, и их диалог и интеграция будут способствовать становлению биографистики как более зрелой научной дисциплины. В процессе работы над статьей авторы, являющиеся носителями китайского языка, использовали генеративные искусственные интеллектуальные системы как вспомогательный инструмент для перевода специальных биографических терминов, перевода древнекитайских текстов, а также для сопоставления нескольких вариантов перевода с целью выбора наиболее точного и адекватного.

В процессе развития современной биографистики сформировались две репрезентативные исследовательские парадигмы: одна – «парадигма теоретического конструирования», направленная на достижение универсальности и системности дисциплины, другая – «парадигма типологического углубления», характеризующаяся глубоким погружением в конкретные области и практическим анализом. Работы китайского ученого Ян Чжэнжуна «Современная биографистика» и российского исследователя А. В. Холикова «Биография писателя как жанр» являются образцовыми произведениями этих двух парадигм соответственно.

«Современная биографистика» Ян Чжэнжуна (2009) – это веховое произведение в теоретическом конструировании китайской биографистики. Его исследовательская парадигма имеет академическую амбицию создания универсальной теоретической системы биографии, что, по словам автора, направлено на «сохранение теоретической позиции и защиту самостоятельности биографии и биографической теории». Книга разделена на три части: «Онтология биографии», «Морфология биографии» и «Теория биографического письма», в которых построена целостная теоретическая рамка, охватывающая сущность, типы и весь процесс написания биографии. Ян Чжэнжунь определяет биографию как «повествовательный жанр, который имеет объектом реального человека, основывается на исторических фактах и воспроизводит жизненный путь и характер человека через литературное повествование». На основе этого определения он построил полную теоретическую систему, включающую обработку биографического материала, принципы вымысла, структуру текста и нарративные методы. «Современная биографистика» не только обобщает развитие китайской и зарубежной биографии, но и детально анализирует центральные проблемы биографического письма, предоставляя универсальные аналитические инструменты для биографических исследований разных типов и культурных контекстов.

Исследования Холикова представляют «парадигму типологического углубления». Как известный современный российский специалист в области биографических исследований, он сосредоточил свое внимание на специфической области российской биографии писателей. Через сравнительный анализ разных биографических текстов об одном и том же биографическом объекте он раскрывает напряжение между «наукой» и «искусством» в биографическом письме. Холиков не спешил строить грандиозную теоретическую систему, а углубился в конкретные текстовые примеры: от разных интерпретаций Жуковского в работах Зайцева и Веселовского до анализа биографий Толстого и Достоевского, написанных разными авторами. На микроуровне он исследовал, как биографы обрабатывают исторические источники и воспроизводят духовный мир биографических объектов. Эта парадигма подчеркивает конкретный подход к конкретным проблемам, акцентирует практичность и историчность биографического письма и предоставляет богатый материал для применения и проверки теории.

Обе парадигмы, несмотря на кажущиеся различия в путях развития, взаимодополняют друг друга. Теоретическое конструирование Ян Чжэнжуна очертило дисциплинарные границы биографистики и установило основные исследовательские категории и методы. Типологическое углубление Холикова позволило абстрактной теории обрести практическое применение и проверить, а также углубить теоретические знания в конкретной практике письма. Именно это сочетание универсальности и особенности делает современную биографистику одновременно строгой как наука и живой как академическая дисциплина.

Типология вымысла: от универсальной классификации к жанровой конкретике

Ян Чжэньжунь рассматривает вымысел не как досадное отступление от истины, а как необходимый инструмент биографа, подчиненный строгим правилам. Его ключевой вклад в теорию биографики — построение детальной типологии биографического вымысла, которая призвана внести ясность в размытые представления о границах допустимого воображения. Китайский ученый выделяет четыре типа вымысла: восполняющий, расширительный, переносный и эксплицитный [1]. Эта классификация представляет собой градацию по степени «удаления» от документальной основы: от минимального домысливания до открытого введения легендарного материала, и является уникальной в мировой биографической теории по своей систематичности.

Восполняющий вымысел служит для заполнения неизбежных пробелов в документах. Биограф, опираясь на знание личности героя, исторического контекста и логику обстоятельств, реконструирует недостающие звенья повествования. Хрестоматийным примером здесь может служить описание Стефаном Цвейгом внешности и душевного состояния Марии Стюарт в период ее многолетнего заточения. В «Марии Стюарт» Цвейг пишет:

«Проходят недели, проходят месяцы, проходят годы, незаметно, как облака, гонимые ветром над головой этой изнывающей от тоски женщины, а она все та же. Но незаметно или заметно — события меняют людей и мир. Марии Стюарт сорок лет — критический возраст женщины, — а она все еще узница, все еще томится в неволе. Не успела оглянуться, как молодость прошла. В волосах засверкала седина; тело, прежде стройное, пополнело, лицо огрубело... Еще немного — и для женщины наступает пора, когда исчезает всякая надежда на любовь, иссякает источник жизни. Что не сбылось до сих пор, не сбудется уже никогда...» [2, с. 370].

У нас нет ни портретов, ни медицинских свидетельств о внешности королевы в те годы. Однако предположение Цвейга психологически достоверно: годы тюремного заключения неизбежно сказываются на внешности узницы, а сознание уходящей молодости должно терзать женщину, некогда слышную первой красавицей Европы. Этот вымысел не существует изолированно: он подготавливает финальную сцену казни, где палач, схватив отрубленную голову за волосы, с ужасом обнаруживает, что держит в руке лишь парик, и перед толпой предстает «голова старухи с коротко остриженными седыми волосами» [2, с. 451]. Восполненный Цвейгом образ увядания получает трагическое завершение, замыкая сюжетную арку судьбы Марии Стюарт. Таким образом, восполняющий вымысел здесь работает не просто как «заплатка» на месте лакуны, но как структурный элемент, организующий повествование и усиливающий его эмоциональное воздействие.

Расширительный вымысел не заполняет лакуны, а обогащает известные факты деталями, призванными усилить драматизм и психологическую глубину повествования. Ян Чжэньжунь находит блестящий образец такого вымысла в знаменитой сцене «Хунмэньского пира» из «Исторических записок» Сыма Цяня [3]. Сравнение этой сцены с ее версией в «Истории Ранней Хань» Бань Гу, где объем текста сокращен почти на две трети, наглядно демонстрирует работу расширительного вымысла. Бань Гу опускает подробности, которые у Сыма Цяня создают неповторимое напряжение: расположение пяти главных действующих лиц за пиршественным столом: Сян Юй и его дядя Сян Бо сидят лицом к востоку, на почетном месте, а Лю Бан — лицом к северу, в положении подчиненного; жест Фань Цзэна, трижды поднимающего яшмовое кольцо-цзюэ (омофон слова «решиться»), призывая Сян Юя покончить с соперником; молчание Сян Юя, выдающее его нерешительность; появление разъяренного Фань Куая, сбивающего стражников

щитом. Эти детали, скорее всего, являются плодом воображения историка, но именно они превращают сухую хронику в живую драму, в которой раскрываются характеры всех участников. Сыма Цянь, по меткому выражению Цянь Чжуншу, воссоздает облик живого слона по «костям мертвого слона», по скудным свидетельствам источников [4, с. 364].

Переносный вымысел заключается в перекомпоновке имеющегося материала во времени или пространстве для достижения большей композиционной стройности. Наиболее последовательно этот метод применил Джеймс Босуэлл в «Жизни Сэмюэла Джонсона». Босуэлл познакомился с Джонсоном, когда тому было 54 года, и в общей сложности провел с ним лишь 425 дней из двадцати двух лет их знакомства [5]. Чтобы создать иллюзию непрерывного присутствия рядом с героем, Босуэлл переносил недатированные анекдоты и свидетельства друзей в те годы, материал о которых был особенно скуден, например, в 1770 год, когда он вовсе не виделся с Джонсоном. Американский исследователь Дональд Грин даже назвал этот метод «одной из самых успешных фабрикаций в истории биографии» [6, р. 21]. Однако, как подчеркивает Ян Чжэнжунь, этот вымысел не является фабрикацией в полном смысле слова: Босуэлл не изобретал факты, он лишь творчески перераспределял их, подчиняя композиционной задаче.

Наконец, *эксплицитный вымысел* представляет собой открытое включение в биографию неподтвержденных или даже явно легендарных сведений с обязательной оговоркой об их сомнительности. Ян Чжэнжунь иллюстрирует этот прием примером из Плутарха, который в начале «жизнеописания Тесея» предупреждает читателя: «Да простят мне благосклонные читатели, если я передам иные баснословные рассказы, которые не в силах опровергнуть, ибо они укоренились в памяти народной» [7, с. 5–6]. Сохраняя легенду, биограф не вводит читателя в заблуждение, а, напротив, маркирует границу между историей и мифом, одновременно сберегая культурную память. Этот тип вымысла особенно важен для биографий древних героев и основателей государств, где миф и история неразрывно переплетены, и полное исключение легендарного материала обеднило бы наше понимание культурной традиции. В новейшей западной теории аналогичная проблема обсуждается в терминах “fidelity of representation” («верности репрезентации»). Как показывает Л. Чернат в работе 2025 года, исследователи биографии склонны с подозрением относиться к вымыслу, однако, ссылаясь на Ину Шаберт, она отмечает, что биографический роман, «будучи заведомо фикциональным... выявляет истину о реальном человеке более пронзительно, чем фактографическое повествование» [10, р. 3–6]. Эта «поэтическая сущность» (poetic essentiality) роднит эксплицитный вымысел древних с современными поисками «глубинной правды» о личности.

Таким образом, типология Ян Чжэнжуна представляет собой универсальный «аналитический инструментарий», позволяющий дифференцировать различные формы биографического вымысла в зависимости от их функции и отношения к документу. Эта классификация применима к биографиям любого типа и любой культурной традиции.

Иной подход демонстрирует А. А. Холиков. Он не создает абстрактной типологии, а погружается в конкретный жанровый материал – биографию писателя. Сопоставляя два жизнеописания В. А. Жуковского – художественную биографию Б. К. Зайцева и научную биографию А. Н. Веселовского, – Холиков выявляет две принципиально различные стратегии работы с вымыслом, обусловленные не столько типом лакуны, сколько целеполаганием биографа и его идентичностью.

Зайцев, будучи писателем-импрессионистом, создает биографию, пронизанную лирическим воображением. Его вымысел направлен на воссоздание духовного облика поэта, его «тайного», внутреннего «я». Холиков замечает, что Зайцев превращает возлюбленную Жуковского Машу Протасову в символическую фигуру, «Беатриче или Лауру русской поэзии» [8, с. 35]. Он не просто излагает историю несчастной любви, но проецирует ее на все лирическое творчество поэта, утверждая: «Все – в ней, все – через нее... С уходом Маши кончилась и лирическая часть его писаний» [8, с. 35]. Эти утверждения – не результат архивных разысканий, а «творческая догадка» художника, основанная на целостном постижении поэтического мира Жуковского. Зайцев, как отмечает Холиков, сознательно идеализирует своего героя, стремясь не к исторической точности, а к созданию целостного и возвышенного образа «поэта одной любви» [8, с. 43]. Его вымысел служит задаче художественного обобщения и типизации.

Веселовский, ученый-позитивист, напротив, строго разграничивает поэзию и реальность. Он «не превращает лирику Жуковского в источник его биографии», а использует ее лишь как «иллюстрацию, как следствие самой жизни» [8, с. 46]. Там, где Зайцев рисует свободную картину, Веселовский задается осторожным вопросом. Холиков приводит характерный эпизод: Веселовский, обнаружив в берлинском дневнике Жуковского запись, возможно, связанную с помолвкой графини Самойловой, не утверждает, а спрашивает: «Не к ней ли относится пометка?» [8, с. 46]. Это «научная интуиция», не позволяющая переступить границы верифицируемого. Как показывает Холиков, Веселовский последовательно избегает «метода подчеркнутой реконструкции», предпочитая оставлять белые пятна, нежели заполнять их художественным домыслом [8, с. 46].

Показательно, что эта методологическая дилемма сохраняет свою актуальность и в современной российской биографике. Исследовательница А. Красникова, анализируя автобиографии Ильи Сельвинского, предупреждает: «биограф не имеет права заполнять лакуны в биографии писателя исключительно воображением, а должен опираться на конкретные факты и документы, но при этом биограф не должен и замалчивать эти лакуны» [16, с. 261–282]. Эта формулировка точно отражает позицию Веселовского и одновременно указывает на сохраняющееся в российском литературоведении напряжение между документом и интерпретацией.

Таким образом, исследование Холикова показывает, что абстрактные типы вымысла в реальной практике биографа трансформируются под влиянием жанровой установки: «восполняющий вымысел» у Зайцева становится «творческой догадкой», а у Веселовского – «научной интуицией». Следовательно, характер вымысла в биографии писателя неразрывно связан с тем, стремится ли автор к художественному «схождению духа» или к научному «схождению факта».

Границы вымысла: «клятва биографа» и жанровый канон

Признание неизбежности вымысла с необходимостью ставит вопрос о его границах. Как предотвратить превращение биографии в роман? Оба исследователя предлагают свои ответы, которые, при различии формулировок, сходятся в главном: вымысел не должен подменять собой документированную истину.

Ян Чжэньжунь формулирует ключевую этическую максиму – «клятву биографа». Суть ее в том, что биограф обязуется быть честным перед читателем и историей. Всякий вымысел должен быть «предположением», основанным на фактах, но не «измышлением» [1, с. 538]. Китайский теоретик прибегает к яркой метафоре: факты – это твердый гранит, а индивидуальность и вымысел – радуга, изменчивая и неуловимая. Задача биографа – слить их воедино, но так, чтобы гранит оставался фундаментом [1]. Ян Чжэньжунь очерчивает четкие границы:

вымысел не должен касаться узловых событий жизни героя, не должен служить личным или групповым интересам и не должен входить в противоречие с установленными историческими фактами. Удачный вымысел, как у Сыма Цяня в сцене Хунмэньского пира, оживляет историю, не искажая ее; неудачный же, как описанный Сыма Цянем тайный сговор Хань Синя с Чэнь Си, который не мог быть известен историку, вызывает обоснованные сомнения [3, с. 539]. Принцип «клятвы биографа», таким образом, носит универсальный и вневременной характер, выступая аналогом научной этики в сфере биографического письма.

Холиков подходит к проблеме границ с позиций жанрового канона. Он демонстрирует, что в научной биографии «коэффициент творческого домысла должен быть близок или равен нулю» [8, с. 46], тогда как в художественной биографии он значительно выше. Граница, таким образом, определяется не абстрактным правилом, а конвенцией жанра. Холиков также поднимает важнейший вопрос о границах вымысла именно в биографии писателя. Здесь биограф сталкивается с особой сложностью: его герой сам является творцом вымышленных миров. Можно ли использовать произведения писателя как источник сведений о его жизни? Зайцев активно использует поэзию Жуковского для реконструкции его внутреннего мира, Веселовский же отказывается от этого, рассматривая ее лишь как следствие биографических событий, но не как их источник. Холиков, не давая окончательного ответа, показывает, что именно здесь, в напряжении между «произведением» и «жизнью», и пролегает специфическая граница вымысла в биографии писателя. Эта проблема обостряется в случае с писателями-романтиками, которые сознательно мифологизировали свою биографию, и биографу приходится решать сложную задачу демифологизации, отделяя литературную маску от реального лица.

Стоит подчеркнуть, что проблема границ вымысла в биографии писателя приобретает особую остроту в контексте современной «постправды». Как отмечает Л. И. Сараскина, в новейших биографиях русских классиков (Пушкина, Достоевского, Толстого) все чаще наблюдается тенденция к «скандализации» и «намеренному искажению» образа: «воображение работает по принципу “плохое интереснее хорошего”, а не в соответствии с правдой» [17, с. 44–68]. В этой ситуации обращение к методологической строгости Веселовского и этическому императиву «клятвы биографа» Ян Чжэнжуня приобретает не только академическую, но и культурно-охранительную функцию.

Следовательно, «клятва биографа» Ян Чжэнжуня и жанрово-обусловленный подход Холикова не противоречат, а взаимодополняют друг друга. Первая задает универсальный этический императив, второй – показывает конкретные механизмы его реализации в зависимости от типа биографии и специфики ее героя. Если Ян Чжэнжунь формулирует общий закон, то Холиков исследует его применение в «особых случаях», тем самым обогащая и конкретизируя теорию.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ концепций Ян Чжэнжуня и А. А. Холикова позволяет утверждать, что в современной биографике сосуществуют две взаимодополняющие исследовательские парадигмы. Ян Чжэнжунь, выстраивая универсальную теорию, предлагает систематизированный «инструментарий» для анализа биографического вымысла, выделяя четыре его типа и формулируя принцип «клятвы биографа» как универсальное этическое ограничение. Эта «парадигма теоретического конструирования» создает необходимый категориальный аппарат для биографики как самостоятельной дисциплины. А. А. Холиков, напротив, действует в рамках «парадигмы жанрового углубления».

Сосредоточившись на конкретном материале – русской биографии писателя, он демонстрирует, как абстрактные типы вымысла трансформируются в реальной практике, превращаясь в «творческую догадку» художника или «научную интуицию» ученого. Его работа показывает, что мера и форма вымысла не являются универсальными константами, а производны от жанровой цели биографа и его собственной идентичности.

Диалог этих двух парадигм раскрывает сложную диалектику универсального и особенного в биографическом письме. «Клятва биографа» и жанровый канон, «восполняющий вымысел» и «творческая догадка», эти понятия не отменяют, а обогащают друг друга, высвечивая разные грани центральной проблемы биографики, проблемы границы между правдой и вымыслом. Обе монографии, каждая по-своему, свидетельствуют о том, что биографика окончательно вышла из тени истории и литературы и утвердилась в статусе самостоятельной научной дисциплины с собственным теоретическим фундаментом и методологическим инструментарием. Выход в 2025 году английского перевода «Современной биографики» Ян Чжэнжуня в издательстве Springer подтверждает растущий международный интерес к китайской биографической теории и ее признание в глобальном академическом сообществе. Дальнейшее развитие биографики видится именно в синтезе двух парадигм: универсальная теория нуждается в постоянной проверке и корректировке на конкретном историко-литературном материале, а углубленные жанровые исследования, в свою очередь, должны опираться на четкий теоретический базис. Именно в таком встречном движении рождается подлинно научное знание о сложнейшем искусстве жизнеописания.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Yan Zhengrun. *A Modern Poetics of Biography*. Nanjing: Nanjing University Press; 2009:653
2. Цвейг С. *Мария Стюарт*. Москва: Правда; 1986:480.
Zweig S. *Maria Stuart*. Moscow: Pravda; 1986:480 (in Russ.).
3. Сыма Цянь. *Исторические записки* (Ши цзи). В 9 т. Т. 2. Москва: Наука; Восточная литература; 1992:580.
Sima Qian. *Records of the Grand Historian*: in 9 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura; 1992:580 (in Russ.).
4. 钱锺书. *談藝錄*, *谈艺录*. 北京: 中华书局有限公司; 1984:622. (на кит. яз.).
Qian Zhongshu. *On the Art of Poetry*. Beijing: Zhonghua Book Company; 1984:622 (in Chinese).
5. Boswell J. *Life of Johnson*. London: Oxford University Press; 1953:1491
6. Greene D. Samuel Johnson. In: Meyers J, editor. *The Craft of Literary Biography*. New York: Schocken Books; 1985:9–32.
7. Плутарх. Тесей. *Сравнительные жизнеописания*. В 3 т. Т. 1. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1961:5-27.
Plutarch. Theseus. *Parallel Lives*: in 3 vols. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1961:5–27 (in Russ.).
8. Холиков А.А. *Биография писателя как жанр: учебное пособие*. Москва: ЛИБРОКОМ; 2014:100.
9. Kholikov AA. *Writer's Biography as a Genre: textbook*. Moscow: Librokom; 2014:100 (in Russ.).
9. Ma Luodan. Writer's Biography as a Genre: A Review. *Academic Exchange*. 2019;(4).
10. Cernat L. Life as Legacy: Truth, Fiction, and Fidelity of Representation in Biographical Novels Featuring Virginia Woolf. In: Virginia Woolf and Heritage. Liverpool: Liverpool University Press; 2025:3–6.
11. Mo Semujia. A New Breakthrough in the Research Paradigm of Biographical Theory – A Review of "Modern Biographical Studies". *Biographical Literature*. 2021;(9).

12. Zhao Baisheng. *Theory of Biographical Literature*. Beijing: Peking University Press; 2003.
13. Lejeune P. *On Autobiography*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1988.
14. Jöhl R. *Biography in context – what we may learn from controversies: 2) Philip Roth and his biographers*. *Tydskrift vir Geesteswetenskappe*. 2025;65(3):947–971.
15. Красникова А.С. Вымысел и реальность в (авто)биографиях Ильи Сельвинского: 1918–1920 годы. *AVTOBIOGRAFIJA*. 2020:261–282.
- Krasnikova AS. Fiction and Reality in the (Auto)biographies of Ilya Selvinsky: 1918–1920. *AVTOBIOGRAFIJA*. 2020:261–282 (in Russ.).
16. Сараскина Л.И. Биографии русских писателей как мишень пост-правды. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022;9(4):44–68.
- Saraskina LI. Biographies of Russian Writers as a Target of Post-Truth. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;9(4):44–68 (in Russ.).

Сведения об авторах

СЮЙ МАНЛИНЬ – к. филол. наук, профессор, академический заведующий Института русского языка Сычуаньского университета иностранных языков, Чунцин, КНР, e-mail: 88906663@qq.com

ВАН ЧЖЭНКУНЬ – аспирант Института русского языка Сычуаньского университета иностранных языков, <https://orcid.org/0000-0001-5228-1973>, Чунцин, КНР, e-mail: 954660187@qq.com

About the authors

Xu MANLIN – Doct. of Sci. (Philology), Professor, Academic Dean of the Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, Chongqing, PRC, e-mail: 88906663@qq.com

Wang ZHENGKUN – Postgraduate Student of the Institute of Russian Language, Sichuan International Studies University, <https://orcid.org/0000-0001-5228-1973> Chongqing, PRC, e-mail: 954660187@qq.com

Вклад авторов

Сюй Манлинь – разработка концепции исследования, формулировка теоретических положений, редактирование и проверка текста, ресурсное обеспечение

Ван Чжэнкунь – сбор и анализ эмпирического материала, текстуальный анализ, написание черновика статьи

Authors' contribution

Xu Manlin – conceptualization, forming of theoretical positions, writing - review & editing, resources

Wang Zhengkun – collection and analysis of empiric materials, text analysis, writing - original draft

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 13.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 29.04.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2026

УДК 821.161.1;821.581.09
<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-209-224>
Оригинальная научная статья

Рецепция русской лагерной прозы в современном китайском литературоведении

Чжан Синьвэй

Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика
✉ 296210454@qq.com

Аннотация

В статье анализируется рецепция русской лагерной прозы в современном китайском литературоведении на материале исследований, посвященных А. И. Солженицыну, В. Т. Шаламову и С. Д. Довлатову. Актуальность исследования обусловлена тем, что при более чем сорокалетней истории обращения китайской академической среды к русской лагерной теме степень изученности этих авторов остается крайне неравномерной, а сопоставительное осмысление трех линий рецепции до сих пор не получило достаточного обобщения. Цель работы состоит в выявлении основных закономерностей китайской рецепции русской лагерной прозы, определении различий в степени научного освоения названных писателей и установлении факторов, обуславливающих масштаб и характер этого процесса. Материалом исследования послужили диссертации, статьи в рецензируемых журналах и переводные издания, доступные в китайских научных базах данных. В статье используются историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, рецептивный и библиографико-описательный методы. Установлено, что Солженицын располагает наиболее устойчивой исследовательской традицией в Китае, тогда как исследования творчества Шаламова и Довлатова по-прежнему немногочисленны и не образуют сопоставимой по масштабу академической традиции. Показано, что различия касаются не только количества исследований, но и характера исследовательских подходов: если в случае Солженицына долгое время доминировала социально-историческая, религиозная и антропологическая проблематика, то в работах о Шаламове акцентируются прежде всего гуманистические аспекты его прозы, а внимание к Довлатову сосредоточено на маргинальности, иронии, смешении жанров и постмодернистской поэтике. В результате делается вывод о том, что переводческая доступность текста является одним из ключевых условий включения автора в китайский академический оборот и во многом определяет интенсивность его последующего научного изучения. Одновременно устанавливается, что китайское изучение русской лагерной прозы за последние десятилетия прошло путь от преимущественно социально-политического интереса к более сложным и филологически тонким формам анализа. Намечаются перспективы дальнейших исследований, связанные с более глубоким освоением нарративной поэтики «Колымских рассказов», систематическим сравнительным изучением трех писателей, развитием диалога с зарубежной славистикой и расширением переводческой базы за счёт включения ключевых довлатовских текстов, прежде всего «Зоны», в китайский литературный и исследовательский контекст.

Ключевые слова: русская лагерная проза, литературная критика, А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов, С. Д. Довлатов, литературоведение Китая, китайская русистика, сравнительное изучение, исследовательская традиция, история перевода

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Чжан Синьвэй. Рецепция русской лагерной прозы в современном китайском литературоведении. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):209–224. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-209-224>

Original article

The reception of Russian camp prose in contemporary Chinese literary studies

Zhang Xinwei

Heilongjiang University, Harbin, the People's Republic of China

✉ 296210454@qq.com

Abstract

The article analyzes the reception of Russian camp prose in contemporary Chinese literary studies through the example of A.I. Solzhenitsyn, V.T. Shalamov, and S.D. Dovlatov. The relevance of the study lies in the fact that, despite more than forty years of attention to the Russian camp theme in Chinese academia, the degree to which these authors have been studied remains highly uneven, while a comparative understanding of the three lines of reception has not yet been sufficiently generalized. The purpose of the article is to identify the main patterns underlying the Chinese reception of Russian camp prose, to determine the differences in the degree of scholarly engagement with these writers, and to establish the factors shaping the scale and character of this process. The research material includes dissertations, peer-reviewed journal articles, and translated editions available in Chinese academic databases. The study employs historical-literary, comparative, reception-oriented, and bibliographical-descriptive methods. It is established that Solzhenitsyn has the most stable research tradition in China, whereas studies on Shalamov and Dovlatov remain relatively limited and have not developed into an academic tradition comparable in scale to that of Solzhenitsyn. The article shows that these differences concern not only the number of studies but also the nature of the research approaches applied to them: Solzhenitsyn has long been examined predominantly from socio-historical, religious, and anthropological perspectives; studies on Shalamov emphasize above all the humanistic dimension of his prose; attention to Dovlatov, in turn, is focused on marginality, irony, genre hybridity, and postmodern poetics. As a result, the article concludes that the translational accessibility of a text is one of the key conditions for an author's inclusion in Chinese academic discourse and largely determines the intensity of subsequent scholarly research. At the same time, it establishes that over recent decades Chinese scholarship on Russian camp prose has moved from predominantly socio-political interest toward more complex and philologically nuanced forms of analysis. Further research may develop along several lines: a deeper study of the narrative poetics of *Kolyma Stories*, a systematic comparative analysis of the three writers, a stronger dialogue with international Slavic studies, and a further expansion of the translation base through the introduction of key Dovlatov texts, especially *The Zone*, into the Chinese literary and scholarly context.

Keywords: Russian camp prose, literary criticism, A.I. Solzhenitsyn, V.T. Shalamov, S.D. Dovlatov, Chinese literary studies, Chinese Russian studies, comparative study, research tradition, history of translations

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zhang Xinwei. The reception of Russian camp prose in contemporary Chinese literary studies. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):209–224. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-209-224>

Введение

В истории мировой литературы XX века русская лагерная проза занимает особое место, поскольку представляет собой одну из наиболее последовательных

Таблица

**Распределение привлеченных в статье исследований
по писателям и типам публикаций**

Table

Distribution of the studies included in the article by writers and publication types

Писатель	Статьи	Диссертации	Итого
А. И. Солженицын	12	7	19
В. Т. Шаламов	2	1	3
С. Д. Довлатов	2	1	3
Сопоставительные исследования (Солженицын / Шаламов)	0	1	1

и художественно значимых попыток осмысления экстремального опыта массового насилия. Как справедливо отмечает Чэн Дяньмэй, «тюрьма, ссылка и каторга являются имманентными характеристиками русской национальной жизни, а литература на эту тему составляет важную часть русской литературы XX века» [1, с. 81]. В китайском академическом дискурсе обращение к русской лагерной прозе имеет уже более чем сорокалетнюю историю, однако интенсивность исследовательского интереса здесь распределялась крайне неравномерно. Если творчество Солженицына в Китае сформировало сравнительно устойчивую исследовательскую традицию, то Шаламов начал привлекать систематическое внимание лишь в начале XXI века, а Довлатов до сих пор остается значительно менее освоенным (табл.). Именно эта диспропорция и определяет актуальность настоящего исследования, поскольку без ее анализа трудно понять как специфику китайской рецепции русской лагерной прозы, так и механизмы вхождения произведений иностранного автора в иной культурный и научный контекст.

В китайском литературоведении уже сформировался определенный корпус работ, посвященных русской лагерной прозе, однако он распределен между отдельными авторами крайне неравномерно. В случае с Солженицыным исследовательская традиция представлена как ранними переводно-реферативными публикациями, так и последующими статьями и диссертациями С. F. Elliott [2], Чжоу Чжэньмэй [3], Ли Чуаньцзина [4, 5], Чжан Дундун [6], Ли Пэна [7], Ли Шаоцин [8], Цзян Вэй [9], Лун Юйчэна [10], Чжоу Юньфан [11], Лю Лэ [12], Гао Линьцзе [13], Лю Чжунфан [14], Жэнь Лися [15], Чэ Лу [16], Ши Хуэй [17], Фу Синхуаня и Чэнь Шицзэ [18], Лю Вэньфэя [19], Хоу Сюэвэй [20]. Исследования Шаламова представлены значительно скромнее и в основном связаны с работами У Цзяю [21, 22], Ли Линъюнь [23] и Ван Цзы [24]. Что касается Довлатова, то здесь основное место занимают статьи и диссертация Чэн Дяньмэй [1, 27, 28]. Таким образом, уже на уровне существующей исследовательской базы можно видеть заметную асимметрию в изучении трех авторов.

Объектом настоящего исследования выступает китайское литературоведческое восприятие русской лагерной прозы, тогда как предметом являются конкретные формы и направления научного освоения творчества А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова и С. Д. Довлатова в китайских диссертациях, статьях и переводческих публикациях. Такое уточнение необходимо, поскольку речь идет не о

лагерной прозе как таковой, а именно о способах ее интерпретации и научного описания в современной китайской гуманитарной среде.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить, каким образом в современном китайском литературоведении складываются три линии рецепции указанных авторов, выявить различия в степени их изученности и определить факторы, влияющие на масштаб и характер этого процесса. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько взаимосвязанных задач: охарактеризовать место каждого из трех писателей в китайском академическом восприятии; проследить историю переводов их произведений на китайский язык; выявить основные направления исследований, посвященных этим авторам; сопоставить масштабы и способы их научного освоения; определить общие закономерности китайской рецепции русской лагерной прозы и наметить перспективы ее дальнейшего изучения.

Научная новизна работы заключается в том, что три линии китайской рецепции – солженицынская, шаламовская и довлатовская – рассматриваются в единой сравнительной перспективе. Такой подход позволяет увидеть не только различия между ними, но и общие механизмы культурного и академического освоения лагерной темы в Китае. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении представлений о специфике межкультурной рецепции русской литературы в Китае и о логике перехода от преимущественно историко-идеологического восприятия лагерной прозы к более текстоцентричным и поэтологическим подходам. Практическая значимость статьи связана с возможностью использования ее выводов в дальнейших работах по истории русско-китайских литературных связей, сравнительному литературоведению, переводоведению и истории изучения русской литературы в Китае.

Методологическую основу исследования составляют историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, рецептивный и библиографико-описательный методы. Их сочетание позволяет, с одной стороны, проследить историю перевода и изучения текстов, а с другой – выявить особенности их интерпретации в китайском литературоведении и установить соотношение между переводческой доступностью произведений и интенсивностью их научного освоения. Такая постановка вопроса позволяет перейти к последовательному рассмотрению каждого из трех авторов, уделив внимание их месту как в русской, так и в китайской литературной традиции, истории переводов их произведений на китайский язык и конкретным формам их академического освоения.

Рецепция лагерной прозы А. И. Солженицына в китайском литературоведении

Солженицын по праву считается основоположником и главным летописцем лагерной темы. Его «Архипелаг ГУЛАГ», создававшийся на протяжении десятилетий, стал не только литературным, но и историческим документом, оказавшим значительное влияние на осмысление сталинской эпохи во всем мире. В китайском литературоведении Солженицын также занял особое место: его имя стало символом не только лагерной прозы, но и одной из ключевых фигур русской литературы XX века в целом. Исследователи неизменно подчеркивают, что именно с публикации его произведений в Китае началось серьезное знакомство с советской лагерной темой, а сам писатель на долгие годы оставался для китайского читателя главным голосом ГУЛАГа.

История переводов Солженицына в Китае развивалась значительно раньше и интенсивнее, чем в случае двух других авторов. Уже в 1962 г., вскоре после публикации повести «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир», китайские переводчики приступили к работе над текстом. В ноябре того же года

перевод, выполненный Цао Сулин, Чэн Дайси, Ван Цзясяном и Чэнь Сяоманем, был завершен и опубликован под коллективным псевдонимом «Сыжэнь» (斯人). С 80-го года прошлого века на китайский язык были переведены роман «Раковый корпус» и другие произведения. В 2006 г. впервые вышел в свет перевод произведения «Архипелаг ГУЛАГ», выполненный Тянь Давей и Чэнь Ханьчжаном, и в 2015 г. был переиздан. Появление и распространение перевода этого произведения имело особое значение для последующих академических исследований литературы Солженицына, посвященной лагерям. Именно широкое представление и систематическое распространение произведений Солженицына заложили прочную академическую основу для формирования стабильной и систематической исследовательской традиции в Китае.

Что касается собственно научного освоения наследия писателя, китайские исследования его творчества демонстрируют значительное разнообразие методологических подходов. Уже в 1980-е гг. философские основания его творчества привлекли особое внимание китайских исследователей. Ярким примером тому служит перевод статьи американского ученого С. F. Elliott «Солженицын о современном человеке и свободе», опубликованный в 1985 г. в журнале «当代外国哲学与社会科学文摘» («Реферативные материалы по современной зарубежной философии и социальным наукам»). В раннем китайском восприятии творчества Солженицына особое значение придавалось духовному содержанию его концепции человека. Как отмечает Эллиотт: «Солженицын не отрицает, что человек XX века подвергается давлению внешнего террора, однако кризис современного человека он видит прежде всего как духовный кризис» [2, с. 41].

В работах 2005–2009 гг. китайские исследователи начинают рассматривать Солженицына не только как автора лагерного свидетельства, но и как писателя, ставящего вопрос о внутреннем достоинстве человека, о национальном характере и о нравственном содержании повседневного существования. Чжоу Чжэньмэй, анализируя повесть «Один день Ивана Денисовича», отмечает, что в ней выражены «глубокое размышление писателя о жизни и нравственный поиск» [3, с. 74], а далее еще точнее определяет ее как «утверждение несокрушимого человеческого достоинства и критику всех попыток разрушить это достоинство» [3, с. 77]. В такой постановке вопроса лагерный текст оказывается связан не только с исторической правдой, но и с проблемой человеческой стойкости.

В близком направлении движется и Ли Чуаньцин. В статье о крестьянском образе в творчестве Солженицына он подчеркивает, что «писатель сознательно делает простого крестьянина центральной фигурой повествования, поскольку видит в нем носителя простого нравственного духа и сущности нации, определяющей судьбу государства» [4, с. 40]. Несколькими годами позже тот же исследователь уже прямо выводит повесть за пределы политизированного чтения и утверждает, что она раскрывает «вечную тему надклассового уровня: вопрошание о падении морали и человеческой природы, призыв к возвращению высшей доброй природы человека» [5, с. 291]. Тем самым в китайском литературоведении «Один день Ивана Денисовича» начинает осмысляться как текст, в котором через частную судьбу проверяется сама возможность человеческого достоинства.

Существенным шагом к более филологическому прочтению стала статья Чжан Дундун о времени в «Одном дне Ивана Денисовича». Исследователь замечает, что в этой повести время «становится искусственно заданной “процедурой” и тем самым приобретает политико-экономический смысл функционирования власти» [6, с. 249], но вместе с тем сохраняет и другую сторону, поскольку «временная концепция несет в себе глубинную нравственно-психологическую окраску» [6, с. 250]. Иначе говоря, лагерный день здесь построен

так, что внешняя дисциплинарная расчлененность времени не уничтожает внутреннего времени памяти, ожидания и душевного усилия.

Иной, но не менее показательный ракурс представлен в диссертации Ли Пэна, где внимание переносится с внутренней организации отдельного текста на более широкую проблему человечности в лагерной прозе Солженицына. Исследователь подчеркивает, что художественный мир писателя не сводится к разоблачению зла: «зло, быть может, всегда наступает яростно, но добро и красота все же никогда не склоняют головы и всегда стойко и упорно удерживают направление исторического развития» [7, с. 19]. Если в статье Чжан Дундун в центре анализа находится структура лагерного времени, то у Ли Пэна акцент сделан на нравственном противостоянии добра и зла в экстремальной среде. Благодаря этому уже к концу 2000-х гг. в китайской рецепции Солженицына заметен переход от общего разговора о лагерной теме к анализу достоинства, времени и нравственного строя текста.

С расширением исследовательского поля круг вопросов, привлекающих внимание китайских филологов, стал заметно шире. В 2011 г. была защищена диссертация Ли Шаоцин «Изображение страдания в творчестве А.И. Солженицына», в которой страдание рассматривается не просто как тема, а как принцип организации художественного мира писателя. В итоговой части исследования автор делает следующий вывод: «Солженицынское письмо о страдании именно в своей своеобразной текстовой форме соединяет в себе критику и осмысление мучительного существования при тоталитарном господстве» [8, с. 29]. Этот подход показывает, что китайские исследователи постепенно переходят от тематического описания к более глубокому анализу художественной функции страдания.

Наряду с диссертационными исследованиями важную роль играют и отдельные статьи. Так, Цзян Вэй в статье «Анализ “слабости” героев “лагерной прозы” А.И. Солженицына», опубликованной в журнале «北方文学» («Северная литература») в 2012 г., сознательно смещает внимание с героизации персонажей на их внутреннюю уязвимость. Свой исходный тезис автор формулирует предельно прямо: «Однако мы очень редко замечаем их слабую сторону – или, точнее, их хрупкость» [9, с. 67]. Подобное смещение исследовательского акцента позволяет увидеть в героях Солженицына не абстрактные моральные фигуры, а живых людей, проходящих через страх, истощение и внутренний надлом.

Особого внимания заслуживает и докторская диссертация Лун Юйчэна «Солженицын: исторический контекст и бунтарское письмо в цивилизационном конфликте» (2012), где творчество писателя рассматривается в широком историко-культурном контексте. Исследовательница показывает, что мировоззренческая эволюция Солженицына не была цепью случайных переломов, а определялась его реакцией на деформированные исторические структуры и цивилизационные конфликты. В заключительной части работы этот вывод выражен особенно ясно: «Он постоянно противостоял утратившим равновесие историческим структурам, и все эти структуры складывались в условиях масштабных цивилизационных столкновений» [10, с. 171].

Параллельно с такими исследованиями в китайском литературоведении появляются и более частные подходы к текстам Солженицына. Чжоу Юньфан, подводя итог своим наблюдениям над творчеством писателя, отмечает, что Солженицын признан «писателем, не идущим на компромисс и говорящим правду», и тут же добавляет, что его творчество «с начала и до конца не отрывается от темы России» [11, с. 242]. Такое прочтение еще остается достаточно общим, но оно важно как свидетельство устойчивого интереса китайских исследователей к нравственному самосознанию писателя и к русской тематике как внутреннему стержню его прозы.

В том же 2012 г. появляется и более частное, жанровое прочтение повести «Один день Ивана Денисовича». Лю Лэ предлагает сблизить ее с дневниковым романом и формулирует это предельно прямо: «“Один день Ивана Денисовича” как будто является дневниковым романом, который Солженицын написал за Шухова» [12, с. 42]. Далее исследователь связывает это с жесткой временной последовательностью, вниманием к подробности и с установкой на достоверность. Подобная трактовка, возможно, не бесспорна в жанровом отношении, однако для истории китайской рецепции она показательна: текст Солженицына начинают рассматривать уже не только как документ лагерного опыта, но и как произведение с собственным повествовательным строем.

К середине десятилетия эта тенденция получает дальнейшее развитие. В диссертации Гао Линьцзе образ Шухова осмысляется через проблему национального характера и человечности. Исследователь пишет, что «именно благодаря обычности Шухова он становится особенно представительным, представляя собой тысячи и тысячи самых обыкновенных русских людей» [13, с. 19], и тут же уточняет, что Солженицын «указывает и на положительные стороны русского национального характера, и без прикрытия раскрывает его отрицательные стороны» [13, с. 19]. Здесь лагерный текст включается уже в более широкий разговор о народном характере, а повседневное поведение героя читается как форма проявления национальной психологии в экстремальной среде.

Еще один важный шаг в этом направлении делает Лю Чжунфэн в статье об «Архипелаге ГУЛАГ». Исследовательница показывает, что осмысление добра и зла становится для Солженицына одной из основ его дальнейшей жизни и одновременно важнейшим идейным основанием «Архипелага ГУЛАГ». В этой связи она пишет: «Солженицын писал “Архипелаг ГУЛАГ” под воздействием сильного чувства ответственности и нравственного сознания. Лагерные испытания привели его к полному осознанию того, что возвышение души и невиновность совести и есть конечный смысл» [14, с. 101]. Благодаря такой постановке вопроса «Архипелаг ГУЛАГ» начинает читаться не просто как разоблачительный текст, а как произведение, в котором лагерный опыт переосмыляется в категориях совести, добра и нравственной ответственности.

В 2017 г. Жэнь Лися обращается к пространственно-временной организации «Одного дня Ивана Денисовича», «В круге первом» и «Ракового корпуса». Исследовательница связывает своеобразие этих произведений с предельным сжатием времени и замкнутостью пространства и подчеркивает, что «такая организация имеет двойной эффект: с одной стороны, она ограничивает героя внешне, а с другой – максимально мобилизует его сознательную активность и побуждает к напряженному размышлению» [15, с. 2]. Кроме того, Жэнь Лися также показывает, что даже в условиях предельно сжатого времени и замкнутого пространства солженицынский текст не замыкается в себе: благодаря полифонической организации в текст вводится более широкий мир истории и человеческого опыта. Отдельно исследовательница обращает внимание на заглавия, в которых пространственно-временные обозначения получают особую символическую нагрузку. В заключительной части статьи она также отмечает, что при всей многоголосности Солженицын сохраняет основную нравственную позицию, утверждая способность человека к внутреннему самоопределению, нравственному росту и очищению души» [15, с. 4]. Тем самым лагерная проза рассматривается здесь уже не только как тематическое свидетельство, но и как художественная система, в которой время, пространство и моральный смысл тесно взаимосвязаны. В том же году Чэ Лу в диссертации о «святых» образах у творчества Солженицына отмечает, что писатель «предпочитает изображать тех

человечных заключенных, которые оказались в бесчеловечной лагерной и ссыльной среде, и тех обычных людей, которые упорно творят добро в тяжелых жизненных обстоятельствах» [16, с. 17]. В заключении работы внимание переносится с характеристики этих персонажей на тот нравственный смысл, который заключен в их изображении, и подчеркивается, что писатель, «всматриваясь в трагедии, происходящие в реальности, создает образы святых, стремясь передать основную нравственную ценность выхода из кризиса: стремление к любви и красоте, наиболее необходимым для человеческого существования, и к созданию прекрасного мира, основанного на добре, любви и справедливости» [16, с. 43]. Здесь «святые» образы в творчестве Солженицына осмысляются не как отвлеченные символы, а как носители этического идеала, укорененного в самой трагической реальности.

Отдельного упоминания заслуживает также диссертация Ши Хуэй «Исследование проблемы личности в “лагерной прозе” А.И. Солженицына» (2018). Исследовательница рассматривает проблему личности в широком философском контексте и подчеркивает, что в русской интеллектуальной традиции свобода, нравственность и независимость образуют важнейшие компоненты личностного начала [17]. В приложении этого тезиса к лагерной прозе Солженицына лагерь осмысливается как экстремальное пространство, в котором личность, будучи лишена внешней свободы, обнаруживает возможность внутреннего самоопределения.

В 2019 г. была опубликована статья Фу Синхуаня и Чэнь Шицзэ, в которой роман «В круге первом» рассматривается с точки зрения его пространственной организации. Авторы показывают, что «мир его организован как система трех взаимопроникающих политических пространств – верхнего мира власти, “срединного городского пространства” и лагерного подполья» [18, с. 93]. В статье они подчеркивают, что «роман моделирует мир, в котором система ценностей полностью перевернута, то есть “родаперевернутую Москву”» [18, с. 99]. Благодаря такой постановке вопроса «В круге первом» прочитывается уже не просто как еще один текст о репрессиях, а как художественное исследование деформированного мира, где лагерная тема перерастает в размышление о ценностях, иерархии и нравственном выборе.

Начиная с 2020 г., в китайской русистике становятся заметнее работы, стремящиеся охватить солженицынское наследие в более цельной перспективе. Статья Лю Вэньфэя «Солженицын: жизнь и творчество», опубликованная в журнале «Российские исследования», охватывает широкий круг произведений – от «Одного дня Ивана Денисовича» и «Матрениного двора» до «В круге первом», «Ракового корпуса», «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного колеса». Однако, если не считать «Красного колеса», смысловой центр статьи по-прежнему тесно связан с лагерной линией творчества Солженицына и теми литературными направлениями, которые были ею определены. Особенно показательно, что в заключительной части автор прямо пишет: «Он не только положил начало таким важным течениям в истории русской литературы второй половины XX века, как “лагерная литература”, “деревенская проза” и “нравственная литература”, но и в огромной степени расширил мировое влияние русской литературы этого времени» [19, с. 151]. Отсюда видно, что в новейших китайских исследованиях лагерная проза Солженицына все чаще осмыляется как относительно целостная система творчества, а не только как совокупность разрозненно интерпретируемых отдельных произведений.

Если статья Лю Вэньфэя тяготеет к более общему литературно-историческому охвату, то диссертация Хоу Сюэвэй «Представление о человеческой природе в “лагерной трилогии” Солженицына» переводит разговор в более узкую, но внутренне связанную тематическую плоскость. Автор рассматривает «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» как единое целое

и подчеркивает: «Основное содержание трех произведений сходно: независимо от различий между ними, все они прославляют свет человеческой природы в условиях страдания и одновременно разоблачают зло человеческой природы при тоталитарной власти» [20, с. 1]. В заключении эта мысль получает еще более четкую формулировку: «Подлинной темой творчества Солженицына является именно утверждение добра» [20, с. 2]. На фоне более ранних работ, сосредоточенных прежде всего на политической критике, религиозном сознании или теме страдания, подобное исследование важно тем, что оно собирает солженицынскую лагерную прозу в более цельную конструкцию и переносит центр анализа на проблему человеческой природы, нравственного выбора и соотношения добра и зла.

Таким образом, в китайских исследованиях Солженицына заметно преобладание историко-философской проблематики над вопросами поэтики. Исследователей гораздо больше интересуют политические, религиозные и антропологические аспекты его письма, чем особенности композиции, нарративной техники и жанровой структуры. Вместе с тем именно здесь уже сложилась наиболее устойчивая академическая традиция, представленная как статьями, так и диссертационными исследованиями.

Рецепция лагерной прозы В. Т. Шаламова в китайском литературоведении

В отличие от Солженицына, Шаламов избрал путь предельной объективации, отказа от риторического нажима и почти клинической фиксации того, что происходит с человеком в экстремальных условиях. Его художественный метод строится на предельной сдержанности, доверии к факту и отказе от внешнего морализаторства. В китайском литературоведении интерес к Шаламову возник значительно позже, чем к Солженицыну, и долгое время его имя оставалось на периферии исследовательского внимания. Лишь в начале XXI века, с появлением первых переводов его произведений, китайские ученые начали осознавать уникальное место Шаламова в истории русской лагерной прозы и его значение как художника, сумевшего сказать о невыразимом языком, лишенным всякой риторической избыточности.

Если обращение к Солженицыну в Китае началось уже в 1960-е гг. и к настоящему времени сформировало устойчивую исследовательскую традицию, то в случае Шаламова история переводов складывалась значительно позже и развивалась неравномерно. Существенным этапом стал 2001 г., когда в первом номере журнала «世界文学» («Мировая литература») были опубликованы избранные «Колымские рассказы», а также поэтическая подборка. Судя по тем текстам, которые на сегодняшний день удается надежно сопоставить с оригиналом, в прозаическую подборку входили по меньшей мере «Плотники» («木匠们»), «Апостол Павел» («使徒保罗»), «Сгущенное молоко» («两罐炼乳»), «Заклинатель змей» («弄蛇的法师»), «Марсель Пруст» («马塞尔·普鲁斯特»), «Стланник» («偃松») и «Тропа» («小路»); при этом «Апостол Павел», «Сгущенное молоко» и «Заклинатель змей» были переведены Лю Цзисинем, а остальные тексты – У Цзяю. Поэтическая публикация, выполненная Лю Вэньфэем, включала десять стихотворений, написанных Шаламовым в 1937–1956 гг., и девять стихотворений, созданных в 1957–1981 гг. В 2014 г. в журнале «今日中学生» («Сегодняшний школьник») Лю Вэньфэй опубликовал перевод стихотворения Шаламова «Капля». Тем самым переход от журнальных публикаций избранных рассказов и стихов к более полному книжному изданию 2016 г. создал ту переводческую основу, на которой стало возможным более систематическое академическое изучение Шаламова в Китае.

Переходя к анализу исследовательской литературы, следует прежде всего выделить статью У Цзяю «Шаламов – еще один первооткрыватель лагерной

прозы», опубликованную в журнале «*俄语语言文学研究*» («Исследования русского языка и литературы») в 2004 г. Это одно из первых систематических обращений китайского литературоведения к творчеству Шаламова. У Цзяю подчеркивает документально-сдержанный характер шаламовского письма, его установку на фактичность и отказ от риторического нажима. В качестве итогового вывода исследователь пишет: «Писатель стремится спокойно и объективно, опираясь на факты, излагать все увиденное и пережитое; он даже старается изображать героя беспристрастно и внешне бесстрастно, не навязывая ни герою, ни читателю собственной точки зрения» [21, с. 22].

У Цзяю в статье «Россия: “самое поэтичное дерево” – прочтение шаламовского “Стланика”», опубликованной в журнале «*名作欣赏*» («Шедевры») в 2006 г., обращается к одноименным стихотворению и рассказу, рассматривая их в тесной связи с биографией Шаламова. Исследователь исходит из того, что образ стланика укоренен не только в природной символике Колымы, но и в личном опыте писателя, а потому позволяет увидеть внутреннее единство двух текстов, созданных в разных жанровых формах. В этой связи автор пишет: «Стланик – это его жизненная опора и надежда на его трудном жизненном пути. Через образ стланика поэт и прозаик не только выразили свою веру в жизнь и красоту, но, что ещё важнее, выразили свое понимание страдания и смысла человеческой жизни» [22, с. 31]. Существенным результатом данной статьи является то, что она связывает анализ поэтического и прозаического текстов с биографическим контекстом и тем самым углубляет понимание сквозного значения образа «стланика» в творчестве Шаламова.

Наиболее обстоятельным исследованием Шаламова в Китае остается магистерская диссертация Ли Линъюнь «Своеобразный гуманизм в “Колымских рассказах”». В интерпретации исследовательницы шаламовский гуманизм проявляется прежде всего в отказе от декларативного морализаторства и в предельной концентрации на факте, который сам становится носителем этического смысла [23]. Такая трактовка важна, поскольку позволяет описывать этику Шаламова не через традиционные позитивные формулы, а через минималистскую форму свидетельства.

Наряду с исследованиями, посвященными Солженицыну и Шаламову по отдельности, в Китае встречаются и попытки рассматривать «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы» и их кинематографические интерпретации в одном аналитическом поле. К таким работам относится диссертация Ван Цзы «Исследование образов персонажей в произведениях “гулаговской серии”». В разделе, посвященном исследовательскому фону, автор прямо пишет: «Фильм “Путь домой” и романы “Архипелаг ГУЛАГ” и “Колымские рассказы” в высокой степени сходны по системе персонажей и по сюжетным линиям; при этом фильм заимствует маршрут побега из одноименного романа. В сущности, фильм “Путь домой” создан на основе “Архипелага ГУЛАГ” и “Колымских рассказов”» [24, с. 1]. В заключении эта линия доводится до еще более прямой формулировки: «“Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына и “Колымские рассказы” Шаламова раскрывают перед миром нечеловеческую жизнь в лагерях и смертельную борьбу разных категорий заключенных в экстремальной среде» [24, с. 49]. Поэтому данную работу уместно привлекать как дополнительный материал: она показывает, что в отдельных китайских диссертационных исследованиях уже предпринимались попытки анализировать тексты Солженицына и Шаламова вместе с родственными им кинотекстами в рамках одного исследовательского подхода.

При всех достоинствах названных работ исследования творчества Шаламова в Китае обнаруживают и существенные лакуны. До сих пор отсутствуют

специальные исследования, посвященные нарративной поэтике «Колымских рассказов», их фрагментарной структуре, безличному повествованию, особой «холодной» лиричности и сложному соотношению документа и художественного текста. Не проведено и систематического сопоставления Шаламова с Довлатовым, хотя подобная перспектива представляется весьма продуктивной.

Рецепция лагерной прозы С. Д. Довлатова в китайском литературоведении

Что же касается Довлатова, то его место в русской лагерной прозе определяется прежде всего особой, иронической интонацией и той дистанцией, которая отличает его от предшественников. Как писал Иосиф Бродский, «он замечателен в первую очередь именно отказом от трагической традиции русской литературы, равно как и от ее утешительного пафоса. Тональность его прозы – насмешливо-сдержанная, при всей отчаянности существования, им описываемого» [25, с. 5]. Петр Вайль, в свою очередь, подчеркивает: «Сергей Довлатов – единственный современный русский прозаик, о котором Иосиф Бродский написал отдельное самостоятельное эссе» [26, с. 148]. Сам Вайль далее замечает, что Бродский фактически предсказал литературную судьбу Довлатова: «и десяти лет не понадобилось, чтобы это предсказание сбылось» [26, с. 149].

В китайском литературоведении Довлатов остается наименее изученным из трех авторов, а его имя стало известно китайскому читателю значительно позже, чем имена Солженицына и Шаламова. Переводческая судьба Довлатова в Китае складывалась наиболее трудно. Единственные два перевода его произведений на китайский язык – повести «Чемодан» (2005) и «Наши» (2007) – были выполнены одним и тем же переводчиком Лю Сяньпином и опубликованы издательством «Народная литература». Обе книги имеют небольшой объем и представляют собой скорее введение в творчество писателя, нежели систематическое знакомство с его наследием. Отсутствие переводов центральных произведений Довлатова, включая повесть «Зона», существенно сужает круг потенциальных исследователей и во многом объясняет слабую институционализацию его рецепции в Китае.

Что касается собственно исследовательской литературы, то исследования лагерной прозы Довлатова в Китае в основном сосредоточены в работах Чэн Дяньмэй. В 2008 г. она публикует в журнале «山东外语教学» («Преподавание иностранных языков в Шаньдуне») статью «“Зона” С. Довлатова и русская лагерная проза». Исследовательница рассматривает довлатовское произведение в широком контексте русской лагерной литературы и стремится определить его место по отношению к уже сложившейся традиции. Она подчеркивает, что новизна довлатовского текста связана не только с выбором криминального лагеря и фигурой надзирателя как носителя точки зрения, но и с более глубокой переоценкой самой структуры лагерного мира. В этом смысле особенно показателен ее вывод о том, что Довлатов «нашел третий путь, отличный от традиции лагерной темы, обнаружив сходство между заключёнными и охранниками, а также между лагерем и внешним миром» [1, с. 82]. Продуктивность такой постановки вопроса состоит в том, что она позволяет вывести «Зону» за пределы привычной бинарной модели лагерной прозы.

В следующем году в журнале «解放军外国语学院学报» («Вестник Университета иностранных языков НОАК») выходит статья Чэн Дяньмэй «Иная интерпретация советского ГУЛАГа – анализ повести С. Довлатова “Зона”». В этой работе лагерь рассматривается не только как советская историческая реальность, но и как антропологическая модель, связанная с кризисом современной цивилизации. И в то же время она рассматривает это произведение как текст, принципиально расходящийся с традиционной моделью лагерной литературы. В центре ее

внимания находятся не столько документальность и свидетельский пафос, сколько особенности художественной организации текста и его философская проблематика. В этой работе лагерь рассматривается не только как советская историческая реальность, но и как антропологическая модель, связанная с кризисом современной цивилизации. Характеризуя специфику повести, исследовательница пишет, что «наиболее заметными ее особенностями являются постмодернистская метаповествовательная модель и экзистенциальная тема абсурда» [27, с. 118]. Наиболее ценным в этой работе представляется попытка интерпретировать «Зону» не только как лагерное свидетельство, но и как сложный художественный текст, в котором философская и поэтологическая стороны тесно взаимосвязаны.

Завершающим и наиболее развернутым исследованием творчества Довлатова в Китае стала докторская диссертация Чэн Дяньмэй «Маргинальное письмо изгнанной жизни: исследование прозы Довлатова». В отличие от статей, сосредоточенных преимущественно на «Зоне», эта работа охватывает более широкий круг вопросов – от биографии и причин маргинализации писателя до его повествовательной техники, художественных истоков и системы персонажей [28]. Существенным итогом диссертации становится попытка рассмотреть прозу Довлатова как целостный художественный мир, в котором опыт изгнания и маргинальности определяет не только тематический круг произведений, но и способы повествования, структуру образов и характер авторской позиции. Вместе с тем именно широта поставленной задачи приводит к тому, что лагерная проза Довлатова рассматривается здесь как часть более общего исследовательского замысла и потому не всегда получает столь же детализированный анализ, какого заслуживает сама по себе.

Таким образом, китайское изучение Довлатова по-прежнему опирается на очень ограниченный круг работ и еще не образовало устойчивой академической традиции, сопоставимой с традицией изучения Солженицына. Отсутствие переводов ключевых произведений Довлатова делает эту область знаний труднодоступной для большинства китайских филологов, не владеющих русским языком.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ трех линий рецепции позволяет выявить общие закономерности, характеризующие восприятие русской лагерной прозы в китайском литературоведении. Наиболее очевидная закономерность – это зависимость между переводческой доступностью текстов и объемом посвященных им исследований. История китайской рецепции показывает, что именно степень переводческой освоенности автора во многом определяет возможность его последующего академического освоения. Солженицын, чьи основные произведения были переведены на китайский язык еще в 1960-е гг. и неоднократно переиздавались, располагает самым обширным корпусом научных работ. Шаламов, чьи избранные переводы появились в 2001 г., а полный перевод «Колымских рассказов» – лишь в 2016 г., изучен существенно меньше. Довлатов, чьи переводы ограничиваются двумя небольшими повестями, остается наименее исследованным. Эта корреляция имеет далеко идущие последствия: история изучения русской литературы в Китае не может быть понята без учета истории переводов, без анализа того, какие тексты и в какой момент становились доступными китайскому читателю и исследователю.

Еще существенная закономерность, которую стоит отметить, касается трансформации исследовательских подходов. В начальный период изучения, особенно заметный при анализе творчества Солженицына, доминировала социально-историческая парадигма. Ученые преимущественно фокусировались на

фигуре писателя как на свидетеле и обличителе советского режима, а также как на политическом мыслителе. В результате художественные аспекты, поэтика и нарративные стратегии его произведений долгое время оставались вне основного фокуса научного интереса, и в этой сфере было проведено очень мало работы. Исследования творчества Шаламова все больше фокусируются на гуманистических идеях, лежащих в основе его произведений, а не на самом творческом процессе. В то же время, научный интерес к Довлатову смещается в сторону таких аспектов, как маргинальность, ирония, смешение жанров и постмодернистская игра с ожиданиями читателя. Таким образом, научный анализ постепенно переходит от тематики к поэтике и философии, хотя этот переход еще не завершен.

Примечательно, что масштаб исследований по данной теме в Китае впечатляет. В частности, изучение Солженицына достигло значительного уровня: помимо множества журнальных публикаций, защищено большое количество диссертаций в различных университетах, что указывает на устоявшуюся научную традицию. Однако ситуация с Шаламовым и Довлатовым иная. Исследования Шаламова в Китае пока скудны и находятся на начальной стадии. А изучение лагерной прозы Довлатова, хотя и включает одну докторскую диссертацию, в основном поддерживается усилиями небольшой группы ученых.

Таким образом, за последние сорок лет китайское литературоведение, посвященное русской лагерной прозе, претерпело значительную трансформацию. Исследователи отошли от первоначального фокуса на социально-политических аспектах, развив более сложные и многомерные подходы к анализу. При этом, хотя произведения Солженицына, Шаламова и Довлатова остаются в центре внимания китайских ученых, их популярность и глубина изучения в рамках отечественной науки варьируются. А перспективы будущих исследований сосредоточены в основном на четырех основных направлениях: более глубокое освоение нарративной поэтики «Колымских рассказов» с учетом полностью переведенного на китайский язык текста данного цикла; систематическое сравнительное изучение трех писателей, что поможет понять их индивидуальные художественные подходы и одновременно проанализировать развитие лагерной прозы как независимого жанра; развитие академического общения с международной славистикой и активное применение накопленных в ней исследований в данной области; дальнейшее расширение базы переводов, в первую очередь путем интеграции ключевых произведений Довлатова, включая его повесть «Зона», в китайский литературный и исследовательский контекст. Произведения Солженицына, Шаламова и Довлатова, являющиеся ключевым отражением исторического наследия ГУЛАГа, продолжают вызывать значительный интерес среди китайских читателей и исследователей. Для адекватного восприятия этих текстов требуется не только глубокое осмысление исторических реалий, но и развитая литературоведческая компетенция. Она позволяет выявить многомерные художественные пласты и сложный эстетический контекст, скрытые за кажущейся фактологической сухостью изложения.

Литература / References

1. 程殿梅. 多甫拉托夫的《监狱》和俄罗斯的集中营文学. 山东外语教学. 2008;(6):81-84 (на кит. яз.).

Cheng DM. Dovlatov's The Zone and Russian camp literature. *Shandong Foreign Language Teaching Journal*. 2008;(6):81-84 (in Chinese).

2. Elliott CF. 索尔仁尼琴论现代人和自由 / 向亮译. 当代外国哲学与社会科学文摘. 1985;(11):41-42 (на кит. яз.).

Elliott CF. Solzhenitsyn on modern man and freedom / transl. by Xiang L. *Abstract Materials on Contemporary Foreign Philosophy and Social Sciences*. 1985;(11):41-42 (in Chinese).

3. 周振美. 生存的尊严——评索尔仁尼琴的《伊凡·杰尼索维奇的一天》. 山东大学学报(哲学社会科学版). 2005;(2):74-77 (на кит. яз.).
Zhou ZM. The dignity of existence: on Solzhenitsyn's *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. *Journal of Shandong University: Philosophy and Social Sciences*. 2005;(2):74-77 (in Chinese).
4. 李传进. 索尔仁尼琴创作中的农民形象——以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为例. 语文学刊(外语教育教学). 2005;(3):40-42 (на кит. яз.).
Li CJ. The image of the peasant in Solzhenitsyn's works: based on *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. *Philological Journal: Foreign Language Education and Teaching*. 2005;(3):40-42 (in Chinese).
5. 李传进. 索尔仁尼琴小说中的人的尊严. 内蒙古农业大学学报(社会科学版). 2007;9(4):291-292 (на кит. яз.).
Li CJ. Human dignity in Solzhenitsyn's novels. *Journal of Inner Mongolia Agricultural University: Social Science Edition*. 2007;9(4):291-292 (in Chinese).
6. 张冬冬. 《伊凡·杰尼索维奇的一天》中的时间. 东南大学学报(哲学社会科学版). 2008;10(增刊):249-250 (на кит. яз.).
Zhang DD. Time in one day in the life of Ivan Denisovich. *Journal of Southeast University: Philosophy and Social Sciences*. 2008;10(Suppl.):249-250 (in Chinese).
7. 李朋. 论索尔仁尼琴作品中的人性——以其劳改营题材作品为例. 硕士学位论文. 重庆: 2009: 38 (на кит. яз.).
Li P. Discourse of the humanity on Solzhenitsyn's works—take his works of literature based on labor reform camp as an example. Master's dissertation. Chongqing: 2009:38 (in Chinese).
8. 李少卿. 索尔仁尼琴的苦难书写. 硕士学位论文. 重庆: 2011: 40 (на кит. яз.).
Li SQ. The suffering writing of Solzhenitsyn. Master's dissertation. Chongqing: 2011:40 (in Chinese).
9. 姜微. 浅析索尔仁尼琴“集中营文学”主人公的软弱情怀. 北方文学. 2012;(1):67-68 (на кит. яз.).
Jiang W. A brief analysis of the weak feelings of the protagonists in Solzhenitsyn's "camp literature". *Northern Literature*. 2012;(1):67-68 (in Chinese).
10. 龙瑜宸. 索尔仁尼琴: 历史语境与文明冲突中的反抗性写作. 博士学位论文. 北京: 2012: 195 (на кит. яз.).
Long YC. Solzhenitsyn: Rebellious Writing in Historical Context and Cultural Conflicts. Doctoral dissertation. Beijing: 2012:195 (in Chinese).
11. 周云芳. 论俄罗斯作家索尔仁尼琴的精神世界及小说创作. 辽宁师范大学学报(社会科学版). 2012;35(2):239-242 (на кит. яз.).
Zhou YF. Study on the Mental World and Works Creation of Russian Writer Isaevich Solzhenutsyn. *Journal of Liaoning Normal University: Social Sciences*. 2012;35(2):239-242 (in Chinese).
12. 刘乐. 索尔仁尼琴的“日记体小说”——以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为例. 青春岁月. 2012;(1):42 (на кит. яз.).
Liu L. Solzhenitsyn's "diary novel": based on "One Day in the Life of Ivan Denisovich". *Youth Years*. 2012;(1):42 (in Chinese).
13. 高麟杰. 论索尔仁尼琴民族观和人性观——以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为例. 硕士学位论文. 长春: 2014:49 (на кит. яз.).
Gao LJ. On Solzhenitsyn's views of nation and human nature: based on "One Day in the Life of Ivan Denisovich". Master's dissertation. Changchun: 2014:49 (in Chinese).
14. 刘珠凤. 论《古拉格群岛》的道德意识. 牡丹江大学学报. 2015;24(7):100-102 (на кит. яз.).
Liu ZF. On moral consciousness in "The Gulag Archipelago". *Journal of Mudanjiang University*. 2015;24(7):100-102 (in Chinese).
15. 任立侠. 论索尔仁尼琴小说的时空观. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版). 2017;(5):1-4 (на кит. яз.).

- Ren LX. The view of time and space in Solzhenitsyn's works. *Journal of Qiqihar University: Philosophy and Social Sciences*. 2017;(5):1-4 (in Chinese).
16. 车路. 索尔仁尼琴小说中圣人形象研究: 硕士学位论文. 海口: 2017:63 (на кит. яз.).
- Che LA. Study of the image of the saint in Solzhenitsyn's novels. Master's dissertation. Haikou: 2017:63 (in Chinese).
17. 石慧. 索尔仁尼琴“集中营文学”中的个性问题研究: 硕士学位论文. 沈阳: 2018:96 (на кит. яз. и рус. яз.).
- Shi H. A study of the problem of individuality in Solzhenitsyn's "camp literature". Master's dissertation. Shenyang: 2018:96 (in Chinese and Russian).
18. 傅星寰, 陈石泽. 《第一圈》中“颠倒的”莫斯科. 俄罗斯文艺. 2019;(2):93-100 (на кит. яз.).
- Fu XH, Chen SZ. The "inverted" Moscow in "In the First Circle". *Russian Literature and Arts*. 2019;(2):93-100 (in Chinese).
19. 刘文飞. 索尔仁尼琴: 生活与创作. 俄罗斯研究. 2020;(4):118-152 (на кит. яз.).
- Liu WF. Solzhenitsyn: life and works. *Russian Studies*. 2020;(4):118-152 (in Chinese).
20. 侯雪薇. “劳改营三部曲”中索尔仁尼琴的人性观: 硕士学位论文. 沈阳: 2020: 78 (на кит. яз.).
- Hou XW. Solzhenitsyn's view of human nature in the "camp trilogy". Master's dissertation. Shenyang: 2020:78 (in Chinese).
21. 吴嘉佑. 沙拉莫夫—集中营文学的又一拓荒者. 俄语语言文学研究. 2004;(2):20-25 (на кит. яз.).
- Wu JY. Shalamov—a pioneer of the literature of the concentration camp. *Studies of Russian Language and Literature*. 2004;(2):20-25 (in Chinese).
22. 吴嘉佑. 俄罗斯“最富诗意的树”——解读沙拉莫夫的《偃松》. 名作欣赏. 2006;(4):29-31 (на кит. яз.).
- Wu JY. Russia's "most poetic tree": interpreting Shalamov's "Stlanik". *Appreciation of Masterpieces*. 2006;(4):29-31 (in Chinese).
23. 李玲云. 论《科雷马故事集》中别样的人道主义: 硕士学位论文. 上海: 2009: 52 (на кит. яз. и рус. яз.).
- Li LY. On a different kind of humanism in "Kolyma Stories". Master's dissertation. Shanghai: 2009:52 (in Chinese and Russian).
24. 王梓. “古拉格系列”作品的人物形象研究: 硕士学位论文. 西安: 2019: 65 (на кит. яз.).
- Wang ZA. Study on the character image of "Gulag's Series". Master's dissertation. Xi'an: 2019:65 (in Chinese).
25. Бродский И. О Сереже Довлатове. Звезда. 1992;(2):4-8.
- Brodsky I. On Seryozha Dovlatov. Zvezda. 1992;(2):4-8 (in Russ.).
26. Вайль П. Бродский о Довлатове. Звезда. 2000;(8):148-149.
- Weil P. Brodsky on Dovlatov. Zvezda. 2000;(8):148-149 (in Russ.).
27. 程殿梅. 对苏联集中营的另一种阐释——析多甫拉托夫的小说《营区》. 解放军外国语学院学报. 2009;32(4):118-122 (на кит. яз.).
- Cheng DM. Reinterpretation of Russian concentration camp: On Dovlatov's Zone. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. 2009;32(4):118-122 (in Chinese).
28. 程殿梅. 流亡人生的边缘书写——多甫拉托夫小说研究: 博士学位论文. 济南: 2010:231 (на кит. яз.).
- Cheng DM. Marginal writing of an exiled life: the study of Dovlatov's novels. Doctor's dissertation. Jinan: 2010:231 (in Chinese).

Сведения об авторе

ЧЖАН СИНЬВЭЙ – аспирант, Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика, <https://orcid.org/0009-0003-7398-3853>, e-mail: 296210454@qq.com

About the author

Zhang XINWEI – postgraduate, Heilongjiang Univerisity, Harbin, the People's Republic of China, <https://orcid.org/0009-0003-7398-3853>, e-mail: 296210454@qq.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 30.04.2026

Принята к публикации / Accepted 06.05.2026

УДК 821.161.1;82-1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-225-233>

Оригинальная научная статья

Поэтика катастрофы в ранней лирике Анны Ахматовой

Л. А. Яковлева

Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Нерюнгри, Российская Федерация

✉ la.iakovleva@s-vfu.ru

Аннотация

Исследование посвящено анализу семантики и механизмов репрезентации катастрофического сознания в лирике Анны Ахматовой 1910-х–начала 1920-х годов. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления раннего творчества поэтессы не только в контексте психологической интимной лирики, но и как текста, фиксирующего смену исторических эпох через призму эсхатологии. Целью исследования является выявление эволюции образа катастрофы: от личного надлома в ранних сборниках до пророчества о гибели мира. Материалом для анализа послужили поэтические сборники «Белая стая» и «Подорожник». В работе применяются методы системного филологического анализа и интертекстуального прочтения. В ходе исследования установлено, что катастрофизм ранней Ахматовой реализуется через уникальную систему вещных знаков, где детали быта становятся индексами экзистенциального краха. Доказано, что в поэтике автора личная трагедия героини масштабируется до событий глобального порядка, приобретая черты сакральной жертвы. Особое внимание уделено трансформации хронотопа: выявлено, что с 1914 года в лирику входят библейские архетипы и прямые аллюзии на Откровение Иоанна Богослова, преобразующие пространство города в пространство финального Суда. Анализ конкретных текстов позволяет проследить, как сенсорные маркеры (специфические запахи, аномальные природные явления и цветовая символика) формируют устойчивую семантическую оппозицию между земным миром и наступающей вечностью. Вывод исследования заключается в том, что поэтика катастрофы у Ахматовой строится на синтезе бытового психологизма и высокой эсхатологической традиции, где исторический катаклизм переживается как этическое испытание и личный искупительный подвиг.

Ключевые слова: творчество А. Ахматовой, лирический субъект, ранняя лирика, трагизм, катастрофическое мироощущение, эсхатология, Откровение Иоанна Богослова, поэтика катастрофы, библейские мотивы, апокалипсическая семантика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Яковлева Л. А. Поэтика катастрофы в ранней лирике Анны Ахматовой. *Вестник СВФУ*. 2026;23(2):225–233. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-225-233>

Original article

The poetics of catastrophe in Anna Akhmatova's early poetry

Lyubov A. Yakovleva

Technical Institute (branch) of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Neryungri, Russian Federation

✉ la.iakovleva@s-vfu.ru

Abstract

This study analyzes the semantics and mechanisms of representing catastrophic consciousness in Anna Akhmatova's poetry from the 1910s to early 1920s. The relevance of this work stems from the need to rethink the poet's early work not only in the context of psychologically intimate lyric poetry but also as a text documenting the transition of historical eras through the prism of eschatology. The aim of the study is to identify the evolution of the image of catastrophe: from personal breakdown in early collections to a prophecy of the end of the world. The poetry collections "White Flock" and "Podorozhnik" serve as the material for the analysis. The study utilizes methods of systemic philological analysis and intertextual reading. The study establishes that the catastrophism of Akhmatova's early works is realized through a unique system of material signs, where everyday details become indices of existential collapse. It is demonstrated that in the author's poetics, the heroine's personal tragedy is scaled up to global events, acquiring the characteristics of a sacred sacrifice. Particular attention is paid to the transformation of the chronotope: it is revealed that, from 1914 onward, the lyric poetry incorporates biblical archetypes and direct allusions to the Book of Revelation, transforming the urban space into the space of the Final Judgment. Analysis of specific texts reveals how sensory markers (specific odors, anomalous natural phenomena, and color symbolism) form a persistent semantic opposition between the earthly world and the coming eternity. The study concludes that Akhmatova's poetics of catastrophe are built on a synthesis of everyday psychologism and a lofty eschatological tradition, where historical cataclysm is experienced as an ethical test and a personal redemptive feat.

Keywords: the work of A. Akhmatova, lyrical subject, early lyric poetry, tragedy, catastrophic worldview, eschatology, the Revelation of John the Divine, the poetics of catastrophe, biblical motifs, apocalyptic semantics

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Yakovleva L. A. The poetics of catastrophe in Anna Akhmatova's early poetry. *Vestnik of NEFU*. 2026;23(2):225–233. DOI: <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2026-23-2-225-233>

Введение

Творчество Анны Ахматовой традиционно рассматривается в отечественном литературоведении через призму «романности» ее лирики, психологизма и акмеистической точности деталей. Традиция изучения раннего творчества Анны Ахматовой, заложенная еще Б. М. Эйхенбаумом [1], акцентирует внимание на генетической связи ее лирики с эпическими жанрами (феномен «романности»). Сочетаясь с методом «косвенного психологизма», описанным Л. Я. Гинзбург [2], и программной акмеистической установкой на четкость материального мира, отмеченной В. М. Жирмунским [3], формируется уникальный стиль поэта, где

каждая деталь становится психологическим отражением внутреннего состояния лирического субъекта. Однако за внешней камерностью ее ранних сборников скрывается мощный пласт катастрофического сознания, который, на наш взгляд, требует глубокого системного анализа.

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью пересмотра сложившихся стереотипов о «женской поэзии» ранней Ахматовой и выявления в ее текстах эсхатологических структур, ставших базой для ее позднего творчества. Предметом исследования выступают художественные приемы, символические и семантические структуры, репрезентирующие состояние катастрофы. Научная новизна заключается в попытке прочитать раннюю лирику Ахматовой как единый «текст катастрофы», где бытовая деталь (знаменитая ахматовская «вещность» [3]) наделяется пророческими функциями.

Теоретико-методологическую базу исследования составили также труды В. Н. Топорова [4] по семиотике города, работы Р. Д. Тименчика [5] по интертекстуальности, а также концепции «петербургского текста», разработанные в рамках тартуско-московской семиотической школы.

Анализ семантической структуры раннего творчества Анны Ахматовой обнаруживает глубокий эсхатологический субстрат. Катастрофизм в ее поэтике эволюционирует от индивидуально-психологического надлома (сборники «Вечер» и «Четки») к универсальному историческому апокалипсису («Белая стая» и «Подорожник»). Как отмечал В. М. Жирмунский: «Всякое душевное состояние, всякое настроение в стихах Ахматовой обозначается соответствующим ему явлением внешнего мира» [3, с. 116]. Семантика катастрофы у Ахматовой специфична тем, что она реализуется через систему микрособытий. Б. М. Эйхенбаум, указывая на особую «романность» ее лирики, подчеркивал: «Ее стихи существуют не в отдельности, не как самостоятельные лирические пьесы, а как мозаичные частицы, которые сцепляются и складываются в нечто похожее на большой роман» [1, с. 120].

Трансформация ахматовской героини из субъекта частной любовной драмы в свидетельницу исторических катаклизмов происходит через освоение религиозной тематики. Исследователи того времени видели в этом процессе внутреннюю логику развития персонажа. Так, Б. М. Эйхенбаум указывал: «Появление церковных и библейских мотивов было воспринято нами не как простое расширение лирических тем, а тоже как развитие сюжета – как дальнейшая судьба героини» [1, с. 128]. Таким образом, семантика катастрофы в лирике Ахматовой не является внешней реакцией на исторические события, а становится кульминацией личной «биографии духа».

Репрезентация поэтики катастрофы в сборнике «Белая стая»

В лирике Ахматовой 1910-х–начала 1920-х годов (период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны) поэтика катастрофы проявляется как ощущение надвигающейся или уже наступившей катастрофы, предчувствие гибели цивилизации и нравственного распада. Это чувство «конца» пронизывает атмосферу многих ее произведений. С 1914 года семантика катастрофы в лирике Ахматовой обретает отчетливые эсхатологические черты. В сборнике «Белая стая» событийный ряд разомкнут в сторону библейской истории. В. Н. Топоров связывал ахматовское мировосприятие с ощущением «последних времен»: «Сознание или, точнее, интуиция, что 19 июля перейден некий роковой порог, за которым все будет иначе – страшно, губительно, неотвратно, необратимо, было как озарение» [4, с. 273].

Стихотворение «Июль 1914», написанное в канун Первой мировой войны (1914), служит примером того, как поэтика Анны Ахматовой трансформируется

в пророчество. Как справедливо отмечал В. М. Жирмунский, в этот период ахматовский акмеизм перерастает в «религиозный реализм», где каждая бытовая деталь становится сакральным знаком, предвещающим конец времен [3]. Анализ текста обнаруживает глубокое погружение в библейскую традицию: катастрофа здесь репрезентирована через обонятельные («пахнет гарью»), слуховые («даже птицы сегодня не пеют») и визуальные («осина уже не дрожит») маркеры, которые отсылают к Откровению Иоанна Богослова. В контексте исследований В. Н. Топорова засуха прочитывается как ритуальное выжигание мира: «Самая страшная засуха лета 1914 года в этом контексте – предвестие будущих бед, час которых настал» [4, с. 275].

Появление «одноногого прохожего», которое вводит в текст пласт народной эсхатологии, становится центральным событием стихотворения. Это пророчество стилизовано под духовный стих, где хромота вестника выступает как знак его причастности к иному миру. Слова пророка о том, что «сроки близки» и «смерть расстилает знамена», переводят историческую конкретику 1914 года в план священной истории.

В финальном упоминании «можжевелника запах сладкий» заключается характерный для Ахматовой оксюморон. Этот аромат в «трагический час» гибели мира становится двусмысленным: это и благоухание жертвы, и сладковатый запах тления, скрытый за эстетической формой. Вся композиция стихотворения стягивается к финальной молитве о дожде, который в эсхатологическом плане прочитывается как мольба о милости и омовении перед грядущим Судом. Таким образом, через библейские архетипы и детали Ахматова конструирует модель национальной катастрофы.

Логическим продолжением этой темы становится стихотворение «Молитва» (1915), пронизанное идеей самопожертвования во имя спасения страны. Россия в тексте представлена как страдающее живое существо, нуждающееся в спасении и восстановлении. В тексте прослеживается эсхатологический мотив жертвы и искупления. Ахматова предлагает Богу отнять у нее все самое дорогое, лишь бы «умилостивить» страшную судьбу России (Дай мне горькие года недуга, / Задыханья, бессонницу, жар, / Отыми и ребенка, и друга, / И таинственный песенный дар... [6, с. 125]). Это осознание того, что мир стоит на грани и для его спасения нужна беспримерная, почти ветхозаветная жертва. Противопоставление тьмы и света («темной Россией» и «облаком в славе лучей») подчеркивает драматизм ситуации и стремление к очищению.

Стихотворение «Памяти 19 июля 1914» (1916) представляет собой пример трансформации интимного психологизма в эпическое свидетельство, где катастрофа осмысливается не как внешнее событие, а как фундаментальный онтологический разрыв. Поэтика катастрофы манифестируется здесь прежде всего через категорию художественного времени: метафора «мы на сто лет состарились... в час один» [6, с. 134] задает эффект сжатия, компрессии времени, когда масштаб исторического потрясения мгновенно обесценивает весь предшествующий жизненный опыт. Этот «час один» становится линией между «долгим девятнадцатым веком» с его культом частной жизни и эсхатологической реальностью XX столетия. Ахматова фиксирует момент перехода, используя характерный для ее раннего стиля метод «овеществления» абстрактных понятий: катастрофа телесна, она проявляется в том, как «дымилось тело вспаханных равнин» [6, с. 134]. Использование метафоры «тело» применительно к ландшафту не только антропоморфизует природу, но и вводит мотив жертвенности, предвещая грядущие массовые захоронения и превращая пашню в потенциальное поле битвы еще до начала реальных сражений.

Перцептивный сдвиг, сопровождающий катастрофу, подчеркивается контрастом между визуальной «пестротой» мобилизации и звуковым образом «серебряно звенящего» плача. Здесь ахматовская деталь – «закрыв лицо» – выступает как жест предельного отчаяния и одновременно как попытка лирической героини отгородиться от невыносимой яркости наступившего апокалипсиса. Просьба об «умерщвлении до первой битвы» свидетельствует о кризисе субъектности: героиня осознает неспособность своего прежнего сознания вместить наступающий хаос.

Кульминацией стихотворения и ключом к пониманию ахматовской поэтики катастрофы является последняя строфа, где происходит радикальная перестройка структуры памяти. Память перестает быть хранилищем личных «песен и страстей», которые внезапно осознаются как «груз отныне лишний» – эта метафора подчеркивает легкость, с которой историческая катастрофа стирает индивидуальную биографию. Процесс опустошения памяти интерпретируется как сакральное предуготовление: «Всевышний» приказывает ей стать «страшной книгой грозных вестей» [6, с. 134]. Здесь Ахматова совершает этический маневр: лирическое «я» из объекта страдания превращается в медиума, в «чистый лист» для записи истории. Катастрофа, таким образом, выступает как спусковой механизм рождения новой поэтики – суровой, лаконичной, где поэт берет на себя роль летописца гибели своего мира. Образ «страшной книги» окончательно выводит стихотворение из плоскости лирического дневника в пространство священной истории, закрепляя за катастрофой статус не случайного сбоя, а предопределенного свыше испытания, радикально меняющего масштаб человеческого духа.

Стихотворение «Тот голос, с тишиной великой споря...» (1917) демонстрирует тонкую, но глубокую разработку поэтики катастрофы через столкновение внутреннего опыта и неизбежного внешнего разрушения. Ахматова здесь выстраивает диалектику присутствия и утраты, используя контраст звукового и визуального, личного и исторического.

Ключевой образ первой строфы – «Тот голос, с тишиной великой споря, / Победу одержал над тишиной» [6, с. 145]. Это не просто фигура речи, а мощная метафора, обозначающая событие, нарушившее гармонию бытия. «Тишина великая» может быть истолкована как предвоенное затишье, как некий период покоя перед бурей, или как фундаментальная тишина покоя, нарушенная громом истории. «Тот голос», одержавший победу, – это глас катастрофы, голос призыва к войне, голос грядущих бедствий, который оказывается сильнее созидательной тишины. Он резонирует во внутреннем мире лирической героини: «Во мне еще, как песня или горе, / Последняя зима перед войной» [6, с. 145].

Здесь катастрофа проявляется в психологической ретроспективе, в отголосках прошлого, которое уже предвосхитило будущее. «Последняя зима перед войной» – это не только календарное время, но и метафорическое состояние. Зима как символ смерти, оцепенения, некой финальности, но еще не разрушительной, а скорее предваряющей. Она «последняя» потому, что после нее наступит весеннее пробуждение, но пробуждение это будет ознаменовано войной. Образ «песни или горя» раскрывает двойственность этого переживания: оно может быть как светлым воспоминанием о мирной жизни, так и предчувствием грядущей скорби. Именно эта двойственность, это предчувствие, внедряется в душу, делая воспоминание о мирной жизни не просто ностальгией, а элементом предкатастрофического сознания.

Вторая строфа углубляет тему, переходя к визуальным образам и контрастам, усиливающим ощущение уходящей гармонии. «Белее сводов Смольного собора, / Таинственней, чем пышный Летний сад» [6, с. 145] – эти сравнения служат для описания той самой «последней зимы», того состояния, которое было утеряно.

Оба образа, будучи возвышенными и эстетически совершенными, подчеркивают контраст с грядущей грубостью войны.

Однако центральным становится мотив необратимости: «Она была. Не знали мы, что скоро / В тоске предельной поглядим назад» [6, с. 145]. Ахматова вновь демонстрирует владение художественным временем: «Она была» – констатация свершившегося факта, прошедшего, но реально существовавшего бытия, неведение («не знали мы») – ключевой элемент катастрофы: она наступает внезапно, разрушая привычный уклад жизни, не давая времени подготовиться. Финал стихотворения – это апофеоз ретроспективного взгляда, «тоски предельной», которая возникает, когда утраченное осознается только в момент необратимой потери. Поэтика катастрофы здесь раскрывается не через изображение самого разрушения, а через ощущение его приближения и неизбежности, через меланхоличное осознание хрупкости мира, которое приходит лишь тогда, когда он уже потерян. Стихотворение становится элегическим прощанием с ушедшей эпохой, где тишина была прервана голосом истории, а предчувствие стало горьким знанием.

Преодоление катастрофы в сборнике «Подорожник»

В сборнике «Подорожник» (1921) характер катастрофизма претерпевает трансформацию: события мыслятся как свершившиеся, а лирическая героиня перемещается в «постапокалиптическое» время. Т. В. Цивьян отмечает, что катастрофизм поэтессы тесно связан с пророчеством несчастий [7]. Однако ахматовская эсхатология лишена пафоса разрушения, это эсхатология верности и памяти. По мнению В. Я. Виленкина, катастрофа у Ахматовой всегда сопряжена с этическим выбором [8].

Отказ от эмиграции, зафиксированный в стихотворении «Когда в тоске самоубийства...» (известном также как «Мне голос был...»), интерпретируется как принятие чаши гнева, что переводит историческую катастрофу в план личного искупительного подвига. Стихотворение отражает умонастроения народа, доведенного до отчаяния, готового предать свою Родину, лишь бы прекратить страдания. Это воспринимается автором как духовная гибель нации, отказ от своего пути.

Лирическое сознание фиксирует эсхатологическую панораму умирающей земли, реконструируя ситуацию духовного упадка. Центральным композиционным приемом выступает вмешательство внешнего голоса, маркированного как искушение забвением («Оставь свой край, глухой и грешный, оставь Россию навсегда» [6, с. 171]). Этот голос предлагает бегство как преодоление исторической травмы, суля лирической героине освобождение от памяти и боли через разрыв с родной землей.

Особое место занимает образ Петербурга, который в раннем творчестве Ахматовой дематериализуется, превращаясь из «гранитного города» в «призрачный вертеп». Образ города, наделенный чертами деградирующей телесности (сравнение с «опьяневшей блудницей»), акцентирует мотив утраты городом своего разумного начала, что усиливает ощущение бесприютности и тупика.

Одно из самых известных стихотворений «Все расхищено, предано, продано...» прямо описывает последствия революционной разрухи и войны. В нем представлена картина мира после апокалипсиса, мир, где все ценности утрачены, а смерть и голод стали нормой. Образ «черного крыла смерти» является прямой отсылкой к апокалиптическим образам.

Экспозиция стихотворения формирует предельно напряженную, катастрофическую картину мира: «Всё расхищено, предано, продано, / Чёрной

смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою изглодано...» [6, с. 188]. Данная образность напрямую связана с социокультурным контекстом России начала XX столетия. Драматизм усиливается за счет фонической и ритмической организации стиха: жесткая инструментовка создает эффект предельной эмоциональной концентрации, сопоставимый с состоянием «натянутой струны». Б. Эйхенбаум, характеризуя этот период, отмечал появление в лирике Анны Ахматовой «гневных слов и интонаций» [1, с. 131].

Композиционный перелом во второй части произведения знаменует преодоление эсхатологических настроений. На смену статике упадка приходит динамика обновления, выраженная в трансформации цветовой палитры и переходе к жизненной энергии природы. Происходящая инверсия хронотопа позволяет говорить о метафизическом разрыве: преодолевая исторический хаос, лирическое повествование выходит в плоскость гармонического бытия, где «старое» окончательно вытесняется «новым». Жизнь оживает, и воздух наполняется свежей энергией: «Днём дыханьями веет вишневыми / Небывалый под городом лес, / Ночью блещет созвездьями новыми / Глубь прозрачных июльских небес» [6, с. 188].

Третья строфа выступает ключевым моментом всего произведения: «И так близко подходит чудесное / К развалившимся грязным домам...» [6, с. 188]. Вероятно, здесь подразумевается наступление переворота, возникновение прекрасного и доселе неизданного смысла посреди обыденного запустения и грязи. Феномен «явленного чуда» в поэтической системе автора выступает в роли онтологического медиатора, инициирующего процесс духовного обновления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что художественная модель мира А. А. Ахматовой базируется на триаде мотивов: деструкции, утраты и последующей метаморфозы. В данном контексте катастрофические события интерпретируются как экзистенциальный катализатор, трансформирующий лирическое сознание. Это выводит поэтический текст за рамки воспроизведения реальности, превращая его в инструмент поиска и осмысления предельных вопросов бытия. Анализируемые произведения репрезентируют взаимодействие субъективного опыта и универсальных архетипических сюжетов. Образ катастрофы в них утрачивает негативную семантику.

Поэтика катастрофы в ранней лирике А. А. Ахматовой (1910-е—начало 1920-х гг.) представляет собой феномен, в котором акмеистическая установка на «вещность» синтезируется с высокой эсхатологической традицией. Анализ сборников показал, что семантика катастрофы в лирике данного периода эволюционирует от репрезентации индивидуального психологического надлома к концептуализации исторического катаклизма как события метафизического порядка.

В ходе работы были выявлены следующие механизмы формирования «текста катастрофы» в сборниках «Белая стая» и «Подорожник»:

1. Семантическая трансформация детали: бытовой знак (запах гари, засуха, «одноногий прохожий») наделяется пророческой функцией, становясь эквивалентом апокалиптических символов (снятие печатей).
2. Эволюция лирического субъекта: происходит масштабирование героини из участницы частной драмы в фигуру Сивиллы и носительницу искупительного подвига, чей личный отказ от «голоса искушения» и забвения становится формой этического стояния в катастрофе.
3. Переформатирование хронотопа: выявлен процесс дематериализации Петербурга, превращающегося из конкретного города в сакральное пространство финального Суда, где «старое» время разомкнуто в вечность.

Принципиально важным представляется вывод о том, что катастрофизм Ахматовой не является деструктивным по своей сути. В отличие от эсхатологии авангарда, ахматовская модель мира в ситуации кризиса опирается на категории верности, памяти и сопричастности. Катастрофа здесь выступает как «онтологическое очищение», неизбежно ведущее к инверсии хронотопа: от картин тотального распада к «небывалому лесу» и «новым созвездиям».

Таким образом, ранняя лирика Анны Ахматовой фиксирует уникальный момент в истории русской литературы, когда «женская поэзия» интимного психологизма перерастает в религиозно-философский дискурс, предлагая путь преодоления исторической травмы через принятие судьбы своего народа и поиск высшего смысла в «развалившихся грязных домах». Это позволяет по-новому взглянуть на истоки поздней ахматовской поэтики и ее роль в формировании национальной идентичности в эпоху великих потрясений.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Эйхенбаум Б. М. *Анна Ахматова. Опыт анализа*. Петербург; 1923:133.
Eikhenbaum BM. *Anna Akhmatova. An Analysis Experience*. Petersburg; 1923:133 (in Russ.).
2. Гинзбург Л. Я. *О лирике*. Москва: Интрада. 1997:416.
Ginzburg LYa. *On lyric poetry*. Moscow: Intrada. 1997:416 (in Russ.).
3. Жирмунский В. М. *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград: Наука. 1977:405.
Zhirmunsky VM. *Literary Theory. Poetics. Stylistics*. Leningrad: Nauka; 1977:405 (in Russ.).
4. Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003:616.
Toporov VN. *The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2003:616 (in Russ.).
5. Тименчик Р. Д. О «Библийской» тайнописи у Ахматовой. *Звезда*. 1995;(10):201-207.
Timenchik RD. On the "Biblical" cryptography in Akhmatova. *Zvezda*. 1995;(10): 201-207 (in Russ.).
6. Ахматова А.А. *Стихотворения. Поэмы*. Москва: РИПОЛ классик; 2008:656.
Akhmatova AA. *Poems*. Moscow: RIPOL classic; 2008:656 (in Russ.).
7. Цивьян Т. В. Кассандра, Дидона, Федра: Античные героини в творчестве Анны Ахматовой. *Литературное обозрение*; 1989;(5):29-33.
Tsivyan TV. Cassandra, Dido, Phaedra: Ancient Heroines in the Works of Anna Akhmatova. *Literary Review*; 1989;(5):29-33 (in Russ.).
8. Виленкин В. Я. *В сто восьмом зеркале*. Москва: Советский писатель; 1987:320.
Vilenkin VYa. *In the one hundred and eighth mirror*. Moscow: Sovetsky pisatel; 1987:320 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – к. филол. н., доцент Технического института (филиала), ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, г. Нерюнгри, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-5526-9611>, SPIN: 2477-0405, e-mail: la.iakovleva@s-vfu.ru

About the author

Lyubov A. YAKOVLEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Technical Institute (branch) of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov in Neryungri, Neryungri, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-5526-9611>, SPIN: 2477-0405, e-mail: la.iakovleva@s-vfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 31.01.2026
Поступила после рецензирования / Revised 24.02.2026
Принята к публикации / Accepted 10.03.2026

Р. Е. Тимофеева – педагог, ученый и коллега

Е. И. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ cpsip@svfu.ru

Раису Егоровну Тимофееву, учителя, педагога и ученого знаю как профессионала высокого класса. Она не была сторонним наблюдателем происходящих в 1990-е годы изменений в стране и республике, в т. ч. в системе образования, а относилась к тем личностям, которые сами активно формировали процессы совершенствования, изменений, преобразования и развития. Именно в те годы, когда Р. Е. Тимофеева работала ректором Института повышения квалификации работников образования (далее – институт), ярко проявилось ее творчество как исследователя, аналитика и организатора.

Период радикальных общественных изменений в России потребовал не просто обновления системы, а переосмысления значения образования и роли учителя. На X съезде работников образования РС (Я), инициированном МО РС (Я) в связи с качественными изменениями общественных отношений и,

в первую очередь, взаимоотношений между детьми и взрослыми, проведенном 5–6 октября 1996 г. в г. Якутске, было высказано много разных мнений относительно того, в какой области системы образования следует в первую очередь начинать преобразования. Именно недостаточный уровень теоретической подготовки руководителей органов управления образования и школ в вопросах обеспечения контроля за качеством знаний учащихся и оказания методической помощи педагогам был определен слабым звеном системы образования РС (Я). Переход общества в исторически новое состояние требовал не запрета контроля за деятельностью учителя или директора школы, как трактовалось в «демократических предпосылках реформы образования» 1990-х, а масштабного переструктурирования методики преподавания и теории воспитания. Требовалось научное обеспечение системы образования и поиск решений проблем современного процесса обучения и воспитания, тесно связанных с образовательным процессом условий качественной подготовки учителей-предметников и задач повышения квалификации работающих педагогов. X съездом был определен важный шаг в совершенствовании системы

управления – проведение оптимизации сети образовательных учреждений. Выбор наилучшего варианта из множества возможных решений для обеспечения детям лучших условий обучения и воспитания, учитывающих когнитивный интерес обучающихся, был признан приоритетным. И в этом плане мы с Раисой Егоровной были едины в предлагаемых рекомендациях. Нам предстояло решить большое количество задач: осуществление мониторинга по выявлению результативной деятельности школ, инициирование формирования образовательных потребностей населения, расширение информационных, ассоциативных связей образовательных учреждений между собой, а также с учреждениями науки, культуры, здравоохранения, спорта, с семьей и общественностью в республике и за ее пределами. На этой основе мы предложили оптимальное, согласованное развитие инфраструктуры системы – ее кадрового, научно-методического, информационного, экономического потенциала. Были предложены механизмы оценивания достигнутых результатов в любой области деятельности образовательных учреждений. Р. Е. Тимофеева провела анализ работы 9 факультетов ЯГУ (ныне СВФУ), где были открыты педагогические отделения, созданы кафедры методики преподавания по ряду предметов, введены дополнительные специальности. Выводы были не оптимистичные из-за малочисленности кафедр, отделений и специализаций, не отвечающих актуальным потребностям школ. В контексте университетских приоритетов, к сожалению, кафедры педагогики, психологии, методики преподавания предметов не рассматривались, к ним относились как к второстепенным. Мы занялись довузовской подготовкой, стали открывать педагогические классы, педгимназии, педучилища были преобразованы в педколледжи. Кроме ЯГУ, стали налаживать сотрудничество с лучшими педагогическими вузами страны (Московским государственным педагогическим университетом, Санкт-Петербургским государственным педагогическим университетом им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургской академией последипломного педагогического образования, Московским государственным психолого-педагогическим университетом и др.). Под руководством Р. Е. Тимофеевой институт перешел на новый уровень деятельности, сохраняя и укрепляя при этом лучшие традиции, заложенные выдающимися личностями, известными педагогами, руководителями и заведующими кабинетами института Н. А. Расторгуевой, А. Н. Анисимовым, Н. Н. Винокуровой, В. С. Ивановой, В. Л. Сенькиным, И. М. Прохоровым, Р. М. Поскачиным, В. Н. Яскеляйнен, П. П. Кондратьевым, Т. Н. Прокопьевой, В. Е. Степановой, О. И. Слепцовой и др. Институт получил федеральную лицензию на образовательную деятельность в системе последипломного образования, что стало важным этапом признания высокого уровня работы коллектива института и соответствия современным требованиям новой образовательной политики. Результатом научной работы Раисы Егоровны стала разработанная ею модель образования взрослых, основанная на идеях андрагогики, синергетики, философии, психологии, социального проектирования, гуманистической педагогики. Особенность данной модели заключалась в том, что процесс обучения взрослых был тесно связан с их включением в создание и реализацию социально-значимых проектов, направленных на решение актуальных проблем общества: преодоление бедности и безработицы, укрепление семьи, профилактику асоциальных явлений, развитие ответственности и др. Таким образом, результатом обучения педагога становились не только приобретение им новых знаний, но и реальные изменения в обществе, вносимые педагогами.

В Концепции последипломного образования педагогов РС (Я) (1998 г.) Раиса Егоровна предложила необходимость обучения в системе дополнительного профессионального образования всех работающих педагогических кадров. Она рассматривала последипломное образование как ключевой механизм развития

не только всей образовательной системы, но и социально-экономического развития общества. Ее научные публикации, статьи в рецензируемых журналах и методические разработки свидетельствуют о широте научного мышления, способности соединять педагогическую теорию с философскими, социальными и гуманитарными аспектами развития общества. В этот период Р. Е. Тимофеева выступает как крупный ученый, исследователь проблем образования взрослых и социального развития.

Одновременно Раиса Егоровна активно готовилась к защите докторской диссертации (1998 г.), МО РС (Я) создало все условия для успешной защиты в Санкт-Петербурге. После защиты Раиса Егоровна была приглашена заместителем Председателя Правительства РС (Я) Е. С. Васильевой на работу советником для организации последипломного образования работников других отраслей. Я вернула Раису Егоровну на стезю образования в 2016 г., пригласив работать заместителем главного редактора научного журнала «Вестник СВФУ», известного в стране и за рубежом ваковского журнала. Раиса Егоровна вела активную работу по открытию электронных серий научного рецензируемого журнала «Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова»: «История. Политология. Право»; «Медицинские науки»; «Науки о Земле»; «Педагогика. Психология. Философия»; «Экономика. Социология. Культурология»; «Эпосоведение». В 2019 г. серия «Эпосоведение» научного журнала Института Олонхо СВФУ вошла в Перечень ВАК, а с 2024 г. — в МБД Scopus.

Вся профессиональная и общественная деятельность Р. Е. Тимофеевой является примером высокого служения образованию, науке и обществу. Ее жизненный путь – это путь человека, который сумел соединить глубокую научную подготовку, талант педагога, организаторские способности, гражданскую ответственность и искренний патриотизм. Ее деятельность оставила значительный след в истории педагогического образования страны. Университет гордится своей выпускницей, внесшей существенный вклад в развитие всей системы образования Якутии и России. Наша благодарность, уважение и восхищение всегда будут дополнять светлый образ Раисы Егоровны и живую память о нашей коллеге.

МИХАЙЛОВА Евгения Исаевна,
академик Российской академии образования,
советник СВФУ им. М.К. Аммосова

Raisa Yegorovna Timofeeva: educator, scholar, and colleague

Evgeniya I. Mikhailova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ cpsip@svfu.ru

I know Raisa Yegorovna Timofeeva as a teacher, scholar, and top-class professional. She was not a mere observer of the changes taking place in the country and the republic, including in the education system, during the 1990s. Raisa Yegorovna belongs to those individuals who actively works for improvements, changes, transformations and developments. It was during the years when R.Ye. Timofeeva worked as Rector of the Institute for Teacher Professional Development (hereinafter referred to as the Institute)

that her creativity as a researcher, analytic and organizer manifested itself most vividly.

The period of radical social change in Russia required not merely the renewal of the system, but a complete rethinking of the significance of education and the role of the teacher. At the 10th Congress of Education Workers of the Republic of Sakha (Yakutia), initiated by the Ministry of Education of the Republic of Sakha (Yakutia) in response to qualitative changes in social relations and, above all, in the relationships between children and adults, held on 5–6 October 1996 in Yakutsk, many different opinions were expressed regarding which area of the education system should be reformed first. It was precisely the insufficient level of theoretical training among heads of education authorities and schools in matters of ensuring control over the quality of students' knowledge and providing methodological assistance to teachers that was identified as the weak link in the education system of the Republic of Sakha (Yakutia). The transition of society to a historically new state required not the prohibition of control over the activities of teachers or school principals, as was interpreted within the "democratic prerequisites for education reform" of the 1990s, but a large-scale restructuring of teaching methods and educational theory. Scientific support for the education system was required, as was the search for solutions to the problems of the existing teaching and learning process, conditions closely linked to the educational process for the quality training of subject teachers, and the tasks of professional development for practicing teachers. The 10th Congress identified an important step in improving the management system: the optimisation of the network of educational institutions. Choosing the best option from a multitude of possible solutions to provide children with the best conditions for learning and upbringing, taking into account the cognitive interests of students, was recognized as a priority. In this regard, Raisa Yegorovna and I were united in the recommendations we proposed. We faced a large number of tasks: carrying out monitoring to identify the effective performance of schools, initiating the formation of the population's educational needs, expanding information and associative links between educational institutions as well as with institutions of science, culture, healthcare, sports, the family and the public within the republic and beyond. On this basis, we proposed the optimal, coordinated development of the system's infrastructure – its human resources, scientific-methodological, informational and economic potential. Mechanisms were proposed for evaluating the results achieved in any area of educational institutions' activity. R.Ye. Timofeeva conducted an analysis of the work of nine faculties of Yakutsk State University (now North-Eastern Federal University), where pedagogical departments had been opened, chairs of teaching methodology for a number of subjects had been established, and additional specializations had been introduced. The conclusions were not optimistic due to the small number of chairs, departments and specializations, which did not meet the current needs of schools. In the

context of university priorities, unfortunately, the chairs of pedagogy, psychology and teaching methodology were not considered important; they were treated as secondary. We became involved in pre-university training, began opening pedagogical classes, and teacher training schools were transformed into pedagogical colleges. In addition to Yakutsk State University, we began to establish cooperation with the best pedagogical universities in the country (Moscow State Pedagogical University, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, Moscow State University of Psychology and Education, and others). Under the leadership of R.Ye. Timofeeva, the Institute moved to a new level of activity, while preserving and strengthening the best traditions laid down by outstanding individuals, renowned teachers, leaders and heads of departments of the Institute: N.A. Rastorgueva, A.N. Anisimov, N.N. Vinokurova, V.S. Ivanova, V.L. Senkin, I.M. Prokhorov, R.M. Poskachin, V.N. Yaskelyainen, P.P. Kondratyev, T.N. Prokopyeva, V.E. Stepanova, O.I. Sleptsova, and others. The Institute received a federal license for educational activities in the system of postgraduate education, which became an important milestone in recognizing the high standard of work of the Institute's staff and its compliance with the contemporary requirements of the new educational policy. The result of Raisa Yegorovna's scholarly work was the model of adult education she developed, based on the ideas of andragogy, synergetic, philosophy, psychology, social design and humanistic pedagogy. The distinctive feature of this model was that the adult learning process was closely linked to their involvement in the creation and implementation of socially significant projects aimed at solving pressing societal problems: overcoming poverty and unemployment, strengthening the family, preventing antisocial phenomena, developing responsibility, and others. Thus, the outcome of a teacher's learning was not only the acquisition of new knowledge but also real changes in society brought about by the teachers.

In the Concept of Postgraduate Education for Teachers of the Republic of Sakha (Yakutia) (1998), Raisa Yegorovna proposed the necessity of training for all working pedagogical personnel within the system of additional professional education. She viewed postgraduate education as a key mechanism for the development not only of the entire educational system but also of the socio-economic development of society. Her scholarly publications, articles in peer-reviewed journals and methodological works represented her scholarly thinking and her ability to connect pedagogical theory with philosophical, social and humanitarian aspects of societal development. During this period, R.Ye. Timofeeva emerged as a major scholar and researcher of adult education and social development.

At the same time, Raisa Yegorovna was actively preparing for her doctoral dissertation defense (1998). The Ministry of Education of the Republic of Sakha (Yakutia) created every condition for a successful defense in St. Petersburg. After the defense, Raisa Yegorovna was invited by E.S. Vasilyeva, Deputy Chairperson of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia), to work as an advisor in the Government to organize postgraduate education for workers in other sectors. I brought Raisa Yegorovna back to the field of education in 2016, inviting her to work as Deputy Editor-in-Chief of the scientific journal *Vestnik of NEFU*, a VAK (Higher Attestation Commission) journal well-known in the country and abroad. Raisa Yegorovna was actively involved in establishing electronic series of the peer-reviewed scientific journal *Vestnik of NEFU*: "History. Political Science. Law"; "Medical Sciences"; "Earth Sciences"; "Pedagogics. Psychology. Philosophy"; "Economics. Sociology. Culturology"; "Epic Studies". In 2019, the "Epic Studies" series – a journal of the Olonkho Institute of NEFU – was included in the VAK List, and since 2024 in the Scopus database.

All of R.Ye. Timofeeva's professional and social activities serve as an example of high dedication to education, science and society. Her life's path is that of a person

who managed to combine profound scholarly training, pedagogical talent, organizational skills, civic responsibility and sincere patriotism. Her work has left a significant mark on the history of pedagogical education in the country. The University is proud of its alumna, who has made a substantial contribution to the development of the entire education system of Yakutia and Russia. Our gratitude, respect and admiration will forever accompany the bright image of Raisa Yegorovna and the living memory of our colleague.

Evgeniya I. MIKHAILOVA,
Academician of the Russian Academy of Education,
Advisor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (NEFU)

Раиса Егоровна Тимофеева – личность, гражданин, патриот

Т. И. Степанова

✉ yktcti09@rambler.ru

Раиса Егоровна – выпускница физического факультета Якутского государственного университета. В то время, когда она была студенткой, я была молодым преподавателем, вела семинары по решению физических задач и физический практикум, ассистировала заведующему кафедрой общей физики А. С. Ковалевскому. Студенты тех лет были очень сплоченными, основной ценностью была дружба, с удовольствием делали любую совместную работу, а объединял их всех спорт. Мечтали о благополучном будущем, о крепкой и дружной семье. Многие находили спутника жизни, будучи студентами. Раиса Егоровна со своим мужем Павлом Павловичем тоже учились вместе и получили специальность «Физик. Учитель физики».

После окончания учебы работали учителями физики. Раиса Егоровна успешно работала в классах физико-математического профиля. Очень тре-

бовательная к себе и результатам достижения учащихся, она решает поступить в аспирантуру Московского педагогического института для дальнейшего повышения своей квалификации. По заданиям, которые она присылала для работающих учителей, было видно, что она осваивает поэтапный анализ результатов учащихся, который в то время был востребованным. Работающие учителя одновременно с ней учились поэтапному анализу достижений учащихся, а также делились с ней итогами работы. В аспирантуре Раиса Егоровна научилась оценивать результаты своего труда достижениями обучаемого. Это в дальнейшем становится не просто профессиональным умением, а чертой личности человека, ответственного за свой труд.

После окончания учебы и успешной защиты кандидатской диссертации по теории и методике обучения физике она поднимается на следующий этап своего развития и начинает преподавать в университете, работает со студентами, будущими учителями математики и физики. Я стала уже ее коллегой. Каждый год мы проводили олимпиады среди студентов – будущих учителей – по теории и методике обучения. Разработка заданий для участников олимпиады всех педагогических специальностей было для нас творческой работой. В то время не было образовательных программ, включающих единые требования к овладению профессиональными

компетенциями по курсам. Приходилось собирать преподавателей методики обучения разных специальностей и обсуждать выполненные ими разработки. Из всех возможных и предложенных тестов методом приближенного вычисления составлялись задания для участников олимпиады. Подготовка и проведение этих олимпиад позволяли нам отойти от своих дисциплин, тех частных методик и компетенций, которым обучали студентов. Нам приходилось рассматривать профессию учителя не как «урокодателя» (хотя урок – это основная фишка учителя), а более широко, понимая те социальные функции, которые возлагаются на учителя обществом. Ведь соревнуются учителя будущего, лучшие из лучших. И это было то время, когда шла реализация становления и развития национальной школы, когда потребовалось изменение всей республиканской системы образования. В связи с новыми требованиями к учителю потребовалось изменение системы последипломного образования педагога. Раиса Егоровна была приглашена на должность ректора Якутского республиканского института усовершенствования учителей. С этой задачей Раиса Егоровна, понимающая социальные функции учителя, как *гражданина* своей родины, справилась хорошо. В эти годы она издает работы «Концепция последипломного образования педагогов Республики Саха (Якутия)», «Профессиограмма работников образования», «Культура и гуманизация образования» и другие работы. Профессиональная деятельность работников института переходит на новый принцип работы. Институт получил российского уровня лицензию на образовательную деятельность в системе последипломного образования.

Далее Раиса Егоровна поступает в докторантуру Санкт-Петербургской академии последипломного педагогического образования и под консультацией д. п. н., профессора, действительного члена Академии гуманитарных наук Семена Григорьевича Вершловского изучает российскую систему образования взрослых, технологии раскрытия жизненных сил общества и методы социального проектирования. Основываясь на изученном, она разрабатывает модель образования взрослых, которая построена на положениях андрагогики, синергетики, социального проектирования и местного развития. Полученными результатами делится, издавая статьи в рецензируемых журналах. В них она раскрывает этапы технологии обучения, формы обучения, виды деятельности взрослых учащихся на занятиях. Эти статьи показывают, что она давно выросла от частной методики обучения школьников физике и перешла на общую методику, которая содержит в себе и методологию, и философию, и решение социальных проблем. Суть ее модели в обучении взрослых людей через погружение в создание востребованного социального проекта, который они (взрослые) практически воплощают в жизнь. Интегральный результат деятельности взрослых — это не просто личные их результаты, а решение социальных проблем (нищета, безработица, неблагополучные семьи, зависимость от алкоголизма, наркомании...). И эта работа показывает, что Раиса Егоровна патриот своей республики, России.

Развитие Раисы Егоровны как личности, гражданина, патриота – это большой труд, это ее творческие победы. Она достигла больших результатов, стала академиком РАЕН, отличником просвещения РФ, заслуженным работником образования РС (Я), кавалером нагрудных знаков «Гражданская доблесть», «Во славу и пользу Республики», медали Екатерины Дашковой.

СТЕПАНОВА Тамара Ильинична,
д. п. н., профессор, заслуженный работник образования
РС (Я), Почетный работник высшего
профессионального образования РФ, ветеран ЯГУ-СВФУ

Raisa Yegorovna Timofeeva: person, citizen, patriot

Tamara I. Stepanova

✉ yktcti09@rambler.ru

Raisa Yegorovna is a graduate of the Faculty of Physics of Yakutsk State University. At the time when she was a student, I was a young teacher, leading seminars on solving physics problems and physics practicum, and assisting the head of the Department of General Physics, A.S. Kovalevsky. The students of those years were very close-knit; friendship was the core value; they gladly undertook any collaborative work, and what united them all was sports. They dreamed of a prosperous future, of a strong and friendly family. Many found their life partners while still students. Raisa Yegorovna and her husband, Pavel Pavlovich, also studied together. They both received the qualification "Physicist. Physics Teacher." After graduation, they worked as physics teachers. Raisa Yegorovna worked successfully in physics and mathematics specialized classes. Being very demanding of herself and of student outcomes, she decided to enroll in postgraduate studies at the Moscow Pedagogical Institute to further her professional development. From the assignments she sent to practicing teachers, it was evident that she was mastering the element-by-element analysis of student results, which was in demand at that time. The practicing teachers, simultaneously with her, learned the element-by-element analysis of student achievements and also shared their work outcomes with her. During her postgraduate studies, Raisa Yegorovna learned to evaluate the results of her own work and the achievements of her students. This later became not just a professional skill, but a personality trait of a person responsible for their work.

After completing her studies and successfully defending her Candidate's dissertation on the theory and methods of teaching physics, she advanced to the next stage of her development and began teaching at the university, working with students – future teachers of mathematics and physics. I was now her colleague. Every year we held Olympiads among students – future teachers – on the theory and methods of teaching. Developing tasks for participants of the Olympiad from all pedagogical specializations was a creative endeavor for us. At that time, there were no educational programs that included unified requirements for mastering professional competencies in the courses. We had to gather teachers of teaching methods from different specializations and discuss the tasks they had developed. From all the possible and proposed tests, assignments for the Olympiad participants were compiled using an approximation method. The preparation and conduct of these Olympiads allowed us to step away from our own disciplines, those specific methods, and those competencies that we taught to students. We had to view the teaching profession not as that of a "lesson-giver" (although the lesson is the teacher's main focus), but more broadly and at a higher level, understanding the social functions that society places on the teacher. After all, the competitors were future teachers, the best of the best. And this was a time when the formation and development of national schools was underway, requiring a change in the entire republican education system. Due to the new demands placed on teachers, a change in the system of postgraduate teacher education was required. Raisa Yegorovna was invited to the position of Rector of the Yakut Republican Institute for Teacher Professional Development. Raisa Yegorovna, who understood the social functions of the teacher as a citizen of her homeland, handled this task well. During these years, she published works such as "The Concept of Postgraduate Education for Teachers of the Republic of Sakha (Yakutia)", "Professional Profile of Education Workers", "Culture and Humanization of Education", and other works. The professional activities of the Institute's staff transitioned to a new operating

principle. The Institute received a Russian-level license for educational activities in the postgraduate education system.

Subsequently, Raisa Yegorovna entered the doctoral program at the St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education and, under the consultation of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, and Full Member of the Academy of Humanities, Semyon Grigorievich Vershlovsky, studied the Russian system of adult education, technologies for unlocking the vital forces of society, and methods of social design. Based on her studies, she developed a model of adult education built on the principles of andragogy, synergetic, social design, and local development. She shared her findings by publishing articles in peer-reviewed journals. In these articles, she reveals the stages of teaching technology, forms of instruction, and types of activities for adult learners in the classroom. These articles show that she had long since grown beyond the specific methods of teaching physics to schoolchildren and moved on to a general methodology that encompasses methodology, philosophy, and the solution of social problems. The essence of her model lies in teaching adults by immersing them in the creation of a socially relevant project that they (the adults) then implement in practice. The integral result of the adults' activity is not merely their personal outcomes, but the resolution of social problems (poverty, unemployment, dysfunctional families, addiction to alcoholism, drug abuse...). And this work demonstrates that Raisa Yegorovna is a patriot of her republic and of Russia.

Raisa Yegorovna's development as a person, citizen, and patriot is the result of great effort and her creative achievements. She has achieved great results, becoming an Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), an Honoured Education Worker of the Russian Federation, an Honoured Education Worker of the Republic of Sakha (Yakutia), a recipient of the badges "Civil Valour" and "For the Glory and Benefit of the Republic", and the Ekaterina Dashkova Medal.

Tamara I. STEPANOVA,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honoured Education Worker
of the Republic of Sakha (Yakutia), Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation, Veteran of YSU-NEFU

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Том 23 № 2 2026

Редакторы

Н. В. Дмитриева, В. И. Спиридонов

Компьютерная верстка *В. А. Максимова*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 25.06.2026

Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 21,4. Уч.-изд. л. 26,8

Тираж 150 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 25.06.2026

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58